

Содержание

«Я ждал беспечно лучших дней»	3
«Занятно увидеть эти воды изображёнными в романе...»	22
Тайный визит	30
Долгое лето	40
Предчувствие	52
Вечер в Железноводске	61
Война и свобода...	74
Кавказская охота	96
«Ангел бледный»	108
Подняться на Бермамыт	115
Философия окраины	135
Придуманное приключение	143
Неожиданная встреча	150
Тень любви	164
«Рай Божий»	176
Футуристический вояж	187
Мимолётности	194
Ночной сторож	207
Поиски созвучности	214
Солнечная весна	224
Несостоявшаяся дуэль	232
Однажды осенью в Кисловодске...	242
Вспомнить юность	258
Безоблачный январь	266
«Остаюсь журналистом»	278
Примечания	288

«Я ЖДАЛ БЕСПЕЧНО ЛУЧШИХ ДНЕЙ»

Ну, Пушкин, что же ты так долго обижаешься? - блестя голубыми глазами, выделяющимися на загоревшем и обветренном после долгого путешествия лице, Пушкин смотрел на товарища. - И отчего всё не можешь простить Дорохова?.. С ним так замечательно проводить время. И любая дорога незаметна и коротка. Ну, прости его, наконец! Он так виноватится и обещает никогда больше столь нехорошо не поступать.

Пушкин всё расхваливал достоинства Дорохова¹, которого и знал-то всего ничего, но отчего-то обязательно хотел с ним ехать вместе.

Пушкин² продолжал обиженно молчать.

- Бедный Руфин нижайше, - Пушкин выделил это слово, - просит твоего прощения и позволяет прибить его, ежели он не сдержится и ударит какого-нибудь нерасторопного неумеху... - Подавшись к тому, не так громко и более серьёзно добавил: - Поручик немало пережил, прости же ему его несдержанность... - И то ли попросил, то ли уже отметил преимущество принятого решения: - Пушкин, нам славно будет ехать втроём...

Он не сомневался: Пушкин уже согласен, лишь делает вид, демонстрируя свою приверженность либеральным взглядам. Естественно, поступок Дорохова не делает тому чести, как бы неловок ни был денщик, тузить его, да к тому же прилюдно, совсем не обязательно. Но судьба Дорохова делает этот поступок достойным снисхождения и даже описания: он обязательно выведет его в каком-нибудь из своих сочинений. То, что он уже услышал от Дорохова, вызвало в

нём неподдельный интерес и сочувствие. Это же надо, в тот самый год, когда он с Раевскими впервые приехал на Воды, Дорохов, сын генерала, был разжалован из прапорщиков в рядовые «за буйство и ношение партикулярной одежды», следующие семь лет прослужил рядовым на Кавказе и лишь спустя это время «за отличие против персов» сначала произведён в унтер-офицеры, затем в прапорщики и, наконец, «за отличие в сражении против турок» - в поручики. Он живо представлял, сколько интересных историй может тот рассказать...

И из-за обиды или взглядов Пушина упустить случай пообщаться с таким человеком, расспросить его о перипетиях судьбы и геройстве?..

- Пушин, голубчик, он ведь такой же боевой офицер, как и ты... И, поверь мне, твой брат и мой лицейский друг простил бы его... - привёл он последний аргумент.

- Ну, хорошо, хорошо, - наконец сдался тот, всё ещё выдерживая строгое выражение лица. - Пусть едет. Но более никакого самодурства...

- Он клянётся...

...Дорога из Владикавказа до Горячих Вод в компании с милейшим, но уже изрядно наскучившим Пушиным и импульсивным Дороховым и впрямь оказалась короткой. Дорохов, несмотря на перенесённые невроты и несправедливость, выпавшие на его долю, держался с естественным достоинством, любую беседу поддерживал к месту, делая меткие замечания и выказывая завидные знания о разных предметах. И, в то же время, по любому пустяку готов был вспыхнуть, и только благодаря дипломатичному Пушкину они доехали без каких-либо эксцессов. Чуткий Пушкин умел вовремя перевести любой острый разговор на менее спорную и волнующую тему и всё старался выпытать у Дорохова про его службу и подвиги. Но тот не был настроен, видимо, из-за строгого Пушина на воспоминания, и он сам охотно стал рассказывать о своих впечатлениях от драгун и казаков и о том, как они с Потокским³ поднимались

на Крестовую гору, а по дороге им пришлось преодолеть «Чортову долину» и «Ледяной мост». Под ним тогда был прекрасный конь, и эта поездка, виды совсем близких белых вершин, дыхание легенд, которые помнили эти места, зарядили его, даря незабываемые впечатления. Поразил и природный контраст, когда от холодных вершин спустились к Арагве, в зной и лето...

Рассказал и о печальной встрече за Кавказскими горами с покойным Грибоедовым, с которым до своей отставки служил в одном департаменте.

- А я ведь последний раз виделся с ним в Петербурге в прошлом году, - поделился Пушкин с попутчиками тем, что отчего-то никак не оставляло его, настолько разительное было это сопоставление: язвительный живой Грибоед и его безмолвное тело. - Он тогда как раз собирался в Персию. Ах, как печально, что его уже нет... Но вы знаете, - и, повернувшись к Дорохову, выказывая ему этим своё расположение, продолжил: - Ты это поймёшь, поручик, его судьбе можно позавидовать... - Сказал и бросил взгляд на Пущина. Тот был, как всегда, серьёзен, а Руфин слушал с интересом. - Думаю, смерть для него не была ужасна, она была мгновенна и прекрасна. Я знаком с ним десять лет и, хотя товарищами мы не были, смог разобраться в нём. Говорят, он был безмерно честолюбив... Но ведь и мил... А его «Горе от ума» полно метких выражений, пусть и не всегда выдержаны характеры...

И он пустился в пространные рассуждения о том, что для того, чтобы стать любимцем славы, совсем не обязательно командовать войсками, подобно Наполеону или Кутузову, и что комедия «Горе от ума» есть несомненный успех, ставящий автора в ряд с первыми поэтами. А женитьба по любви на иноземке свидетельствует о сильном характере и завидной страсти...

Сказав об этом, он на какое-то время изменился в лице, вспомнив своё неудачное сватовство к Гончаровой⁴, отчего, собственно, и сбежал сюда, на Кавказ, и попросился в Арзрум, в войска, к Раевскому⁵, к туркам, может быть, даже втайне мечтая либо отли-

читься в каком-нибудь сражении, либо получить рану и вернуться отмеченным печатью мужества, позволяющей ставить себя выше всяческих обид и заслуженно принимать восторги девиц...

Когда разговаривать надоедало (в карты играть Пушкин не решил), Пушкин брал у одного из казаков, сопровождавших их, лошадь и скакал от тракта в степь, заставляя волноваться и спутников, и сопровождающих. Наездник он был замечательный, держался в седле уверенно, и, наблюдая за ним, те и любовались ловким всадником, и опасались, не наскочили бы невесть откуда горцы.

Но Бог был милостив.

Так незаметно и довольно скоро доехали до Горячеводска.

Быстро разместились на недолгое житьё, и Пушкин, который собирался уже на следующий день отправиться в Кисловодск, прописанный для лечения его раны, предложил немедля, пока солнце не зашло, осмотреть городок.

Пушкин, настроение которого отчего-то изменилось в худшую сторону, составить компанию отказался.

- Я уж тут всё знаю как свои пять пальцев, - сказал он. - Пожалуй, лучше останусь.

- Я намерен завтра же отправиться дальше, - напомнил Пушкин.

- Не замедлю следом, - заверил Пушкин. - Только вот завтра с тобой ехать не в состоянии. Хочу здесь денёк-другой отдохнуть.

Оставив товарища в полной уверенности, что тот действительно проведёт это время восстанавливая силы, вернувшийся уже потемну, Пушкин застал за картами возбуждённых Пушкина, Дорохова и мало знакомого им офицера Астафьева⁶, о котором ходила слава не только как о приятном собеседнике, но и азартном картёжнике, игравшем не столько из интереса, сколько с желанием улучшить своё материальное положение.

В ответ на осуждающее выражение лица вошедшего, помня о своём обещании, данном Пушкину, не играть во время путешествия, Пушкин поспешно оправдался:

- Мы довольно терпели, но ведь слово было дано не играть до Вод, а здесь мы выходим из-под твоей опеки... - И услужливо пододвинул стул. - Пушкин, не хочешь ли и ты присоединиться к нам?..

- Ты прав, слово было дано не играть между собой до Вод. Ты слово сдержал... - принял оправдание тот, но играть отказался.

Да и компания скоро расстроилась, было уже поздно. Довольный немалым выигрышем, ушёл Астафьев. А немного погодя и Дорохов.

Когда остались вдвоем, Пушкин спросил:

- Разве тебе знаком Астафьев?.. Как он оказался в вашей компании?

- Очень просто, - беззаботно ответил Пушкин. - Мы начали играть с Дороховым, а Астафьев, проходя мимо, зашёл познакомиться. Оказалось, что он добрый малый и в карты любитель поиграть.

Пушкин собрался было сказать что-то важное, да, глядя на безмятежное, несмотря на проигрыш, лицо Пушкина, промолчал.

Но на следующий день перед отъездом не выдержал.

- Дай мне твёрдое обещание не играть с Астафьевым?.. Он умелый игрок, и о нём идёт дурная слава. Ты не сможешь отыграться.

- Ну уж дудки! - вспыхнул Пушкин. - Обещания не даю, Астафьева не боюсь...

- Смотри, как бы потом не пожалел, - мрачно предрёк Пушкин, отправляясь в путь.

- Я его не боюсь, - вновь повторил Пушкин, торопя отъезд и ощущая себя шаловливым ребёнком, которому не терпится поскорее остаться одному без всякого контроля.

Он проводил взглядом отъезжающего Пушкина, который казался ему гораздо старше своих лет, и вздохнул с облегчением: даже дружеская опека его досаждала. Он не сомневался, что и так за ним учинён секретный надзор, что, помимо добрых друзей, у него

немало и врагов, радующихся его неудачам. Что же касается Астафьева, тот действительно игрок серьёзный, но оттого-то и азартно, оттого-то и хочется вернуть проигранные деньги...

Но задержаться в Горячеводске он решил исключительно по другой причине, тайной, о которой никому не говорил. Если по пути в таинственный Арзрум он не давал воли воспоминаниям о первой - давней - поездке в эти места, то теперь эти воспоминания, не сдерживаемые более отвлекающей новизной дороги и неведомыми прежде впечатлениями, нахлынули, вызывая ностальгические и трепетные чувства. Не так давно он написал строки, которые посвятил Наталье Гончаровой, но самому себе должен был признаться, что за скользящим по бумаге пером ему виделся другой образ. Правда, этот волнующий образ уже навсегда остался в прошлом (хотя его можно было угадать и в юной Натали, которая, несомненно, он так решил, будет его женой), олицетворив собой всех, чьи черты когда-то заставляли учащённо биться его сердце. И прежде всего, черты Марии, Машеньки Раевской, которая жила в его памяти нежной, ангельской чистоты девочкой, не ведавшей, какие испытания ей доведётся пережить... Вспоминая тёплые томные вечера в этом южном городке, располагающие к возвышающим размышлениям и страстной любви, он начал было стихотворение строкой: «Всё тихо, на Кавказ идёт ночная мгла...», но потом подумал, что его будущей жене трудно будет объяснить эти строки, и начал иначе:

*На холмах Грузии лежит ночная мгла;
Шумит Арагва предо мною.
Мне грустно и легко; печаль моя светла;
Печаль моя полна тобою,
Тобой, тобой одной... Унынья моего
Ничто не мучит, не тревожит,
И сердце вновь горит и любит - оттого,
Что не любить оно не может...*

Писал и попеременно видел перед собой два образа. Тот, давний, уже в пелене минувшего, отдалившийся и вызывающий светлую грусть невозвратных воспоминаний, и сегодняшний, трогательно юный, в тумане грядущего обещающий счастье и радость...

Нынче он сам выбрал это путешествие, а тогда, девять лет назад император, обидевшийся, раздосадованный его вольнодумством, отправил на юг, подальше от столицы, от двора, дабы он понял непристойность и неблагодарность своего поведения. И он вынужден был подчиниться, хотя, признаться, не особенно и страдал от подобной немилости: ему нравилось видеть новые места и людей, а обида императора не очень волновала. Он ехал с удовольствием, впитывая дорожные впечатления, предаваясь созерцанию новых, так разительно отличающихся от родной стороны мест, останавливаясь больше положенного там, где ему нравилось, и в приднепровском селении, недалеко от конечной точки назначения, его больного и нашёл лицейский товарищ Николай Раевский, едущий с семейством на Кавказ. Он незамедлительно направил к нему семейного лекаря, который сразу же взялся лечить от лихорадки, вызванной, как считал Пушкин, недавним купанием в Днепре, и, не ожидая полной поправки, они все вместе поехали лечиться водами. И сёстры Раевские, совсем девочки, очаровательные, восторженные, заставляли сердце поэта ускорять свой бег, он долго не мог понять, которая из них ему нравится больше, но с Марией ему всегда было легко и просто, и стихи, посвящённые ей, рождались без всякого труда...

В ту поездку он впервые увидел снежные зубцы Кавказского хребта. Увидел прежде издалека, с вершины возвышенности, на склоне которой в одну улицу снизу вверх поднимался Ставрополь - крепость, форпост России в этих безлюдных степных просторах, городок военных, казаков и торговцев. Эти снежные зубристые вершины, пересекающие весь горизонт, словно вгрызающиеся в белесое небо, поразили его и в этот раз, когда он ехал через тот же Ставрополь в Арзрум. Поразили своей неизменностью и неизбежностью по сравнению с быстротечностью человеческой жизни...

Боже, сколько событий прошло с той поры...

Тогда он был моложе...

Он был совсем другим...

Они все были другими.

Отец его товарища генерал Раевский был ещё бравым и энергичным. Его лицейский товарищ Николай Раевский - полным мечтаний и надежд молодым офицером. Как ему завидовал Пушкин, ведь тот отроком в тринадцать лет был с отцом и при Бородино, и под Смоленском, и дошёл до Парижа...

Нынче Раевский-младший уже генерал, командует драгунским полком, и к нему, собственно, и ехал Пушкин. И теперь он знает, в какой палатке переживает затишье между сражениями его давний друг. И как воюет брат Лев, встрече с которым он тоже был несказанно рад. Тот горд, что служит под началом Раевского, участвовал в персидско-турецкой кампании. Он стал совсем взрослым и, несмотря на то, что младше, кажется более умудрённым.

Война, несомненно, меняет людей.

Война и Кавказ.

В этих местах есть нечто, таящееся в самом воздухе. Когда они с Потокским спустились с Крестовой горы и встретили гонца, спешившего в Петербург с донесением о славной победе над турками, он не смог сдержать охвативший его восторг и от этой вести, и от буйной растительности после оставшегося наверху снега, и от щедрого солнца, крикнул «ура», подхваченное спутниками, и даже стал советовать спешить в армию: «Война может скоро кончиться, и вы, господа, можете остаться ни при чём, на бобах...» И сам сожалел, что не военный...

Время подвластно только Богу.

Жаль, что нельзя вернуть прошлое.

Впрочем, отчего же нельзя...

Я помню море пред грозною;
Как я завидовал волнам,
Бегущим бурной чередою
С любовью лечь к её ногам!

Эти строки он когда-то написал Марии. Они все тогда, включая старших, беззаботно верили в нескончаемое счастье впереди. Правда, он эгоистично считал, что для Маши оно возможно только с ним. Но потом они отделились, и Мария вышла замуж. И её молодой муж был на Сенатской площади.

А нынче, в далёкой и холодной Сибири, верная своей любви, мужу, пережившая смерть сына, как чувствует себя Мария Раевская?.. Какие волны омывают её ноги?.. Сенатская площадь, на которую он не попал, стала для многих его друзей тем самым Рубиконом, перейдя который, к привычному они уже не могли возвратиться. И в их числе и она, восторженная светлая девочка, любящая и верная жена и отважная, способная на самопожертвование женщина - Мария Волконская?..

Будет ли так любить его Натали, как умеет любить Мария своего мужа?..

Пойдёт ли его будущая жена (если судьба уготовила ему такое испытание) за ним в ссылку?

Он не мог однозначно ответить на эти вопросы и оттого огорчался и прогонял их прочь.

И вновь оживлял видения прошлого, навсегда оставшиеся на этих знойных улочках.....

Как возвышенны и чисты эти воспоминания...

Как целен и благороден образ, который он представляет.

Каково ей теперь в далёком и неведомом ему Иркутске...

Там, должно быть, уже холодно, а здесь, на Кавказе, август ещё жарок и вершины гор, за исключением Эльбруса, ещё не начали обряжаться в белоснежные папахи.

Ах, как же они были здесь счастливы девять лет назад!

Как было всё в новь, свежо, интересно!

Как было мило в окружении славных Раевских.

И он тогда посвятил своему другу одно из своих лучших творений. Во всяком случае, все говорили, что оно лучшее...

Прими с улыбкою, мой друг,
Свободной музы приношенье;
Тебе я посвятил изгнанной лиры пенье
И вдохновенный свой досуг.
Когда я погибал, безвинный, безотрадный,
И шёпот клеветы внимал со всех сторон,
Когда кинжал измены хладный,
Когда любви тяжёлый сон
Меня терзали и мертвили,
Я близ тебя ещё спокойство находил;
Я сердцем отдыхал - друг друга мы любили;
И бури надо мной свирепость утомили,
Я в мирной пристани богов благословил.
Во дни печальные разлуки
Мои задумчивые звуки
Напоминали мне Кавказ,
Где пасмурный Бешту, пустынный величавый,
Аулов и полей властитель пятиглавый,
Был новый для меня Парнас.
Забуду ли его кремнистые вершины,
Гремучие ключи, увядшие равнины,
Пустыни знойные, края, где ты со мной
Делил души младые впечатленья;
Где рыскает в горах воинственный разбой
И дикий гений вдохновенья
Таится в тишине глухой?
Ты здесь найдёшь воспоминанья,
Быть может, милых сердцу дней,
Противуречия страстей,

Мечты знакомые, знакомые страданья
И тайный глас души моей.
Мы в жизни розно шли: в объятиях покоя
Едва-едва расцвёл и вслед отца-героя
В поля кровавые, под тучи вражьих стрел,
Младенец избранный, ты гордо полетел.
Отечество тебя ласкало с умиленьем,
Как жертву милую, как верный свет надежд.
Я рано скорбь узнал, постигнут был гоненьем;
Я жертва клеветы и мстительных невежд;
Но сердце укрепив свободой и терпеньем,
Я ждал беспечно лучших дней;
И счастье моих друзей
Мне было сладким утешеньем.

И вот в этот раз неожиданно за Кавказскими горами, возле самых турок, он нашёл измаранный список «Кавказского пленника» и перечёл его с большим удовольствием. Хотя всё это теперь виделось слабым, молодым, неполным, но многое угадано и выражено было верно. А Юзефович⁸, адъютант Раевского, с Львом Пушкиным отыскали в его походном чемодане «Бориса Годунова», отрывки из «Евгения Онегина» и чистый автограф «Кавказского пленника», который Юзефович стал просить подарить ему. Но Раевский, объявив, что поэма посвящена ему, забрал этот автограф себе.

Пушкину было забавно и лестно наблюдать их спор.

Как замечательно, когда понимают многомерность слова, и как прекрасно жить в окружении умных людей...

Вот тот же Дорохов. Он остёр и умён и чувствует стих. Хотя бывает вспыльчив по пустякам. Но с ним не скучно. И можно сыграть в карты...

...Пушин теперь уже по дороге в Кисловодск, а он остался. Со-слался на усталость, а на самом деле ему хотелось оживить приятные воспоминания. Лучше всего это получалось, когда он гулял по

знакомым местам, где бывал с Марией. Правда, он нашёл большие перемены в городке. На месте лачужек, в которых находились ванны, теперь были дома. Появился бульвар, высаженный по склону Машука липами. Дорожки, цветник, павильоны поражали чистотой и ухоженностью. Ключи обложены камнями. В общем, везде порядок, чистота, красивость.

- Это, конечно, удобно. Но как скучно, - говорил он Дорохову, когда они прогуливались, коротая время. - Скучно ведь, Дорохов, скучно, когда нет дикости, тропинок над самой пропастью... Я знаю, Дорохов, ты меня как никто понимаешь...

И отчаянный поручик азартно соглашался, ему тоже уже не хватало погонь, стычек, ощущения опасности...

В том волнующем прошлом остались дымящиеся источники и опасные тропинки, по которым он лазил. И это рождало тоску. Но главное, отчего настроение становилось всё печальнее, а городок всё неуютнее, - невозможно было перенестись в то время, где они все вместе: он, Мария, Николай, Софья, корректный генерал Раевский и его жена Софья Алексеевна, приходящаяся внучкой Ломоносову, и все остальные домочадцы этого немаленького семейства... И даже без доктора Рудыковского⁹ было бы скучно. Он тогда мог себе позволить капризничать, глотая микстуру и чувствуя, как благодаря стараниям этого милейшего человека выздоравливает. И безнаказанно проказничать. Он знал, что все вокруг его любят, что Раевские добились для него отпуска, прервав его южную ссылку. И это настроение любимого ребенка, которому всё сойдёт с рук, подтолкнуло к тому, чтобы в книгу, куда вписывались имена гостей Горячеводска, присланную комендантом, начертать, что вместе с генералом, его двумя дочерьми и двумя сыновьями прибыли «лейб-медик Евстафий Петрович Рудыковский и недоросль Александр Сергеевич Пушкин».

Рудыковский потом с трудом убедил коменданта, что он никакой не лейб-медик, а Пушкин не недоросль, а титулярный советник... А генерал Раевский не на шутку рассердился...

Но отчего он теперь уже не может так беззаботно шутить?..

Всё же есть какое-то противоречие между настоящим и прошлым.

На отдалении прошлое приобретает неповторимый вкус, оно похоже на выдержанное, спокойное и одновременно уверенное в своей силе вино, в отличие от игристого, громогласного, напористого вначале и столь стремительно успокаивающегося затем настоящего...

Как нынче на новом бульваре выделяется дом генерала Мерлини¹⁰, который в первый приезд ещё не был окружён другими строениями, отличаясь не только своим фасадом, но и обособленностью.

Но вот он уже мешает настоящему, уступая тем, что поновее, посовременнее. Правда, так же, как прежде, здесь привечают гостей. Пушкин держал в памяти эту удивительную пару Мерлини для какого-нибудь своего сочинения, в котором он опишет эти места, нравы, судьбы: отпрыска итальянца, бывшего придворным архитектором у польского короля, дослужившегося до генеральского чина в русской армии и осевшего на беспокойном Кавказе, и экстравагантной его супруги Екатерины Ивановны, лет на двадцать моложе Станислава Демьяновича, отличной наездницы, готовой при необходимости заменить генерала и в боевых действиях. Он даже задумал написать и уже начал «Роман на Кавказских Водах», в котором видел им место.

В прошлый приезд они с Раевскими были частыми гостями в доме Мерлини, нынче времени у него было не так много, да и хозяйева стали старше, спокойнее, предпочитая круг общения нешумный и солидный. Но не нанести визит не мог.

Всем был хорош генерал Мерлини. Но нередко подводил его колоссальный педантизм.

Вот и на этот раз вышел конфуз. Пушкин решил всё же прочесть главу из «Бориса Годунова». Ту, где самозванец признаётся Марине, что он ненастоящий Димитрий. И генерал вдруг прервал его:

- Позвольте, Александр Сергеевич, как же такая неосторожность со стороны самозванца?.. Ну а если она его выдаст?

Пушкин был раздосадован этим вопросом и в ответ, не поднимая глаз от листа, лишь недовольно бросил:

- Подождите, увидите, что не выдаст.

После этого он решил при Мерлини больше ничего не читать...

...Нет, невозможно войти дважды в одну и ту же реку.

Вот ещё по дороге в Арзрум занесло его к кочующим калмыкам. Не удержался от любопытства, заглянул в одну из кибиток этого калмыцкого жилища. И выделил, не мог не выделить среди взирающих на него с не меньшим любопытством, чем он сам, лиц девичье - выразительное и чем-то манящее смуглое лицо, багровые губы, ослепительно белые, ни дать ни взять - жемчуг - зубы. Не сдержался, попросил разрешения её поцеловать, уж очень хотелось ощутить прикосновение иной, не похожей на уже изведанную плоти, пережить чувственный трепет. Но та застыдилась, замотала головой. А когда он, отведав чая с бараньим жиром и солью и заев всё это сушёной кобылятиной, решил сам добавить к новым гастрономическим ощущениям (или же избавиться от их необычности) вкус её губ, то получил ощутимый удар по голове, отбивший всякую охоту продолжать знакомство. Выскочил из кибитки и огорчённый, и обиженный, и развеселившийся от комичности ситуации одновременно. И сами собой сложились строки...

*Прощай, любезная калмычка!
Чуть-чуть, назло моих затей,
Моя похвальная привычка
Не увлекла среди степей
Вслед за кибиткою твоей.
Твои глаза, конечно, узки,
И плосок нос, и лоб широк,
Ты не лепечешь по-французски,
Ты шёлком не сжимаешь ног...
Пока коней мне запрягали,
Мне ум и сердце занимали*

*Твой взор и дикая краса.
Друзья! не всё ль одно и то же:
Забиться праздною душой
В блестящей зале, модной ложе
Или в кибитке кочевой?*

Белолицая недотрога Натали (к которой он обязательно отправится сразу же по приезде), дикая смуглая дочь степей, пленительная Мария Раевская, которую он помнил девочкой, теперь возвышавшаяся над всеми женщинами, которых он знал, примером самоотверженной женской верности; бездыханное тело язвительного Грибоеда; суровость его лицейского товарища - воина, ныне уже генерала Раевского-младшего; перемены, происшедшие здесь с братом Львом, колоритный, гортанно-многоязыкий Тифлис, яростные турки, так же ненавидящие русских солдат, как и горцы, военный палаточный лагерь, необлагороженный женской красотой, скоротечные баталии с пушечными дымами, к которым здесь привыкли и относились как к чему-то обыденному, - всё это теперь в далёком от всего вышеназванного, праздном Горячеводске искало выхода в словах, в стихах или прозе - неважно, главное, что он был уверен: всё это не было случайным в его жизни...

Но приходили не те слова, не те строки...

*Забитый светом и молвою,
Далече от берегов Невы,
Теперь я вижу пред собою
Кавказа гордые главы.
Над их вершинами крутыми,
На скате каменных стремнин,
Питаюсь чувствами немymi
И чудной прелестью картин
Природы дикой и угрюмой;
Душа, как прежде, каждый час*

Полна томительною думой -
Но огонь поэзии погас.
Ищу напрасно впечатлений:
Она прошла, пора стихов...

Но он уже ощущал, как полнится пониманием того, что вот-вот откроется ему и превратится в самые точные, единственно верные слова и строки. И это состояние, когда, опережая скрип пера, они, торопясь, будут ложиться на лист, становилось всё ближе и ближе, и он вновь ощутил беспричинную радость, подъезжая к Кисловодску, в котором ему так хорошо было девять лет назад.

Когда лошади стали подниматься по ущелью, привстал, оглядываясь по сторонам, волнуясь, отмечая и тут немалые перемены. В первый приезд это было небольшое селение, в котором главным сооружением являлась крепость с пятью бастионами, стоящая над горной речкой, совсем не грозной в летнюю пору. В крепости под защиту солдат и казаков должны были прятаться отдыхающие в случае набега горцев. Теперь же многое изменилось. Некогда пустынная, с голыми склонами, долина покрылась деревьями и цветами, высаженными по склонам. Среди них вились посыпанные песком дорожки, а через речку были перекинuty мостики. Ванны нынче принимали в особых строениях, а на каменном утёсе над гротом поднялся дом благородного собрания, ничуть не уступающий иным в больших городах.

Добавилось и домов, среди которых были и приличные, будто перенесённые из России.

...Теперь он пил минеральную воду и принимал нарзанные ванны. А ещё проводил время в сугубо мужской компании с Пуцциным, Дороховым и прочими знакомыми, кого знал уже немало или с кем только что познакомился. Из казённой гостиницы, куда он поселился в первый день и где было неуютно и скучно, он перешёл в дом доктора Реброва, самое видное строение, где уже остановился поручик Шереметев¹¹, только что отслуживший в посольстве в

Париже и приехавший отдохнуть. Он был чрезвычайно хлебосолен, охотно повторял ставшую крылатой фразой: «Худо, брат, жить в Париже; есть нечего; чёрного хлеба не допросишься».

К обеду он обычно собирал всех знакомых, кормил вкусно, а после обеда, если не было настроения гулять и никуда не надо было идти, играли в карты.

Как ни старался Пущин предостеречь Пушкина, зная, что тот проиграл взятые у Раевского на дорогу тысячу червонцев, как ни пытался отвлечь от Астафьева, приехавшего также в Кисловодск, ничего не получилось.

Игра у Шереметева, как правило, азартной не была, и Астафьев там бывал не столь часто. Но однажды, возвратившись с прогулки, Пушкин высыпал на стол червонцы.

- Откуда такое богатство? - не преминул поинтересоваться Пущин.

Тот озорно блеснул глазами, тряхнул вьющимися, изрядно отросшими кудрями и не без бахвальства произнёс:

- Должен тебе признаться, я всякое утро заезжаю к Астафьеву и довольствуюсь каждый раз выигрышем у него нескольких червонцев. - И гордо добавил: - Я его мелким огнём бью и вот сколько уж вытащил у него моих денег...

На столе лежало червонцев двадцать, а проиграл Пушкин тысячу.

И, наверное, долго пришлось бы ему «бить мелким огнём», чтобы вернуть хотя бы значительную часть проигрыша, да Астафьев скоро уехал, увозя с собой соблазн Пушкина отыграться. А может, даже и надежду обыграть...

Время между ваннами (в начале и в конце лечения по одной ванне в день, а посередине по две) пролетело стремительно.

Наступил сентябрь.

Возвращались в войска подлечившиеся офицеры.

Пора было отправляться домой и Пушкину.

8 сентября 1829 года он заявил в комендантское управление при Горячих минеральных водах подорожную: «Почтовым местам

и станционным зрителям от Санкт-Петербурга до Тифлиса и обратно. Г. чиновнику 10 класса Александру Сергеевичу Пушкину, едущему от Санкт-Петербурга до Тифлиса и обратно, предписываю: почтовым местам и станционным зрителям давать означенное в подорожных число почтовых лошадей без задержания и к проезду всякое оказывать пособие» и отправился в Россию по знакомому уже маршруту: Георгиевск «с конвоем по два конновооружённых казака без малейшего задержания», Ставрополь, Новочеркасск...

И на этот раз был у него занимательный попутчик - городничий из Сарапула Василий Дуров¹², брат кавалерист-девицы Надежды Дуровой, выдававшей себя во время войны с Наполеоном за мужчину.

Они были одного возраста, но поразительно разные. Судьба свела их в Кисловодске, где тот лечился от какой-то удивительной болезни («вроде католепсии») и играл с утра до ночи в карты. За карточным столом они и познакомились и сговорились ехать вместе.

Городничий был одержим идеей добыть, не нарушая закона, сто тысяч рублей.

Иногда, отчего-то более всего ночью, он будил Пушкина.

- Александр Сергеевич! Как бы, думаете вы, достать мне сто тысяч?

Пушкин, с трудом сдерживаясь, отмахивался.

- Коли такая нужда, я бы их украл...

- Я об этом думал, - вздыхал Дуров.

- Ну и что же?

- Мудрено; не у всякого в кармане можно найти сто тысяч, а зарезать или обокрасть человека за безделицу не хочу, у меня есть совесть.

- Ну так украдите полковую казну.

- Я об этом тоже думал.

- И что же?

- Это можно сделать летом, когда полк в лагере, а фура с казною стоит у палатки полкового командира. Можно накинуть на дышло длинную верёвку и припрячь издали лошадей, а там на ней и ускакать; часовой, увидя, что фура скачет без лошадей, вероятно, испугается и не будет знать, что делать, в двух или трёх верстах можно разбить фуру, а с казною бежать. Но тут много также неудобства. Не знаете ли вы иного способа?

- Просите денег у государя.

- Я об этом думал.

- Что же?

- Я даже и просил.

- Как! безо всякого права?

- Я с того и начал: ваше величество, я никакого права не имею просить у вас то, что составило бы счастье моей жизни; но, ваше величество, на милость образца нет, и так далее.

- Что же вам отвечали?

- Ничего.

- Это удивительно. Вы бы обратились к Ротшильду.

- Я об этом думал.

- Что же, за чем дело стало?

- Да видите ли, один способ выманить у Ротшильда сто тысяч; это было бы так странно и забавно: надобно бы написать эту просьбу, чтоб ему было весело, потом рассказать анекдот, который стоил бы ста тысяч. Но сколько трудностей!..

Так до конца совместной дороги сарапульский городничий и не придумал, каким способом занять вожделенные сто тысяч. И пока его мысли были заняты этой проблемой, Пушкин под покачивание экипажа думал, что край этот кавказский, несомненно, достоин внимания и поездки сюда принесли ему немало славных и памятных дней.

И тогда, девять лет назад, и сейчас...

Даст Бог, он вернётся ещё сюда.

«ЗАНЯТНО УВИДЕТЬ ЭТИ ВОДЫ ИЗОБРАЖЁННЫМИ В РОМАНЕ...»

Обратная дорога не казалась интересной, и более не впечатляли ни горные вершины, теперь уже основательно покрытые снегами, ни прозрачность осеннего воздуха, ни напоённые теплом степные просторы предгорья.

Когда Денис Васильевич Давыдов ехал сюда, всё было внове и на удивление, как бывает всё неизвестное - теперь же тяготило. А ему ещё надо было завернуть в ущелье к знаменитым Водам, куда он ехал подлечиться, по этой причине получив отпуск. Правда, отсюда возвращаться обратно в армию он не намеревался, собирался уйти в отставку и вернуться домой, где его ждала жена и его сыновья...

То ли баталии притомили, то ли действительно соскучился по Софье Николаевне и по домашнему уюту. А может, всё же из-за предчувствия, в котором он никому не признавался, но пугался, что как бы не напророчествовал себе самому, как костромский монах Авель императору, им так нелюбимому, напророчествовал тридцать лет жизни... Отчего-то ведь пришли в голову эти строки, после того как Николай I отправил его вдруг на войну с персами.

*Мы несём едино бремя,
Только жребий наш иной:
Вы оставлены на племя,
Я назначен на убой.*

И назвал это четверостишие он со смыслом: «Генералам, танцующим на бале при отъезде моём на войну 1826 года».

Отчего он так не любил императора Николая, объяснить не мог. Может быть, потому, что ему не нравилось с детства, когда кто-то, пользуясь своим положением, безнаказанно унижает другого. Иногда он относил это обострённое чувство справедливости на свой маленький рост: с детских лет приходилось доказывать всем вокруг, что он не хуже, а в чём-то и лучше высоких красавцев.

Теперь, правда, доказывать не было необходимости - ему сорок два года, он - генерал, у него - трое сыновей и беременная жена. И он уже понимал, что азартные игры со смертью остались в прошлом; всё-таки не мальчик и не тот азартный двадцативосьмилетний партизан Давыдов, который гонялся за французами по неприятельским тылам, прежде родным исхоженным изъезженным местам - в окрестностях того же Бородино, где была их усадьба... И даже уже не тот вольнодумец, что лишь случайно не примкнул к вышедшим на Сенатскую площадь в 1825 году против узурпации власти одним человеком. Хотя его стихи были не менее крамольны, чем речи на собраниях тайных обществ, а список басни «Река и зеркало» разошёлся в большом количестве и дошёл до императора. Правда, в нём нет призывов к мятежу, но если вчитаться...

*За правду колкую, за истину святую,
За сих врагов царей, - деспот
Вельможу осудил: главу его седую
Велел снести на эшафот.
Но сей успел добиться
Пред грозного царя предстать -
Не с тем, чтоб плакать иль крушиться,
Но, если правды не боится,
То чтобы басню рассказать.
Царь жаждет слов его; философ не страшится
И твёрдым гласом говорит:
«Ребёнок некогда сердился,
Увидев в зеркале свой безобразный вид;*

Ну, в зеркало стучать, и в сердце веселился,
Что может зеркало разбить.
Наутро же, гуляя в поле,
Свой гнусный вид в реке увидел он опять.
Как реку истребить? - Нельзя, и поневоле
Он должен был и стыд и срам питать.
Монарх, стыдись! Ужели это сходство
Прилично для тебя?..
Я - зеркало: разбей меня,
Река - твоё потомство:
Ты в ней найдёшь ещё себя».
Монарха речь сия так сильно убедила,
Что он велел ему и жизнь и волю дать...
Постойте, виноват! - велел в Сибирь сослать.
А то бы эта былъ на басню походила.

Может, по этой причине и последовало повеление генералу от кавалерии Давыдову, находящемуся в отставке, отправиться на Кавказский военный театр, где наследник персидского престола Аббас-Мирза, подстрекаемый англичанами, внезапно перешёл пограничную линию, вторгся в Карабах во главе стотысячного войска и обложил крепость Шушу, в которой запёрся немногочисленный русский отряд. А ещё часть своих сил он дивнул в сторону Тифлиса. Ермолов¹ же персам смог противопоставить не более десяти тысяч.

Из чего исходил император, отправляя его, сорокашестилетнего ветерана, знатока партизанской войны на Кавказе, понять было трудно, если, конечно, не считать это ссылкой.

И вот в середине августа 1826 года Денис Васильевич отправился в дальнюю дорогу. По пути остановился в мирных, далёких от нынешней войны Ельце и Воронеже. Затем больше в военном, чем в гражданском, Ставрополе, и, предупреждённый о недружественных горцах, отсюда ехал уже с осторожностью и с казачьим конвоем.

Под Владикавказом нагнали караван, с которым возвращался в Тифлис, арестованный несколько месяцев назад за участие в декабрьском заговоре, но сумевший доказать свою непричастность, Грибоедов². Эта неожиданная встреча обрадовала обоих, и, так как от Владикавказа дорога была более безопасной - здесь немирных горцев было меньше - они отправились дальше вдвоём на двухместных дрожках... И добрались до Тифлиса без приключений. А там уже разъехались каждый по своему предписанию.

Давыдов получил под командование войска на Эриванской границе. И разбил неприятельский корпус под командованием Гассанхана.

Это заняло немного времени, и, не видя своей необходимости в затяжном противостоянии, спустя пару месяцев он просился в отпуск, сославшись на нездоровье, мол, не подошёл «губительный грузинский климат». Просьба была удовлетворена - и вот теперь он подъезжает к Кисловодску.

Остановился Давыдов в только что выстроенном доме Рубцова.

Процедуры принимал не столько по нужде, сколько по принуждению эскулапов, всё больше добивался отставки в отправляемых депешах. Болезнь была лишь поводом: Кавказ отчего-то ему не приглянулся, а кавказцы, которых ему пришлось наблюдать, привели его к мысли, что это люди, «привыкшие в течение веков к разбою».

И отчего-то часто вспоминалось его собственное ироническое обращение к «Генералам...»

Нет, на убой идти он более не хотел...

...Зимний Кисловодск не впечатлил его; отдыхающих было мало, в основном лечившие раны военные. И разговоры были всё больше о сражениях. Да о воинственных горцах, которые никак не хотели перейти к мирной жизни. И погода не радовала его, привыкшего к русской зиме со снегами, бодрящим морозцем. Здесь же она скорее напоминала московскую позднюю осень. Что касается лечения, то

ему, привыкшему жить по собственному распорядку и командовать другими, подчиняться врачам и лечебному распорядку совсем не нравилось. Да и скучно было. Единственное, что радовало - это общение с казачьими атаманами, которые с горцами умели и воевать, и договариваться, и хорошо знали их обычаи. Одним словом, удалой народ, казаки. Отчего не мог не вспомнить молодость и не сочинить тост на обеде с донцами:

*Брызни искрами из плена,
Радость, жизнь донских холмов!
Окропи, моя любовь,
Чёрный ус мой белой пеной!
Друг народа удалого,
Я стакан с широким дном
Осушу одним глотком
В славу воинства донского!*

Здравствуйте, братья атаманы-молодцы!

Но желания возвращаться в эти места у него не было.

По привычке отражать в стихах всё, что с ним происходит, пусть не столь прямо и откровенно, как в дневниках, но всё же приоткрывая собственные переживания, он пишет автобиографическое стихотворение «Партизан», объединив себя молодого и нынешнего, восторгаясь и гордясь прошлым...

*Умолкнул бой. Ночная тень
Москвы окрестность покрывает;
Вдали Кутузова курень
Один, как звёздочка, сверкает.
Громада войск во тьме кипит,
И над пылающей Москвою
Багрово зарево лежит
Необозримой полосой.*

«Зачётно увидеть эти воды изображёнными в романе...»

И мчится тайною тропой
Воспрянувший с долины битвы
Наездников весёлый рой
На отдалённые ловитвы.
Как стая алчущих волков,
Они долинами витают:
То внемлют шороху, то вновь
Безмолвно рыскать продолжают.

...И всё же признаваясь в симпатиях к этому малознакомому ему Кавказу.

Начальник, в бурке на плечах,
В косматой шапке кабардинской,
Горит в передовых рядах
Особой яростью воинской.
Сын белокаменной Москвы,
Но рано брошенный в тревоги,
Он жаждет чести и молвы,
А там что будет - вольны боги!

Давно не знаем им покой,
Привет родни, взор девы нежный;
Его любовь - кровавый бой,
Родня - донцы, друг - конь надежный,
Он чрез стремнины, чрез холмы
Отважно всадника пронесит,
То чутко шевелит ушми,
То фыркает, то удил просит.

И, наконец, окончательное прощание... С Кавказом и с воинской службой...

*Ещё их скок приметен был
На высях за преградной Нарой,
Златимых отблеском пожара,
Но скоро буйный рой за высь перекатил,
И скоро след его простыл...*

Невесть как далеко от него в эти дни находится Вальтер Скотт³, с которым он переписывается. Шотландец увидел в нём героя своих сочинений, а ему всегда было интересно общаться с литераторами не менее, чем с военными, к которым он относит и себя. Он дружен с Пушкиным⁴ и его братом, с Баратынским⁵, Вяземским⁶, Языковым⁷... И вот для Вальтера Скотта он охотно ищет экспонаты; тот коллекционирует оружие. И в этой поездке на Кавказ он добыл лук и колчан стрел. Правда, в письме поясняет, вдруг шотландец вообразит, что горцы всё ещё воюют этим оружием.

«Лук - это вид оружия, которое стало редкостью на Кавказе. Только некоторые приверженцы старины ещё пользуются им. Вот почему я посылаю вам такой истёртый. Среди этих племён цивилизация распространяется с трудом, но всё же распространяется, и новые поколения усваивают себе то, что находят полезного у более цивилизованных народов, поэтому ныне черкесы (кавказские горцы) воюют также, как и мы: с помощью хороших винтовок или пистолетов, а из своего прежнего оружия сохранили только короткую саблю, называемую шашкой, которой они не решаются придать в помощь копье, - прекрасный остаток их первобытной храбрости, с негодованием отвергающей применение его в рукопашной схватке из-за его длины».

И делится своими впечатлениями о жителях этих южных беспокойных мест, сравнивая, для понятливости, с героями исторического романа Вальтера Скотта «Сент-Ронанские воды».

«Возвращаясь из Грузии, я провёл некоторое время на знаменитых минеральных водах Кавказа, находящихся в краю, населённом теми самыми воинственными племенами, чьё оружие я

«Занятно увидеть эти воды изображёнными в романе...»

вам посылаю. Было бы занятно увидеть эти воды изображёнными в романе, подобно Сент-Ронанским: какие бы тут обнаружили контрасты! Главные черты всё же оказались бы те же, ибо там, как и на всех водах мира, встречаешь женские сплетни, мелкие обиды и зависть среди общества, есть свои леди Пенелопы и леди Бинкс. Был у нас и господин вроде Тачвуда, который во всё вмешивался, но без оригинальной весёлости посетителя Сент-Ронанских вод и без гроша в кармане. Большому празднеству семейства Мобрей у нас соответствовала поездка всего общества во время байрама (мусульманского праздника) в аул, т.е. черкесское селение, находящееся в нескольких милях, где вместо театра и музыки мы развлекались только играми этого воинственного народа, у которых даже танец представлял стычку. Поэтому свобода прогулок в окрестностях была ограничена: всё там на военной ноге, все вооружены, включая пьющих воду, со времени всемирного потопа, как вам известно, самых безвредных и невинных из смертных».

Это письмо он отправил, уже получив отставку и вернувшись в Москву...

ТАЙНЫЙ ВИЗИТ

- Юнкер Бестужев... Штабс-капитан Бестужев, вы опоздали... Но если вы поторопитесь...

Он открыл глаза.

Окинул взглядом едва различимые в тумане безлесые склоны невысоких гор, мимо которых ехала телега. И снова закрыл их, сожалея, что так не вовремя прервался этот сон, и под монотонный мерный скрип колёс сумел всё же вернуться в зыбкий полусон...

...Кто это напротив в неверном пламени свечи... Не Кондратий ли?..

Да, конечно же он, Рылеев¹, товарищ и компаньон по задуманной ими «карманной книжки для любительниц и любителей русской словесности» - альманаху «Полярная звезда». Какой номер они сейчас обсуждают, первый или последний?.. Четвёртый получался лучше уже вышедших, но так и не дошёл до читателя. И три первых были тоже неплохи, они сразу определились кого опубликуют, написали письма Жуковскому², Гнедичу³, Крылову⁴, Дельвигу⁵, Баратынскому⁶, Батюшкову⁷, Пушкину⁸... всех не перечить. И все охотно откликнулись, прислали свои сочинения. Пушкин - даже из Одессы.

Рылеев отбирал для публикации стихи, а он составлял и писал в каждый номер о русской словесности. Хвалил и ругал. Спорил с другими критиками. Например о комедии Грибоедова⁹ он, прочтя, сразу, без сомнений написал: *«будущее оценит достойно сию комедию и поставит её в число первых творений народных.»*

Альманах зачитывают, передают из рук в руки, о прочитанном спорят. Первый номер напечатали в шестьсот экземпляров, а вто-

рой - в полторы тысячи, и он также быстро разошёлся, а выручка позволила рассчитаться с долгами...

Преподнесли этот номер и императрице, а из её рук получили с Рылеевым перстни и золотые табакерки.

И ему было лестно, что его статьи о русской словесности и не только о ней, вызвали споры. Он не согласился с утверждением, что нет гениев и мало по-настоящему литературных талантов, потому что нет «ободрения этим талантам», а новые сочинения всё больше критикуют все, кому не лень. Будто талант зависит от «ободрения»...

«Ободрение может оперить только обыкновенные дарования: огонь очага требует хворосту и мехов, чтобы разгореться, - но когда молния просила людской помощи, чтобы вспыхнуть и реять в небе! Гомер¹⁰, нищенствуя, пел свои бессмертные песни; Шекспир¹¹ под лубочным навесом возвеличил трагедию; Мольер¹² из платы смешил толпу; Торквато¹³ из сумасшедшего дома шагнул в Капитолий; даже Вольтер¹⁴ лучшую свою поэму написал углём на стенах Бастилии. Гении всех веков и народов, я вызываю вас! Я вижу в бледности измождённых гонением или недостатком лиц ваших - рассвет бессмертия!..»

Уважение или, по крайней мере, внимание к уму, которое ставило у нас богатство и породу на одну с ним доску, наконец, к радости сих последних исчезло. Богатство и связи безраздельно захватили всё внимание толпы, - но тут в проигрыше, конечно, не таланты! Иногда корыстные ласки меценатов балуют перо автора; иногда не достаёт собственной решимости вырваться из бисерных сетей света, - но теперь свет с презрением отверг его дары или допускает в свой круг не иначе, как с условием носить на себе клеймо подобного, отрадного ему ничтожества; скрывать искру божества, как пятно, стыдиться доблести, как порока!!!»

Когда он писал эти строки, он имел в виду не только состояние русской словесности, но и той среды, которая не даёт талантам подняться над обыденностью, разорвать оковы лжи и лицемерия, поразить правдивым словом...

Вот и несомненно талантливый Пушкин не всё договаривает. А то ещё и обижается, ежели что без его согласия поставит... И Грибоедов в своей пьесе не сказал прямо, что хотел, а упрятал правду за намёки и саркастическое обыгрывание чужих строк...

Но он не сомневается, что его тёзки ещё проявят свой талант в полной мере...

С Пушкиным они единомышленники, хотя тот и не состоит в Северном братстве. Но сразу оценил их с Кондратием труд, всем знакомым расхвалил первый номер альманаха, советовал обязательно прочесть. Не обошёл и своим поэтическим талантом, после наводнения увековечил в стихах:

«На альманах «Полярная звезда»

*Напрасно ахнула Европа,
Не унывайте, не беда!
От петербургского потопа
Спаслась «Полярная звезда».
Бестужев, твой ковчег на бреге!
Парнаса блещут высоты:
И в благодетельном ковчеге
Спаслись и люди и скоты.*

Как же трепетно было брать в руки эти маленькие книжечки альманаха, он любил их перечитывать. Пока имел такую возможность...

- Теперь послушай, что получилось, - услышал он.

И новость откуда незнакомо зазвучали строки, которые он помнил и которые теперь не узнавал.

*Вдоль Фонтанки-реки
Квартируют полки.
Квартируют полки
Всё гвардейские.*

*Их и учат, их и мучат,
Ни свет, ни заря,
Для потехи царя!
Разве нет у них рук,
Чтоб избавиться от мук?
Разве нет штыков
На князьков-сопляков?
Разве нет свинца
На тирана-подлеца?
Да Семёновский полк
Покажет им толк.
Кому вынется, тому сбудется;
А кому сбудется, не минуется.
Слава!*

- Что скажешь, Александр?

- Закончить надо бы яснее, солдатики могут не понять...

- Поймут, Саша, поймут. А если не поймут, мы с тобой разъясним...

И опять расплывается. На Рылеева вроде похож говоривший, а голос не его, не узнаёт он...

Кондратий вдруг стал уходить. Идёт, не оглядываясь, отдаляясь, уменьшаясь во всё густеющем тумане, а он пытается крикнуть, остановить, предупредить, что туда, куда он идёт, никак нельзя... Но отчего-то совсем нет голоса... И нет сил, чтобы бежать следом, догнать...

И уже не милый Рылеев уходит, а проявляется нечто размытое, чем-то похожее на фигуру императора на большом, во весь рост, портрете. И голос, который так часто он слышал потом, да и сейчас ещё порой слышит в снах, отчего обязательно просыпается с сердцебиением и отчаянием, этот голос чётко, с непоколебимостью взведённого дуэльного пистолета, бездушно чеканит: «...умышляя на цареубийство и истребление императорской фамилии, возбуждал

к тому других, соглашался также и на лишение свободы императорской фамилии, участвовал в умысле бунта привлечением товарищей и сочинением возмутительных стихов и песен, лично действовал в мятеже и возбуждал к оному нижних чинов».

Он хотел в ответ возразить, напомнить, что он всегда был честен, он предупреждал, что нельзя отмахиваться от свободомыслия. После того как пал несокрушимый Наполеон, русский народ, может быть, впервые ощутил свою силу, захотел независимости. Вернувшиеся домой с победой сравнивали увиденное в Европе с тем, что осталось дома. Сравнивали и всё более понимали необходимость перемен. Он предупреждал об этом в своих статьях. И теперь хотел было напомнить это тому, кто на портрете, но в это время сильно потрянуло, и нечто смутное, похожее на императора, пропало, и он стал осознать себя лежащим на жёсткой и скрипящей телеге, куда-то перемещающимся... Но не торопился открывать глаза, вспоминая, кто он и где он...

Ах да, он едет из холодной Сибири, и позади уже много верст безлюдного пространства. И много дней пути. В начале календарного лета, так и не дождавшись северного тепла, он отбыл из Якутска. В первых числах июля в Иркутске наконец оттаял. А ещё спустя две недели был в Екатеринбурге. И вот, в начале августа, здесь, на Северном Кавказе, лето настоящее, тепло невиданное. Отсюда уже не так далеко до места его службы. Но теперь уже служить будет не штабс-капитаном, а простым солдатом.

...И рядовой Александр Александрович Бестужев, чудом избежавший смертной казни, познавший заточение в Шлиссельбургской крепости, проживший несколько лет в холодном Якутске и вот теперь очутившийся на Кавказе, наконец открыл глаза. И словно ждал, хотя и не видел этого, казак-возница; громко сказал:

- Вот и Эльбрус завиднелся.

Просто радуясь проявившимся из тумана и парящим над землёй, словно оторванным от неё белоснежным вершинам, то ли обращая на это внимание сонного барина, о котором только и знал,

что тот едет из холодной Сибири, куда попал то ли по глупости, то ли по немилости, но говорят оттого, что и в самом деле невзлюбил царя...

Бестужев устроился поудобнее на телеге, так, чтобы видеть этого неземного двуглавого великана, парящего над облаками. Действительно, туман, в котором они долго ехали, теперь, на подъезде к Кисловодску, постепенно растекался по ущелью, опускаясь всё ниже и ниже, и уже видны были внушающие трепет зубцы горного хребта, - этой границы мира, - пугая своей неукротимой дикостью и неоспоримым величием.

Он подумал, что люди, которые каждый день видят эти вершины, должны быть совсем не похожи на петербуржцев, да и прочих равнинных россиян. И уж можно сказать они - антиподы жителей промёрзшего Якутска. Впрочем, о тех местах, прохладных даже летом, сейчас, на знойном юге, вспоминается даже с некоторой грустью.

Но это не убавляет радости от того, что на его просьбы наконец-то государь откликнулся и распорядился послать его в действующую армию воевать с турками на Кавказ. Он знал, что здесь много солдат и офицеров, кто вышел вместе с ним на площадь в декабре четыре года назад, и надеялся встретить старых товарищей. А ещё обязательно отличиться по службе, вернуть себе офицерский чин и всё прочее, что когда-то имел... И ничего, что не штабс-капитаном и не в приличном экипаже, а рядовым он лежит на этой телеге, ровней с этим гордо восседающим впереди казаком-извозчиком. Ему ещё только тридцать два года, он ещё добудет наград, дослужится до генеральских эполет... Милостью Божьей он теперь не будет маяться в вечных снегах двадцать лет, отмеренных ему царской милостью взамен смертной казни. Хорошо, если бы и братьям так же повезло: Михаил¹⁵ и Николай¹⁶ всё ещё на Нерчинских рудниках, но тоже послали прошение с просьбой перевести на Кавказ. А третий брат, Пётр¹⁷, также расжалованный после неудавшегося переворота, сразу попал в эти

места и, прослужив рядовым и отличившись, дослужившись до унтер-офицера, не так давно вернулся домой...

Тучи над горной цепью, послушные налетевшему ветру, закрубились, заторопились вдоль горных зубцов, закатное солнце окрасило вершины в розовый цвет, придавая им теперь не только грозный, но и манящий вид. Бестужев даже задохнулся от восторга, так на него подействовало увиденное.

- Горы - вот что есть поэзия природы, - голосом, не допускающим никакого возражения, произнёс он.

- Чего? - переспросил казак.

- Я так, братец, про себя, - не стал разъяснять он, понимая, что пережитый им восторг - это его сокровенное, о чём он ещё успеет подумать... Но уже знал: здесь, у подножия величественных гор всё чувствуется чище и думается яснее...

*Там горести, там страсти яд немеет,
Там юностью невянущею веет,
Забвение целительной рукой
На сердце льёт усладу и покой;
Душа слита с возвышенной природой,
И дышит грудь бессмертною свободой!*

Но вот темнота стала накрывать вершины. Какое-то время ещё закатно рдел Эльбрус, паря над миром, но скоро и его снежные шапки поглотила ночь. В лёгших на ущелье сумерках начали падать невидимые, но ощутимо крупные капли дождя. Порывы ветра подымали пока ещё не прибитую пыль, и телега то нагоняла, то отставала от взвихренных её столбов.

- Далеко ли ещё? - спросил он.

- Полверсты будет, - ответил казак и поторопил лошадь.

Бестужев закрыл глаза, погружившись в свои мысли...

Эти вечер, ночь и утро - вот и всё, что ему дано, чтобы удовлетворить любопытство, увидеть это местечко среди гор, о котором он немало слышал. Место, где не только поправляют здоровье.

Вот Пушкин поехал сюда подающим надежду талантом и вернулся поэтом, привёз кавказскую поэму. И говорят, теперь снова где-то в этих местах, возможно, они встретятся совсем скоро... А ещё здесь должны быть единомышленники, сосланные сюда прежде. Может доведётся найти знакомого, хотя большинство из тех, кого он знал и кто остался в живых нынче в Сибири... Но немало и здесь воюет, правда, больше рядовые, подчинившиеся в декабре офицерам, невинные по сути, но император в испуге и их сослал...

Скоро он всё увидит и узнает. А потом ему ещё ехать за горный хребет, за которым другая совсем земля и где Особый корпус, куда он теперь направлен, воюет с турками. И там он, конечно же, встретит знакомых...

Он понимал, чем рискует, пускаясь в эту самовольную поездку, но уж так не терпелось увидеть лица товарищей, да и взглянуть на это место с чудодейственными водами...

Сверкнула молния, на миг вырвав из темноты сужающееся ущелье с голыми склонами над речкой, небольшую казачью станцию и ниже, под-над речкой, десятка два-три домиков, где, как он уже знал, жили отставники со своими семьями, которые охотно сдавали угол приезжим. Можно было бы, конечно, нанести визит предводителю дворянства Реброву¹⁸, но неизвестно как тот отреагирует, а то ещё донесёт, глядишь, обратно в Сибирь отправят. Нет, лучше без огласки у кого-нибудь переночевать... Ему, главное, знакомых найти...

И вдруг Бенстужев ясно понял, что обязательно опишет этот тайный визит, в котором если не в реальности, то в своих фантазиях сядет вместе с приятелями за стол, описав их, начиная с «*матушкина сынка*», «*приехавшего из белокаменной лечиться от застоя в карманах*» и прочих гвардейцев-романтиков так, что только знакомые смогут догадаться, о ком это он...

Он обязательно опишет их встречу, но не укажет, когда это было, рука тайной полиции длинна и милосердие императора не безгранично...

Нет, он укажет, это придаст большую достоверность. Но укажет так, что заставит гадать читателя, так ли и тогда ли всё было на самом деле...

К примеру, что всё описанное происходило в августе 1824 года и он всё ещё штабс-капитан, а до декабря 1825 года, до Рубикона, который тогда перешли они, ещё целая вечность радужных надежд и планов. И вот он, ещё молодой офицер, не знавший опыта каторжанина, ссыльного, приехал к товарищам, отужинал в приятной компании и остался с теми, кто не слушает предписаний эскулапа и предпочитает вино кавказской воде. И теперь вот предаётся приятной беседе...

И говорят они о всякой безобидной всячине.

О том, что нынче посетил это место персидский принц Хозрев-Мирза - набирался сил, пил напиток богатырей - нарзан.

Что на Эльбрусе побывала русская экспедиция, вернувшаяся с двумя сотнями саженцев сосны, выкопанных в верховьях реки Эш-какон. Их высадят на голых склонах.

И что не он один переведён из Сибири на Кавказ, а к тем, кто уже был сослан сюда прежде, скоро добавятся многие, - император, убедившись в том, что наказанные офицеры отменно воюют, намерен ссыльными из Сибири усилить Особый корпус...

А ещё о чём не могут не поговорить мужчины и что не является государственной тайной и не представляет опасности для власти?

Естественно, о женщинах...

Они в этот вечер обязательно обсудят красавиц, поспорят, какие лучше, московские или петербургские. Или всё же местные, южные...

- Черкешенки совсем иное дело - мы осуждены любоваться ими как недоступными вершинами Кавказа, - скажет уже поживший здесь, видевший лица горянок и знающий горские законы и месть горцев за поруганную честь их женщин.

После этого и обсуждать и сравнивать нечего.

...Так от более лёгких и обыденных тем перейдут к сложным.

О тех же масонах поговорят, об этом можно, это если и возбраняется, то не слишком громко.

Но это довольно скучно, и долго разговор не может держаться. Другое дело - погреть душу рассказами о кладах, которые многим из пока ещё не разжалованных (в его рассказе) офицерам пришлось бы кстати...

И пусть потом гадают, когда он был здесь: в год, вынесенный им в заглавие «Вечер на кавказских водах в 1824 году» или же теперь, спустя пять лет...

ДОЛГОЕ ЛЕТО

*Т*о, что случилось, было полной неожиданностью.

Белинский гостил в Прямухино у Бакуниных¹ и отчаянно страдал от неразделённой любви к сестре Михаила Александре Александровне, так что даже не сдержался, признался, но не ей, ей так и не осмелился, а на бумаге: *«Мне было хорошо, так хорошо, как и не мечталось до того времени... Я ощутил себя в новой сфере, увидел себя в новом мире: окрест меня всё дышало гармонией и блаженством, и эта гармония и блаженство частью проникли и в мою душу. Я увидел осуществление моих понятий о женщине... Когда все собирались в гостиной, толпились около рояля и пели хором, в этих хорах я думал слышать гимн восторга и блаженства усовершенствованного человечества, и душа моя замирала, можно сказать, в муках блаженства, потому что в моём блаженстве, от непривычки ли к нему, от недостатка ли гармонии в душе, было что-то тяжкое, невыносимое, так что я боялся моими дикими движениями обратить на себя общее внимание».*

Так вот, пока он жил у Бакуниных, журнал «Телескоп», где он работал помощником Николая Ивановича Надеждина² «высочайшим повелением» закрыли за публикацию «Философического письма» Чаадаева³. И он остался без работы и без денег. Нащокин⁴, по поручению Пушкина⁵, предложил ему работать в «Современнике», который тот начал издавать. Но сотрудничеству, о котором мечтали и Пушкин и Белинский, не было суждено состояться: в январе 1837 года Пушкин был ранен на дуэли, а затем умер.

Это был ещё один тяжёлый удар для Виссариона. Он внимательно следил за творчеством поэта. Следил и восторгался. Ещё

при жизни Пушкина в своей работе «Литературные мечтания» он писал: «Как чародей, он в одно и то же время исторгал у нас и смех и слёзы, играл по воле нашими чувствами... Он пел, и как изумлена была Русь звуками его песен; и не диво: она ещё никогда не слыхала подобных; как жадно прислушивалась она к ним; и не диво: в них трепетали все нервы её жизни! Я помню это время, счастливое время, когда в глуши провинции, в глуши уездного городка, в летние дни, из растворённых окон носились по воздуху эти звуки, «подобные шуму волн» или «журчанию ручья»».

А теперь в одиночестве все надежды, так же, как и любовь, оказались неразделёнными и остались в прошлом. В будущем же он не видел ничего обнадеживающего.

Но надо было на что-то жить, и он написал научную грамматику, надеясь издать её за казённый счёт как школьное пособие. Но в поданном прошении ему было отказано.

Этого Белинский перенести уже не смог и тяжело заболел.

Друзья настаивали, чтобы он поехал на юг, на Кавказ, и дали ему займы денег: Боткин⁶ - пятьсот рублей. Ефремов⁷ - восемьсот, он вызвался ехать вместе с Белинским.

В мае 1837 года они приехали в Пятигорск.

В сравнении с севером уже настоящее летнее тепло взбодрило их. Первые дни они удивлялись всему, что видели: и этому городку на горном склоне, и бьющим из земли источникам, и праздной публике, среди которой преобладали дамы и офицеры.

Здесь Виссарион совсем не так как прежде перечитал «Кавказского пленника». И уже не сомневался, что Пушкин любил эти места и вдохновлялся ими:

*Великолепные картины,
Престолы вечные снегов.
Очам казались их вершины
Недвижной цепью облаков,*

*И в их кругу колосс двуглавый,
В венце блистая ледяном,
Эльбрус огромный, величавый
Белел на небе голубом.*

Точнее не скажешь...

...Врачи нашли его состояние истощённым и посоветовали не топиться с приёмом ванн: их воздействие может ещё более ослабить организм, так что первые дни он лечился видами близких и далёких гор, наблюдениями за городской жизнью и поразительно лёгким, напоённом свежестью воздухом. А когда начал принимать ванны - почувствовал себя совсем здоровым. И поспешил написать друзьям в Москву: *«Сейчас пришёл с вод, устал, как собака; в Пятигорске довольно весело; природа прекрасна; зрелище гор - очаровательно, особенно в ясный день, когда видны снеговые горы и между ними двуглавый Эльбрус, который я каждое ясное утро вижу из окна моей комнатки. Бештау от Пятигорска в 8 верстах, но кажется, что до него нет и 20 сажень. Какая бездна ягод - клубники и земляники; носят вёдрами. Идёшь по горе и давишь ногами землянику, а есть нельзя - такая досада!»*

С Александром Ефремовым, который был не только его другом, но и другом Станкевича⁸, Бакунина⁹, Тургенева¹⁰, им было о чём поговорить. Они вместе ходят на ванны и на прогулки. Но скоро уже обо всём, что интересовало, переговорили и впечатлениями по приезде обменялись. Ефремов - само добродушие; имеет деньги и охотно занимает их друзьям.

«Ефремов тебе кланяется и поручил мне известить тебя, что он настроил своей матушке очень трогательное послание, которое непременно должно возыметь своё действие... - Пишет Виссарион в конце июня Бакунину. - А если бы оное красноречивое послание, сверх всякого чаяния, не возымело своего действия и матушка вздумала бы употребить твои письма к Ефремову, как

векселя, то ты объяви ей, что деньги тобою давно возвращены ему и что он потратил их на свои нужды. Ефремов решил подтвердить это и словесно и письменно, в случае нужды».

С Александром у них отношения старшего и младшего, хотя разница всего в три года. Но Белинский воспринимает Ефремова как подростка, которого должен опекать и, как старший, бывает и снисходителен, и ироничен. А порой и откровенно насмешлив. Особенно когда Александр восторгается письмами, которые он пишет друзьям, и их ответами. А повод для того, чтобы упомянуть о нём с насмешливостью, тот предоставляет нередко.

«Ефремов поправляется в здоровье видимо, но только жаль, что это за счёт ума: его узнать нельзя - дурак дураком». - Делится он в этом же письме нелестной оценкой друга. - *«Страсть к остроумию у него та же, но силы острить решительно нет. С господами офицерами он вошёл в самые тесные отношения, но и между ними считается последним остряком».*

И следом сообщает, что Ефремов настолько заинтриговал офицеров рассказами об остроумии Бакунина, что те решили сочинить своё шутовское и остроумное послание и отправить неведомому им, но столь восхваляемому остроумцу.

«Смотри же, Мишель, не ударься лицом в грязь и ответь им со свойственною тебе тонкостью и остроумием, так, чтобы каждая твоя острота была так же замысловата, как меток каждый твой шарик из хлеба, пускаемый тобою с необыкновенною ловкостью и приятностью...» - Вспомнил он забаву, которой они предавались в Прямухино. - *«Но пора перестать говорить глупости. Я видимо поправляюсь, хотя начал лечиться только с 20 числа настоящего месяца. В теле чувствую какую-то лёгкость, а в душе - ясность. Пью воды, беру ванны усердно и ревностно, хожу каждый день вёрст по десяти и взбираюсь ex-officio (по обязанности) на ужасные высоты. Смотрю на ясное небо, на фантастические облака, на дикую и величественную природу Кавказа и радуюсь, сам не зная чему. Даже у себя в комнате, чуть*

только луч солнца заиграет на стекле окна, улыбаюсь и радостно потираю руками. Встаю в 4 часа и скоро надеюсь привыкнуть вставать в 3 ровно, разумеется, не дожидаясь, чтоб будили».

Дмитрию Иванову, с которым дружен с детских лет и вместе учился сначала в пензенской гимназии, а затем в московском университете, отвечает на его вопрос о черкешенках, так ли те хороши.

«...Черкесов вижу много, но черкешенки - увы! - ещё ни одной не видел... Вообще черкесы довольно благообразные, но главное их достоинство - стройность. Ох, черкешенки!.. Чтоб видеть их, надо ехать в аул, вёрст за 30, а это мне не очень нравится: погода кавказская в непостоянстве не уступает московской, прекрасное утро здесь не есть ручательство за прекрасный день - можно простудиться».

И описывает жизнь в этих местах.

«На Кавказе хорошо пожить с месяцем здоровому, а лечиться и в раю скучно. Жизнь постоянная в Пятигорске ужасна - нет людей. Зато хороша природа и всё дёшево: пара кур и пара куропаток стоят гривенник; десять перепёлок 30 к.; фунт славного белого хлеба 4 к.; арбузы и дыни нипочём, - и какие дыни...

...Дичи бездна, всё фазаны, кулики и перепелы. Последние ходят по улице и подпускают к себе человека на два шага...

...Снегу с Эльбруса привезти тебе не могу, потому что, хотя я и вижу его из моего окна, но до него 150 или 200 вёрст. Боже мой, что за громада! Машук, при подошве которого я живу и целебными струями которого пользуюсь, по крайней мере вдвое выше колокольни Ивана Великого; но в сравнении с Эльбрусом он - горка...»

Но всё же мир тесен и отсутствие людей, о чём он пишет, никак не подтверждается. Сколько знакомых он здесь встретил и с какими интересными людьми познакомился. Встречи, правда, не всегда радовали, а вот знакомства, как правило, одаривали щедро новыми знаниями и впечатлениями.

Тот же казак Василий Дмитриевич Сухоруков¹⁰... Человек, который знает о казаках, кажется, всё. И свободолюбивый настолько,

что карьерой, которая складывалась на зависть остальным очень удачно, поступился во имя вольнолюбия. Он дружил с декабристами, близок был к Рылееву¹¹, Бестужеву¹² и хотя на площадь в декабре 1825 года не выходил, за эту порочащую связь заплатил будущими чинами и званиями и был сослан на Кавказ. Здесь, находясь под надзором, затеял издавать альманах «Русская старина»...

Случались и неприятные известия и встречи.

Горько было узнать, что брат Пушкина Лев Сергеевич¹³, который служил в этих местах, ничем особо не выделяется и похож на множество остальных офицеров, предаваясь пустому времяпрепровождению. Белинский сделал вывод, что тот «пустейший человек» и ему стало почему-то обидно за Александра Сергеевича, который, если бы был жив, несомненно подействовал бы на брата благотворно.

Нежданно-негаданно столкнулся здесь с генералом Скобелевым¹⁴, о котором пару лет назад нелестно было написано в «Молве» - газете, которую, как и «Телескоп», издавал Надеждин, и Виссарион в то время имел к ней отношение.

Скобелев был известным и уважаемым человеком. Ему было уже под шестьдесят лет, его мундир украшало немало орденов. В четырнадцать лет он начал служить солдатом в Оренбургском полевом батальоне, затем в Уфимском мушкетёрском стал офицером. Воевал против Наполеона в Европе, за что получил золотую шпагу «За храбрость», а также первый орден. В Болгарии воевал против турок и снова был награждён орденом. В 1810 году капитаном ушёл в отставку по ранению, но спустя два года во время Отечественной войны был старшим адъютантом Кутузова. И опять же был награждён двумя орденами, в том числе и Георгия. Потом стал генерал-майором и генерал-лейтенантом, воевал в Польше, потерял руку и получил ещё одного Георгия...

А ещё Иван Никитич Скобелев писал рассказы под псевдонимом «Русский инвалид» и пьесы, которые не без успеха шли в театрах... Но писал он, с точки зрения Белинского, плохо, его произведения

не стоили никакого внимания критика, хотя и пользовались интересом у читателей. Статья была, собственно, об этом.

Но прежде они не были знакомы.

Генерал сам подошёл к нему и привычно громким голосом спросил:

- Вы господин Белинский?

- Я. С кем имею честь?

- Генерал-лейтенант Скобелев. Тот самый, о котором вы написали в вашей газете... Я давно желал с вами познакомиться. Читал ваши статьи, в них есть здравые мысли... Но за что же вы меня так разругали?

- Позвольте, но если речь идёт о той давней заметке, то в ней всё было вполне пристойно. К тому же не я её писал.

- Как же не вы?.. Надеждин был у меня, просил извинения и сказал мне, что это написали вы. И хорошо, что он извинился передо мною, а то ему было бы худо: я хотел жаловаться императору... Если же писали не вы, это меняет дело. Хотя надо бы тогда, чтобы автор был обозначен, а так ведь я всё это время был уверен, что писали вы. Так кто же тогда написал?

- Он не просил меня держать его имя в тайне, поэтому назову: это писал Селивановский¹⁵... Но я не отказываюсь от того, что от меня зависело, поставить её в газету или нет. И если я её поставил, хорошо это или дурно с вашей точки зрения, но я это сделал и тоже несу ответственность...

Генерал окинул Белинского изучающим взглядом, каким, наверное, оглядывал своих провинившихся офицеров, размышляя, какую меру наказания им назначить за проступок.

- Нехорошо, братец, быть таким заносчивым: Греч мне сказал о тебе, что ты голова редкая, ум светлый, перо отличное, но что дерзок и ругаешься на чём свет стоит... Вижу, так и есть. Но, братец, теперь уж я буду ругать Надеждина, вот ведь не сказал правды, а я тебя костерил напрасно... Ладно, не обижайся.

И действительно отпустил крепкое ругательство в адрес отсутствующего Надеждина.

Ругайте, подумал про себя Белинский, который теперь уже окончательно разочаровался в издателе, с которым давно уже расходился во взглядах на понимание порядочности и честности и вот теперь ещё раз убедился, какой это лживый человек.

Генерал первым протянул руку, и Белинский, помедлив, подал свою.

Рукопожатие генерала было крепким и явно примиряющим.

Так проходят похожие дни: ванны, прогулки, обмен колкостями с Ефремовым, написание писем друзьям и встречи с новыми знакомыми. Здесь уже есть свой круг любителей литературы из приезжих отдыхающих и местной интеллигенции. Все люди гостеприимные и общительные, и они с Ефремовым быстро сошлись с ними.

Часто Белинский бывает у Николая Михайловича Сатина¹⁶. И в очередное посещение хозяин познакомил Белинского с Лермонтовым¹⁷, о котором тот слышал, но не знаком лично. Обменявшись комплиментами по поводу того, что каждый читал - Лермонтов отметил его статьи, а Белинский - стихотворение «На смерть поэта», из-за которого тот и был сюда сослан - вспомнили о родных местах, оба ведь земляки и даже очень близкие - оба из Чембара. Перебрали знакомых, поделившись последними новостями, что знали о них.

Сатин наблюдал за ними со стороны и поражался, насколько земляки непохожи. Разница между ними всего три года, но Белинский выглядит намного старше: серьёзный, сосредоточенный, явно думающий над каждой фразой и склонный к неторопливому философствованию. Лермонтов же порывист, быстр в движениях и словах, вставляет порой едкие замечания и нелюдуприятно характеризует знакомых.

Поговорили о Пушкине: горечь потери их объединила. Белинский посетовал на то, что «Современник» после смерти Пушкина так никто и не решился издавать, Лермонтов желчно заметил, что многие завистники смерти Александра Сергеевича порадовались.

Потом возникла пауза; о пустячках вроде поговорили, о чём ещё говорить - не знали.

На столе Сатина лежал том записок Дидро¹⁸. Белинский взял его, перелистал...

- Вот немцы, у них вся философия в Гегеле¹⁹, попробуй её объяснить простому человеку... А французы совсем иная нация... Они способствовали не только появлению Наполеона, но и энциклопедистов, посредством которых дали нам множество новых знаний и новый взгляд на привычное...

- Чего ж такого в них... Слов много порой, а смысла мало...

- Не скажите. У них широк взгляд на всё, они не боятся иметь своё мнение, отличное от мнения других европейцев...

- Отличаться можно и неприличным, - усмехнулся Лермонтов явно демонстрируя своё неуважение к тому, перед чем преклонялся Белинский.

- По-видимому, вы не читали Вольтера²⁰, - обиженно произнёс Виссарион, который как раз в это время читал этого французского энциклопедиста и находил в его трудах много созвучных мыслей.

- Ну как же, ежели сама Екатерина без ума была от этого француза и даже называла себя вольтерьянкой и признавалась в том, что её разум и убеждение сформировали именно его труды... А за его рукописи заплатила такую сумму, что хватило бы на приличное содержание всей русской литературы... Вот уж этот трепет перед иноземным, будто у нас нет чему поучиться. Так что довелось читать, чтобы не сочли необразованным или не любящим императрицу, - иронично произнёс Лермонтов.

- Люди находят в его трудах много полезного для себя, - неохотно сказал Белинский, не желая продолжать спор.

- Неужели и вы тоже что-то нашли так далеко от наших родных пензенских мест? - Усмехнулся Лермонтов. - Я думал, вы уже достаточно знаете, чтобы не соблазняться всякой ерундой... Вот уж где нет ничего нового, а только и есть, что любованье собой... А знаете ли вы, что я скажу вам о вашем Вольтере: если бы он

явился к нам теперь в Чембар, то его ни в одном порядочном доме не взяли бы в гувернёры, - закончил он.

Белинский собрался было что-то сказать, но лишь какое-то время молча смотрел на Лермонтова, затем взял фуражку и, едва кивнув головой на прощанье, вышел. Уже выходя, услышал смех Лермонтова и говорившего ему что-то Сатина.

Виссарион с трудом сдерживал негодование от выходки этого очевидно зазнавшегося Лермонтова. Для него - и не только для него - Вольтер был воплощением реализации мечты. Ведь не зря этого французского просветителя звали и «вождём века», и «критиком феодальной Европы». Его прозаические произведения были знакомы большинству образованных людей Европы. А какой он стилист! Лермонтову надо бы у него поучиться, а не считать себя уже достигшим всего. И поэтические произведения Вольтера глубоко национальны, он, несомненно, выразитель эпохи и своей нации...

«Боже, какой пошляк этот поручик, - думал он. - И этот человек написал такое прекрасное стихотворение... Но, с другой стороны оттого, что напишешь несколько удачных стихотворений поэтом не сделаешься и пошляком быть не перестанешь...» И решил, что обязательно скажет об этом Сатину, ибо пошлость заразительна, и он не должен больше пускать к себе в дом Лермонтова, дабы от него не заразились другие...

Наступил август.

Они с Ефремовым уже привыкли к теплу, к югу, даже к ваннам, которые вначале так бодрили, а теперь эти ежедневные лежания порядком надоели. Но вместе с тем появилось ощущение приобретения чего-то нового, прежде неведомого. Он даже поделился с Бакуниным:

«...Несмотря на скуку однообразной жизни, я никогда не замечал в себе такой сильной восприимчивости впечатлений изящного, как во время моей дороги на Кавказ и пребывания в нём. Всё, что ни читал я, - отозвалось во мне. Пушкин предстал

мне в новом свете, как будто я его прочёл в первый раз. Никогда я так много не думал о себе в отношении к моей высшей цели, как опять на этом же Кавказе... Словом, я бы выздоровел и душевно и телесно, если бы будущее не стояло передо мною в грозном виде, если бы приезд в Москву был обеспечен».

Дорога домой всегда короче, чем из дома. Они ехали сюда, в неведомые прежде края, больше думая о будущем без всякой привязки к прошлому, к оставленным делам и заботам. Каждый из них был открытым сосудом для новых впечатлений, а всё, что отдалялось в пространстве и во времени, словно забывалось. И груз прежних забот уже не казался ни значимым, ни тяжким, а очень даже несущественным, а все нерешённые вопросы - легко разрешимыми.

И вот заканчивалось это славное время. И мысли всё чаще стали приходить тревожные - Виссарион Григорьевич возвращался в полную неопределённость, не зная, где и чем будет зарабатывать. Единственное, что твёрдо знал - это о чём он будет писать, что его волнует. Он переделал здесь пару статей, написанных в Прямухино, набросал план новых.

В середине августа, предвеляя приезд, написал Бакунину:

«Ефремов тебе кланяется. Мы оба с ним не вылечились, но поправились. Хорошо и это, за неимением лучшего. Он непременно опять приедет на Кавказ на будущую весну. Мне надобно бы сделать то же; но прежде вопроса о здоровье мне ещё должно решить вопрос о жизни. На Кавказе я ничего не сделал, потому что ничего нельзя было сделать. перевёл было страничек 20 с немецкого, но более не мог. Зато кое-что обдумал и не худое, лишь бы вопрос быть или не быть решился в мою пользу. Много думал об искусстве и наконец вполне постиг его значение, вопрос о котором давно мучил меня. Лишь бы благодать божия снова проникла в мою завялую и засохшую душу, а то я составил план хорошего сочинения, где в форме писем или переписки друзей хочу изложить все истины, как постиг я их, о цели человеческого

бытия или счастья. Я дам этим истинам практический характер, доступный всякому, у кого есть в груди простое и живое чувство бытия...

Послезавтра (19 августа) я буду в Железноводске, верстах в 15 от Пятигорска, там возьму я 20 железных ванн; эти ванны будут последними. 1 или 2 сентября мы выезжаем в Москву...»

...Он долго провожал взглядом отдаляющиеся, теперь такие знакомые вершины, вспоминая, как весной, при своём приближении, они несли неведомые надежды - и вот эти надежды обрели воплощение в прожитых здесь днях, встречах, переживаниях, мыслях... И подумал, что по возвращении всё должно быть хорошо и всё сложится, как он задумал.

ПРЕДЧУВСТВИЕ

В начале октября 1837 года в Ставрополе ждали приезда императора Николая I, который возвращался из Тифлиса в Петербург. Так уж совпало, что в эти дни здесь же ожидали дальнейшего назначения ссыльные декабристы, которые получили милостивое позволение после Сибири служить на Кавказе.

Начальник Кавказской линии и Черномории Вельяминов¹, естественно, сопровождал императора. В тот день, когда прибыли ссыльные декабристы Николай Михайлович Сатин², тоже ссыльный, но по другой провинности и переведённый только что из Симбирска, завтракал у генерала Засса³. Они уже перешли к вину, когда адъютант генерала доложил о прибытии разжалованных в солдаты.

- Это декабристы, - пояснил Сатину генерал и велел адъютанту, - проси их сюда.

Декабристов было шестеро. Одеты по-походному и усталые после дороги, они довольно спокойно приняли приглашение генерала присаживаться к столу и угоститься вином. Представились: Михаил Нарышкин⁴, Владимир Лихарев⁵, Михаил Назимов⁶, Николай Лорер⁷, барон Розен⁸, князь Александр Одоевский. И всё же было видно, что такой приём их весьма удивил и обрадовал, обещая более лёгкие условия жизни не только по причине мягкого климата, но и иного, чем в Сибири, отношения властей. Впрочем, всем им теперь предстояло не только отбывать наказание, но и воевать, а это значит - подвергать свою жизнь опасности большей, чем морозы.

Скоро общение стало довольно непринуждённым, генерал не отделял себя от своих гостей, охотно отвечал на вопросы и с интересом расспрашивал о жизни в Сибири. Политики, естествен-

но, не касались, хотя о приезде императора говорили, отметив, что тому тоже пришлось преодолеть немалое расстояние, чтобы посмотреть южные границы империи.

О каждом из вновь прибывших генерал знал по делам, с которыми уже ознакомился, и теперь сопоставлял эти знания со своими впечатлениями. Наиболее интересным ему показался Одоевский: было похоже, что тот нисколько не огорчён своим нынешним положением государственного преступника, не обижен на столь несправедливый зигзаг судьбы, хотя расположения к императору, несмотря на его милость, не питал. К тому же, он писал стихи. Один из них, сочинённый в далёкой Чите в ответ на известное стихотворение Пушкина «Во глубине сибирских руд», тоже был в деле. Генерал его помнил.

*Струн вещей пламенные звуки
До слуха нашего дошли,
К мечам рванулись наши руки,
И - лишь оковы обрели.
Но будь покоен, бард! - цепями,
Своей судьбой гордимся мы,
И за затворами тюрьмы
В душе смеёмся над царями.
Наш скорбный труд не пропадёт,
Из искры возгорится пламя,
И просвещённый наш народ
Сберётся под святое знамя.
Мечи скуём мы из цепей
И пламя вновь зажжём свободы!
Она нагрянет на царей,
И радостно вздохнут народы!*

Стихотворение явно носило крамольный характер, но со дня его написания прошло почти десять лет, а они должны были сказать-

ся. Генерал исподволь наблюдал за Одоевским, усмирили ли того годы. Спросил:

- А вы, князь, стихи продолжаете писать?

Одоевский помедлил. Потом кивнул.

- У нас места поэтические, а события исторические, - продолжил Засс. - Не сомневаюсь, к вам обязательно придёт вдохновение.

- Да уже пришло, - вставил Нарышкин.

- Вот как? Уже что-то сочинили? - Оживился генерал.

Одоевский неохотно кивнул. А Нарышкин, который от вина и радушного приёма поверил в лучшие перемены на новом месте, общил:

- Муза с Александром в одной повозке ехала, вот засмотрелся он на журавлей и продиктовал, а я записал...

- Уже здесь? - спросил Сатин.

- На подъезде к городу.

- Так прочтите же, - попросил генерал Одоевского. И торопливо добавил. - Оно ведь не касается политики.

- Птицы свободны, и их не беспокоит то, что беспокоит нас, - уклончиво отозвался Одоевский и негромко, глядя на товарищей, стал декламировать.

Куда несётесь вы, крылатые станицы?

В страну ль, где на горах шумит лавровый лес,

Где реют радостно могучие орлицы

И тонут в синеве пылающих небес?

И мы - на Юг! Туда, где яхонт неба рдеет

И где гнездо из роз себе природа вьёт,

И нас, и нас далёкий путь влечёт...

Но солнце там души не отогреет

И свежий мирт* чела не обовьёт.

---

* Мирт - южное растение, в древнегреческой поэзии - символ любви.

*Пора отдать себя и смерти и забвенью!
Но тем ли, после бурь, нам будет смерть красна,
Что нас не Севера угрюмая сосна,
А южный кипарис своей покроет тенью?
И что не мёрзлый ров, не снеговой увал
Нас мирно одарят последним новосельем;
Но кровью жаркою обрызганный чакал*
Гостей бездомный прах разбросит по ущельям.*

На какое то время за столом установилась тишина. Наконец Засс прервал её:

- Я думаю, у вас это настроение скоро пройдёт. Мы научились воевать и напрасно своей жизнью наши солдаты не рискуют. Теперь император будет иметь представление о нашем здесь положении и об опасностях, так что и чины ваши скоро вернутся к вам, и свобода...

Ссылные в ответ промолчали и, спустя некоторое время, сославшись на необходимость хорошего отдыха после дальней дороги, откланялись...

...Разъезжались в разные места службы в разное время. Одоевский задержался: как всегда где-то какие-то бумажки не вовремя дошли, а назначение он получил неблизкое, в Тифлис. Жил он в гостинице Найтаки, в центре города. Сатин часто к нему наведывался, а потом познакомил с Лермонтовым⁹, с которым они учились и который тоже отправлялся в Тифлис. Тот остановился у своего родственника, начальника штаба войска Кавказской линии Петрова¹⁰, но всё свободное время проводил со знакомыми. И, несмотря на разницу в возрасте, между ними установился тот самый контакт, который возникает при взаимной симпатии, ощущении взаимного интереса и нужности друг другу. Они легко находили общие, интересные обоим темы для разговора, иногда соревнуясь, кто точнее

---

* Чакал - шакал.

опишет того или иного знакомого. У обоих был острый ум, завидное понимание людей, и поразительным образом совпадали оценки. Одним словом, скоро Сатин уже чувствовал себя лишним в их общении. Но ему было интересно наблюдать за ними. В разговорах Лермонтов был более желчен и порой безжалостен в характеристиках, Одоевский, может быть, в силу возраста и опыта жизненных перипетий был более мягок. Говорил он просто и всегда предельно искренне. А если не хотел обидеть, но имел плохое мнение о каком-нибудь человеке, ничего не говорил.

Более всего они любили беседовать о состоянии русской литературы, которую Одоевский знал хорошо, в Сибири он даже читал лекции своим товарищам по её истории, и Лермонтов с очевидным интересом, почти не споря, его слушал. Говорили они и о правилах стихосложения, часто вспоминая Пушкинский лёгкий слог и его поразительную точность. Но Лермонтов считал, что тот во многих стихах поверхностен и совсем не затрагивает души. Довольно часто речь заходила о мистике, сопутствующей религии, обоим это было интересно, хотя Одоевский очевидно был более набожен, чем Лермонтов и Сатин. И в таких разговорах они оба чувствовали себя учениками. Одоевский, казалось, знал досконально историю религии и, не во всём разделяя её ритуалы, искренне верил в волю Всевышнего.

Иногда они читали друг другу стихи. Одоевский свои никуда не записывал, хранил в памяти и читал не очень охотно. Но читал хорошо, очаровывая слушателей, словно владел магией слова.

Лермонтов старался устроить, чтобы они вместе отправились в Тифлис...

Так в разговорах и ожидании предписаний и прожили ещё несколько дней в Ставрополе. Как раз до приезда императора.

В тот день, 17 октября, горожане с нетерпением ждали на улицах приезд царствующей особы. Но императора всё не было, и только уже в сумерках по улице под возгласы: «Царь! Царь!» в окружении горящих факелов проехало несколько тёмных экипажей.

И, стоя на балконе гостиницы, Одоевский вдруг произнёс, ни к кому конкретно не обращаясь: «Похоже на похороны. Ах если бы мы подросли...» - вложив в эту фразу одному ему ведомый смысл. Затем залпом выпил бокал вина и добавил - Ave, Caesar, morituri te salutant.»*

Сатин, стоявший рядом с ним, негромко заметил:

- Это не тот цезарь, за которого стоит идти на смерть.

- Но он нас посылает,- также негромко отозвался Одоевский.

И Сатин подумал, что в стихотворении о журавлях слишком много печальных предсказаний...

Теперь жизнь Одоевского была связана с кавказскими горами по обе стороны могучего хребта, с военными стычками, бивуаками и прочей солдатской жизнью. Теперь он знал, где покоится его двоюродный брат Александр Грибоедов¹¹, который в те давние годы, разделяя чаяния декабристов, тем не менее не верил в успех их заговора. Александр помнил, как когда-то тот выразил сомнение, что «сто прапорщиков переменят государственный быт России». Он тогда сказал Грибоедову о Христе, который был один...

Как же давно это было... Убит и навсегда остался в этой земле Грибоедов. Не стало на этом свете чарующего своими стихами Пушкина, с которым он, после написания ответа на его стихотворение, чувствовал незримую связь. И вот он убит завистником, столь же никчемным человеком, как и император... И как верно всё то, что он и многие его товарищи думали, высказал в своём стихотворении на «Смерть поэта» юный Миша Лермонтов. И как он благодарен, что Господь свёл их, предоставил возможность насладиться чудесным общением...

Его брата Александра нет на этом свете уже много лет. И им пережито такое, что в пору их юности немислимо было представить... Он очень хотел и ему удалось побывать в имении Чавчавадзе¹², увидеть вдову брата Нину Грибоедову. Они много и светло го-

* Слався, Цезарь, идущие на смерть приветствуют тебя.

ворили об Александре... Он поднялся на гору Мтацминда, постоял у каменной плиты, под которой покоился прах брата...

Служил он в драгунском полку полковника Безобразова¹³, где было немало разжалованных в солдаты. Но общались они в основном с офицерами. Это отношение к государственным преступникам шло от полковника, который в своё время сам попал в немилость императора. Красавец мужчина, пользующийся успехом у женщин, он дослужился до должности флигель-адъютанта его императорского величества, влюбился во фрейлину императрицы, княжну Хилкову, а найдя свою молодую жену вскоре после свадьбы у посаженного отца Николая Павловича в государственной опочивальне, отпустил императору оплеуху...

Таким образом они одинаково относились к императору: И полковник и ссыльный князь были едины в своей нелюбви к Николаю...

Пути его с товарищами старыми и вновь обретенными разошлись. С кем надолго, а с кем и навсегда. Но были и радующие встречи. В июне 1838 года после окончания военной экспедиции он получает отпуск и отправляется на лечение в Пятигорск. Здесь он встретил старых знакомых Сатина и Лермонтова, общение с которыми особенно было приятным. Завёл и новых друзей. Одним из них стал доктор Майер¹⁴.

Они с Одоевским представляли контрастную пару: Александр даже в солдатской амуниции имел вид довольного жизнью, спокойного и уравновешенного человека. А его дружелюбное расположение ко всем, острый ум, искренняя весёлость, блеск глаз в разговоре и звонкий смех в ответ на шутки друзей располагали к нему сразу же любого собеседника, даже самого ярого оппонента.

В отличие от него доктор Майер был откровенно некрасив: широкая голова, глубоко посаженные маленькие глазки, толстые губы. А к ним вдобавок одна нога короче другой, отчего он носил специально подбитую обувь, но всё равно хромал. Но вся эта некрасивость исчезала, как только он начинал говорить, и видно было, что оба, и

Одоевскій, и доктор, просто наслаждаются беседой. И оба были заняты глубокими раздумьями о христианстве и о смысле жизни.

Девятнадцатилетній Александр пошёл в декабре на площадь с другими товарищами, отчётливо понимая, чем это ему грозит в случае неудачи, а потом сам пришёл в тайную канцелярию, сам заявил о своём участии в заговоре, был заключён в Петропавловскую крепость, а затем сослан на каторгу в Читинскій острог: так много всего случилось в его жизни, что он теперь иначе воспринимал свершённое им в прошлом. Но остался верен и своим идеям и товарищам, с которыми так много довелось испытать.

В том числе сохранил самые тёплые чувства к отцу. Хотя перед ним он и теперь чувствовал какую-то вину. Привыкшій к одиночеству, порой он остро ощущал тоску по родному дому, по ушедшим безвозвратно юным годам, когда, устремлённый в будущее, он не умел наслаждаться каждым мгновением, проведённым с семьёй. И более всего сейчас сожалел, что так мало времени проводил в детстве с матерью: Пасковья Александровна умерла, когда ему было восемнадцать лет. Отец же его любил безмерно. Не винил в произошедшем, поддерживая в ссылке и морально, и материально. И хотя был он уже преклонных лет, чтобы повидаться выехал навстречу ему в Казань, где они смогли провести вместе несколько незабываемых дней...

Теперь, спустя годы и события здесь, на Кавказе, вдруг родились строки:

*Я разлучился с колыбели
С отцом и матерью моей,
И люди грустно песнь запели
О бесприютности моей.*

*Но жалость их - огонь бесплодный,
Жжёт укоризненной слезой;
Лишь дева, ангел земнородный,
Простёрла крылья надо мной.*

Мне, сирому, ты заменила
Отца и мать, вдали от них,
И вполовину облегчила
Печаль родителей моих.

С отцом и матерью родною
Теперь увиделся я вновь,
Чтоб век меж ними и тобою
Делить сыновнюю любовь.

Эти стихи неожиданно стали песней, популярной среди военных.

Появились у него и новые друзья из офицеров и солдат, с которыми он теперь делил военные тяготы в тёплых южных краях. К службе он относился спокойно, как ко всему, что выпало ему и в прошлом, и в настоящем. И с таким же ровным спокойствием относился к грядущему, которое никто, кроме Господа, не мог знать. И он принимал свою судьбу без ропота и обиды.

Ведь всё, что было и будет, ему даровано в этой жизни случайно. Он в этом теперь не сомневался.

ВЕЧЕР В ЖЕЛЕЗНОВОДСКЕ

Они всё больше расходились во взглядах на жизнь и желаниях. Марию влекли удовольствия, которые так притягательны в молодости: шумное общество, беззаботное веселье, внимание окружающих, его же - встречи с друзьями, умные беседы, чтение. И хотя он был старше всего на четыре года и не так уж давно, встретив её, потерял голову и совершенно искренне написал давнему другу Герцену¹, что любовь к Марии спасла его от пустоты провинциальной жизни и «отчаяние сменилось верою», а виною этому именно любовь, теперь ему казалось, что их разделяет гораздо больший срок. Она ещё порхает, словно летняя бабочка, он же, как мудрый скарабей, собирает всё увеличивающийся груз знаний... Обожаемая Машенька, умная, весёлая, единственная на всю Пензу (да что там Пензу - на весь мир!), вошла в его жизнь в самую печальную пору. Свет тогда вдруг озарил его мрачное бытие: отцовский надзор, под который его отправили по решению суда за чтение неугодных царю и охране сочинений и писем, был сродни заключению: родовитый дворянин Платон Богданович Огарёв, своенравный, не признающий никаких новых веяний, никакого вольнодумства, к тому же из-за болезни бранчливый и нетерпимый к возражениям, видел в сыне продолжателя рода, управляющего огромной семейной вотчиной, а не потакающего хулителям и ниспровергателям ладно устроенного порядка.

Тогда явление Машеньки, Марии Львовны Рославлевой и его страсть к ней способствовали обретению душевного равновесия, из которого его вывели и преследования охранки, и суд, и заточение, и вынужденная разлука с товарищами, да и образ провинциальной

жизни, когда на смену жарким спорам о справедливом устройстве государства, заряжающим возбуждающей энергией действия, возвышающим над прочей публикой, наполняющим жизненные устремления смыслом, вдруг пришли сонные, одинокие будни, заполненные глупой и пустой суетой, разговорами о пустяках, касающихся обедов, визитов, наказания провинившихся крепостных и городских сплетен...

После свадьбы, помня свою клятву на Воробьёвых горах и наставления Герцена о коварстве женских чар, наполненный счастьем первых дней семейной жизни, искренне уверенный, что это будет продолжаться и дальше, он не сдерживается, спорит с лучшим другом: *«...другой жены я не мог бы выбрать и с другой не мог быть счастлив...»*

Сейчас, на отдалении во времени и под новым для него южным небом, он нет-нет да и вспоминал эти строки из своего письма и ловил себя на сожалении, что поспешил тогда с выводами, но винил в отдалении их друг от друга не жену, а себя. И даже здесь, на Кавказе, старался не огорчать её своим отказом провести время так, как ей хочется, сопровождая в визитах и бесцельном времяпрепровождении.

Иногда он заводил с ней разговор на темы, волнующие его, но Мария слушала невнимательно и могла вдруг перебить, задав какой-то совсем не относящийся к разговору вопрос, он тогда с трудом сдерживал раздражение и старался не показать свою обиду. И давал себе слово более не угождать жене, а жить собственной жизнью.

В этой собственной жизни на первом месте были друзья. И этот 1838 год подарил ему немало встреч с ними и незабываемое путешествие. Задыхаясь от душливой атмосферы каждодневного вынужденного общения со становящимся всё более деспотичным Платоном Богдановичем, они с Марией, наконец, нашли предлог для бегства и в начале мая отправились на Воды не столько поправить здоровье, сколько встряхнуться от наскучившей обыденности.

Путешествие это они замыслили неторопливым, решив посмотреть южные просторы и поставив родных в известность, что пробудут на Кавказе до осени. И поэтому по настоянию Николая заехали в Саратов, хотя это было не по пути, к Лахтину, товарищу по делу о вольнодумстве, который также был сослан в провинцию. Огарёв ожидал от этой встречи чего угодно, но только не того уныния и тоски, что так поразили его в Лахтине. Встреча получилась не такой, как ему представлялось. Лахтин не скрывал своего равнодушия и к его приезду, и к Марии, которую он отправил за ним, оставшись ждать в гостинице, опасаясь навредить товарищу, находящемуся под надзором. Когда тот вошёл в номер, первое, что бросилось в глаза, за эти три года, что не виделись: Лахтин сильно похудел. Но оба бросились друг к другу, поддавшись порыву. Вот только взгляд того уже не горел, не выражал радости, в нём Огарёв увидел поразившее его уныние. У него сложилось впечатление, что тот чем-то неизлечимо болен. Во всяком случае именно такой потухший взгляд и отсутствие желаний, по его представлениям, должно было предшествовать уходу в иной мир. И хотя он планировал задержаться в Саратове, сверить свои мысли, накопившиеся за годы пензенского одиночества, после этой встречи поторопился поехать дальше.

Зеленеющая майская буйная степь по берегам Дона, дыхание южных ветров и бескрайние просторы, заканчивающиеся пронзительной синевой неба на всё отдаляющемся горизонте, помогли избавиться от тягостных воспоминаний этой встречи. Но главное, что запомнилось из многодневной поездки вдоль разлившейся реки, - казаки. В них он увидел людей свободных, самостоятельных, совсем не похожих на запуганных крестьян, принадлежащих им, да и на пензенских мещан, которых тоже к свободолюбивым отнести было трудно.

Контрастом этим бодрящим и вселяющим веру в то, что раболепие всё же присуще не всем, впечатлениям была встреча на выезде из Саратовской губернии, о которой он потом нередко вспоминал

и которую пересказывал друзьям. Остановившись в одной из деревень, он попросил чаю и стал ждать, пока подадут, на крыльце станционного дома. Вдруг появился квартальный в новом мундире, изрядно заставивший его поволноваться: уж не аукнулась ли встреча с Лахтиным? Но тот подобострастно поинтересовался:

- Не здесь ли остановился сенатор Огарёв?

- Сенатор?.. Сенатора здесь нет, - догадался наконец Огарёв, что речь идет о его дяде, который не так давно ревизовал Саратовскую губернию. - Я - его родственник, но не только не сенатор, но даже ещё и не коллежский регистратор...

И предложил блюстителю порядка чаю.

Но квартальный явно оконфузился. Поспешно выпив горячий чай, раскланялся и торопливо ушёл.

Провожая его взглядом, Огарёв с горечью подумал, что в русском управительстве, за исключением безумца, мечтающего иметь благодетельное влияние по службе, служит разве только подлец...

Но по мере продвижения по казачьим землям этот случай всё более превращался в анекдот, достойный разве что застольной беседы, но никак не рассуждений, и скоро он полностью отдался новым оптимистичным впечатлениям.

Это пьянящее настроение прежде невиданных мест, простора, весеннего обновления и вольной, неподвластной никому, кроме Бога, жизни (что за песню пела казачка, переплывая через реку одна в маленьком челноке, на закате солнца!), не оставляло его до самого Пятигорска. Оно сохранялось и первые дни, усиленное такими близкими большими, с возвышающейся над ними белой папахой Эльбруса, и малыми, среди которых выделялись Бешту и Машук, горами, а главное - дарил незабываемые встречи с теми, кто попал сюда не по своей воле, с «первенцами свободы», как он их называл и с кого они в своём университетском кружке брали пример.

Встреча с Николаем Сатиным², ещё одним товарищем по судебному приговору, которой после Саратова он опасался, его не огорчила. Тот совсем не изменился, был так же горяч в мыслях и

азартен в спорах, не отказавшись от юношеских убеждений. И хотя на момент приезда был довольно серьёзно болен (мучил ревматизм), из-за него, собственно, он стал уже здесь старожилом, не утратил силу духа и искреннюю любовь к товарищу. Своёй радости от встречи он не смог, да и не хотел скрывать.

Они вечер провели в воспоминаниях. Много говорили о Герцене, который должен был нынче отбывать ссылку в Вятке, веря, что тот ещё прославит университет (они с Сатиным были лучшими в выпуске, серебряными медалистами), не преминули коснуться и не очень приятных дней, когда томились в застенках.

И Огарёв опять выказал свой восторг давнему поступку товарища. Когда остальных кружковцев арестовали, Сатин находился у родителей в Тамбовской губернии. Узнав об этом, он сам поехал в Москву.

А находясь в тюрьме, написал «Послание к сестре», строки из которого стали их общим гимном:

*Из тесной кельи заключенья
Зачем ты требуешь стихов,
Там тухнут искры вдохновенья,
Где нет поэзии цветов!*

Он был худ, немного прихрамывал, имел грустное красивое лицо, чем походил на Байрона, и чувствительную душу. А ещё был честен и тяготился тем, что вышел из дворян-землевладельцев. В университете все устремление и прилежание направил на поэтические опыты, уклоняясь от всяческой суеты. Но, тем не менее, загорелся идеями свободного общества, восторгаясь декабристами, и принимал самое активное участие в кружке. Друзья называли его «Рыцарем из Тамбова».

В Пятигорске он лечился уже длительное время, и его дом был открыт для друзей. Сюда почти ежедневно заходил, когда приезжал, Лермонтов³ - поболтать, отдохнуть душой. Здесь год назад

он разошёлся с Белинским⁴, приехавшим лечиться. Сюда постоянно заглядывали декабристы и прочие ссыльные.

В доме Сатина Огарёв и познакомился с князем Александром Одоевским⁵.

Явление одного из легендарных декабристов в солдатской шинели, но с лицом, в котором каждый встречный признавал человека благородного и более высокого и значимого, поразило Огарёва в первую же встречу. Во взгляде пережившего столь много: и утрату товарищей, и многолетнюю ссылку, и тяжести солдатской жизни, он не увидел ни апатии Лахтина, ни романтической восторженности Сатина. Это был взгляд человека, знающего главную тайну жизни, ответ на вопрос: для чего он пришёл в этот мир.

Он никого не винил за выпавшие на его долю невзгоды, снося их по-христиански спокойно, и никого не судил, хотя его и призывали в судьи.

Вот и Огарёв, желая продолжить знакомство и услышать мнение истинного знатока и ценителя, послал свои стихи на его суд.

И Одоевский их принял, проникшись к автору искренним участием. И с этого момента оба почувствовали потребность общения.

...И ещё с одним человеком Огарёв познакомился и сблизился благодаря Сатину. В первые же дни тот привёл к устроившимся Огарёвым доктора.

Врач штаба кавказских войск Николай Васильевич Майер⁶ был вольнодумцем, охотно общался с декабристами, отчего находился под пристальным вниманием надзорных органов. Внешне он был не красив, но привлекателен. Большой лоб, глубоко сидящие глаза, толстые губы. К тому же одна нога короче другой. И в то же время доброта, живой взгляд, острый ум и отчаянная смелость в суждениях. Майер свёл Огарёва с декабристами, которые теперь бывали у них почти ежедневно, как и Одоевский.

На его глазах доктор пережил личную драму.

Майера трудно было отнести к людям чувственным. Во-первых, он был врачом, а значит, хорошо знал анатомические особенности

человека, а во-вторых, воинствующим атеистом, из-за чего не раз попадал в неприятные ситуации, приобретя характеристику скептика и материалиста.

Так вот этот скептик вдруг влюбился. А вскружила ему голову молодая стройная черноглазая красавица с косой до пят. И, растопив сердце умудрённого жизнью, но, как оказалось, легковёрного мужчины, она быстро к нему охладела, сначала обманывая, а затем откровенно пренебрегая ищущим ответного влечения доктором.

Наблюдая эту скоротечную драму и сопоставляя свои переживания с переживаниями Майера, Огарёв находил немало похожего. Мария теперь уже не стремилась разделить с ним его интересы, она хотела жить своей жизнью. Прежде ему казалось, что они настолько близки, что его устремления, его радости так же важны и понятны ей. Но вот теперь он всё более убеждался, что это далеко не так. Жёну привлекали веселье, праздные разговоры, флирт. Нет, он верил ей, старался, как мог, не скучать на вечерах, куда шёл, подчиняясь её желанию, но это было пустым проведением времени и отвлечением от более важных встреч и разговоров и вызывало неизбежное раздражение и горечь.

В Пятигорске после довольно долгого перерыва он вновь начинает писать стихи.

*Но я не сплю, и в поздней ночи
Моё окно
Растворено.
Мне тихо месяц светит в очи,
И звёзды в трепетных огнях
Горят на ярких небесах.
Долина дремлет под туманом,
И величаво возлегла
Гора над нею великаном
И тень далеко навела.*

*И в час величия ночного
Как много дум
Рождает ум.
И чувство ясное святого
Душе так живо предстоит,
И как свободно мысль летит
В пределы мира неземного!..
И человеку есть призванье:
Всё, всё, что только есть,
Всё в область ясную сознанья
Из жизни внешней перенести.*

Но всё-таки его более занимают мысли о справедливом устройстве общества. Он встречается с декабристами, этими легендарными, пусть и постаревшими и уставшими «первенцами свободы», пытаясь постичь их силу духа, понять идеи, укрепляющие этот дух.

Так пролетают день за днём, обогащая его знанием чужого опыта, без которого невозможно выстроить жизнеспособную философию, это он теперь хорошо понимал, хотя ещё совсем недавно, перед поездкой, воображал, что уже всё ему очевидно: и справедливое устройство государства, и счастливые принципы его свободных граждан... Оставаясь верным своей клятве с Герценом отдать все силы служению людям, он, тем не менее, теперь многое переосмыслил, находя в прошлых поступках немало романтического, но не полезного...

Неожиданно для себя он узнал, что после ссылки большинство декабристов стало набожным.

Но особенно его поразил князь Одоевский. Будучи корнетом конногвардейского полка, в девятнадцать лет он вышел на площадь 14 декабря 1825 года, готовый умереть за идею. Он выделялся среди всех декабристов спокойствием и удивительными суждениями. Огарёв определил его христоподобным и не скрывал своей любви, любви ученика к мудрому учителю. И в то же

время не мог до конца постичь смирения князя, его покорность страданиям...

Наконец он пришёл к выводу, что эта жертвенность в князе именно от безмерной Христовой любви к людям, даже если они этого и не достойны. И чем дальше узнавал, тем больше постигал высоту, которой тот достиг, напрочь отказавшись от самолюбования, которое порой так мешало Огарёву...

В Одоевском всё было удивительно.

И внешний облик, в котором сочетались красота и светлый ум, и суждения, показывающие образованность и пылкое воображение.

И то, что он не записывал свои стихи, как все остальные. Он их сочинял в голове, потом читал наизусть и не очень-то желал, чтобы их записывали другие.

Разница в возрасте (более десяти лет) и в жизненном опыте, в котором был и самоотверженный декабрь, суд, каторга в Сибири, ссылка там же, а затем по ходатайству перевод рядовым на Кавказ, довольно скоро определила их отношения. И ученик старался ежедневно видеть учителя, не обращая внимания на то, что Марии это не нравится и что они всё более отдаляются друг от друга...

К концу южного лета Огарёвы переехали в Железноводск. Следом туда же приехали Сатин и Одоевский.

Железноводск из всех окрестных мест более всего понравился Огарёву. Дикая прелесть и тенистая свежесть этой лесной долины после палимого солнцем Пятигорска давала отдохновение, склоняла к философским беседам.

...В этот вечер они втроем решили прогуляться.

Звёзды уже вовсю горели в небесах, деревья по сторонам тропинки нависали над ней и создавали иллюзию закрытой от окружающего мира аллеи, свет месяца мягко пробивался сквозь густую листву. Они прошли к источнику, присели на скамейку. Попросили Одоевского прочесть свои стихи. Тот не стал отказываться, мелодичным голосом

начал читать. И слушатели поддались очарованию и этой теплой августовской ночи, напоенной ароматом созревших южных плодов и знойной степи, и тайне чарующих звуков, и магии рифмованных строк.

*Взгляни, утешь меня усладой мирных дум,
Степных небес заманчивая Пери!
Во мне грусть тихая сменила бурный шум,
Остался дым от пламенных поверий.
Теперь, томлю ли грусть в волнении людей,
Меня смешит их суетная радость;
Ищу я думою подёрнутых очей;
Люблю речей задумчивую сладость.
Меня тревожит смех дряхлеющих детей,
С усмешкою гляжу на них угрюмой.
Но жизнь моя цветёт улыбкою твоей,
Твой ясный взор с моей сроднился думой.
О Пери! улети со мною в небеса,
В твою отчизну, где всё негой веет,
Где тихо и светло, и времени коса
Пред цветом жизни цепенеёт.
Как облако плывёт в иной, прекрасный мир
И тает, просияв вечернею зарёю,
Так полечу и я, растаю весь в эфир
И обовью тебя воздушной пеленою.*

- Вам обязательно надо записывать всё, что вы сочиняете, - прервал молчание Сатин.

- Зачем? - произнёс Одоевский.

- Чтобы другие могли насладиться... - горячо поддержал товарища Огарёв. - И надобно издать отдельный том...

- Всё это лишнее, - не согласился Одоевский. - Я вам прочёл, и этого достаточно... И эти звуки останутся в этой ночи, под этим небом...

- Разве вам не хочется, чтобы их гармония доставляла удовольствие как можно большему числу людей? - спросил Сатин.

- Нет, мой друг, это совсем не нужно, - покачал головой князь. - Слово изречённое есть мысль, а разве мы можем заковать в кандалы мысль?.. В Сибири в остроге держали наши тела, но не мысли. Наши мысли были свободны тогда даже, может быть, более, чем сейчас... А все наши мысли приходят от Бога, от Всевышнего, и они принадлежат Ему... И только Ему. От Него приходят и к Нему возвращаются... И Он позволяет слушать изречённое тому, кому это нужно, необходимо для исполнения предназначения... Вот отчего их бессмысленно приковывать к листу бумаги.

- Но ведь именно благодаря этим прикованным мыслям наших предшественников и современников мы образовываемся, постигаем этот поддунный мир, - не согласился Огарёв. - Вы сами впитывали и, я уверен, впитываете и сегодня мысли мудрецов, оставивших свои труды...

- Да, это так, но лишь потому, что я не могу их слушать, - улыбнулся Одоевский. - И если вдруг мои сочинения будут нужны будущим поколениям, они придут к ним. И не обязательно через книжный том... Мы слишком много вообразили о себе... Мы столь мало знаем о мире и о своём предназначении, что не осмеливаемся в этом признаться и тщимся поставить себя вровень с Господом, обманываясь, веря, что сами распоряжаемся своей судьбой, что способны переделать по-своему этот мир. И в этом заблуждаемся. И любая тварь, тот же муравей, выше нас, ибо он не посягает на своё предназначение, на Истину - он частица её...

Сатин хотел что-то возразить, но промолчал.

У Огарёва тоже вертелось на языке возражение: разве можно сравнивать человека с муравьём? И не противоречат ли эти слова поступку Одоевского тогда, в 1825 году?.. Но ночь была так мягка и так растворяла их в себе, сближая со звёздами, с Богом, и он вдруг вспомнил поразивший его случай, отчего-то засевший в памя-

ти, словно имевший важный, пока не разгаданный смысл, и вдруг решил рассказать о нём.

- Я не так давно ходил в гору к гроту. Там сел почитать. Вдруг что-то прошуршало, взглянул: змея вползла в грот. Длинная, красивая по-своему... Вползла, подняла голову и шевелит своим язычком. И вы знаете, я несколько не испугался, подумал: вот оно, изящество создания Божия... Сидел и верил в провидение...

Он замолчал.

- А что дальше? - спросил после паузы Сатин.

- Прошипела и уползла...

- В этом мире всё сообразно Замыслу, но и непостижимо нашему уму. И наши души принадлежат только Богу. Он один ими распоряжается, отчего всё с нами происходящее нужно воспринимать смиренно, - произнёс Одоевский.

С этим утверждением Огарёв совсем не хотел соглашаться, но и спорить не было никакого желания: звенящая южная ночь вызывала неясное томление, и он лишь пожалел, что завели этот разговор, в голове всё ещё звучали напевные строки услышанного стихотворения, ему всё ещё виделся светлый женский образ, который, явившись на краткий миг, теперь безвозвратно исчезал...

Он попытался вспомнить свои чувства к той Марии, от которой три года назад потерял голову, но вместо этого всё возвращался к нынешней, считавшей его углубление в философию бесполезным занятием; да и прочие его заботы, встречи со знакомыми не вызывали в ней ничего, кроме скуки, отчего и муж становился скучен, и его приятели, и всё, что с ними было связано...

Он вспомнил недавний вечер, когда сидели они втроем, он, Мария и Сатин, у окна их дома, созерцая отходящую от знойного дня улицу, и молчали, не находя общей, интересной всем трем темы. И он чувствовал: лишней здесь была она, им с Сатиным было о чём поговорить, но оба знали, что это не будет интересно ей, и оттого не заводили разговор.

И было душно.

А единственная в Пятигорске шарманка играла где-то малороссийскую мелодию, пронзительно грустную.

И Николай вдруг ясно осознал, что их отношения с Марией не секрет для его товарища и тот сочувствует ему...

Они попрощались в тот вечер с Сатиным, ни слова не сказав друг другу о своём знании неизбежности его будущего расставания с Марией...

- Пойдёмте, уже совсем ночь, - поднялся со скамейки Сатин. - Август здесь самый чувственный месяц.

- Пойдёмте, - согласился Одоевский. - Скоро жизнь разведёт нас по своим дорогам, но эта ночь уже нам не принадлежит...

ВОЙНА И СВОБОДА...

1

*К*ак же соблазнительна и упоительна свобода! Особенно когда тебе нет двадцати и впереди свершение грандиозных планов, удовлетворение давних и даже тайных желаний, от которых ещё вчера приходилось отказываться в силу множества причин: возраста и положения в обществе, ответственности перед родными и близкими, принятых правил поведения, придуманных обязанностей. Теперь же он свободен поступать так, как посчитает нужным, как захочет.

От этой мысли дух захватывало и всё существо наполнялось рвущейся наружу нетерпеливой энергией познания долгожданных наслаждений. И он безудержно предался им в гостеприимной Москве, а затем в ослепительном Санкт-Петербурге, совсем потеряв голову, не в силах сопротивляться соблазнам, пока горько не осознал их порочность. И дал себе слово больше не уступать низменным страстям. Даже пребывая на Водах, в праздном Пятигорске, куда приехал поправить здоровье, отчего, едва устроившись на квартиру, на следующее же утро пошёл к доктору и, внимательно выслушав все наставления, твердо решил неукоснительно придерживаться их, не обращая внимания ни на какие соблазны, он не позволял себе уступить искушениям. С первого взгляда уже было очевидно, что общество здесь не отличается целомудрием, офицеры предаются разгулу ещё более, чем в войсках, напрасно он обижался на брата Николеньку¹ и его товарищей, безудержно гулявших после батальи; местная публика тщится избавиться от провинциальности, что, естественно, не получается, а оттого всё вокруг отдаёт наигранностью и надуманностью.

Нынче он избегал компаний и даже тяготился ими, а совсем недавно ещё бравировал, считал разгульную жизнь интересной. Слава Богу, не потерял Ясную Поляну, и то лишь благодаря родным, простившим ему доставленные волнения и неприятности. Сейчас, на отдалении от бывшего и от родных, предоставленный самому себе в этом уютном доме у подножия лечебной горы, ничем иным, кроме как опьянением свободой, он не мог объяснить своё поведение, когда, закончив обучение и отправившись в столицы, предался не трудам, а безмерным увеселениям и страстям. И как мог он так попасть под влияние игры, которая в одночасье заставила его униженно избегать обыгравших, кому он остался должен, и спешно писать, чтобы брат изыскал срочно деньги и он мог бы сбросить проклятый орловский долг... Кто знал, что этот Орлов, с которым он взялся играть, окажется шулером или везунчиком и обдерёт его как липку, выиграв не целковый, даже не сотню или две, а тысячу двести рублей серебром...

Он тогда осознал, что такое жить в долг.

Отписал приказчику продать принадлежащий ему лес, но всё ещё поддавался всяческому столичным искушениям и соблазнам, и, помимо орловских, возникали и другие долги, а лес не брали за ту цену, на которую он рассчитывал. И тогда он приказал продать всех лошадей, но опять же получил за них не столько, сколько ожидал. Велел брату Сергею² выгнать жулика управляющего, продать и Воротынку, а ежели мало за неё дадут, продать и ещё пару деревень, оставляя только Ясную Поляну, с которой расставаться было горько...

И продолжал кутить, гулять напропалую, начиная понимать и пугаться, что, если не разорвёт сейчас эти путы своей неразумной свободы, поплатится ещё больше. Но всё никак не мог найти в себе сил, чтобы, как и намечал, заняться дальнейшим образованием, а когда понял, что нужно куда-то бежать, решил, что лучше всего уехать туда, где соблазнов просто не будет, и вызвался ехать на Кавказ к Николеньке, стал волонтером...

И поехал к воинственным чеченам...

Он думал, что тем самым оставит себя, плохого, все свои мучения, свою ничтожность в прошлом, и так и было вначале, когда первые впечатления на новом месте отвлекли от мыслей и все вокруг было в новинку: и мужественный Николенька, и его товарищи, и чудесная охота в полях и болотцах, набитых русаками, а в камышовых островах - лисицами. Охота, которой он с азартом и страстью предавался... И добрейший, хотя не без тщеславия, подполковник Алексеев³, белокурый, рыжеватый маленький человечек с усиками и бакенбардами, которые прежде бросаются в глаза, отвлекая от всего остального, командир батареи, к которой он был прикреплен. И, тем более, экзотические горцы, которых, по причине невозможности различить их нацию, было принято всех без разбору называть татарами.

Но потом вернулись прежние мысли, продолжая мучать вопросами: а для чего, собственно он живёт?.. и что должен делать?.. и во имя чего?..

Стало казаться, что всё происходящее вокруг него - полная бессмыслица.

Да и он сам - недоразумение в этом мире.

Он даже усомнился в целесообразности приезда сюда, в том, что это сделает его лучше, что это провидение, терзаясь от вновь обуявшего его тщеславия, сластолюбия, сладких грёз о славе и женщинах...

И однажды пришёл к выводу, что единственно истинным здесь может быть только равнодушие к жизни. Что здесь, на Кавказе, кроме смерти, ждать ему более нечего.

Это равнодушное осознание конечности его, а значит, и всего сущего, успокаивало, отстраняло от суеты вокруг. Но ненадолго. Скоро возвращались смехотворно мелкие, но назойливые мыслишки о том, что недавно заказал седло, на котором ему удобно будет ездить в новой, ладно сидящей на нём черкеске. И что в таком виде можно волочиться за казачками...

А стоя перед зеркалом, вдруг заметил, что левый ус у него явно выше правого, и расстроился. Но тут же сказал себе, что надо бы не расстраиваться от этого, а привести их в соответствие...

Равнодушие к смерти проявлялось более в стычках с горцами, делало его храбрым и спокойным перед опасностью. Оно принесло уважение товарищей и солдат.

Но по весне всё вокруг стало опять в удовольствие.

Он даже без устали повторял, что будь у него деньги, купил бы непременно здесь, на юге, имение и начал бы хозяйничать, убеждая неверящих, что в здешних местах это делать можно с большой выгодой.

И вновь продолжил писать «Детство», которое то нравилось, то нет.

А потом взял отпуск и отправился в Пятигорск.

Попутчиком кроме слуги Ванюшки стал прапорщик Буюмский⁴, который то был забавен и необходим ему, чтобы избавляться от скуки (хотя он отдавал себе отчёт, что нехорошо вести себя неуважительно по отношению к человеку, даже ежели он и глупее тебя, и менее остроумен), то являл собой источник раздражения, и на протяжении всей дороги он переключал внимание то на него, то на верного пса Бульку, который вызывал только положительные эмоции. И примирял его с окружающими.

И когда они, наконец, въехали на улицу, застроенную небольшими домишками, среди которых редко встречались каменные строения, он с облегчением стал разглядывать спешащих по своим делам обывателей и праздно фланирующих военных, но более обращал внимание на видимые окрестности.

Слева от дороги, внизу, бурлила горная речка. За ней виднелись хаты казачьей станицы Горячеводской, а справа подступала Горячая гора. Были видны также казармы, недостроенный храм и отличающийся от всех прочих зданий костёл.

На первый взгляд городок выглядел аккуратным и чистеньким, что настраивало на приятный отдых.

Он довольно быстро нашёл квартиру в слободке под горой, откуда можно было видеть снежные головы Эльбруса. Домик стоял в саду, спрятавшись среди деревьев, окружённый цветами и звенящий пчелами небольшой пасеки. Стоило открыть калитку, и он попадал в райский уголок, пронизанный покоем и умиротворением. Хозяева его были незаметны, нисколько не мешали ни работать, ни предаваться лени, когда та брала своё.

Как только он вошёл в этот двор, сразу же определился: теперь он будет только лечиться и писать. Его свобода отныне будет служить лишь для того, чтобы делать что-то полезное.

Он уже много передумал в этих южных диких краях, далёких от полной советами и пропитанной всевозможными запахами жизнедеятельности Тулы (ни того, ни другого он терпеть не может). И здесь, на лечении, им с Ванюшкой совсем неплохо в этом тихом доме на склоне горы. Его лечащий доктор Дроздов⁵ оказался на удивление образованным человеком, любителем литературы и даже читателем «Современника». Хотя он по возрасту годится в отцы, они легко сошлись, может оттого, что пришлось быть весьма откровенным и рассказать не только о ревматических и зубных болях, но и о своей венерической болезни, которую он хотя и излечил в Тифлисе, но всё ещё страдал от последствий ртутного лечения. И доктор отнёсся к этому с пониманием, ничем не выразив своего отношения и любопытства, а посоветовал съездить ещё и в Железноводск, источники которого хорошо подходят для восстановления разрушенного.

Пятигорская же публика, с которой пришлось всё же знакомиться (положение обязывало), показалась ему провинциально напыщенной, мало отличающейся от тульской, разве что здесь очевидно было преобладание помещиков и офицеров, оттого не было ни малейшего желания сблизиться с кем-либо, кроме семьи доктора, куда он вскоре и напросился: семейные дома и публичные места были главным местом досуга и обсуждений всех событий и приезжающих.

Восторженный Бумеский, расквартировавшийся по соседству, в первый же день вырядился в голубые панталоны, натянул сапоги с большими шпорами, почистил эполеты и, рдея румянцем от ожидавшихся приключений, отправился на бульвар и в общественные места, где надеялся устроить замечательные знакомства. Но его надеждам не суждено было сбыться ни в первый, ни в последующие дни...

Ванюша привычно занялся хозяйством, выражая восторг по поводу гастрономического разнообразия продуктов и их невысокой цены, отчего мог теперь кормить барина и его приятеля и вкусно, и недорого. Обрадовавшийся концу дороги и возможности наконец-то размяться и насладиться своей собачьей свободой и бездельем Булька изучал новое местопроживание. Сам же молодой граф чередовал лечение и сочинительство с приятным времяпрепровождением в саду. Нередко он начинал утро именно с сада. С любования его созревающими плодами, с выслушивания жужжащих безобидных пчёл, которые, как и они с Булькой, подымались на рассвете и разлетались по окрестностям собирать нектар...

Не это ли пример истинного трудолюбия и целесообразности существования, думал в такие минуты граф, наслаждаясь нею зарождающегося дня, в котором для каждой живности было своё дело.

Неуёмный Бумеский, столь похожий на него прежнего, всё искал романтических знакомств, но девицы его не замечали, а новые друзья соблазнили играть в карты да и обыграли вчистую. Толстой засадил приятеля переписывать новые главы своей рукописи, но тот делал это с неохотой, хотя и соглашался послушать только что написанное, порой бурно выражая свой восторг или скрывая разочарования. В ответ на неуважительное отношение к плодам его трудов, граф высмеял Бумеского в письме к тетушке и зачитал тому нелепый отрывок. Прапорщик обиделся, ушёл, не прощаясь, и несколько дней не разговаривал, но потом растаял под напором извинений и просьб дать оценку только что сочинённому. И искренне похвалил прочитанную главу «Детства».

По вечерам над городком разносились звуки музыки. Бравурные марши сменялись танцевальными мелодиями. Музыка, убажывающая отдыхающих, вызывала сладкие и небезгрешные воспоминания, когда они с братом Сергеем предавались в Ясной Поляне разгулу, сходя с ума от цыганских напевов. Этому наваждению было трудно противостоять, и граф был несказанно рад, узнав, что дочь Дроздова Клавдия хорошо музицирует, и теперь охотно ходил к ним в дом, где они беседовали с хозяином о прочитанном, обсуждали литературные новинки или музицировали в четыре руки с Клавдией. Та играла на фортепиано замечательно. И хотя не всегда их выбор совпадал (Толстой предпочитал Бетховена или Моцарта всем остальным композиторам), она быстро подстраивалась под его вкус, и граф, как правило, оставался доволен этими упражнениями.

Образ жизни, который он определил по приезду, скоро отнёс его в разряд чудаков или же оригиналов: он пил воду вместо вина, исправно принимал ванны, не волочился за женщинами, предпочитал веселым компаниям одиночные прогулки, избегал курортное общество. Единожды не выдержал, поддался искушению, сходил на концерт известной в Европе виолончелистки Кристиани, приехавшей с гастролями, но остался недоволен. Не всегда удавалось избегать балов или званых обедов, и тогда приходилось терпеть и плоские шутки, и глупые распросы: отчего это у графа всё ещё нет офицерского чина?

Наконец-то простивший его окончательно и переставший искать приключений Бюемский помогал коротать вечера, и, помимо обсуждения написанного за последние дни, они нередко касались других тем. Чаще философии и религии. Но как-то даже заговорили о математике, в которой, правда, оба оказались не настолько сведущими, чтобы долго продолжать этот разговор. Обсудили и формулу Платона о том, что добродетель составляют три качества: справедливость, умеренность и храбрость. Оказалось, что они по-разному понимают, что значит каждое из этих качеств. Лев считал, что справедливость есть не что иное, как моральная умеренность. Жить

по правилу «ничего лишнего» - это есть физическая умеренность. Храбрость же, несомненно, вытекает из физической умеренности, и в этом есть сила человека. Прапорщик понимал эти термины проще, перенеся эти понятия в их повседневный быт, когда хорошо служить и уметь наслаждаться жизнью и было добродетелью. Столь примитивный взгляд граф принять не мог.

Нередко он видел в Буюмском самого себя в недавнем прошлом, находя в нём те же дурные черты, что и в самом себе: увлечение игрой, сладострастие и тщеславие. Впрочем, тщеславия у прапорщика было меньше, да, пожалуй, и в остальном он был менее страстен, довольно легко относясь и к проигрышу, и к любовным неудачам. И тем не менее, Лев был убеждён, что истоки дурного в них похожи. Они оба играли не из-за выигрыша, не ради денег, как это делали другие, и что было понятно и объяснимо, а ради ощущений, которые давала игра. То есть это была опасная страсть. Избавиться же от этой страсти можно было, только отказавшись именно от этих ощущений, посчитав их ненужными и пустыми. Он и внушал это приятелю, приводя в пример собственное поведение: вот уже скоро год, как он избегает случая играть и всё менее подвержен этой страсти, всё реже его тянет к игре.

Другое дело сладострастие. Чем больше воздерживаешься, тем сильнее желание. Этой страсти подвластно и тело, и воображение. Телу легко противостоять: стоит отправиться на охоту или же просто до утомления прогуляться, и оно освободится от желания. Сложнее с воображением. И тут спасает сочинительство, когда ты волен дурную страсть превращать в высокие помыслы...

Правда, он вынужден согласиться с тем же Буюмским, эта страсть естественна и даже прощательна: будь он сейчас женат (ему ведь уже двадцать три года!), он не считал бы её дурной...

Иное дело тщеславие. Это самая настоящая моральная болезнь, вроде проказы. Она уродует всё, подобно венерической болезни. Тщеславие есть незрелая любовь к славе, которая отравляет всё существование.

Он считал, что эту страсть он изничтожил в себе во время болезни в Тифлисе. Но порой его обуревали сомнения: не пытается ли он обмануть себя... Вот ведь не так давно, уже будучи здесь, в Пятигорске, мечтал стать покорителем Кавказа...

И, несомненно, эти три дурные страсти являются следствием незрелой свободы юности, когда не имеешь никаких твердых понятий о вещах. И этот период у каждого длится по-разному. Чем умнее молодой человек, тем скорее должна пройти эта эпоха и выработаться правила, по которым следует жить. Но чем больше человек имеет склонности к размышлению, находя в них моральное наслаждение, тем больше старается оттянуть окончание этого периода. Поэтому, как правило, все начинают жить, покинув детство, по непродуманным и несовершенным правилам...

Бумеский многое не понимал, теряя нить разговора, начинал откровенно скучать, это раздражало Толстого, но он старался завершить начатую мысль и запомнить её, чтобы затем записать в дневник или вложить в уста героев своих сочинений, которых именно по привычке различных мыслей, казавшихся ему очень важными, становилось всё больше...

Может, по этой же причине всё больше ему стали нравиться неспешные разговоры. Даже глупые, обыденные. В самый длинный летний день заболтался с каким-то гусаром, явно многого из сказанного им не понимающим, но зато великолепно реагирующим на пустяки, как то обсуждение проходящих женщин и офицеров или воспоминания о баталиях. Затем потратил время на беседу с малознакомым штатским, воспринимающим всё им сказанное с умным и понимающим выражением лица. После таких разговоров довольно легко писалось, он воображал, что именно они и будут читателями его произведений, появилось даже желание в третий раз переписать «Детство» с учётом вкусов подобных читателей, избавляясь от уже видимых слабых и неверных мест. Он всё более убеждался в том, что его герои должны говорить и поступать так,

как для них естественно, не нужно стараться их сделать лучше или хуже...

...В конце июня он поехал в Железноводск, как и рекомендовал доктор.

Здесь его вообще никто не знал, он был полностью свободен от любых условностей и волен делать что угодно, но предпочёл после ванн предаваться размышлениям над вопросами, на которые пока не находил ответа.

К примеру, о бессмертии души.

Или о ее небессмертии...

Или о том, что признак правды есть ясность... (Значит, писать нужно как можно яснее.)

А совесть - это вернейший и лучший путеводитель в жизни.

И не есть ли отсутствие личной пользы признак добра?..

«Тот человек, которого цель есть собственное счастье, дурен; тот, которого цель есть мнение других, слаб; тот, которого цель есть счастье других, добродетелен; тот, которого цель - Бог, велик...» - записал он в дневнике.

И тут же усомнился: всё ли правильно в этих выводах?..

И возразил себе же: несомненно, цель жизни есть добро...

Но «неужели всякое развлечение, удовольствие, не приносящее пользы другим, есть зло?..»

Бесспорно лишь одно - совесть рано или поздно упрекает во всякой минуте, употреблённой без пользы...

Да, удовольствия без пользы дурны, признавал он.

Человек, который поймёт истинное добро, не пожелает ничего другого.

Не искать пользы ближнего, а жить лишь для себя есть зло!..

«Смерть не есть зло, ибо это есть несомненный закон Бога».

«Я молюсь так: Боже, избави меня от зла, то есть избави меня от искушения творить зло и даруй мне добро, то есть возможность творить добро. Буду ли я испытывать зло или добро? - да будет воля твоя».

И этими мыслями он поделился с дневником...

Не бывая в курортном обществе, чему отчасти способствовало и отсутствие офицерского звания, он получал удовольствие от своей неприметности, возможности наблюдать жизнь простых горожан, находя её всё более отличной от знакомой ему тульской или казанской.

...Среди ночи вдруг возник переполох: привезли раненого хозяина дома. Тому по дороге повстречался татарин и, ни с того ни с сего, шутя, выстрелил из пистолета. И это не вызвало особого удивления, которое присутствовало бы при таком событии в той же Ясной Поляне. Для этих мест это было естественно.

Впрочем, для него это уже тоже не было удивительно.

Он физически ощущал: время, проведённое на Кавказе, переделывало его, обличая в неведомую прежде новую форму, формулируя пока ещё неясные, только нащупываемые правила, по которым придётся жить после окончания эпохи юности...

2

...И вновь знакомая дорога. Но нет уже новизны удивления, которая была год назад. Привычны далёкие снежные вершины, приближающие горизонт и лесистые склоны гор. Привычен зной ещё не выгоревшей, но уже утратившей многоцветье степи. Привычны то и дело встречающиеся казачьи разъезды, провожающие колючие взгляды горцев и их красивые и хорошо сложенные женщины, поспешно отворачивающие лица, в остающихся позади селениях. Всё было знакомо и неизменно. Но он уже был иным. Не тем Лёвушкой, который бежал из России не столько от долгов, сколько в поисках самого себя. И не тот разгульный барин, которого поминали не всегда добрым словом. И даже не тот нижний чин, который ещё прошлым летом мучительно разбирался в самом себе на лечебных водах. Теперь причиной его приезда сюда было не столько здоровье, сколько желание встречи. Он спешил на встречу с любимой сестрой, в мыслях торопя этот час, ожидая от него щемящего уми-

ления и чувства окрыляющей близости, ощущения своей нужности другому человеку и восторга ответной радости.

К Машеньке⁶ он испытывал странное чувство. Как вынужден был не без горечи признаться самому себе, после её замужества оно весьма походило на ревность, и он старался избавиться от него, держась с Валерьяном⁷, мужем сестры, благожелательно. И даже доверил тому управлять своим именем. Но в мыслях он считал, что всё же хорошо было бы, если бы они жили втроём: Николенька, Маша и он. Жаль, что у Маши есть Валерьян, он, конечно, будет им мешать. И отмахивался от подобных дум: ну да пусть будет как есть, эти трое так хороши, что от них и он стал бы лучше...

Теперь в Пятигорске всё так и будет: рядом и Николенька, и Маша, и Валерьян.

Как замечательно, что у него такие родные...

Как ему будет хорошо рядом с ними, совсем не придётся скушать, и нет никакой нужды в Буемском, у которого совсем иная, отличная от его, судьба...

Он поедет напрямую на старую квартиру (лучшего не стоит и искать), вновь встретится с доктором Дроздовым (правда, музицировать с Клавдией уже не станет), но это потом, а прежде туда, где остановились Маша с Валерьяном, в дом священника Эрастова⁸...

Лошади по гладкой и прямой дороге бежали споро, легко было вообразить, что это не они торопят долгожданную встречу, а всё вокруг, даже сами горы на горизонте скользят мимо, и это не слишком быстрое, но всё же заметное движение снежных вершин убаюкивало, погружало в волнующие раздумья: как найдёт его Маша спустя столько времени? И как найдёт он её?..

Она, несомненно, должна заметить, что он изменился. За то время, которое он провел на Кавказе, он многое передумал, многое пережил и немало стыдил себя за прошлое. Нет, он стал совершенно другим. Уже нет никаких сомнений, этот период не случаен в его жизни. Прошедший год его многому научил. Он многое понял в себе и людях. Но теперь ему уже нечего здесь

делать, можно уходить в отставку. Правда, без офицерского чина это непозволительно. Неверно будет истолковано родными и знакомыми. Да и обществом, с которым ему приходится считаться. И он вынужден учитывать это, а не поддаваться собственному тщеславию, которое тоже оставил в прошлом, в ушедшей юности, в которой он наделал так много глупостей. Только ради всех остальных он добивается чина...

Стояли на горизонте величавые вершины. Тянулась вдоль дороги обширная неоглядная степь. Позади облаком зависала и долго не оседала в раскалённом воздухе поднятая пыль. Вокруг всё было просторно, вольно. И он был сейчас, как никогда, свободен, хотя ещё недавно ему казалось, что свобода означает иное.

Вот уже возникли на горизонте лесистые вершины Пятигорья, скорее, скорее... Не стоит жалеть лошадей...

3

...Насколько сильным всё-таки бывает воображение... И чем сильнее оно идеализирует желанный предмет, тем больше огорчение от несоответствия реального воображаемому.

Он нашёл Машу совсем другой, чем представлял. В воображении он видел её уравновешенной, обременённой некой неведомой мужчиной тайной, матерью семейства, предпочитающей уютный дом всему остальному. Но представления эти рассыпались с первых минут. Нет, она была так же, как и прежде, мила и умна, и встреча их была трогательной. Но после слёз умиления от возможности созерцать друг друга: «Боже, Лёвушка, как ты возмужал. Совсем стал другим». - «А ты всё так же привлекательна и грациозна». - «Ну что ты, я ведь уже не девочка, а дети - это такие заботы...» она вдруг заторопилась на какой-то бал, щебеча о здешнем весьма недурном обществе, в котором она так замечательно проводит время...

Спокойный и степенный Валерьян, по-видимому, уже примирившийся с бурной жизнью жены вдали от дома: «Пусть отдохнёт от детей. Она так хотела приехать сюда», показался ему более родным.

Правда, спустя некоторое время он вынужден был признать, что при всей практичности и честности - он оказался хорошим управляющим Ясной Полянкой - в Валерьяне так и не появилось тонкого чувства благородства, а он надеялся, что этому поспособствует Маша. В этом он был похож на Николеньку. Тот тоже мог порой совершенно бестактно посмеяться над манерами или внешностью человека, находя подобное поведение хорошим тоном и не думая, что это может обидеть...

Совершенно неожиданно долгожданная встреча не обрадовала, а вызвала тяжесть и грусть.

Может быть, ещё и оттого, что ни Маша, ни Валерьян, не говоря уже о Николеньке, не поддержали его намерение уйти в отставку без всякого офицерского чина.

Ему даже показалось, что Николенька, который прежде принимал участие в его делах, вдруг стал столь же холоден, как и Маша, увлечённая новыми знакомыми, визитами и ещё невесть какими планами. Для него у них совсем не оставалось времени.

И, как бывало и прежде, от мучений и обиды отвлекало только сочинительство.

С утра он теперь, как правило, старался хоть что-то написать, либо продолжая «Отрочество», либо возвращаясь к кавказским историям. Потом шёл к родственникам (Николенька тоже остановился у Эрастова). Вновь огорчался, замечая, что никому особо до него нет дела, и, проведя бесцельно пару часов, возвращался к себе с ещё большим убеждением, что не стоит тратить время на пустые разговоры, а следует писать и писать...

К тому же удивительно хорошо думалось. Сюжеты складывались сами собой, персонажи легко воображались, изначально являясь подлинными людьми, которых он хорошо знал, оставалось лишь добиваться ясности изложения...

Каждый вечер, ложась, он давал себе зарок встать рано и писать, даже если и будет написано плохо, можно потом поправить, а вот потерянное без пользы время не воротить.

Но вдруг всё отбросил, не отрываясь прочёл «Записки охотника» Тургенева⁹, ясные, незатейливые настолько, что отбивали всякое желание сочинять самому.

В этих нерадостных размышлениях о собственном неумении приехал в Железноводск, где решил бросить писать далее «Отрочество», а если что и сочинять, то уж лучше начатый роман или кавказские рассказы. Этот переезд и перемена мест немножко встряхнули его, избавив от вдруг навалившейся лени, придав мыслям новый импульс. Он твёрдо решил на двадцать шестом году своей жизни, что молодость, несомненно, уже прошла и теперь наступило время труда.

В Железноводске встретил Александра Европеуса¹⁰, попавшего на Кавказ из-за участия в вольнодумном кружке «петрашевцев»¹¹, взгляды которых его одновременно и притягивали, и отталкивали. Порой он остро сожалел, что в своё время так и не сошёлся с борцами за идею всеобщей справедливости, которых называли коммунистами, и не одобрял царя, осудившего молодых и азартных людей лишь за какие-то собрания и распространение письма господина Белинского к писателю Гоголю. Впрочем, сутью этого политического дела Толстой особо не интересовался, хотя и находил, что замена казни каторгой или ссылкой всё равно является слишком жестоким наказанием за мысли и слова.

Еuropeус попал на Кавказ вместе с товарищем, Николаем Кашкиным¹². Тот лечился в Железноводске от лихорадки и показался Толстому занятным собеседником. Они довольно скоро сошлись, проводя немало времени в разговорах. Кашкин по царскому велению был также помилован, но разжалован из офицеров и прежде отправлен в ссылку в Архангельскую губернию, в Холмогоры, а затем - рядовым в кавказские линейные батальоны в станицу Белореченскую. Государь посчитал, что снега и морозы будут меньшим наказанием, чем пули горцев... Теперь он был уже унтер-офицером и имел за отвагу Георгиевский крест.

Они часто спорили.

Толстой считал, что выступления против существующего порядка ни к чему не приведут, что истинная идея не может быть понятна только малому количеству людей. Более того, она может являться заблуждением.

Кашкин соглашался, что каждый человек или группа может заблуждаться, но любая самая верная идея всегда зарождается в голове одного или нескольких человек и созревает в совместных спорах. И именно с этого и начинается её воплощение, и рано или поздно она овладевает большинством и становится реальностью.

Они расстались с сожалением, надо было уезжать, лечение закончилось, но договорились обязательно встретиться в Москве, куда Кашкин надеялся скоро вернуться, отвагой и делами добившись царской милости.

Может быть, под влиянием этих разговоров у графа появилось желание писать, и он по возвращении в Пятигорск сразу же принялся за казачью повесть. И, написав задуманное, с удовольствием откликнулся на предложение Маши прогуляться по бульвару, пытаясь заразиться от неё праздной весёлостью, хотя это было не так просто. Ей нравилось всё, что не нравилось ему: бульвар, жара, неспешные отдыхающие и суетливые горожане. Он же, раскланиваясь со знакомыми и делая приличную физиономию, думал, как это всё скучно, лицемерно, и всё более утверждался в мысли, что только труд может доставить ему удовольствие и принести пользу...

Пришёл сентябрь. Но здесь, на юге, он был продолжением лета, разве что короче стал день да перестало палить солнце. И разговоры пошли о близящемся отъезде: им с Николенькой вновь в войска, а Маше с Валерьяном - домой... Но в планах они думали жить все вместе в Москве, и в разговорах под тёплым звёздным южным небом это казалось легко осуществимым и даже неизбежным.

Он писал теперь кавказские рассказы, но те продвигались не очень хорошо.

И вдруг пришёл замечательный сюжет об игроке, о том, что он так хорошо знал, о чём столько передумал... Отложил в сторону все рукописи и начал легко и быстро:

«Так часу в третьем было дело. Играли господа: гость большой (так его наши прозвали), князь был (что с ним всё ездит), уса́тый барин тоже был, гусар маленький, Оливер, что в актёрах был, Пан были. Народу было порядочно.

Гость большой с князем играли. Только вот я себе с машинкой круг бильярда похаживаю, считаю: девять и сорок восемь, двенадцать и сорок восемь. Известно, наше дело маркерское: у тебя ещё во рту куска не было, и не спал-то ты две ночи, а всё знай покрикивай да шары вынимай. Считаю себе, смотрю: новый барин какой-то в дверь вошёл, посмотрел, посмотрел да и сел на диванчик. Хорошо».

Тут же нашлось и название: «Записки маркера». Мелькнула мысль, что у Тургенева тоже «Записки», но прогнал её. И вновь заторопился записать теснившееся. Писалось легко и просто, предложение тянулось за предложением, не заставляя особо задумываться. Он спешил, отгоняя от себя мысли, что читателю не ясно, кого он имеет в виду, и следует, наверное, более объяснить, кто эти люди: князь, гость большой, Пан... Он-то их хорошо представлял, он мог бы их описать подробно, даже назвать имена, да разве важно это маркеру, от лица которого вдруг захотелось изложить историю, в которой Нехлюдов - это, может быть, он сам в прошлом. Или же Орлов в конце концов именно так закончил свою жизнь, ведь он был очень азартен, он ведь тоже играл не ради денег, а потому, что не мог поверить в свой проигрыш...

Толстой отвлекался, наносил обязательные визиты, принимал процедуры, но в каждую не занятую иными мыслями минутку продолжал в уме писать, радуясь, как всё ясно и просто получается и как всё вязко вьётся одной нитью... Вдохновение не покидало его. И он не смог не признаться в дневнике: *«Пишу с таким увлечением, что мне тяжело даже; сердце замирает».*

Теперь он видел все погрешности в том, что написал до этого. И не сомневался более: не надо думать ни о читателе, ни об издательстве, совершенно неважно, понравится ли им написанное. Главное, чтобы это нравилось ему.

И ещё он узнал: писать истинное - это большой труд сердца...

Закончил рассказ, и, словно совершил тяжкий труд, вновь ододела лень. Чтобы вернуться к только что пережитому возвышенному состоянию, взялся перечитывать ранее написанное. Но вместо желания сочинять пережил разочарование. Всё получилось не так, как он чувствовал, понимал...

Завёл было разговор об этом с Машей, Николенькой, но им не было до этого никакого дела. Они жили какими-то своими заботами, радостями, которых он совсем не понимал. Они не считали, что главное - это труд, находя удовольствие совсем в другом.

А он никак не мог забыть, как в детстве Николенька хвастался, что у него есть тайна, и когда он её откроет, все люди станут счастливыми и все будут любить друг друга. Теперь тот делал вид, что не помнит этих слов. А ему ещё хотелось верить, что такая тайна есть. Хотя он всё более находил подтверждение тому, что её никто не знает.

Вот любят ли его родные так, как любит он их?..

А любят ли солдаты, с которыми он уже столько времени?..

Любит ли Оксана, из-за которой он поссорился с приятелем?

Или Аксинья... Правда, она ему уже не так нравится, как прежде, хотя он и предложил ей поехать с ним...

Или казачка Марьяна, которая оставалась в его глазах чистой, неприступной и величавой. Может, оттого и признался он ей в любви не теми словами, отчего потом было стыдно это признание вспоминать. И позже, да и сейчас ещё нет-нет да воображал её, неизмеримо более искреннюю, оттого стоявшую выше сказанных им тогда слов, то своей любовницей, то женой, хотя прекрасно понимал, что для этого ему надо стать казаком Лукашкой, разбитным, грубоватым, отчаянным...

И пугался этих мыслей...

Женщины, которых он встретил здесь, были под стать дикой природе.

Каждый день он видел перед собой неприступные снежные вершины, безыскусную красоту здешней жизни и таких первобытно красивых и естественных в выражении своих чувств женщин.

И это казалось ему неизмеримо более ценным и истинным, чем лепет чопорных гостиных, неестественно сложенные губки напомаженных и обряженных девиц, душный запах навязанных отношений...

Да и мужчины, которых он знал до Кавказа, не шли ни в какое сравнение с теми, кого он встретил здесь. Эти были незатейливы, прямы и смелы. Тот же казак Епишка, его добрый друг и знаток множества поучительных и забавных историй. Или чеченец Садо¹³, с которым они стали кунаками. Садо подарил ему кошелёк, а он в ответ - плохонькое ружьё. Потом Садо пригласил его в свой аул, в свой дом и предложил выбрать всё, что хочет: оружие, лошадь... Лев выбрал серебряную уздечку, но его новый друг обиделся и заставил взять дорогую шапку...

Как глупо, что в этом краю люди убивают друг друга.

Отчего люди вообще воюют?

Война - такое несправедливое и дурное дело. Вероятно поэтому, чтобы заглушить голос совести, на ней много пьют и безрассудно играют... Они с Садо познакомились, когда тот собрался играть, а граф его отговорил. Его кунаку и так хватает острых ощущений: он крадёт у неприятеля лошадей, скот. Иногда у него бывает много денег, а порой ни копейки. Но он не думает об этом, он живёт, как ему хочется, как он считает нужным для самого себя. Когда у Толстого заболела лошадь, он подарил ему свою. А потом произошёл случай, который продемонстрировал графу, что значит для горца куначество. Однажды в прогулке на лошадях их настигли воинственные чеченцы. Садо направил своё незаряженное ружьё на преследователей и, пока они с графом спешно ретировались к кре-

пости Грозной, угрожающе кричал, что выстрелит в самого смелого из них, не позволяя приблизиться. Выехавшие из крепости казаки вынудили преследователей ускакать, не позволив им взять в плен иноверца и отомстить единоплеменнику.

Порой в горячке погонь и перестрелок граф Толстой ловил себя на безумном азарте, в чём-то схожем с игрой, когда надеешься только на удачу, на выигрыш, не допуская даже мысли о проигрыше.

За месяцы в южном краю он уже многое повидал на этой войне, которая так нуждалась в Николенькиной, всё ещё не раскрытой, тайне.

Может быть, поэтому его всё более раздражала восторженность Маши перед всем нарочитым, неестественным, привезённым сюда, в эту дикую девственную красоту из душных гостиных столицы и Тулы.

А может, ему не хотелось, чтобы она уезжала.

По невесть какому пустячному поводу они поссорились за неделю до отъезда.

Вернувшись в тот день к себе, он собрался было тут же написать ей откровенное письмо, но, когда начал, вдруг понял, что это сделать гораздо труднее, чем сочинять рассказы...

4

...Октябрь принёс уже ощутимую прохладу. На вершинах Эльбруса начали увеличиваться белые шапки.

В начале октября 1853 года уезжали домой Маша с Валерьяном.

Лев собирался уехать в войска следом, через день-два. Накануне отъезда сестры он немало времени провёл за написанием писем знакомым, которые передавал с ней. Ссора и так и не восстановившиеся сердечные отношения с сестрой и скорый её отъезд отбили всякую охоту сочинять. Брался продолжать «Отрочество», к которому относился то с восторгом, то с огорчением, и откладывал. Открывал кавказские рассказы, но все мысли были о скором и неизбежном

расставании. Лучше всего получались письма, в которых он обещал в ближайшем будущем покинуть службу и вернуться в родные места, чтобы уже всерьёз заняться литературной деятельностью.

В этом состоянии бессилия что-либо изменить и не в силах прогнать навалившуюся грусть он встретил день отъезда.

Прощаясь с плачущей сестрой, сам не смог сдержать слёз, понимая, как глупо ссориться, как глупо требовать от другого человека, чтобы он поступал исключительно так, как хочется тебе и давал свои обещания - в ответ на её - больше так не делать...

И верилось, что все прежние недоразумения разрешились, что теперь уже ничто более не нарушит их любви друг к другу, и оттого миг расставания был целомудрен и светел...

...Вот уже не различить ни выражений лиц, ни фигур.

Валерьяна совсем не стало видно, а Маша продолжает смотреть на него, всё отдаляясь и отдаляясь.

Он часто заморгал, не желая, чтобы теперь видели его слёзы и думая, что напрасно всё же обижался он на Машу, и попросил Господа простить ему и этот грех.

Вот уже и не видно их совсем.

Он представил, как вьётся перед ними дорога, как долго поедут они по ней, оставляя всё дальше и дальше и минувшее лето, и горы, и его, скоро отправляющегося в другую сторону.

С большим удовольствием он сейчас поехал бы следом (но не вместе с сестрой и её мужем) и встретил бы эту зиму в деревне, и жил бы, как давно мечтал и как было уже, когда приехал из Казани в Ясную Поляну и под влиянием прочитанных философских трудов стремился к опрощению в одежде и быту. Тогда он сшил себе длинный халат, в котором можно было и спать, и ходить: полы при необходимости пристёгивались пуговицами внутрь. Теперь он был уверен: те юношеские добрые планы, осуществлению которых тогда помешали самоуверенность и тщеславие, сейчас он бы осуществил.

Уехавшие исчезли за горизонтом.

И в этом городке у него оставался один дом, в котором ему было хорошо.

Он поехал к Дроздовым...

...Оставшиеся до отъезда дни он старался проводить теперь в этом доме. Настроения писать не было. Ездил с Дроздовыми верхом, вечером музицировал с Клавдией или беседовал с доктором о литературе.

Но и с ними пришло время прощаться.

Может быть, навсегда.

Он долго перебирал, что бы оставить милому доктору на память, и не нашёл ничего лучше подзорной трубы. В неё можно было разглядеть и близкие горы, и шапки Эльбруса.

Доктор подарил ему свою книгу «Кавказские Минеральные Воды», только что вышедшую в Ставрополе...

Вот и он уже готов отправляться в путь.

Вокруг горели осенними красками склоны гор и желтела выгоревшая степь.

Пора было возвращаться в станицу Старогладковскую, где его ждали товарищи и служба.

Граф оглянулся.

Второй раз он покидает этот южный город у подножия гор, в котором на этот раз нашёл не только здешнее удивившее год назад общество из напыщенных провинциалов и шикающих линейных офицеров, но и столь знакомое, привычное российское или даже тульское - с жеманными девицами и их бдительными мамашами.

Он подумал, что свобода - это опьяняющее чувство, но оно чревато ошибками. Война же страшна и одновременно волнующе сладка.

Но истинна только семья...

...Спустя полтора года он записал в дневнике: *«Я начинаю любить Кавказ, хотя посмертной, но сильной любовью. Действительно хорош этот край дикий, в котором так странно и поэтически соединяются две самые противоположные вещи: война и свобода».*

КАВКАЗСКАЯ ОХОТА

Пятигорск его не впечатлил. Он предположил, что умиление тех, кто восторгался этими местами, объяснялось их собственной осёдлостью, незнанием иных мест, кроме тех, где выпало родиться и жить. К тому же после промозглого Петербурга или пыльной Москвы или же после зимних холодов в двух столицах южное предгорье с его знойной истомой, гортанным говором экзотических горцев и курортной праздностью должно было вызывать восторг. Ему же не в новинку были ни жара, ни степь, ни разбойничьи лица и несалонные отношения, и сюда занесло его, можно сказать, благодаря исключительной слабости к своим казацким корням по материнской линии, которые шли от запорожских, а затем кубанских казаков. Отец-то был истинный русич, с новгородчины, от него Гиляровский перенял не только умение в охоте и рыбалке, но и уверенность в том, что выживёт в любой ситуации, а вот от матери ему достались непоседливый нрав и жажда свободы. И маята, склонность к перемене мест (а может, это был зов крови степных вольнолюбивых предков) пробудились в нём, когда ещё в отрочестве, увидев вывеску «Цирк араба-кабила Гуссейн Бен-Гамо», он пришёл в дикий восторг, а потом сначала подрался, а затем подружился с сыном хозяина цирка Оськой, отец которого, араб по происхождению, давно обрусел, а мать была чистокровной русской, и Оська родился в России. Через эту дружбу Володя стал учиться цирковому мастерству и уже через пару месяцев делал сальто-мортале и на скаку прыгал с лошади на лошадь.

И по тому же зову он в шестнадцать лет ушёл из дома.

Прошагав пешком из Вологды в Ярославль, пристроился к бурлакам, похоронившим только что умершего от холеры товарища и

нуждавшимся в замене выбывшего, а благодаря природной своей силе и ловкости, скоро сделался среди них равноправным. Назвавшись Алексеем Ивановым (по имени и отчеству отца), он отработал всю путину, удостоившись уважительно-настороженного прозвища «Бешеный» - за то, что всё время демонстрировал свою неумную энергию и переборол всех сотоварищей, охочих до этого.

А осенью поступил вольноопределяющим в Нежинский полк, быстро постиг немудрёную науку солдатской выучки, став лучшим строевиком, скоро назначен был взводным, старшим капральным и даже занимал какое-то время должность фельдфебеля. И спустя два года службы был направлен в юнкерское училище в Москву. Здесь он узнал разницу между солдатской и офицерской жизнью. Вместо грязных нар - кровати с чистым бельём. Еда - не сравнить. Но и дисциплина здесь была железная, никакой свободы, а учение до упаду. Проучился-проспал на чистом белье всего ничего, несколько недель: не смог смириться с несвободой. И возвращаться обратно в полк не захотел. Подал рапорт на увольнение, на базаре сменял шинель и мундир на потрёпанное пальто, кепи - на ватную старую шапку, и началась его вольная жизнь: истопник в Ярославле, пожарный, рабочий на рыбном промысле, табунщик в астраханских степях.

...Эти дни на полярном просторе запомнились, как никакие другие. Родившийся в краю дремучих девственных лесов, он вдруг воспыал необъяснимой любовью к степи. Бескрайние просторы переносили его в прошлое, будя фантазию (или, может быть, поднимая пласты памяти). В калмыках он видел потомков древних скифов и скоро не сомневался: степь и лошадь - вот главное богатство калмыка, да и прочих народов, живущих в этих местах. И главное благо здесь - свобода.

Он влюбился в степь и, тем не менее, работу табунщика назвал каторжной. И не раз потом вспоминал её девиз: «Табун ушла - я ушёл. Табун пропал - я пропал». Особенно трудно было сохранять табун зимой, когда сутками приходилось быть в седле в морозы и

пронизывающий ветер. Нередко, закоченного, его снимали с лошади и отогревали в джулуне*.

А ещё бурлила кровь от вида Жени, племянницы хозяйки, юной красавицы казачки, высокой, тонкой, лихой наездницы. Брови чёрные дугой, глаза с поволокой...

Жаль, совсем юна та была...

Уважали же его здесь за знание лошадей, джигитовку, вольтижировку (пригодились цирковые уроки араба) и владение арканом. Да ещё за то, что знал французский язык и мог перевести хозяину, что говорили между собой покупатели лошадей, прицениваясь к покупке...

Потом он подался в Ростов-на-Дону и поработал цирковым наездником. И, наконец, стал выходным актёром в театре, удовлетворив свою давнюю тягу к лицедейству. Постоянные переезды, гастроли по городам центральной России не давали заскучать...

Тут и застало его предложение казака Бокова из Таганрога, с которым он познакомился, когда выступал в цирке. Уж сильно тогда приглянулся крепкому хозяину-казаку, владельцу конюшни, лихой наездник. Тот отыскал его после представления, уговорил отобедать, а когда узнал, что у циркача течёт казацкая кровь, совсем его полюбил. Вот и стал теперь уговаривать помочь ему купить в Кабарде производителей для своих кобыл. А Владимиру уже хотелось простора и разгула. Да и сезон окончился, самое подходящее время для смены обстановки, вот и согласился с радостью.

Так летом 1876 года он очутился в предгорьях Кавказа.

Первым делом они с Боковым поехали к кабардинцам Урусбиевым¹. Те коней видных держали. Ну, а потом из аула в аул переезжали, у Бокова знакомых оказалось много, и везде угощение и развлечение - охота. И везде цирковое умение Гиляровского потрясало знающих толк в джигитовке горцев. Желанный гость тут же становился кунаком, которого обязательно надо было познакомить с

---

*Джулун - кибиточка при табуне

ближними и дальними родственниками, а родственников у каждого горца было немалое количество.

Ещё перед поездкой Боков, зная об обычаях горцев, обрядил своего гостя в местную одежду: черкеску, бурку - и неизменный для горцев и казаков кинжал подарил, так что чувствовал себя Гиляровский среди мужественных мужчин совсем своим.

День за днём катились незаметно, гостеприимство кабардинцев границ не знало. Наконец, спустя недели три, стал Боков домой собираться: у деда его день рождения приближался, а тот был человек уважаемый, гостей на торжестве будет много, никак нельзя внуку задержаться.

Но в Пятигорске Гиляровский настоял на том, что останется на несколько дней: побывать здесь и не пройти по местам, где хаживал великий поэт, никак нельзя. И на место, где отлетела душа того, тоже следует подняться. Кроме того, в городе висели афиши гастролей драматической труппы Максимовича-Христинича, его вдруг потянуло с неодолимой силой в театр. Вот и сказал другу-казаку, что задержится, а через пару недель приедет.

На том и порешили.

Боков уехал со случайным попутчиком-офицером в Россию, а Гиляровский на следующее утро направился по тропе на склоне Машука вверх к месту, где был убит Лермонтов.

Шёл среди прогретых южным солнцем деревьев и кустарников, не торопясь, окидывая взглядом то здесь, то там приоткрывающийся среди зарослей, оставшийся внизу городок, как вдруг позади раздался топот копыт, и его догнали три всадника. За ними на поводе шла четвёртая лошадь с вьюком. Приблизившись, они осадили коней, и в первом всаднике он узнал кабардинца, с которым познакомился во время одной из охот. Этот горец был удивительно похож на лермонтовского Казбича, во всяком случае, Гиляровский так себе того представлял, читая роман. Был он явно из уважаемых и богатых людей: шашка, кинжал и газыри отливали золотом, горцы с ним держались почтительно. Он немного разговаривал по-русски,

но это умение использовал крайне редко. И, тем не менее, они сумели понять друг друга, и Гиляровский неожиданно для себя на одном из застолий даже разоткровенничался с ним. А тот, прощаясь, тогда твёрдо произнёс:

- Ти мэнэ кунак - я тэбэ кунак! Моя - твоя, твоя - моя!

Сказал, словно закон подписал.

И вот теперь он сидел на передней лошади, а по сторонам замерли в ожидании два джигита, такие же высокие и стройные, только один - с седеющей острой бородой, а другой - молодой с чёрными усами.

Кунак спешил, поздоровался за руку, и они, отойдя от тропы, присели на траву.

Горец поинтересовался, чем Гиляровский занимается, куда идёт. А выслушав ответ, произнёс:

- Ва! Мы кунаки! Мои деньги - твои деньги, мой лошадь - твой лошадь! Охотиться будем... Туда-сюда поедем. Хорошо будет.

Гиляровский размышлял недолго. Всё-таки одиночество его прельщало меньше, чем общество. И тем более приключения. Жаль, правда, было, что придётся отложить визит в театр, но впечатления, которые обещает ему кабардинский князь, это компенсируют.

- А как тебя звать? - запоздало спросил кунака.

По мановению руки того к ним подошёл джигит с бородкой, обратился к князю: «Ага*» - и далее сказал что-то ещё на своём языке, приложив руку к голове и сердцу.

- Зови Ага, - произнёс кунак. - Ага, и больше ничего. Тэбэ я - кунак, им - Ага.

Джигиты вернулись от лошадей, разослали перед ними бурку, достали из перемётной сумы сыр, чурек, посудину и два серебряных стакана.

- А это твой лошадь, тэбэ дару!

Кунак сделал жест правой рукой, и старый джигит вмиг развьючил четвертую лошадь - на ней оказалось серебром отделанное

---

* Ага - начальник

седло с перемётными сумами. Остальной вьюк они распределили на своих лошадей и по знаку Аги положили перед Гиляровским в чехле из бурки винчестер, которого он до сих пор не видел.

- Это - тэбэ.

- Хаирбулсын, кунак! - поблагодарил его Гиляровский, к месту вставив пока единственное слово, которое он запомнил.

- Хаирбулсын! - тот улыбнулся и произнёс: - Едым?

- Едем, - согласился Гиляровский.

- Едым! - утвердительно повторил он.

И он подтвердил:

- Едем!

- Ты в городе не оставил каких-нибудь писем или бумаг?

- Только бурку.

Ага опять сделал жест, и старик отторочил от седла лёгкую, как пуховое одеяло, бурку.

Нальчик миновали поздно вечером.

Проехали Большой аул и заночевали в отдельной постройке, кунацкой, на широких низких скамьях, обитых коврами. Бурка оказалась очень даже кстати.

Встали рано, ещё в темноте, и перед рассветом въехали в ущелье, по которому бежал Черек, приток реки Баксан.

На вопрос Гиляровского, куда они направляются, Ага сказал, что настоящая охота бывает высоко в горах и они поднимутся к балкарскому аулу Безенги, который находится у самого подножия гор-великанов Каштан-Тау, Дых-тау и Минги-Тау.

Далеко это или нет, Гиляровский не представлял, но положился полностью на кунака.

Скоро дороги не стало, и они передвигались по каменным карнизам, нависающим над бурлящим потоком, изредка пересекая ровные поляны, на которых буйно цвели рододендроны, переплетались кустарники, и каким-то чудом на склонах держались грабы, сосны и даже дубы. Иногда из низких зарослей с криком выле-

тали фазаны, но джигиты не обращали на них никакого внимания. И даже когда небольшой облезлый медведь сорвался с кручи над тропой, по которой они шли, и упал в бездну, в гремучий Черек, не придали этому особого значения, словно такое случалось не впервые.

- Нас пугался, маладая, людей не видал, - только и пояснил неразговорчивый кунак.

И Гиляровский, покачиваясь в седле осторожно ступающей по карнизу лошади и положившись полностью на её умение ходить по таким тропам, вспомнил свою первую охоту на медведя.

Подростком он уговорил дядю взять его с собой, и они, соврав домохозяевам, что будут охотиться на лосей, вьюжным днём (сейчас пот заливал глаза, и о зиме было думать приятно) отправились в заповедные места. Ехали прежде на тройке. Потом на мужицких розвальнях до лесной сторожки, где переночевали. А наутро пошли к медвежьей берлоге.

Володю тогда взрослые охотники поставили около толстой сосны шагах в восьми от берлоги. Сами же встали по бокам и за ним (на всякий случай). Лесник начал тыкать в берлогу длинным шестом.

- Смотри, целься в лопатку, не промахнись, это твой медведь, целься, не горячись, - напутствовал его дядя Коля.

И когда вслед за рычанием из-под снега выросла громадная фигура медведя, он прицелился и спустил оба курка.

Из-за дыма ничего не было видно, но за звуком выстрела раздался страшный рёв, и он стоял ни жив ни мертв, не зная, попал или нет.

- Bravo! Молодец! Наповал! - услышал голос дяди.

Зверь был громадный, и обе пули попали ему в сердце...

Возвращался он тогда домой героем и первый раз пережил восторг товарищей. Этот же восторг в глазах он видел у зрителей, когда раскланивался после выступления.

...Но удариться в воспоминания некогда было: впереди распахнулась горная долина, посреди которой голубело широкое озеро. Здесь остановились на привал.

Гиляровский не удержался, сказал, что не видел воды такого цвета...

Ага взял два больших белых камня и бросил. Они сразу стали тёмно-голубыми, а в глубине пропали уже тёмно-синими. На берегу, хотя они и остановились повыше, довольно ощутимо пахло серой.

Перекусили холодной жареной бараниной, козым сыром, чурками. Запили бужой* из тыквенных горлянок: воду из озера пить нельзя было.

Дальше по пути им встретились ещё три таких же голубых, только поменьше, озера, от которых серой пахло ещё больше.

Наконец дошли до подвесного моста через ущелье, сплетённого из прутьев кустарника или стволов тонких деревьев, без настила, без каких-либо перил. Перед ним паслось стадо коз. Пастухи тут же надоили и подали им с кунаком по чашке ароматного густого молока. Ага бросил им горсть серебряных монет, и те долго молча кланялись, прикладывая руку то ко лбу, то к груди. И Гиляровский опять подумал, что его кунак не иначе как кабардинский князь.

Но обо всём забыл, как только вступил на шаткий настил. Идти по такому качающемуся мосту без ограждений, да ещё держа в одной руке повод, было страшно. Но он подумал, что если горцы здесь ходят, те же пастухи, сможет и он. Ну, а если и упадёт в пропасть, жалеть о нём некому: за время скитаний привязанности он ни к кому не обрёл.

От волнения заторопился, шагнул на настил, не дождавшись, пока пройдет Ага, но старший джигит его придержал и разрешил идти только тогда, когда кунак уже ступил на землю на другом берегу и мостик перестал раскачиваться.

Гиляровский шёл, держа в руке повод, сначала опасаясь, что лошадь может сбить его с шага, но та шла привычно уверенно, повод ни разу

* Хмельной напиток из мёда и пшена.

не натянулся, и он скоро успокоился, мысленно похвалив разумных кабардинских коней, и старался не смотреть вниз на грохочущие буруны Черека, с благодарностью отмечая очевидную пользу своей цирковой выучки. И всё же, когда, наконец, ощутил под ногами твердь, не смог удержать переполнявшую радость от благополучно избегнутой опасности. И выразил её вдруг пришедшим на ум возгласом:

- Хорошо здесь!

- Джигит! - отозвался Ага, улыбнувшись и окидывая его одобрительным взглядом...

...В ауле Безенги, в который они не стали заходить, направляясь в известные Аге охотничьи места, но оглядели его сверху, жили балкарцы, древний горский народ*.

Легенда гласит, что народ этот пошёл от охотника Малкара, который появился невесте откуда, а до этого жило здесь немногочисленное племя таулу**.

Ему эти места понравились, он привёл сюда свой род, но, чтобы не мешать старожилам, они осели на другой стороне поляны. Жили оба рода мирно. Но однажды пришёл сюда человек по имени Мисака. Он остановился у Малкаровых, которых было девять братьев и сестра. Они полюбили друг друга, но братья не разрешили сестре выйти замуж за Мисаку. И тогда влюблённые решили убить братьев, и во время покоса сена сестра напоила братьев крепким напитком из ячменя, а когда те заснули, Мисака убил их.

Женившись и став хозяином всего имущества братьев, Мисака привёл сюда других людей, стал притеснять таулу и превратил их в своих данников.

В это ущелье, которое стали называть Малкар, скоро после этого пришёл воин по имени Баснат. Он был верхом на лошади и

---

* Балкарцы - народ, состоящий из пяти отдельных обществ, включающих отдельные аулы и посёлки, расположенные недалеко друг от друга. Безенгиевское общество - самое высокогорное, от этого аула самый близкий путь к ледникам, расположенным на склонах вершин. Именно в этом месте находятся пять из восьми пятитысячников Большого Кавказского хребта. Балкарцы родственны карачаевцам, живущим в ущельях по другую сторону Минги-тау.

** Таулу - горцы.

с огнестрельным оружием, которого в этих местах не знали. С ним пришли его прислужники. Он обещал Мисакам не отнимать у них их права по отношению к таулу. А попал сюда Басиат из другого ущелья реки Урух, куда в своё время пришёл с братом Бадилят (прибыли они из Венгрии или из Крыма). Бадилят в горы въехал на лошади, а Басиат - на муле, которого здесь прежде не видели, и горцы приняли за старшего сидящего на коне Бадилята и оказали ему почести.

Басиат же после этого решил искать счастья в другом месте и поехал в ущелье Малкар, где и был принят.

Аналогично создавались и другие общества. Устроены они были следующим образом: управлял ими старейший и достойнейший из таубиев - опий. Таубин были верховной властью и пришлыми людьми. Уздени и эмчеки - второе сословие. Узденями назывались люди, которые имели свои участки земли, собственное хозяйство, даже рабов, но обязаны были служить при таубиях. Эмчеки - люди свободного происхождения, но находящиеся под покровительством таубиев, несли известные повинности лично и материально по отношению к таубиям. Затем следуют чагары и, наконец, казаки и карабаши. Чагары так же, как русские крестьяне, принадлежали таубиям. Казаки и карабаши - домашние рабы и рабыни таубиев из людей, взятых в плен, украденных и купленных. Казак значит одинокий, бездомный, бесприютный. Карабаш - чёрная голова - так называли рабынь.

Что же касается кабардинцев, то они из адыгов, черкесов, пришли со стороны Майкопа, ведомые князем Кабардом. Осели они не в ущельях, а в большей степени в предгорье. В районе Пятигорска их даже называли пятигорские черкесы. Управляли ими князья, уздени и духовенство. С балкарцами они жили довольно мирно, но и особо не пересекались и даже сторожили друг от друга скот.

Ага сказал довольно скупое, что живут здесь мирные люди, привыкшие к горной тишине и снегам, что в основном они скотоводы,

но и неплохие охотники. Аул был не очень большой, но, как сказал Ага, древний, и его дед, прадед и прапрадед о нём знали. А самым заметным зданием была сторожевая башня на краю села.

Сверху аул казался безжизненным, но тянулись вверх, в синее небо, белые дымы. Это была совсем неведомая Гиляровскому жизнь, и он был бы не прочь спуститься вниз, в долину, пообщаться с живущими в этом отрезанном от всего мира уголке, но Ага сворачивать не стал, и они стали подниматься ещё выше к ледникам, оставив аул внизу.

Когда белые вершины были уже совсем рядом, они наконец увидели их: пятнадцать рыжих красавцев, возвращающихся на неприступные ледники с водоёпом. Впереди шёл вожак, старый тур с огромными рогами.

Они шли друг за другом, грациозно перепрыгивая с уступа на уступ, и неминуемо должны были выйти на их засаду, перерезавшую единственную, набитую многими копытами тропу.

Вот они начали перепрыгивать через узкую расщелину, след в след ставя свои копытца, и в этот момент никто не стрелял, бесцельно было терять добычу в пропасти. Наконец они появились на ровной площадке, уже достигаемые для выстрела, и охотники выстрелили почти одновременно - четыре тура остались лежать, а пятый, раненый, рванулся в сторону и полетел в пропасть...

Разглядывая гордое животное с большими изогнутыми рогами, только что окончившее свой земной путь, Гиляровский вспомнил вологодского охотника Ираклиона Корчагина, который служил на Кавказе. У того было два огромных турьих рога - один натуральный, а другой служил кубком. Этим кубком шутили над гостями, поднося новичку наполненный доверху вином или пивом и предлагая выпить. Весёлый гость ретиво брался пить и проливал всё на себя. Секрет был в том, что из него нельзя было пить залпом, а лишь слегка поворачивая и не поднимая.

...Потом, когда наелись душистого мяса, щедро запив его бужой, и обменялись мнением об охоте (не очень-то и лёгкой после такого многокилометрового пути), засыпая под близким звёздным небом, Гиляровский вновь увидел голубые озера и себя на розовом в утренней заре снегу. Он увидел себя пробирающимся по турьей тропе с винтовкой наготове. И вдруг перед ним из чёрной пропасти появилась гигантская фигура человека как бы парящего в воздухе. Он видел папаху, такую, как у него, руку, опирающуюся на винтовку, тоже поразительно знакомую, ногу, отставленную на камень...

И он понял, что этот огромный человек - он сам, стоящий в необъятном просторе; внизу - мрак бездны, снеговые вершины над гигантских размеров вторым его «я».

И этот второй зачаровывал.

И он, казалось, поглотил весь остальной мир.

А потом стал бледнеть и таять...

Пятигорск после горных троп, мостика, вершин, молчаливых горцев показался излишне суетливым, с каким-то неестественным током жизни, и он не стал медлить, попрощался с кунаком и заторопился в Россию. Ещё не зная о том, что придёт время и он будет вспоминать час за часом этот неожиданный поход в горы, под самые ледники, где живут непостижимые его равнинному уму люди. И наконец опишет всё, что пережил. А описав, признается, что так до конца и не разгадал видение, которое подарил ему Кавказ.

«АНГЕЛ БЛЕДНЫЙ»

Милая девушка Катенька. Очаровательная. Она юна, только-только окунулась в чувственный мир, и он смотрит на неё несколько снисходительно, с высоты своих двадцати двух лет и уже пережитых познаний. Но ему с ней удивительно легко. Торопясь на свидание, он даже забывает о своей болезни, из-за которой и приехал в Пятигорск в этом, 1896 году.

Он молод, но у него уже вышла книжка стихотворений, и, чего совсем не ожидал, но и здесь, за тысячи вёрст от столицы, о нём слышали, его стихи читали. Правда, немногие, в основном библиотекари и несколько активных читателей. Для большинства же он студент, поправляющий здоровье и пишущий на досуге стихи. Во всяком случае именно так он представляется, когда кто-то интересуется. Так представился и Катенькиной тёте, приехавшей с племянницей на воды из Грузии. И Катеньке тоже. Это при знакомстве. А позже признался, что не только отдыхает, но и всю сочиняет свою новую книжку стихотворений, у которой уже есть название - «*Me eum esse*». Что значит - «Это я». Сказал об этом, когда уже многое знал о ней. Это было не сложно. Когда от роду всего пятнадцать лет и не забыты ещё детские игры и школьные годы, но уже есть жених, так и хочется поделиться со старшими.

До Катеньки Валерий жил исключительно по распорядку: в шесть - подъём, в семь - ванна, «*в одиннадцать доползаю до стола и пишу письма (много я их пишу)*... наступает жара, градусов до 60, когда ничего делать невозможно. После часов в 5... можно пройтись по бульвару, послушать музыку, зайти в библиотеку...»

Библиотека - это отдушина. Он совершенно не ожидал, что здесь так много книг, и с удовольствием предавался чтению. Серьёзному и не очень. Так наконец одолел все сочинения Шатобриана¹, чтобы знать о модных веяниях. Но главное - это журналы, в них ток литературного процесса, а не отстать от времени очень важно... А ещё читает Толстого², Достоевского³, делая заметки, восторгаясь и споря. И сравнивая: *«Читал Толстого. Вот соотношение трёх эпигонов гоголевской прозы. Тургенев⁴ рисует внешность. Достоевский анализирует большую душу, Толстой - здоровую. Эх, ежели бы из трёх да одного!»*

Из трёх одного - это он о своей тайной мечте. Хотя отдаёт себе отчёт, что если и дано ему владение словом, то совсем иначе. Поэтическим слогом. Впрочем, роман он напишет. О девушке, которую обманул её жених, ищущей спасение в религии... Но пока он больше читал. А писал не роман, а письма и стихи.

А если ничего не делал, то хандрил. Надежды не оправдались; горы, которые он увидел впервые, не взбодрили его, вера в собственные силы от перемены места и окружения не пробудилась. Созерцание мест, где так хорошо писалось Лермонтову⁵ и где отлетела его душа, не возвысили над обыденностью. Вот отчего и поспешил написать в письме друзьям: *«Живу я теперь в городе, прославленном Лермонтовым, занимаюсь починкою своего здоровья и до сих пор продолжаю изумлённо поглядывать на те холмики, которые носят громкое название Машук и Бештау».*

Однажды, пребывая в таком настроении, он даже написал Лангу⁶ что-то наподобие завещания. *«Говорю Тебе откровенно и серьёзно - дело моё очень плохо: телесно я никуда не годен, духовно - колеблюсь, а умственно - увы! - умственно - ослабеваю. Конечно, я не намерен слишком рано опускать руки. Бороться я буду, но до известного предела; ты сам понимаешь, что так я и должен поступить, - отговаривать меня - я твёрдо надеюсь - не станешь».*

И излагает, что следует сделать с тетрадкой со стихами его книги, которую он отправит в случае «получения «определённого» известия»...

Но всё это было до Катеньки, до их прогулок... Они выбирали такие места, где никак не могли встретиться с Катенькиным женихом офицером, который в это время тоже отдыхал в Пятигорске. И вначале их разговоры в основном и были о ней и о женихе. О том, как и где они познакомились, как тот ухаживал. Валерий хорошо понимал Катеньку: ей важно было поделиться этим своим первым опытом отношений, разобраться в новой для неё вечной игре мужчины и женщины, о которой он уже знал и в которой умел многое. Ему были не очень интересны эти откровения, но интересна сама Катенька: гибкая, живая, искренняя...

В третью или четвёртую встречу, когда она стала повторяться, но уже не столь эмоционально, он уловил в её настроении разочарование. И догадался о причине: ей хотелось, чтобы он был влюблён в неё, чтобы ревновал её к неведомому ему жениху. И усмехнулся. И, улучив момент, приобнял Катеньку, приблизил к себе и коснулся губами её щёчки... Она замерла, прижалась к нему на то самое мгновение, которое подтвердило его догадку, и лишь потом мягко отстранилась и пробежала по дорожке вперёд. Оглянулась, словно приглашая в эту вечную игру влюблённых, и он это тоже понял, но продолжал идти неторопливо...

Как же она была чиста в своём девичьем любопытстве узнавания другого! Как ей хотелось подтверждения своих чар...

Он подумал, что в своём романе обязательно опишет эту сцену героини с возлюбленным. И может быть даже назовёт её Катенькой...

...На следующий вечер они уже поцеловались по-настоящему. Он без трепета и страсти, скорее дружески опять коснулся сначала щёчки, потом уже губ: горячих, мягких, ждущих, охотно поддавшихся его упругим и властным. И тут же она упорхнула, отбежала вперёд - лёгкая, игривая, юная - и он тоже было рванулся следом, уже не в силах противостоять этой языческой игре преследования дабы овладеть... Но тут же убавил шаг и огляделся: не видел ли

кто - всё-таки, он уже не мальчик. Да и подумать о них невесть что могут... Хотя для него это всего лишь игра. Прелестная девушка, влюблённая в тебя - разве это плохо... Разве это не бодрит, не наполняет жизнь смыслом... И ведь она ему тоже нравится. Правда, не как другие женщины, с которыми можно вообразить дальнейшее развитие событий. Между ними ничего не будет, кроме вот этих безгрешных, почти братских поцелуев. И она выйдет за своего офицера, о котором наконец-то перестала говорить, а он написал стихотворение:

*Летний вечер пышен,
Летний вечер снова...
Мне твой голос слышен:
«Я люблю другого».*

*Сердца горький лепет
Полон чар былого...
Слышен тихий лепет:
«Я люблю другого».*

*Смолкни, праздный ропот!
Прочь, упрёк! Ни слова!..
Слышен, слышен шёпот:
«Я люблю другого».*

Но это стихотворение он ей читать не стал. А прочитал другое, которое вдруг вспомнилось и, как ему показалось, как раз соответствовало их настроению.

*Лист широкий, лист банана
На журчащей Годавери,
Тихим утром - рано, рано -
Помоги любви и вере!*

Орхидеи и мимозы
Унося по сонным волнам,
Осуши надеждой слёзы,
Сохрани венок мой полным.

И когда, в дали тумана,
Потеряю я из виду
Лист широкий, лист банана,
Я молиться в поле выйду;

В честь твою, богиня Счастья,
В честь твою, суровый Кама,
Серьги, кольца и запястья
Положу пред входом храма.

Лист широкий, лист банана,
Если ж ты обронишь ношу,
Тихим утром - рано, рано -
Амулеты все я сброшу.

По журчащей Годавери
Я пойду, верна печали,
И к безумной баядере
Снизойдёт богиня Кали!

Но, оказалось, не угадал. Катенька вдруг поникла, запечалилась, в пору было теперь уже ему выводить её из печального настроения, как до этого делала она.

- Я не хочу быть верна печали, - негромко произнёсла она, взяв его под руку и прижавшись к нему так, что он ощущал исходящий от неё жар. - Пусть поэт Брюсов напишет о нас другое стихотворение. - Остановилась, подняла лицо, глядя ему в глаза, спросила неожиданно. - Ты напишешь? Обещаешь?

Он хотел сказать, что уже написал. Но передумал. Потому что вдруг понял, что стихотворение должно быть совсем другим. И ещё - что ему будет тоскливо расставаться с этой девочкой...

Катенька.

Катенька славная, эгоистичная, самовлюблённая и немножечко, всё-таки, влюблённая в него. Она была послана ему не иначе свыше, чтобы прогнать печальные мысли, отвлечь от одиночества и забот о теле... В эти дни с ней он совсем забыл о лечении, сожалел уже об отправленном Лангу письме. Эта девочка смогла сделать то, что не смогли ни мудрые писатели, ни эти, не виданные им ранее далёкие снежные вершины, ни доктора, ни живительные воды... А может быть, она была тем самым катализатором, в сочетании с которым только всё вместе и могло вернуть его к жизни...

В последний вечер они никак не могли расстаться. И оба уже понимали, что расставание это неизбежно. Что в дальнейшем их жизненные пути не пересекутся: она выйдет замуж за своего жениха, он тоже на комнибудь женится. Но эти целомудренные вечера, долгие прогулки, разговоры и поцелуи, приобретшие уже вкус печали, останутся в памяти у каждого на всю жизнь.

- Ты обещал стихотворение, - напомнила она.

И он негромко прочитал:

*Ангел бледный, синеглазый,
Ты идёшь во мгле аллеи.
Звёзд вечерние алмазы
Над тобой горят светлее.
Ангел бледный, озарённый
Бледным светом фонаря,
Ты стоишь в тени зелёной,
Грёзой с ночью говоря.*

Ангел бледный, легкокрылый,
К нам отпущенный на землю!
Грёз твоих я шёпот милый
Чутким слухом чутко внемлю.
Ангел бледный, утомлённый
Слишком ярким светом дня,
Ты стоишь в тени зелёной,
Ты не знаешь про меня.

Звёзды яркие, как алмаза
Грани, в тверди слишком синей.
Скалы старого Кавказа
Дремлют в царственной пустыне.
Здесь, где Демон камень тёмный
Огневой слезой прожёт, -
Ангел бледный! - гимн нескромный
Я тебе не спеть не смог!

И она прижалась к нему, словно ища защиты...

ПОДНЯТЬСЯ НА БЕРМАМЫТ

1

А излёте лета, когда отошла уже ранняя грибная пора - в этом году скудноватая - с ещё не холодными утренними молочными туманами в низинах, но с уже обжигающей после Ильина дня росой; когда закончил наконец повесть для «Нивы» (подустал от бурной переписки с Тихоновым!) и строительство колокольни завершилось (две ноши с плеч), он, наконец-то, решил ехать. Куда, на сколько - знал смутно, неточно; но обязательно: Таганрог (общественные и личные дела), Ростов, Нахичевань-на-Дону, Кисловодск. Но, главное, Феодосия. Куда к тому времени и Суворин², в доме которого он собирался остановиться, подъедет. Там, в благодатном Крыму, с давним знакомым, поверенным многих его тайн, милейшим Алексеем Сергеевичем они будут по вечерам пить вино и философствовать...

Иных определённых планов на поездку не было.

Впрочем, их никогда не было и в прежних путешествиях. Была лишь тяга к перемене мест, приходящая на смену однообразию домашнего уюта и обыденных забот. Тяга к узнаванию мира и встречающихся в пути людей; подглядывание, накопление чужих взаимоотношений, нравов, судеб... Он ощутил интерес к этому в юности, когда начал сочинять, волнуясь от домысливания подсмотренной сценки или услышанного диалога... И это всё усиливающееся умение понимать чужие отношения, читать чужие мысли развивалось и крепло в долгом путешествии по Азии с многодневной остановкой на Сахалине, окраине империи, поразившей одновременно и нищетой, и нравами, и при этом неожиданным относительным благополучием с

инфекционными заболеваниями, что он, как врач, не мог не отметить. Тогда он тоже не знал, куда определённо и на какое время едет: был молод, уверен в себе, жаждал приключений... До Ярославля доехал поездом, потом по Волге - до Казани, по Каме - до Перми, неспешными речными пароходиками, способствующими созерцанию; потом через всю Сибирь на перекладных... Утомительно, но и интересно.

От Урала до Енисея, правда, восторгаться было нечем: равнина, чахлые берёзки; но от могучего Енисея, от самого лучшего и красивого из сибирских городов, которые довелось ему проехать - Красноярска - началась природа величавая и прекрасная, поражающая воображение. И было восторженно и страшно одновременно от этой бескрайности России, как некогда в детстве в степи: духовитой, цветущей, знойной, вдруг в одночасье накрывавшейся синей, с чёрными вывертами тучей, грозившейся и молниями, и ливнем; а тебе и радости, и боязно от этой немислнмой мощи, и спрятаться негде...

А на этих просторах, где довелось протрястись по негладким дорогам, а то и по бездорожью, от грозы спрятаться было где: леса тянулись необъёмные ни глазом, никакой иной мерой, но именно от этого и страх был, оттого, что на многие вёрсты никого, и случись что, затеряешься в этой бескрайности навечно. Оттого, глядя на океанские волны, омывающие сахалинский берег, думалось: для кого здесь они, что им нужно? И, наконец, для кого они будут реветь, когда он уйдёт?..

И после сидения на острове, равном по величине многим европейским странам, в которых он побывал, после того как по собственной инициативе переписал, переговорил почти со всем десяти тысячным населением этого каторжного материка, решил возвращаться другим путём. Побывав в Японии, Гонконге, Сингапуре, добравшись и до загадочного Цейлона («место, где был рай»), оттуда развернул на Константинополь, а далее в знакомую по прежним поездкам Одессу и по суше уже, поездом, в Москву...

А потом захотелось сравнить два континента, найти отличие и общее, и он подбил Суворина к совместному путешествию, и они

вместе поехали в Вену, Болонью, Венецию, от которой, с её голосистыми певцами на гондолах, он без ума; Флоренцию, Рим, Неаполь - он всё искал следы древней цивилизации, а в современниках этих стран черты их предков - и даже поднимались на Везувий... Вершины всегда вызывали в нём желание взглянуть с их высоты, узнать то, что дано видеть им, застывшим исполинам.

Теперь, почти дожив до возраста Пушкина, он уже не испытывал желания ехать далеко и надолго: в его деревне, в его доме среди российских перелесков ему было уютно и покойно. К тому же осень обещала в этом году быть чудной, и он с загульной щедростью уже с середины лета зазывал в гости знакомых.

Но коль уж наметил и даже обещал заехать в родной Таганрог, надо быть. А потом можно и на Кавказ, всё равно Суворин ещё не в Феодосии, а одному ему будет там скучно...

И в конце августа он выехал на юг.

2

Поездом за сутки добрался до Таганрога, в котором уже почти ничего дорогого и не осталось. Сделал, что хотел, а следом в Ростов - грех не заглянуть к Лёвушке Волькенштейну³, который, пожалуй, ближе всех других его одноклассников.

Встречу отметили ужином, сдобренным воспоминаниями гимназических лет, из которых самыми яркими спустя годы оказались театральные представления, симфонии, исполняемые оркестром в городском саду и тогдашняя достопримечательность - банщик, который по субботам ходил по городу с большим, взятым на манер ружья на плечо веником и кричал: «В баню! В торговую баню!»

Теперь Лёвушка заматерел, стал солиден и нетороплив, как и положено успешному адвокату. И у него дом в Кисловодске, куда тот не так часто, но всё же навещается.

- Поезжай, Антоша! У меня там замечательная дача... А воздух!.. Так легко больше нигде не дышится... - убеждал уже хмель-

ной Лёвушка, и он согласно кивал в ответ. - Недельку-две попьёшь нарзана - и будешь как новенький...

И он опять кивал, хотя надолго оставаться в Кисловодске не собирался. Признаться, он и едет туда исключительно оттого, что наобещал знакомым, уступив их восторгам («Как? разве вы не были в этом чудном уголке?!»), хотя сам видел Кавказ лучше любого из них, восемь лет назад проехал по Военно-Грузинской дороге, но в Кисловодске, действительно, не был.

С Лёвушкой хорошо посидели.

А ещё заехал в Нахичевань-на-Дону, когда-то более процветающий, чем соседний Ростов. Тут и сейчас ещё было шумно, пестро, полно лавочек: армяне - основные жители Нахичевани - подна-торели в торговле, и, наблюдая за громкоголосыми продавцами, он думал, что, может быть, отцу как раз и не хватило этого напора, азарта, говорливости, бесчестности в расхваливании своего товара; он не раз ловил торговцев на обмане, привык считать с той самой поры, когда помогал отцу в лавке, удивляясь лёгкости, с которой те оправдывали этот свой грех. Нет, у отца явно не было купеческого призвания, хоть и числился купцом третьей гильдии, и его банкротство закономерно...

И, тем не менее, атмосфера суетного, пёстрого и громкоголосого Нахичеваня словно обрамила их с Лёвушкой разговор, придав тому цвет, звуки, запахи детства...

И снова привычный перрон, продымленный состав, покачивание-перестук вагонных колес...

3

24 августа 1896 года он вышел в тупике, где кончались рельсы, и удивился (хотя Лёвушка предупреждал): прямо перед ним высилось величественное, на особицу от остальных, здание... Это был курзал, построенный акционерным обществом Владикавказской железной дороги и не так давно открывшийся. В тот день было празднично, как бывает празднично любое лицедейство, был

оркестр, зеваки и почтенная публика, уважаемые граждане. Была ленточка, вернее алая лента, опоясывающая все здание; её разрезал Иван Рудольфович Штейнгель⁴, представитель акционерного общества, и, вероятно, присутствовал генерал Сафонов⁵, известный ему больше как отец дирижёра Василия Ильича Сафонова, который, из любви то ли к искусству, то ли к сыну, и был одним из инициаторов создания в этом маленьком городке театра.

Но Чехов на том помпезном событии не был, а попал на совсем не радостное: в Кисловодске был траур: почил тот самый генерал Сафонов, в последний раз собрав людей разных, далеко ли, близко, но знавших его и не проманкировавших прощанием. Неожиданно для себя Антон Павлович стал участником этой печальной церемонии, найдя вдруг здесь кроме ожидаемого хорошего знакомого врача Николая Николаевича Оболонского⁶ и Александра Ивановича Чупрова⁷, с которым ну никак не ожидал встретиться именно в этом городке («Какое совпадение, не случайно ведь...»).

А когда пошёл смотреть столь расхваленный юный парк, повстречал Александра Николаевича Веселовского⁸. Поговорили обо всём понемножку, отдав должное местным энтузиастам, придающим этому курортному месту приличный вид, и незаметно перейдя на то, что волновало обоих более всего: словесность. Веселовский поинтересовался, как и что пишется. Чехов рассказал о повести для журнала «Нива», которую, правда, не считал особой удачей. А тот похвалил «Степь», находя её образцом истинно русской беллетристики...

Никуда не денешься, Воды летом - прибежище интеллигенции обеих столиц. Может, действительно, стоит пожить здесь, понаблюдать и сочинить забавную пьеску для Корша⁹...

Праздность порой тоже к месту. Бесцельный променад по дорожкам, вытоптанным на склонах и по берегу речки, бегущей по базальтовым плитам, медленное смакование шипучего нарзана, разглядывание девиц и дам, так старательно несущих себя мимо бес тактно глазающих мужчин... Он должен был признать: теперь его всё более привлекали восторженные девицы, а не зрелые и опытные

женщины. Истории проходящих женщин были просты и понятны ему с первого взгляда, вызывая лишь саркастическую улыбку от старательности, с которой те обряжались в тайну вуали, томности, жеманных манер... Иное дело глупенькие и восторженные барышни, страстно ожидающие от окружающего и будущего невесть чего...

Однажды он увидел такую: небогато, но аккуратно одетая, она с откровенным восторгом созерцала каждого мало-мальски почтенного мужчину, и он издали понаблюдал за ней, стараясь угадать её будущее. Но ничего не придумал, кроме как в своих предположениях свести её с похотливым стариком, который, получив своё, положил ещё сверху и на то, чтобы девица избавилась от болезненной бледности, обрела румянец, и, тем самым, похоть вознамерился превратить в добродетель. Но когда спустя время решил удостовериться в чудодейственности доброго дела, увидел дорогие ненужные вещи, купленные на те деньги...

Он хотел иного конца, но почему-то напрашивался этот. И только много позже он понял: в подкупающей искренности девицы было слишком много глупости... А он не любил женщин, пусть даже милых, ласковых, нежных, но глупых, бездумно обвивающихся, подобно плющу, вокруг любого мужчины... Может, оттого и был всё ещё одинок и стеснялся этого, не признаваясь самому себе и предпочитая не обсуждать эту тему. И лишь милейшему Алексею Сергеевичу Суворину он откровенно описал столь поразившую его любовь японской гетеры, которая осталась в памяти не только гипнотизирующими звуками «тц», но и отсутствием совестливости, жеманности. Да ещё ему же в горячах (о чём позже пожалел) написал: *«Когда у меня будут дети, то я не без гордости скажу им: сукины дети, я на своём веку имел сношение с черноглазой индуской... и где же? в кокосовом лесу, в лунную ночь»*. Пожалел, что вспомнил о детях. И что не сдержал непристойных эмоций...

...Знающий здесь всех и вся, Оболонский познакомил его с бароном Штейнгелем, который то ли надолго задержался после открытия курзала, то ли только что прикатил по каким-то делам.

Иван Рудольфович, энергичный и лёгкий в общении, оказался из известной в здешних местах, и, естественно, во Владикавказе, где он проживал, семьи меценатов и благотворителей. Его брат Владимир занимался, и весьма успешно, промышленно-сельскохозяйственным производством; на Кубани у него были элеватор, пекарня, маслобойня, галетная фабрика и уголья, на которых выращивались кукуруза, пшеница, свекла, картофель, а вино его винокурен получало медали на выставках в России и за границей. Дядя, Леонард Васильевич, построил кирпично-черепичный завод во Владикавказе, был казначеем благотворительного общества. Сам же Иван Рудольфович предпринимательством не занимался. Он был музыкантом и композитором, а также членом общества любителей охоты и по совместительству служил в том самом железнодорожном акционерном обществе. Об этом ему нашептал Николай Николаевич.

Барон на первых минутах знакомства не преминул заметить, что его жена - любительница чтения и в её библиотеке несомненно есть книги Антона Павловича. И без паузы и перехода сменил тему:

- Не хотите ли на охоте побывать, Антон Павлович... Вы ведь не охотились в горах?..

- Я и охотник-то никакой... Вот за грибами или с удочкой посидеть люблю...

- Э, не скажите, охота - это истинно мужская страсть. А у горцев каждый мальчишка - охотник. И места здесь богатые на зверя...

Он не ответил, не зная, соглашаться или нет.

- Вы не под Бермамытом¹⁰ охотитесь? - спросил Оболонский.

- А это как пожелаем. Зверь тут везде есть...

- С ночлегом?

- Можем и с ночлегом.

- А что, я бы с удовольствием, - мечтательно произнёс Николай Николаевич и повернулся к Чехову. - Оттуда на рассвете Эльбрус замечательно виден... Впечатляющая картина...

- Не раздумывайте, Антон Павлович, не пожалееете... И охота будет, и картины...

- Уговорили, Иван Рудольфович, - решительно махнул рукой Чехов. - Признаться, ваше предложение мне нравится.

- Вот и прекрасно! - искренне обрадовался барон.

И в его глазах заиграли искорки азарта.

- Я распоряджусь, чтобы всё спешно подготовили. Завтра с утра и поедем. У меня уже и загонщики заждались.

- А на кого охотиться будем?

- А что попадётся, Антон Павлович... - с таинственной интонацией ответил он. - Даст Бог, и медведь выйдет...

- Вот уж от медведя увольте. Мне бы что помельче...

- Будет и помельче... Всё будет... Итак, господа, с утра за вами пошлю...

И стремительно ушёл, весело насвистывая незнакомый Чехову, по-видимому, собственного сочинения, мотив.

4

К охоте он был в общем-то равнодушен. И не потому, что считал жестокостью убивать без нужды зверей. Просто не находил никакой красоты и удовольствия в погоне за каким-нибудь перепуганным зайчишкой, загнанным сворой гладких ухоженных псов. Он признавал больше то, что точнее следовало назвать промыслом, чем была охота в бескрайней и безлюдной Сибири или на острове Сахалин, где добытое шло на пропитание, обеспечивало жизнь, а сам процесс охоты был предельно прост, не допуская стороннего созерцания, многолюдья, шума...

Но, с другой стороны, ему хотелось посмотреть горцев за их привычным занятием в их естественной среде, взглянуть на тот же мельком виденный Эльбрус с неведомого пока Бермамыта, который, по пояснениям Оболонского, представлял из себя плато, возвышающееся над предгорьем и служащее скотоводам летним пастбищем; посидеть у костра, послушать местные предания (уж на это-то он

охотников подобьёт), встретить столь красочно описанный тем же Оболонским рассвет под Эльбрусом; и утром он был настроен на самые приятные впечатления от занимающегося дня.

Выехали бодро, с нетерпеливым покрикиванием на лошадей, на помощников или слуг барона - он так и не разобрал, кем являются эти разномастные люди; довольно скоро оставили позади и внизу Кисловодск, по каменистой долине углубились сначала в невысокие и округлые, а затем всё более набравшие крутизну голые, выжженные солнцем скалы, которые постепенно стали покрываться прежде редкими, а потом становящимися всё гуще и гуще деревьями, и ближе к полудню остановились в ущелье, откуда уже шла сплошная лесная страна. И барон, отчаянно жестикулируя, возбуждённо стал давать какие-то указания вдруг оказавшимся довольно многочисленными охотникам, среди которых были и горцы (какой национальности, он не мог определить, они все были похожи), выделяющиеся одеждой и выражением лиц (с таким выражением у них точно не получилось бы торговать).

Они с Николаем Николаевичем присели под деревьями, в ожидании наслаждаясь и отдыхом, и прохладой свежего ветерка, и созерцанием того, что было перед ними. Он уже знал, что это ещё не загадочный Бермамыт - плато выше, но догадывался, что охотиться скорее всего они будут именно в этом ущелье.

Наконец барон добился желаемого - доселе аморфная, хаотично живущая толпа стремительно растеклась человеческими струйками, исчезла среди деревьев, и Штейнгель, держа наотвес изящное, с инкрустацией, явно сделанное на заказ ружьё, подошёл к ним.

- Ещё немного, господа, проедем вперед, там тропа, возле неё и будем ждать...

- В загон пошли? - догадливо уточнил Оболонский.

- Пошли, голубчики... Ну, не будем медлить... Тут недалеко большое стадо видели, обязательно поднимут...

Они проехали ещё с полверсты, потом пошли пешком, с трудом поспевая за бароном. Наконец, замерли с ним рядом, громко

дыша и слыша стучащие сердца, получили от помощников ружья, на вид попроще, чем у Штейнгеля, но тоже штучной работы (пристрелянные, заверил тот), и пошли за молчаливыми оруженосцами занимать указанные бароном места.

Для Чехова барон выбрал место рядом с собой на наиболее вероятном направлении движения зверя. Но это ене вызвало у него азарта. Он стоял под деревьями, рассеянно поглядывая по сторонам, с наслаждением вдыхал настоенный на травах, хвое, снегах, южном зное воздух и слушал звенящую, заполненную неразличимыми, неслышными, но ощущаемыми телом звуками тишину. Отчего всё же человеческая жизнь конечна, думал он. Отчего нельзя вот взять и остановить это мгновение надолго, чтобы насладиться не послевкусием миновавшего, оставшегося в прошлом, догадываясь и сожалея о неповторимости очарования происшедшего, а раствориться в нём до полного насыщения?.. И отчего люди так озабочены взаимоотношениями друг с другом, а не с самим собой? И оставит ли Господь в другой, более справедливой и радостной, если она есть (а батюшка никогда не сомневался, что есть), жизни память о прежней, о прожитом, пережитом, передуманном, о таких вот мимолётных мгновениях гармонии с самим собой и миром?..

Барон вдруг вскинул руку, и оруженосец, подавшись к Чехову, негромко произнёс:

- Барин, изготóвьтесь, гайшики идут...

И действительно, тишина вдруг заполнилась криками, треском, гуденьем охотничьих рогов и ещё неведь какими шумами и звуками, возвращая его в быстротечное настоящее, и по мере их приближения всё нетерпеливее становился барон и оруженосцы. И стоящий невдалеке под большой елью Оболонский подался вперёд, приготовился стрелять, отчего и он поднял ружьё, стал вглядываться в просвет между деревьями, где уже угадывалось что-то стремительно приближающееся, вызывающее в нём одновременно возбуждение и необъяснимый ужас неведомого, сменившийся пьянящим азартом, как только отпали последние сомнения: стороной забирало предво-

димое мощным вепрем стадо. И уже вокруг загремели выстрелы, и он, поймав на продолжение ствола щетинистый бок, нажал на курок...

К привычным шумам и гаму добавился визг, отчаянный треск - уходили за смертельную линию уцелевшие, сохранённые для дальнейшей жизни, и он, опустив ружьё, подумал, что всё же истинное удовольствие не в этом лихорадочном и быстротечном убийстве загнанного зверя, а в неспешном гулянии по осеннему лесу, когда сквозь траву и опавшую листву зазывно покраснеет грибная шляпка...

- Ай да молодцы, братцы! - кричал радостный барон, прошагивая-пробегая от одного сражённого зверя к другому. - Ай да хорош зверь!.. Ай да охота получилась!..

А оруженосцы уже стаскивали туши в одно место, где другие споро их разделявали. Чуть в стороне горцы свеживали тура, неведь когда добытого.

Чехов предположил, что тот встретился загонщикам раньше, до стада, и порадовался, что у тех тоже будет свой охотничий обед, не придётся испытывать крепость своей веры. Правда, этих то ли карачаевцев, то ли балкарцев было немного - в основном это были знакомые или работники барона, осетины...

- Ну что, Антон Павлович, как вепрь наш, кавказский?..

- Силён, - только и нашёлся что ответить он.

- Попали?.. Видел, попали, напротив лежит...

- Да это, видно, Николай Николаевич, - неуверенно возразил Чехов, поглядывая на стоящего подле лежащего подпaska Оболонского. - Я не силён в меткости.

- Ну, неважно, - согласился барон. - Охота - дело общинное, пуля только завершает усилия всех. Вот теперь обустроимся на ночлег, шашлыками поужинаем, а к рассвету на самый верх поднимемся. Даст Бог, разъяснит, снежными папахами нашего великана полюбуемся... Без этого здешние народы не понять. Впечатляющая картина, я вам скажу, на всю жизнь запомнится...

- Славно бы, - неуверенно произнёс Чехов, ловя себя на мысли, что из всех предыдущих поездок он отчего-то запомнил не так уж и много.

- Ну как тебе охота? - подошёл возбуждённый Оболонский, не сомневающийся, что от его пули пал отгаскиваемый теперь к остальным зверь. - Как тебе наши кавказские вепри?

- Как всё кавказское, - отозвался он. - Непонятно и загадочно...

5

Ночь спустилась быстро, не как на равнине, видимый мир в считанные минуты сузился до размеров шатра от горевших костров. Воздух, напоминая о голоде, аппетитно пах поджаренной свининой и дымом, перебивавшими все остальные запахи. По верхушкам деревьев, возле которых они разбили бивуак, проносились неожиданные порывы ветра, слетающего с вершин и приносящего ледниковую прохладу. Растворившийся в темноте лес наполнялся таинственными звуками.

Разомлев от выпитого вина, горячего мяса, тепла костра, Антон Павлович с любопытством наблюдал за бивуачной суетой, признавая себе, что такого вечера в его жизни ещё не было. И, вероятно, то, что сейчас он видит, попросится в какой-нибудь из будущих рассказов. И тогда вот тот молчаливый горец с острым лицом, глазами, спрятанными под большой косматой шапкой, превратится в доброго джигита или злого абрека и, в зависимости от этого, совершит доброе или злое деяние... Оболонского он несомненно изобразит русским интеллигентом, заброшенным судьбой на этот многоязыкий и совсем не дружественный Кавказ - мечущимся, соболезнающим обездоленным и больным, критически настроенным к общественному устройству и одновременно исправно служащим и обществу, и государству, каким, собственно, он и является. А барона - довольным жизнью, энергичным, деятельным человеком, вполне вписавшимся в здешнее общество, хотя предки его жили

далеко от этих мест. Вот он, баловень судьбы, член именитой семьи, рвёт зубами собственноручно добытое мясо, несколько не сомневаясь в своей правоте, в благорасположенности этого вечера и этого общества и невидимых, но очевидно возвышающихся над всеми ними гор.

- А какие интересные легенды об этих местах? - повернулся он к Оболонскому.

Тот выпил вина, помедлил.

- Легенд немало, - отозвался наконец, явно преодолевая желание ни о чём не думать, ничего не вспоминать... - Например, о Прометее, которого Зевс на Эльбрусе приковал...

- Эту я слышал, - огорчился Чехов. - Должно быть, и другие есть, вон сколько разного народу кругом живёт.

- Тут у каждого своя легенда, - пересел ближе барон. Подброясь в костёр сухую ветку, и сноп искр взметнулся в черноту ночи. - Я от осетин такую слышал. Жил в этих местах пастух. Однажды на охоте услышал он стон. Стал искать, кто это стонет. И попал в пещеру со всякими богатствами. А среди золота и серебра увидел прикованного к скале юношу, которого терзал коршун. Пастух хотел помочь, подать конец цепи, висевшей на другой стене пещеры, к которому тот тянулся, но не смог её поднять. Вернулся он в аул, выковал длинную цепь и снова отправился в горы. А соседи решили, что не иначе нашёл он клад, да достать не может, и тайком пошли следом. Догнали, показывай, что нашёл. Повёл их пастух к пещере. Но только подошли, упала перед ними скала с пещерой в пропасть. Так и закрылась от людей навсегда...

Барон замолчал.

Чехов задумался.

Потом спросил:

- А для чего он цепь выковал?

- Я, когда услышал, тоже гадал, только никто разъяснить не смог. По моему же разумению, хотел этот юноша коршуна цепью отогнать... Той, что прикован был, не мог, короткая...

- Выходит, освободиться он не помышлял, - задумчиво произнёс Антон Павлович.

- А зачем?.. На то воля богов, - произнёс Оболонский. - Прикован за провинность. А вот коршун - это уже несправедливость...

- Замечательная трактовка. - Чехов оживился от столь неожиданного вывода. - Выходит, божья кара за провинность справедлива, а вот издевательство - это уже излишества, жестокость...

- Отчего же и нет? - не очень уверенно произнёс тот.

Чехов хотел возразить, но промолчал.

На его взгляд, боги не всегда бывают справедливыми. Он всё ещё не мог безоговорочно принять власть над собой неведомой силы. Может быть, мешала профессия, а может, воспоминания о той покорности, с которой отец воспринял банкротство...

- Слышал я ещё одну легенду, и по ней Эльбрус - это ворота в страну духов, - прервал паузу барон. - И в той стране встречаются пришедшего юные очаровательные девы...

И он сладострастно вздохнул.

- Это об амазонках, - предположил Оболонский.

- Ну что вы, Николаёв Николаевич, разве мужененавистницы могут быть очаровательны, - возразил барон. - Возможно, это ангелы в приличном облике...

- А у Эльбруса есть другие названия? - спросил Чехов.

- Всяк из народов по-своему зовёт, - отозвался Оболонский. - Черкесы, к примеру, зовут Ошхомахо. Это означает гора счастья и гора дня.

- Счастья и дня?.. - удивился Чехов. - Занимательное сочетание...

- А по-карачаевски - Минги-тау. Переводится как вечная гора сознания и мудрости.

- Вот как?

- А казаки Шат-горой окрестили, - вставил барон. - Им эти снежные головы шатёр напомнили. Никакой загадочности.

- У казаков здешняя история коротка, вот и поторопился, - защитил пришлых Оболонский.

- А впечатляют эти головы. Сколько раз уже их видел, а всё впечатляют, - с восторгом произнёс барон. - Так и возвышаются над прочими, и более острыми, и неприступными, недружелюбными... Как добрый великан над мелкими людишками...

- Ну, Иван Рудольфович, вы сравнили... - удивился Оболонский.

- А что, всем нам возвыситься хочется, оттого и толкаемся, наверх лезем...

Опять замолчали.

Чехов подумал, что барон не так прост и есть у него нечто своё, никому неведомое, тайное...

- В древней персидской рукописи написано, что завоеватель Тамерлан¹¹ на Эльбрус молиться поднимался, - прервал паузу Оболонский.

- Да уж, народов у своего подножия он повидал немало, - отозвался барон. - Скифы были, сарматы, аланы, хазары, булгары и ещё тьма... Все легенды собрать - жизни не хватит.

- А есть легенды о горах, которые вокруг Вод? - спросил Чехов.

- Ну, эту легенду у нас и дети знают, - оживился Оболонский. - По ней жили в этих местах когда-то нарты. Предводителем у них был князь, звали его Эльбрус. И был у него сын - Бештау. Понимал он язык зверей, и в походах его сопровождали Змея, Верблюд, Бык и Лев. Однажды увидел Бештау красавицу Машуку, и вспыхнула между ними любовь. Сыграли свадьбу. Но вот только на ней мрачным был Эльбрус, который тоже полюбил Машуку. И велел он сыну отправиться в набег на свирепое племя пожирателей людей. Бештау собрал молодых джигитов и ушёл в дальние земли. Долго он не возвращался, а Эльбрус сообщил о его гибели и заставил Машуку стать его женой. И хотя не хотела, надел ей кольцо на палец и заточил в башне. Но вернулся Бештау. Верные ему звери рассказали о коварстве отца. И тогда пробрался он к Машуке, и решили они бежать. По дороге пер-

вым делом сбросила с пальца Машука кольцо. Наутро обнаружил Эльбрус отсутствие Машуки, собрал воинов и кинулся в погоню. Храбро бились молодые джигиты, помогали им Лев, Змея, Верблюд и Бык. Но сильнее были зрелые воины. Погибли друзья Бештау, и сошлись отец с сыном. Бештау разрубил Эльбрусу голову надвое, но собрал тот силы и рассёк сына на пять частей. А Машука, склонившись над Бештау, выхватила из-за пояса любимого кинжал, вонзила себе в сердце и отбросила в сторону. Так и появились на месте битвы горы: Лев, Верблюд, Бык. Змеевая, чуть поодаль - Кинжал. А по дороге - гора Кольцо. И Машука навсегда припала к ногам Бештау, провалом стала её рана, откуда целебными ключами течёт её кровь.

- Замечательная легенда, - сказал после паузы Чехов, - надо будет записать...

- Милейший Антон Павлович, мы тебе организуем столько легенд, - загорелся барон. - Только в них ни слова правды. А правда том, что в 1829 году на Эльбрус поднялась экспедиция, которую организовал генерал Эммануэль¹². И совсем уж недавно был здесь Андрей Васильевич Пастухов¹³, топографическую съёмку делал. Он с осетином Цараховым, который взялся проводником быть, и на Казбек поднимался, и на Эльбрус... Там они в буран попали, чудом не замёрзли. Хорошо, бурка была, укрылись ею и спаслись.

Чехов глянул на сидящего в стороне горца с накинутой на плечи широкой черной буркой, похожей на шалаш. Подумал, что, действительно, такое одеяние вполне может защитить от непогоды, и ещё раз отметил, насколько практична проверенная веками национальная одежда, которую довелось видеть в путешествиях, как приспособлена она к климату, где нужно - спасает от холода, а где защищает от жары.

- Первым, говорят, на Эльбрус поднялся карачаевец Хачиров¹⁴, - вставил Оболонский. - Из аула Учкулан.

- Это утверждение спорно, - не согласился барон. - Кабардинцы считают, что первопроходец их соплеменник...

- А из персидской рукописи, на которую Николай Николаевич изволил сослаться, выходит, что ещё раньше Тамерлан поднимался, - напомнил Чехов. - Не сомневаюсь, что в каждом из народов, здесь обитавших, всегда находился хотя бы один любопытный и отчаянный... Так что подобное первенство весьма сомнительно...

- Резонно, - подумав, согласился барон. - Но не пора ли нам сыграть отбой, на рассвете надо не проспать, полюбоваться двухглавым красавцем...

- Ветер поднимается, звёзд не видно, - выразил сомнение Обо-лонский.

- Будем надеяться, к утру разгонит...

И барон первым направился в растянутый для них шатёр.

6

В только-только начинающей таять ночи стали подниматься вверх, ориентируясь по смутно маячившей спине идущего впереди. И хотя первым уверенно шёл проводник из местных горцев, Чехов не мог избавиться от мысли, что они зашли куда-то не туда. Подъём всё тянулся и тянулся, хотя Штейнгель сказал, что идти осталось не очень далеко, а ему казалось, что они вышли уже очень давно и Бермамыт, который он представлял высокой скалой, вот-вот обнаружится. Темнота потихоньку серела, проявляя голые склоны, всё сильнее тянул холодящий ветерок, таящий в себе явно сдерживаемую для чего-то, нерастраченную упругую безмерную силу. И он уже не сомневался: самое верное название Эльбруса - лингвистическое; сочетание двух слов: «эль» - ветер и «брус» - управлять, крутить...

Спина Обо-лонского впереди застыла, и он ткнулся в неё.

- Пришли, - сказал тот, обернувшись. - Непогода...

Чехов стал вглядываться в мглу, которая ещё не оформилась ни в туман, ни в облака, не заняв полагающегося тому или иному состоянию места, а оттого висевшую вокруг, в ту сторону,

куда указывал рукой проводник и где, как он понимал, хотя не слышал слов, и должны были показаться головы Эльбруса; но в сером начинающемся дне была видна лишь плоская, густо поросшая травами поверхность, уходящая в это близкое мгlistое пространство.

И вдруг он пережил острый приступ одиночества, что уже однажды было с ним в детстве, когда с отцом поехал за товаром и обоз долго и медленно тянулся по пыльной дороге. И были бескрайняя степь и бездонное небо, в которое он долго смотрел, лёжа на телеге, и вдруг остро, до испуга, осознал своё одиночество, ощутив, что и небо, и звёзды, и степь - всё это, такое большое и далёкое, живёт само по себе, нисколько не нуждаясь в нём, мальчишке Антоше... И вот теперь, будучи зрелым человеком, стоя на краю плато Бермамыт, он чувствовал: невидимому, но находящемуся совсем рядом двуглавному великану нет никакого дела до него, Антона Павловича Чехова, до завоевателя Гамерлана, топографа Пастухова и всех прочих людишек, которые лезут по его склонам, что, вероятнее всего, он даже не замечает их, как не замечают людскую суету, страсти и страстишки солнце, небо, звёзды...

Вдруг ударил резкий холодный порыв ветра, перехватил дыхание, он закашлялся, не в силах избавиться от этого обжжённого гортань и лёгкие глотка. Ему вдруг остро захотелось в уютную долину, а лучше - в тёплую летнюю степь, где ветра не бывают столь студёными, разве что лишь в зимнюю безлюдную пору. Похоже, что и его спутникам тоже захотелось вниз, в тепло.

- Эх, не повезло полюбоваться, Антон Павлович, - сказал барон, подойдя к Чехову. - Ну, ничего, выберем ясный денёк...

- Спасибо, Иван Рудольфович, всё было замечательно. И охота, и это утро... Не там ваш исполин? - Чехов вытянул вперед руку, туда, где, как ему казалось, должен был находиться древний вулкан.

Барон посмотрел на проводника.

- Он там?

Тот кивнул.

- Значит, я его чувствую, - негромко произнёс Чехов и откашлялся.

...Спустились гораздо быстрее, чем поднимались, бивуак в свете дня действительно был не очень далеко. Барон скомандовал сборы, которые по-военному или по-охотничьи оказались недолгими, и, так и не дождавшись улучшения погоды, кавалькада стала спускаться в долину.

К обеду Чехов уже отогревался в ресторации, созерцая через окно неожиданное осеннее ненастье, хотя для осени здесь было ещё очень рано, и настроение стремительно портилось: кутающиеся в накидки, спешащие по улице дамы уже не вызывали былого интереса.

...На следующее утро он встал в полной уверенности, что больше ему здесь делать нечего.

Собирался домой, во Владикавказ и Штейнгель, довольный охотой, знакомством, обещанием Антона Павловича прислать его жене книжку с надписью.

Возвращался к обыденным делам, к своим больным Оболонский.

...После завтрака Чехов прошёлся по бульвару, напился нарзану про запас, напоследок решил заглянуть в курзал. Перед возвышающимся зданием разминулся с чопорной молодой дамой с собачкой. Собачка вдруг рванулась к нему, он встретился с дамой взглядом, в одно мгновение взволновавшись от бледного, с тонкими чертами и еле уловимым выражением недовольства чем-то неведомым ему гладкого белого лица, прочтя в этом взгляде магнетическое притяжение, отчего даже замер, сделал шаг следом, желая продолжения взгляда, от которого вдруг непривычно и забыто забилось сердце; но она не обернулась, влекомая эгоистичным и что-то почувствовавшим мопсом. Мелькнула мысль: не остаться ли?.. Но он отогнал её: глупо ему, довольно известному и уже немолодому человеку упо-

добиться романтическому юнцу, чтобы бегать за каждой встречной юбкой...

Прогнал прочь ощущение не плотского, а какого-то более сильного и тонкого единения с незнакомкой и, передумав идти в курзал, направился на вокзал...

...Уже сидя в вагоне, настраиваясь на тепло Феодосии и приятные вечера с хорошим собеседником под крымским небом, вдруг вновь вспомнил этот взгляд. Но воспоминания эти донесли лишь слабый отголосок пережитых ощущений.

Он достал записную книжку и зачем-то написал: «Дама с мопсом»...

ФИЛОСОФИЯ ОКРАИНЫ

Что-то остановило его, заставило взглянуться в играющих детей.

Обыденная картина, но не совсем...

Отчего вдруг обратил внимание?..

Розанов присел на ближайшую скамейку, продолжая всё так же наблюдать за играющими черноголовыми и белоголовыми малышами.

Вот именно, это и остановило. Контраст. Черноголовые - армянята. Белоголовые - русские.

Вот двое черноголовых, лет четырёх, а может быть, погодки, ведут за руку белоголовую, чем-то похожую на его старшую дочь, Татьяну, девочку. Девочка явно им не сестра и не родственница, даже не соплеменница, но они её опекают...

Какой всё-таки светлый этот мир детства... Нет в нём ещё знания вражды, соперничества, борьбы за кусок хлеба... И нет разницы какого ты цвета, какой нации...

И вот ведь парадокс; дети не только щадят «национальную исключительность», они её культивируют...

Мысли сменяли одна другую, выстраиваясь в логическую цепочку размышлений, всё более отдаляясь и абстрагируясь от увиденного. И, в то же время, являясь порождением именно увиденного...

Нет, это нужно продумать, сформулировать...

Василий Васильевич поднялся со скамейки, ещё раз взглянул на играющих детей, на наблюдавших за ними матерей или скорее нянек, и заторопился в свой номер...

«Они её культивируют, - написал он, усевшись за не очень удобный - не то что привычный домашний - стол. - Вот странное до дикости отношение, при котором вдруг эта исклю-

чительность теряет «нож в себе», тупеет, стёсывается; вы около неё возвращаетесь и не только не обливаетесь кровью, но испытываете какое-то ласкающее, бархатистое впечатление. Всё, что по закону ненависти и на почве обезличения не только не удалось до сих пор, но и, очевидно, никогда не удастся, - всё это по закону любви и на почве культуры нравственно-народного лица разрешается само собою. Я говорю, что дети-армяне с великой бережливостью ведут русскую девочку; а русская няня на вопрос о способностях армянского двулетка отвечает: «Преспособный!» И вот обеих наций и нет в одно и то же время, и есть они - т.е. они есть, только не режутся острыми краями. Края стёсаны; остались закруглённые сердцевинки, которым не больно лежать друг около друга. Право же, можно наблюдать и не ошибаться: сколько здесь, на Кавказе, я видал туземного привета в ответ на мину же привета, с которой обращаются к человеку, и совершенно очевидно не деланного, не притворного. Просто человек лучше, чем кажется; и он политически лучше, как только на минуту сам перестаёшь «быть» с политикой».

И помедлив, быстро дописал:

«Удивительная, наособицу страна Россия. Иноземцы считают, что русская история бедна, в ней нет ярких событий, тишь да гладь. Только ведь в конце этой тысячелетней тишины возникло самое огромное даже не государство, но почти мир стран и народов».

Мысли уже нашли свой логический путь, одна рождала другую, та в свою очередь следующую, - так сплеталась цепочка причинно-следственной связи; на основе прошлого выстраивалась ясная картина настоящего и начинало трепетно угадываться будущее...

Но вот отчего он вдруг зацепился за взаимоотношение наций?..

Конечно, смуглый Кавказ в отличие от бледнолицего Севера и многоцветен, и многоязычен, и многохарактерен. И поразительно темпераментен. Эти места наполнены кипучей энергией, которая то вспыхивает конфликтами, то поражает созиданием. И за тем и другим, как правило, стоят сильные личности...

Отчего так «...внутреннее ядро России гибнет, худает, а Украины, - а он несомненно сейчас отдыхает на самой что ни на есть Украине, - воскресают?»²

Написал, поставил большой знак вопроса и отправился на процедуру...

...Он помнит своё первое впечатление от того, что увидел в курортных городках. Прежде всего бросилось в глаза обилие больных, искалеченных людей. И даже вспомнились слова из «Апокалипсиса»: «И вот будет некогда - падёт звезда на источники вод: и станут они горьки».

Действительно, воды здесь - щелочные и серные - горьки. Но они не губят, а лечат. Они вселяют веру в исцеление.

«Без веры - нельзя жить; без веры в чудо не прожил бы человек; без Бога - он не прожил бы. Разве эта группа вод не есть чудо природы?» «Созрел я» - и, припадая к матери-земле, к этим серным ключам, бегущим из Горячей горы (в Пятигорске), - исцеляюсь. Какая связь, какое соотношение? Что за дело сере до характерной болезни, которую она исцеляет, что за дело этой характерной болезни - до серы? Но они сцепляются в узел какого-то соотношения. Чудо, Бог, вера - всё тут».

Он многое в своей жизни относил к чуду.

Он был совсем мал, когда остался без родителей. Брат Николай, старше его на девять лет, заменил их. И во многом повлиял на его отношение к жизни и даже на выбор профессии; брат после окончания университета в Казани преподавал в Симбирске в гимназии. И Василий после московского университета также учил гимназистов.

И сам учился, стараясь найти ответы на вечные вопросы...

Лечиться он не любил, докторов, преимущественно материалистов и скептиков, избегал, считая их заикленными исключительно на физическом теле человека и не верящими в наличие души. Но вот здесь за эти дни, можно сказать, даже полюбил их, пусть они и материалисты. За отношение. Больные для них здесь вовсе и не

больные, а отдыхающие. Соответственно, главенствует не диктат эскулапа, а совет; не поспешное избавление от жалобщика, а доверительное участие в желании выздороветь...

«Пусть эта благодать - не из алтаря, а всё же благодать», - подумал он здесь однажды.

И ещё о том, что, если разобраться, доктор - профессия ясная, в отличие от профессии того же учителя, которую он хорошо знал. Учитель, если умён, имеет причины сомневаться, оттого не всегда бывает убедителен. Доктор же не должен иметь и тени сомнения, когда он ставит диагноз и прописывает лечение.

...Нет, несомненно, доктора и кислые ванны повлияли на него благотворно.

«Я стал верить в солнце, любить людей, я поверил в нескончаемость науки» - записал он.

А теперь вот к телесному оздоровлению добавилось умственное прозрение, навеянное той картиной с детьми в кисловодском парке. Он пока не знал, что сложится из набросков, которые он сделал здесь. Возможно, что первоначальный замысел обретёт совершенно невысказанное пока продолжение, как это случилось при написании очерка о творчестве Достоевского¹. Он не собирался выражать в нём своё отношение к творчеству Гоголя². Как задолго до этого не знал, что в его жизни будет женщина, некогда возлюбленная Фёдора Михайловича³, старше его на шестнадцать лет, с которой он проживёт пять лет. И, может быть, она помогла ему многое понять в Достоевском, почувствовать его... И противопоставить Гоголю. Потому что он не разделял утвердившееся мнение о том, что новейшая литература пошла именно от Николая Васильевича. Скорее вся она в целом явилась отрицанием Гоголя. Если сравнивать только приёмы и формы творчества, отражения действительной жизни, то это так, с этим не поспоришь. Но ведь ценность литературного произведения не во внешнем...

«Если посмотреть на дело с внутренней стороны, если сравнить по содержанию творчество Гоголя с творчеством его многих преемников, то нельзя не увидеть между ними диаметрально-

ной противоположности», - выразил он своё мнение, несколько отступив в том очерке от анализа произведений Достоевского.

Ему необходимо было понять это отличие, прежде чем приступить к тому, что, собственно, и было главной темой «Легенды о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского...» Работая над очерком, он тогда ясно увидел это различие.

«Своё главное произведение он назвал «Мёртвые души» и, вне всякого предвидения, выразил в этом названии великую тайну своего творчества и, конечно, себя самого. Он был гениальный живописец внешних форм и изображению их, к чему одному был способен, придал каким-то волшебством такую жизненность, почти скульптурность, что никто не заметил, как за этими формами ничего, в сущности, не скрывается, нет никакой души, нет того, кто бы носил их...»

Мёртвым взглядом посмотрел Гоголь на жизнь и мёртвые души только увидал в ней. Вовсе не отразил действительность он в своих произведениях, но только с изумительным мастерством нарисовал ряд карикатур на неё: от этого-то и запоминаются они так, как не могут запомниться никакие живые образы».

Подтверждение столь неожиданным для многих своим мыслям он тогда нашёл в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголя: «Я уже от многих своих недостатков избавился тем, что передал их своим героям, их осмеял в них и заставил других также над ними посмеяться...»

Так как же можно считать, что Тургенев⁴, Лев Толстой⁵, Достоевский, Гончаров⁶ последовали за Гоголем, если, в отличие от мёртвых душ, у того же Тургенева *«всё дышит и шевелится, наслаждается и любит»*. А чудный детский мир, живой в грёзах Обломова... А живые герои Толстого... Не говоря уже о героях Достоевского, сложных, разнообразных, но тоже очень даже живых. Эти писатели имеют дело только с действительной жизнью...

Об этом он написал в изданном пять лет назад очерке о писателе, который, на его взгляд, *«неизмеримо ниже Гоголя»* по владе-

нию внешними формами, но который сумел показать жизнь во всём её многообразии, в извечной борьбе светлого и тёмного за душу...

Но отчего-то именно этот вставной этюд о творчестве Гоголя вызвал множество протестов и несогласия...

Правда, это уже не столь волнует, те мысли остались в прошлом, они уже не будоражат, не заставляют спешить к письменному столу. Теперь он размышляет о центре и окраине государства, о политике управления и, вероятнее всего, опять не найдёт понимания многих своих современников. Об этом не стоит думать, важнее ведь не оценка, а прозрение, даже если его мысли, в конечном итоге, никто не разделит...

Он перелистал свои наброски: «на чём остановился?»..

И продолжил про отличие центра России от её окраин.

«Вглядимся в механизм и средства «обрусения» - и мы кой-что поймём в этом явлении. Мы на окраины высылаем орлов, ввиду «трудных и тонких там политических задач», а у себя внутри довольствуемся «генералами поплотше». Имена Воронцова⁷, Бярятинского⁸, Ермолова⁹, Гурко¹⁰, Кауфмана¹¹, Черняева¹² - суть имена общей русской славы; это - люди всероссийского таланта и значения, которые посланы были приложить вечно деятельный ум и несокрушимую энергию на окраины. Между тем в Калуге, Рязани, Костроме, где «никаких политических задач нет», мы оставили только, так сказать, гарнизонную администрацию, инвалидов ума и воли. Ведь это так было, этого никто не оспорит; и посмотрите на результат этой тончайше задуманной политики; человек везде есть человек, т.е. первое и главное, «царь вещей»; дадите вы человека городу или местности - и вы дадите ему всё; наделите тот же город всяческими учреждениями и отнимите у него человека - и вы дадите ему слова без исполнения, обманчивую и даже глущую надежду. Уж лучше бы отчаяние. Даровитый человек, данный окраине, и сделал то, что он везде бы сделал, куда вы его не поставьте: он «вверенный ему край» привёл в цветущее состояние; худой человек, т.е. бездарный, бесцветный,

опять сделал то, что он везде бы сделал; он «захудил», сделал «дрянцом» «вверенный край».

И вот этот окраинный край, где он теперь был, сейчас явно воскресал, притягивая всё больше и больше людей. Он обещал богатое будущее. Богатое в многообразии культурном, эстетическом, нравственном, которое несомненно сменит преобладание только политической целесообразности.

Но нынче: *«Всё ложно в политической стороне имеющих у нас пяти-шести окраинных «возрождений»; и совершенно истинно всё в этих «возрождениях» бытовое, своеобычное, свое-равное, своеверное...»*

Задумался.

Перечитал; верно ли изложил мысль о значении человека, который управляет другими. Нынче ведь многие думают иначе, считая более важным силу, устрашение и даже насилие.

Записал на другом листе; потом вставит в нужное место.

«Россия не на день должна быть крепка, а на века и даже - подавай Бог на тысячелетия. Сейчас можно успеть силою и вероломством; но века жить, но тысячелетия стоять можно только правдою...»

А правда как раз заключается в том, чтобы собственной свободой не подавлять свободу другого, чтобы не насиловать своей культурой, не насаждать свои традиции, не принуждать к своей вере...

И опять склонился над листами.

«У нас более половины населения - не великороссы. Россия есть именно не государство, но мир стран, народов, языков религий. Задачи её существования и истории - не Варшавы, не Вены, не Берлина: и сапоги, в которых прошли эти чиновнические державства свои короткие пути, изнасятся, да уже и изнасились, едва мы ступили в них несколько шагов. Россия - другая, и всё в ней и у неё - другое...»

Он набрасывал эти тезисы своей будущей статьи, видя перед собой картину детского взаимопонимания, общности и, в то же время,

различия, не уничижающего другого, не похожего на тебя, но и не растворённого в другом. И всё более утверждался, что Россия является тем самым ядром, вокруг которого собираются другие страны и культуры, сохраняющие при этом своеобразие, язык, традиции, веру... Правда *«могут они стать тучами на горизонте, а могут стать и светлыми зарницами»* - заглянул он в будущее. И во многом это зависит от тех, кто будет дальше осуществлять политические действия столь же эффективно в центре, как и на окраинах...

Василий Васильевич помедлил и, всё-таки, поделился своей мечтой о том, чтобы Россия там, в будущем, стала «третьим Римом», не сомневаясь, что у этой мечты немало врагов, которые прилагали, прилагают и будут прилагать все усилия, чтобы Россию расколоть, не дать ей собрать иные народы и страны, объединить их одной правдой. Но если к политическому скрепляющему «цементу» прибавить и моральный - «послуживши всем - да и тебе послужат» - «раскалывателям» это не удастся.

...Отдых на возрождённой окраине заканчивался. Он увозил с собой не только ощущение обновления от ванн с кислой водой, но и заметки, родившиеся здесь: и об этих чудодейственных водах, и об обнадёженных болящих и добрых докторах, которых он теперь полюбил, и о чуде исцеления природной силой, тысячелетиями зреющей в недрах матушки-земли. Он поверил здесь и в чудо возрождения не только окраин России, но и её центра, в котором сегодня так не хватало даровитых «генералов»; и в целом в великое будущее России.

Он не стал размышлять долго над названием того, что навяла эта картинка в парке, так и начертил на верху листка: «В Кисловодском парке». Всё-таки именно здесь, за два года до начала нового столетия, пришли в голову эти мысли. И это тоже чудо не меньшее, чем исцеляющие воды...

ПРИДУМАННОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ

Что его удивило, так это неожиданное многолюдье для, в общем-то, небольших курортных городков. Может быть оттого, что приехал он в разгар курортного сезона, в июле, когда отдыхающие, казалось, беспрестанно перемещаются между Пятигорском-Ессентуками-Кисловодском, и поезда ходят переполненными, и на перронах - толпы. Впрочем и всё остальное, виденное по дороге сюда, было для него внове: знойные степи, далёкий острозубый Кавказский хребет, очевидно отличающийся от привычных уральских гор величием и неприступностью. Он давно уже хотел побывать в этих местах, увидеть то, что видел Лермонтов¹ и Бестужев-Марлинский² и что они так ярко описали: один в «Герое нашего времени», другой в «Аммалат-беке».

Восторженности, которая сопутствовала Дмитрию Наркисовичу всю дорогу, особенно её последнюю часть, когда однообразие степи сменило предгорье, несколько поубавилось, когда оказалось, что найти квартиру в Кисловодске не так просто. Приличного жилья вообще не оказалось, а то, что наконец удалось найти, было маленькой комнаткой, из окна которой был виден соседний дом. Но, тем не менее, это было жильё, можно было устроиться, передохнуть от непривычного южного зноя, - а комнатка оказалась весьма кстати не солнечной, прохладной - и отправиться принимать ванны и прочие процедуры. И попутно разыскивать знакомых. Здесь должны были уже отдыхать и добрый приятель Фёдор Фёдорович Фидлер³, и старый знакомый Николай Константинович Михайловский⁴.

С Фидлером они, кажется, знакомы всю жизнь, а если не жизнь - то десятилетие точно, с первых дней его приезда в север-

ную столицу. Можно сказать, что это один из его верных друзей в Петербурге, с которым прожито-пережито, проговорено ночами немало. Михайловского тоже не понаслышке знает, когда-то даже печатался в его журнале. И они оба, бывавшие здесь прежде, уверенные в целительности не только здешних вод, но и мест, давно уже уговаривали его поехать сюда.

Михайловский вообще был здесь завсегдатаем, знал Ярошенко⁵, (тот даже написал его весьма неплохой портрет). Но то ли по причине разницы в возрасте, (был Михаил Константинович старше на десять лет), то ли из-за несовпадения взглядов, (Мамин-Сибиряк был не столь ярким поклонником демократических идей), между ними тёплых отношений так и не сложилось, хотя тот же Фидлер приятельствовал с Михайловским запросто, несмотря на разницу в семнадцать лет.

Знакомые отыскивались довольно быстро: всё-таки городок невелик да и маршруты у всех одинаковы: питьевая галерея, ванны, процедурные кабинеты... Фидлер был бодр и энергичен, считая, что лечение идёт ему на пользу, а Михайловский жаловался, что на этот раз чувствует себя не совсем бодро, не в пример прошлым приездам. Кроме водных ему ещё прописали и электропроцедуры. Фидлер отдыхал уже второй месяц, немного меньше - Михайловский.

Фёдор Фёдорович уже выполнил программу исторического экскурса; не только посетил место дуэли Лермонтова, но и отыскал двух уже престарелых очевидцев тех событий.

Протоиерей Василий Эрастов⁶ прославился тем, что в своё время, было ему тогда двадцать шесть лет, отказался хоронить Лермонтова по церковному обряду. Так и похоронили его без отпевания и поминальной молитвы на городском кладбище. Для Эрастова это был всего лишь один из офицеров, которых было немало в городке, а дуэлянтов он считал самоубийцами. Правда, когда выкапывали тело, чтобы отвести на родину, он прочёл короткую молитву...

Жив был ещё и Иван Андреевич Чухнин, который занимался извозом и нередко возил Лермонтова. Он же вёз его на дуэль и обратно, как утверждал, ещё живого до самого дома - только там

он умер. И говорил, что стрелял тогда первым Лермонтов, а Мартынов⁷ - потом. И рассказал, что хоронили Лермонтова тихо; мало кто знал его, а ещё меньше знали как поэта.

- Я старика сфотографировал, - похвастался Фидлер, понимая, что вряд ли кто-нибудь ещё сделал такой снимок одного из последних живых, видевших гения.

Дмитрий Наркисович выслушал приятеля с интересом, но усомнился, что Лермонтов умер не сразу; всё-таки другие свидетельства говорили именно об этом. Но кто теперь знает, где правда... Он тоже уже побывал на месте гибели поэта.

- Вид там красивый и памятник красивый - поделился он впечатлениями. - Широкая поляна, точно окропленная, как живыми слезами, яркими южными цветами... Это символично...

А ещё за эти дни Фидлер обежал все киоски, где могли быть почтовые открытки; он был помешан на их коллекционировании, и его знакомые, зная эту страсть, покупали открытки везде где могли для него. Ещё одним его увлечением было собирание автографов. Когда-то их знакомство началось именно с надписи в альбоме. Мамин-Сибиряк тогда написал в альбом Фидлера: *«Собирание автографов, как всякая другая страсть коллекционирования, относится к области маленького психического расстройства»*. А когда увидел выражение лица хозяина альбома, тут же дописал: *«которое я разделяю»*. Потом они поспорили о гениальности, которой он обделил Гёте⁸ но зато был убеждён, что Шекспир⁹ несомненно, гений. А ещё он был ярим сторонником дуэлей. Фидлер списывал его тогдашнюю колючесть и склонность к эпатажности на переживания: Дмитрий Наркисович только что похоронил жену, Марию Абрамову, умершую после родов, с которой жил в гражданском браке и прожил всего пятнадцать месяцев, но которую очень любил. На руках у него осталась больная маленькая дочь Алёнушка. Но родственники покойной долго не признавали его отцовства. Только в начале этого года отец Марии отказался от всех прав на Алёнушку и дал согласие Мамину-Сибиряку удочерить её.

- Целых десять лет нависал надо мной этот Дамоклов меч, - делился Дмитрий Наркисович с Фидлером на своей свадьбе с воспитательницей дочери Ольгой Францевной Гувале. - Сколько я пережил! Если б он не согласился, я б его прикончил - ведь я азиат!

Дочь он любил страстно, сочинял ей сказки, которые затем стали одной из самых продаваемых его книг «Алёнушкины сказки».

...В свободное от процедур время втроем или вдвоем с Фидлером они гуляли по парку. *«Всё это было необычно, ново, так же как и чудесный парк на берегах Ольховки, романтическое шумное журчание её быстрых вод. Там и сям в зелени южных деревьев мелькали деревянные киоски, беседки и домики с продажей разных разностей. Тут же в тени приютились отдельные столики, за которыми пили молоко, чай и кофе».*

В эти прогулки они продолжали привычные разговоры о знакомых и о событиях, которые остались в прошлом. Сюда новости доходили с опозданием. У Фидлера, который регулярно делал дневниковые записи, всегда было что рассказать любопытного из жизни тех, кого они хорошо знали. Порой это больше походило на сплетни, но Мамин-Сибиряк выслушивал с вниманием всё, что говорил Фёдор Фёдорович.

- Ламанский¹⁰ рассказывал, что Достоевский¹¹ утверждал, что седьмой зверь Апокалипсиса - это Америка, - как-то заметил он.

- Брось, Фриц. Всё плохое, как и хорошее - в немцах, - возразил Мамин-Сибиряк, который то восторгался немецкой нацией, то вдруг ругал её. - Я немецкого происхождения: мой предок был швед, который при Петре Первом приехал на Урал колонистом.

А спустя время, говоря о своей поездке в Париж, замечал, что ни в коем случае не поедет через Германию.

- Чтобы нога моя не ступала на немецкую землю!.. Берлин... Этот город - прусская казарма!

И в то же время считал Вильгельма II гениальным. Но предрёк, что лет через тридцать начнётся война между Германией и Россией

и Германия победит, причём отпадут от России Финляндия, Польша и прибалтийские провинции.

- Вообще, на отдыхе лучше все знакомых не упоминать, как, впрочем, и Апокалипсис... Хотя, если разобраться, Толстой¹² - лжец. Главную роль в 1812 году играл русский крестьянин, а Толстой стал прославлять вместо него князей... А Чехов¹³ - талант, но он его расходовал... Нет, довольно о них, мы нынче только гуляем и набираемся здоровья. И любимся этими прекрасными местами и обитателями.

Они даже решились подняться вверх к Красным камням, и эта прогулка заняла немало времени. *«Мы вернулись на курорт только к раннему обеду. Все порядочно проголодались и с трогательным вниманием принялись за изучение обеденной карточки. Курортный ресторан стоял на некотором возвышении, с которого открывался вид на главную галерею. Публика всё прибывала, и, глядя надвигающуюся нарядную толпу, трудно было себе представить, что всё это больные... Даже как-то странно было думать о болезнях, когда так горячо светило южное солнце и когда, казалось, самый воздух изнемогал от напора преисполняющих его сил.»*

После обеда Фидлер предложил Мамину-Сибиряку съездить по Военно-Грузинской дороге до Казбека. Тот согласился на это незапланированное путешествие, которое должно было занять пару дней и в какой-то мере развеять однообразие, нарушаемое разве что приездами гастролёров. Самым желанным здесь был театр. Они сходили на спектакль «Бой бабочек», в котором юную художницу-подростка играла совсем уже не юная, тридцативосьмилетняя Комиссаржевская¹⁴. И как играла...

- Нет, надо было мне тебя всё же послушать и переделать свой роман в пьесу, - сказал после спектакля Мамин-Сибиряк Фидлеру, который как-то советовал ему его лучший, как считал сам автор, роман «Хлеб», продавшийся хуже всего, сделать пьесой. - Но может ещё и напишу...

Но нынче делать было совершенно нечего, а прогулки наскучили.

- Вот только у нас нет никакого оружия, - задумчиво произнёс Мамин-Сибиряк, возвращаясь к идее о поездке. - А здесь место не безопасное для путешествий...

Фриц хихикнул и показал на свою палку, в которой был скрыт тонкий стальной дротик.

- А ты фехтовать умеешь?

- Тут и уметь нечего, маменька... - Он давно называл Дмитрия Наркисовича «маменькой», как тот его Фрицем, и оба к этому привыкли. - Если кто будет нападать, я проткну ему своим стилетом живот. Я сделаю так: эйн! цвей! дрей!.. Насквозь...

Фидлер был в восторге от своей идеи и от опасности путешествия.

На пару дней они распрощались со знакомыми, а Фидлер ещё и с женой (они вместе отдыхали) которая проводила его с улыбкой, совершенно не считая это путешествие опасным. И отправились во Владикавказ.

«Мы ждали от Владикавказа чего-то особенного, а в действительности это был самый обыкновенный провинциальный русский город. Яркую особенность представлял только Терек, мчавшийся посредине города с необычайной быстротой, как мчится вода из открытого шлюза. Такой бешеной реки мне ещё не случалось видеть, и я невольно любовался на бесполезно бурлившую стихийную воду, которую при настоящем состоянии техники человек ещё не в силах использовать».

Потом была дорога к Казбеку и опасения Фрица встретить разбойников. Но вместо них встретили милиционеров - военную стражу с винтовками и кинжалами, мирного ингуша, трёх русских баб на берегу Терека, которые на вопрос Фрица - боятся ли - весело ответили:

- Чего нам бояться? Кому нас надо? Не мешки с деньгами, не потеряемся...

«Чем дальше, тем интереснее становился наш путь. Горы поднимались всё выше и обступали нас всё теснее. Тысячи раз

мне приходилось видеть на картинах и фотографиях виды Кавказа, но всё это не давало впечатление действительности, именно того, что вы делается таким маленьким-маленьким, таким ничтожным и жалким пред живым лицом этой грандиозной природы. Теряется даже глазомер. Поднимаешь глаза на гору и думаешь, что вот сейчас вершина, - нет, ещё закидываешь голову - опять нет, и только потом где-то в облаках видишь разорванную, скалистую, голую вершину. И хорошо, и вместе как-то жутко за собственное человеческое ничтожество...»

На коляске они доехали до станции Казбек, «которая залегла своими домиками на правом высоком берегу Терека. Мы переехали по лёгкому железному мосту и могли полюбоваться на белую шапку Казбека, поднимавшуюся всё выше».

И здесь пережили бессонную ночь, потому что Фрицу мерещились разбойники, которые собирались на них напасть, и он практически всю ночь не спал.

Возвращение было не столь бодрим. «Друг Фриц угрюмо молчал, стараясь не смотреть на меня, а я мечтал о том счастливом лете, когда и время, и средства позволят поехать по Закавказью уже настоящим образом и серьёзно познакомиться с этим удивительным и единственным в своём роде благословенным краем».

...Идея сфотографироваться втроём принадлежала Фидлеру, который теперь был увлечён не только открытками и автографами, но и фотографией. А обрядиться в костюмы горцев, чтобы передать колорит народов, живущих в этих жарких местах, предложил Мамин-Сибиряк.

Они довольно долго облачались в черкески с блестящими газырями, пристраивали кинжалы на поясах, надевали папахи.

- Мы должны быть как настоящие кавказцы, - настаивал Мамин-Сибиряк. - И чтобы выражение лиц было таким же как у горцев...

Так фотограф их и запечатлел.

НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

16.07.1903

Середина лета никак не театральный сезон. В знойный вечер, тем более на юге, в театр идут либо истинные театралы, либо скучающая публика. И хотя в этот день в ессентукском казённом театре шла изрядно уже нашумевшая пьеса известного писателя Максима Горького «Мещане», в зале было не много зрителей, поэтому появление трёх незнакомых мужчин, тем более разительно отличавшихся от остальных внешним видом (в походной одежде, загорелых, короткостриженных) не могло остаться незамеченным. На них то и дело оборачивались, отвлекаясь от происходящего на сцене, и кое-кто перешёптывался, указывая на высокого человека в голубой косоворотке, подпоясанной шнурком, и высоких пыльных сапогах.

Актёры тоже скоро разглядели столь неординарного почитателя и довольно быстро распознали в нём автора пьесы, которую они играли.

Новость о том, что в зале находится Горький, распространилась за кулисами, а оттуда и по всему театру, мгновенно.

Дошла она и до Константина Сергеевича Станиславского¹, пришедшего в театр посмотреть игру ведущего Актёра Дмитриева.

Тот играл Тетерина.

Играл совсем недурно, но всё же несколько наигранно, полагаясь больше на голос, нежели образность. Да и в целом, несмотря на старательность исполнения всеми актёрами, постановка товарищества драматических артистов событием не стала. И появление в ложе после окончания акта улыбающегося Горького в самом экзоти-

ческом виде, и предложение того тут же, не дожидаясь окончания, уйти из театранисколько не огорчило Станиславского, в отличие от зрителей, вышедших в антракте из зала, чтобы взглянуть на автора пьесы, которую они смотрели, и уже не заставших того.

- Ну, дорогой Алексей Максимович, вас не признать... Вы прямо выгорели, словно бурлак поволжский... - заметил Станиславский, когда они вышли из театра.

- Тогда уж, верней, кавказский...

- Так ведь нет здесь бурлаков.

- Это верно... Реки не те. Шумы да узки.

- И этот наряд... - всё ещё продолжал удивляться Станиславский.

- Да, самый что ни на есть практичный, Константин Сергеевич, - пробасил Горький и повернулся к своим спутникам. - Познакомьтесь с моими товарищами. Это Константин Петрович Пятницкий², замечательный издатель, можно сказать, народный просветитель, - указал он на человека, чем-то похожего на него. - Ну, а Тихомирова³ вы и без меня знаете...

- Рад, рад, - пожимая руки, говорил тот. - И не ожидал, признаться, вас здесь созерцать... Судя по пыли на вашей одежде, вы вместе держите путь. Откуда и куда?

- Издалека, Константин Сергеевич, можно сказать, весь Кавказ обошли... Недавно ещё по Сванетии гуляли.

- Значит, есть что рассказать. Так извольте ко мне в гости?.. Вы где остановились?..

- Да уже устроились... А в гости не откажемся...

На город опускался несущий избавление от жары и оттого ослабляющий истомой южный вечер. По немногочисленным улочкам прошли к гостинице, где остановился Станиславский. В ресторации заказали ужин. В ожидании еды обменялись мнениями об Эссенуках. Константин Сергеевич вспомнил своё первое впечатление. Когда три года назад он впервые приехал сюда по настоянию врачей на лечение, был уверен, что не проживёт здесь и неделю.

- Я тогда посчитал, что попал в Азию... В Персию или Китай... Пыль, скука, публика неинтересная... Грешен, даже в письме отписал так. А потом разобрался, есть тут и дома приличные, и люди... Во всяком случае, здесь мне нравится больше, чем во Франции... Хотя нынче хуже стало. Народу много. Прежде была милая деревня, а теперь появился городской тон. И, надо сказать, очень скверный...

- А лечение? - поинтересовался Пятницкий. - Лечение вас устраивает?

- Ванны хорошо устроены. И парк, вы же здесь побудете, сами увидите, приличный... А лечение на пользу идёт, несомненно...

И тут же сменил тему, ему не терпелось поделиться своим впечатлением от постановки, отличной от его собственной.

- А Тетерина Дмитриев подаёт, - поделился он, делая акцент на последнем слове, - по-своему, признаться, но не хватает ему всё-таки биографии... Вот ведь пьяница-пьяница, а откуда философия такая?.. Никак наш Актёр не хочет от текста отойти... А разве сыграешь точно, если в шкуру не влезешь, не проживёшь?

- И не увидишь, - подтвердил Горький. - Мы вот с товарищами ходили сейчас по морю да по суше - сколько событий интересных... А характеров... Человек - это существо любопытнейшее...

- Но у тебя, Алексей Максимович, Тетерин иное утверждает... - заметил Тихомиров, словно продолжая незаконченный ранее разговор. - И прав ведь он, любят у нас пьяниц. Человека, отличного от других, возвышающегося, - нет, а падшего - любят. Отчего так?

- Но это Тетерина надобно спросить, - усмехнулся Горький, явно не желая вступать в давний спор.

- А в каждом персонаже всегда присутствует автор... - не сдавался тот. - Отчего он зло отмечает качеством врождённым, естественным, в отличие от добра?..

- Ну, уж позвольте мне вступить за автора, - не выдержал Станиславский. - Напрасно вы принимаете всё на веру. Тетерин-то пьян, но и всерьёз его не хотят слушать, вот и позёрничает, утри-

рует, в маске живёт... И уж сам не знает, что хорошо, что плохо... В его монологах плевела надо отделять...

- Допустим, пьяница, позёр... Но возьмём весь образ... Силу ведь ему некуда девать, не востребована она?.. - продолжал высказываться Тихомиров. - Оттого обида на всех. Оттого и дураки у него - украшение жизни... Оттого и бессмысленность существования... Пустой, нехороший человек этот Тетерин...

- Отчего же? Скорее бунтарь, чуткая душа... Его корёжит от того, каким является общество... Он - предвестник перемен... Агнец...

- Автору-то позвольте? - погладив усы, вмешался Горький. - И то верно, зачем же ему, пьянице, моя философия?.. У него своя... Он сам говорит о себе, мол, человек посторонний, непричастный делам земным... Он наблюдает...

И хитро прищурился, предвидя возражения.

Переглянулся с Пятницким.

Тот внимательно слушал спор и, похоже, не был настроен высказывать своё мнение.

Подали на стол.

- Ну, что ж, соловья баснями не кормят... Давайте утолим голод животный, - предложил Горький. - Признаться, я весьма проголодался.

И первым подал пример.

Некоторое время за столом стояла тишина, прерываемая только постукиванием приборов о тарелки. Но вскоре разговор вновь вернулся к пьесам. Горький и Пятницкий слушали, не вмешивались, давая возможность выговориться и поспорить двум режиссёрам. Теперь они перешли к обсуждению другой пьесы, которую Станиславский тоже поставил во МХАТе.

- Сатин - это Тетерин, но в другой социальной среде, - заметил Тихомиров.

- Если кто и выпестовался из Тетерина, то скорее Актёр, Сверчков-Заволжский, - не согласился Станиславский.

- Нет-нет! - Тихомиров словно ожидал этого возражения, отложил в сторону приборы, отодвинул тарелку.. - Вы, Константин Сергеевич, не правы. Именно Сатин вырос из Тетерина. Он, как и Тетерин, ироничен по отношению к обществу.

- Он, как и Тетерин, пьяница, а у пьяниц своя философия и своя психология... - возразил Станиславский, имея в виду Актёра. - Ваша ошибка, коллега, что вы стараетесь на основе действующих лиц создать свои образы, непременно с вашими мыслями и оценками. А задача режиссёра и актёров, прежде всего, раскрыть эти образы, понять среду, в которой они формировались и где только и могут существовать. Судьба Актёра - это естественное продолжение судьбы Тетерина, человека постороннего, созерцающего, ненужного... Он должен уйти, и он уходит...

- Позвольте, но Сатин ведь тоже наблюдатель. Он тоже не хочет быть как другие...

- Отчего же. Наоборот, он хочет... Как он говорит о человеке... Это звучит гордо... Разве он может не любить себе подобных, столь уважая сущность человеческую? Нет, у Алексея Максимовича все на своих местах... Сатин не созерцатель, он активная личность. Он социален, хотя и вынужден жить на самом дне общества... Лука - дряхлеющий мечтатель. Актёр - олицетворение слабости духа... А Сатин - это взрывная активность...

Станиславский посмотрел на Горького, то ли ожидая подтверждения сказанному, то ли предлагая прервать их спор.

Тихомиров тоже взглянул в его сторону.

Горький кашлянул, приложил к губам салфетку. Отложил её в сторону.

- А я, признаться, и не знаю ничего... Вот сижу, слушаю вас и думаю, сколь многогранен человек... Вроде пишешь, по-своему представляешь, возьмёшься сам читать - он уже другим боком перед тобой, а на сцене увидишь - совсем не узнаешь... Так что вы уж не обессудьте, я в критике собственных сочинений не гожусь. Вот как описал, так и описал.

- Действительно, оставим пьесы критикам, - наконец подал голос Пятницкий. - Как вам отдыхается, Константин Сергеевич?

- Нет уж, лучше вы расскажите о своих приключениях. Кто это вас надоумил пилигримничать?

- Доктора посоветовали, все мы от докторов зависим, - со вздохом произнёс Горький. - Говорят, для нервов путешествие полезно. Вот мы и собрались.

- И где же были, что видели?

- А вот как отправились по побережью, так практически во всех местах и побывали.

- Пешком?

- Отчего же. Где пароходом, где лошадьми... А повидали, действительно, много всего...

- Новая пьеса будет?

- Будет пьеса или нет, не знаю, но впечатлений хватает.

К разговору подключились остальные спутники Горького.

Кто вспомнил пароходный люд, когда плыли из Сухуми в Ку-таиси.

Кто живописный Батум.

Кто Новый Афон.

Пятницкий с юмором рассказал, как по пути в Сванетию почтосодержатель дал им вместо четырёх лошадей три, да к тому же одна из них была хромою клячей. Пришлось даже жалобу писать.

- Новый жанр освоили, - с усмешкой произнёс Горький. - Но вот мы и все порассказали, а вы нам, Константин Сергеевич, здешние места опишите, стоит ли задерживаться?

- Раз уж зашли, обязательно надо осмотреться, - произнёс тот. - Места есть замечательные. С одной стороны Пятигорье, вы здешние художественные горы видели по пути... С другой, по ущелью выше, Кисловодск. Можно в горы подняться.

- А что, стоит того?

- Уникальный вид.

- И далеко?

- Вёрст тридцать с гаком будет. Но туда много едут.

- Ну, а народ местный как, интересен?

- Да я, признаться, кроме как на базаре да на улицах его и не вижу, - признался Станиславский. - Всё больше с врачами, сестричками да отдыхающими общаюсь.

- И ванны надо попробовать. Сказывают, целительные.

- Обязательно надо, Алексей Максимович.

- Но первым делом нам отдохнуть следует, - напомнил Горький. - Не знаю, как мои друзья, но я сегодня буду спать богатырским сном...

17.07.1903

Следующий день посвятили знакомству с Ессентуками. Все достопримечательности, среди которых основными были несколько общественных зданий, осмотрели быстро. От наступающей жары ушли в курортный парк. Присели на скамейку и незаметно от обсуждения окрестностей и особенностей курортной жизни перешли к тому, что волновало более.

- Я убеждён, народ достоин лучшей жизни, - басил Горький. - Оттого и сочувствую социалистам. И разделяю их взгляды.

- Алексей Максимович, мне тоже симпатичны ваши герои из самых низов. Они и умны, и по-своему благородны, но ведь это ваше перо сделало их такими, - мягко возражал Станиславский. - У вас ведь образы собирательные. Не думаю, что мы найдём где-нибудь в ночлежке в чистом виде вашего Сатина.

- Сбирательные, - согласился Горький. - Но даже у самого падшего одно хорошее качество да есть... У другого - другое... А всё вместе - вот и получается хороший человек... А ежели вот взять и дать каждому всё, что человеку нужно, чтобы не попрошайничать, не бродяжничать - он и изменится... Я вот Константину Петровичу писал, - кивнул он на Пятницкого. - Ко мне в Нижнем Новгороде пару лет назад является женщина. Маленькая, тумбообразная, не-

красивая, пожилая - удивительно симпатичная. Рассказывает: сельская учительница в Рязанской губернии, она умудрилась влюбиться в сорокалетнего мужика-бобыля, научила его грамоте. Её выгнали, потому что явился ребёнок. И вот она приехала в город с мужем, который может занять место только дворника или сторожа, с крестьянской девушкой, которая поехала с ней «по душе, потому что барыня-то больно уж хороша». Все трое они - удивительно курьёзный народ! Голодные, оборванные, весёлые, они твёрдо уверены, что жизнь им улыбнется и «всё пойдёт как по маслу, потому мы не робим, а работать можем всё что хошь». Она, учительница-то с гимназическим образованием, занималась переводами с французского языка, знает конторское дело - и похожа на чугунную бабу, которой сваи бьют.

- Ой ли, - вставил Тихомиров; похоже, он был постоянным противником в спорах с Горьким. - Не верю я, что пьяницу или разбойника образумить можно. А что касается этой учительницы, то не сомневаюсь, теперь она уже не столь весела...

- Ну, не скажите, - вмешался Пятницкий. - А я думаю, у неё всё сложилось. Человек - существо социальное и быстро усваивает, что хорошо, что плохо. И приспосабливается. Мы с Алексеем Максимовичем для того и задумали серию книжек воспитательного характера выпустить. Таких, чтобы было понятно самым малограмотным.

- Хорошая идея, - нажимая на «о», подтвердил Горький. - Человеку надо давать возможность стать лучше. И надо так писать, чтобы всякий человек - порядочный, разумеется, - прочитал и заиграл радугой; эго, какой я человек, хороший, сильный, смелый... Вот мне бы не дали возможности читать и самообразовываться в своё время, я бы с вами теперь не сживал...

- Вы - талант, самородок, - заметил Станиславский.

- Да вы тоже хороший режиссёр, - пряча в усы улыбку, отпарировал Горький. - Только вот дело не в этом. Дело в том, чтобы у всех таланты развиваться могли. Каждый человек по-своему талант-

лив... Я вот прежде для чего писал? Чтобы напечатали да гонорар получить... А потом стал задумываться: вот ведь прочтут, что сочинил, отложат в сторону и забудут. Гонорар получу - проживу. Не ради же него сочинял всё, переживал, слова правильные искал... Чего же тогда хочет от меня читатель? Или, может быть, я от него чего-нибудь хочу? - Он помолчал, обводя взглядом собеседников. - Читатель, конечно, разный. Дамочка какая-нибудь про любовную историю хочет прочесть, а вот вам, Константин Сергеевич, подавай что-нибудь драматическое, со страстями... Вот и угадай, чтобы всем понравилось... Чтобы и дамочку, и вас устроило. - Он замолчал. Хитро прищурился и после паузы продолжил: - А я думаю, вы оба желаете после прочтения что-то взять для себя хорошее... Чтобы самому лучше стать, чтобы над своими изъянами задуматься... Не прав я?

Вдруг откуда-то донёсся крик ребёнка. Громкий, навзрыд плач сменялся причитаниями о пощаде. Детский голосок был пронзительно беззащитен.

Горький вдруг вскочил.

- Что это?

- Наказывают, - догадался Тихомиров. - Недалеко, вот в тех домах.

И указал рукой на ближайшее строение.

Горький, ни слова не говоря, поднялся со скамейки и размашисто пошёл в ту сторону.

Остальные, немного помедлив, заторопились следом.

Подошли к небольшому небогатому домику.

Горький решительно вошёл.

Зажав под мышкой голову мальчика, пышнотелая женщина нещадно била его прутом по отставленному худому заду.

Горький с ходу вырвал прут, отбросил в сторону, прижал к себе ребёнка.

- Этак лучше я тебя! - еле сдерживаясь, с угрозой произнёс он. - Что же ты калечишь его? Чужой, поди?

- А ты откуда такой защитник взялся? - крикнула та, всё ещё находясь в гневе и стараясь вернуть себе мальчугана. - Это мой сын! Кто ты такой, чтобы врываться без спросу?!

- Я-то?... Человек, - уже остывая, спокойно произнёс Горький. - Не смей бить!.. Ежели ты мать, что же его калечишь...

- Что хочу, то и делаю.

Женщина, красная от возбуждения и невышедшей злости, но явно растерявшаяся от такого вмешательства и от стоящей у двери делегации, не знала, как поступить. Наконец выпалила:

- Мой сын!

Малец, воспользовавшись тем, что никто не обращал на него внимание, быстро юркнул за спину Горького и исчез на улице.

- Чего ко мне лезешь?... Кто такой?

- Так ведь крик был смертный, - произнёс Станиславский, выступив вперёд и настраиваясь вразумить женщину. - Искалечишь, потом ведь сама жалеть будешь, себя винить...

- А ну-ка с моего двора, - грозно произнесла та. - Я вот сейчас мужиков покричу...

- Идём, Алексей Максимович, - негромко произнёс Станиславский.

И уже когда прилично отошли от дома, сказал:

- Вот она, самая жизненная картина.

- Я таких картин за свою жизнь насмотрелся... Не могу, знаете, когда детей бьют. Её дитя, так что, значит, можно истязать и мучить... - отозвался Горький. И, повернувшись, напористо произнёс: - Только всё одно, в сочинениях надо показывать лучшее, что есть в человеке... Человека надо от плохого отвращать, а к хорошему приучать... Вот чтобы эта тётка задумалась, как к ней относиться станет этот малец, когда вырастет, а она старухой будет немощной... - И, помолчав, добавил: - Всё одно в каждом человеке, и в этой бабе тоже любовь есть. И стыдно ей сейчас за себя, за поступок свой. Только надо ей подсказать, как лучше стать... Я когда своего «Читателя» писал, многое передумал.

Царь наш, его прислужники совсем народ не знают. И дворяне не знают. А в представлении помещиков весь он, народ наш, как крестьяне в его поместье... И те, кто в театр ходит, народ этот самый знает разве что понаслышке да вот по пьескам моим, - он прищурился. - Или по собственному представлению, по лакеям да кучерам, как кому нравится... Вот, гляди, сейчас мы и эту бабу в злодейку превратили. А может, она сейчас и плачет, и стыдится себя... А отчего она бьёт без жалости, голову потеряв?.. Может оттого, что кто-то её обидел, вот и вымещает обиду. Какая-то несправедливость её гложет...

- Понимаю, Алексей Максимович, понимаю, - согласился Станиславский. - И не стану спорить, кто ходит в театр, может, до конца и не знает, но для себя и открывает и задумывается. Через ваши пьесы...

- Надо бы ещё сходить в театр, досмотреть, - вдруг вспомнил Горький. - Как здесь играют?

- А давайте сегодня и сходим, - предложил Пятницкий. - Константин Сергеевич уже, наверное, своё суждение имеет, а нам будет в новинку...

- Да и я ещё раз не откажусь, - произнёс Станиславский. - Только вот сегодня они не играют пьесу. - И оживился: - Но у меня есть прекрасная идея. Давайте я вас в одно замечательное место отвезу.

- И что же это за место? - заинтересовался Тихомиров, немного ревнуя Горького к Станиславскому.

- Просто чудное местечко. Только сейчас же едем. Там же заночуем, чтобы утром полюбоваться восходом.

- Ну, Константин Сергеевич, нас восходами не удивишь.

- Удивлю, удивлю, - азартно произнёс тот. - Такого восхода вы ещё не видели, я уверен.

- Не в Замке ли коварства и любви мы его встретим? - уточнил Пятницкий, припоминая, что с утра вроде собирались заглянуть в это место..

- Это гораздо лучше... Давайте-ка поторопимся, нам ещё до Кисловодска доехать надо и там успеть...

И он первым торопливо направился из парка...

...От Ессентуков довольно быстро добрались до Кисловодска и здесь как раз успели. Возле дома Тер-Акопова, Актёра и мецената, уже собрались готовые к отъезду экипажи. Не без труда, но нашлись и им места. Горький и его спутники тут же устроились на них, привыкнув за путешествие не задавать лишних вопросов: придёт время - всё увидят сами; и вереница экипажей, заполненных возбуждёнными отдыхающими, неторопливо потянулась вверх по горной дороге...

Ехали довольно долго.

Солнце уже склонилось к самому горизонту, внизу на Кисловодск пала ночная тень, но здесь ещё ложились косые красноватые лучи. Ветер становился всё сильнее и прохладнее.

Возбуждённый Станиславский сквозь скрип колёс и этот пошвист ветра пытался объяснить Горькому, отчего это плато, на котором горцы пасут летом овец, называемое Бермамытом, столь популярно у отдыхающих. Но тот и сам уже видел и вздымающиеся совсем рядом вершины, и спрятавшийся за облаками, но всё-таки угадываемый Эльбрус. Правда, этот великан так и не открылся до ночной темноты, в которой они подъехали к месту ночёвки, где их уже ждали приготовленные шатры и ужин.

Спалось в эту ночь под свист ветра, без сновидений, в ожидании обещанной Станиславским незабываемой картины. И на рассвете все были на ногах, ожидая долгожданной минуты...

И вот солнце осветило снежные конусы; из ночи медленно, но неотвратимо стал проявляться могучий и вечный гигант...

18.07.1903

По возвращении в Ессентуки Алексей Максимович почувствовал себя нездоровым. Его знобило, наваливалась слабость. Но, тем не менее, он решил, что нарзанная ванна пойдёт ему на поль-

зу, и отлежал в не очень тёплой положенное время. И, действительно, после неё он почувствовал себя лучше, недомогание будто бы прошло.

До поезда, который отходил вечером, как и собирались, отправились в театр.

Постарались пройти в ложу так, чтобы зрители не заметили. Правда, их было не так уж и много. Но актёры, зная, что автор в зале, старались играть хорошо. Сначала Горький смотрел спектакль внимательно, сравнивая его с мхатовской постановкой и периодически обмениваясь со Станиславским замечаниями. Потом вдруг почувствовал себя дурно. И, так и не закончив фразу, упал в обморок. Хорошо, к месту оказался диван. Тут же пришёл в себя, но уже понимая, что болен, потерял интерес и к действию на сцене, и к собеседникам...

Они вышли на улицу.

Был замечательный тёплый вечер, когда летний зной сменяется томным теплом.

На воздухе ему стало легче, но слабость так и не прошла. Видимо, поднималась температура. Станиславский настаивал на том, чтобы он остался, отлежался пару дней, но Горький не согласился. У него уже были намечены планы, от которых он не хотел отказываться.

Они расстались на перроне у поезда, отправляющегося в Москву.

- Жаль, что мало времени вы побыли, - вздыхал Станиславский. - Без вас теперь будет скучно...

- Ничего, вернётесь в Москву, ещё надоем... Так что набирайтесь сил, - пытался шутить явно нездоровый Горький.

- Надоедайте, Алексей Максимович, - согласился тот. - И новую пьесу приносите.

- Это уж как получится... Я всё-таки больше прозаик. - И не удержался: - Вот Константин Петрович знает, что я хочу написать.

- Что же?

- Две повести... Одну о человеке, который шёл сверху вниз и внизу, в грязи нашёл - Бога! Другую о человеке, который шёл снизу вверх и тоже нашёл - Бога! И Бог сей бысть един и тот же!..

- И пьеса получится, Алексей Максимович, - уверенно произнёс Станиславский и, подавшись вперёд, негромко, с вопросительной интонацией сказал: - Не заметили, Эльбрус перед зрителями проявляется словно эпический герой...

И вопросительно взглянул Горькому в глаза.

- Ох, Константин Сергеевич, всё у вас театр вокруг, - благожелательно произнёс тот. - А мне кажется, он просто парил над всеми нами...

Засвистел паровозный гудок.

Забегали кондукторы.

Поезд дёрнулся, неохотно, натужно стал набирать скорость.

Элегантный Станиславский поднял руку, провожая взглядом вагонное окно, за которым стоял писатель «из босяков», и у них впереди было ещё немало встреч.

Но не в этом курортном городке...

ТЕНЬ ЛЮБВИ

*В*се эти дни, недели в Кисловодске он жил в неясном ожидании чего-то необычного, похожего на редкий сон, который дарит либо величайшую радость, утреннее расставание с которой печально, или же величайшую горечь, от которой отходишь с радостью обновления и любви к жизни. И всё видишь в новом свете. - Как сейчас, в начале южного лета, здесь, под снежными кавказскими вершинами вот эти знойные улицы, праздную, внешне такую довольную, умиротворённую публику. Он и ехал сюда, чтобы стать на время таким же праздным и удовлетворённым, смыть нарзаном груз многомесячной работы над своим полным собранием сочинений и, пусть и тщательно скрываемое, но всё же разочарование, что так и остался только номинантом Нобелевской премии. Хотя прекрасно знал, что не все любят его творения, не все считают их достойными высокой оценки и мирового признания.

Ну да Бог с ними, он то знает, что написал, какой проделал путь от своего юношеского увлечения древнегреческими трагедиями к тому, что понимает сейчас, прожив полвека на этом свете, где, без сомнений, единственной по-настоящему свободной и мятежной книгой, путеводной звездой является Библия... Творения древних греков лишь вершины под светом этой звезды...

Но сегодня, сейчас это ожидание наконец-то реализовалось. Он имел возможность лицезреть земное чудо, черты которого многократно пытался описать в своих книгах.

Она, словно услышав его мысли, повернулась в его сторону, скользнула лучистым взглядом, от которого так застучало, заволновалось сердце; вновь отвернулась, а он, страхась, смотрел на

неё: тонкую, стройную, юную, влюблённую в самое себя, но не эгоистично-самодовольно или надменно-вызывающе, а с тем оттенком горделивой самоиронии, которая делает женщину неотразимой...

Она была божественно прекрасна и, казалось, излучала тот самый чистый свет, которого ему так не хватало в этом мире теперь, когда не только возраст забрал восторженные радости открытия мира, но и то, что происходило сейчас вокруг, в стране, в Петрограде. И что так угнетало, от чего так хотелось убежать. И по его предложению привычной троицей: Зина¹, он и Философов² в начале мая они и приехали в это ущелье, на которое снисходительно взирал Эльбрус, где всё ещё носился ветер недавней вольницы, некогда пропитавший многих его предшественников и щедро одаривший их бессмертными впечатлениями.

Как же важно было сейчас почувствовать это могущество вечности, бессмертия. И не только ему или не столько ему, а, прежде всего, Зинаиде Николаевне, наконец-то нашедшей в себе силы порвать с декадентами³. В статье о её стихах, так символично им названной «Ночью о солнце», он предостерег автора от губельности влюблённости в смерть. Подобная влюблённость приводит к саморазрушению, к самоубийству личности. Это яд. Слава Богу, он увидел в её поэзии поиски противоядия. И неслучайно, совсем не случайно, в одном из своих рассказов она характеризует современных русских людей как слабых, хрупких, валких: «чуть тронешь - хрустнул, завалился и подох...» Словно открепщивается от подобной хрупкости.

И наконец-то она ищет то, что он давно обрёл - веру в бессмертие...

Сколько они уже вместе?..

...Одна тысяча восемьсот восемьдесят восьмой год. Запоминающаяся цифра. Год их встречи. Путешествие по Военно-Грузинской дороге, захолустный городок Боржом, в котором начальник почтовой конторы неожиданно для него читавший стихи Дмитрия Ме-

режковского, предложил задержаться, пригласил пожить у него на даче, а не в неудобной гостинице, и стал выдавать всем знакомым его за буддиста. Ему было тогда двадцать три года, он был худ, при разговоре слегка приятно грассировал, для солидности отпустил бородку, которая была каштанового цвета - одним словом старался соответствовать званию поэта. Его стихи уже печатались в журналах, которые, оказывается читали даже здесь, на окраине империи. И, естественно из самых добрых побуждений, все знакомые гостеприимного начальника очень хотели познакомить его с юной Зинойчкóй Гиппиус, которая тоже писала стихи.

Знакомство состоялось. Юная Зиночка оказалась совсем не глупой и не была в восторге от его стихов, нахваливала Надсона⁴, спорила по каждому поводу. Но с ней было интересно, ему нравились строптивые девицы, которых хотелось непременно обуздать как своенравных лошадей.

А потом был тот вечер, который остался в памяти самым чувственным и, как оказалось, судьбоносным. Они с Зинойчкóй ушли в парк, прошли вдоль Боржомки далеко по ущелью, легко находя темы для всё новых и новых споров, и неожиданно у него вырвалось само собой разумеющееся - «мы будем вместе» - словно всё уже было решено прежде. Впрочем, он нисколько не сомневался, что эта юная и своенравная особа не отвергнет его предложения.

...И вот теперь он смотрел на столь же юную, как тогда Зиночка, незнакомку и менял её местами с той, что тогда видел на берегу речушки среди гор и той, которая годом позже стала его женой, а затем и верной спутницей во всех жизненных перипетиях...

Теперь он знал, что настоящая любовь пришла к Зинойчке позже, когда она увидела Философова и так настойчиво убеждала его приложить все возможные усилия, чтобы увести юного Дмитрия из-под влияния его двоюродного брата Сергея Дягилева⁵, который проповедовал не только испорченные нравы, попирая религиозные основы семьи, но и совратил брата, сделав его своим любовником. И они сумели увести того от Дягилева и подобных ему, а он прило-

жил всю свою силу убеждения, чтобы зажечь талантливого юношу религиозно-философскими идеями. И несколько не ревновал жену, хотя видел её нерастраченную страсть и даже если не знал, то догадывался, как она, потеряв голову от любви, в одну из ночей в деревне, где они по уже давней привычке, с первой встречи в Ницце и жизни в Париже, жили вместе, пришла в комнату к Философому. И совершенно точно знал, что тот не испытывал к Зине физического влечения. Увлекающимся им девицам Философов говорил, что физическая близость разрушит их дружбу, духовную близость...

«Бог создал Еву из ребра Адамова... Она - в нём. Она - он; без него её нет» - Так начал он статью «Ночью о солнце».

Зина поняла, что он имел ввиду. Действительно, без него не было бы писательницы Гиппиус: известной, написавшей немало романов - правда, исключительно на потребу публики, ради денег. Но был в их жизни период, когда именно её гонорары и позволили ему писать свои сочинения, в том числе трилогию о Юлиане, Леонардо да Винчи, Петре Первом - несомненно, лучшее из написанного... И её свет долго воодушевлял его... Но вот иссяк...

Когда-то он пришёл к выводу, что Знание есть любовь и кто мало любит, тот мало знает. А он ещё хотел знать...

Он отвёл взгляд, понимая, что это становится неприличным. К тому же внешний телесный облик, чем дольше он смотрел, тем больше отвлекал, снижал тот внутренний эмоциональный подъём от увиденного чуда, который всё ещё не проходил. *«Знать о предмете можно, только увидев его изнутри»*, - вспомнил он ещё одну свою аксиому из «Маленьких мыслей» и вообразил себя на месте этой романтической, трепетной, ждущей от жизни неземного счастья и немислимой любви девушки, столь бесцеремонно разглядываемой пожилым мужчиной...

Конечно, это точнее получилось бы у Зины, но она в обиде на Бога, что родилась девочкой, и всё ещё ищет ответ на метафизический вопрос о двух полюсах мира, о бытии и небытии, о мужском и женском в их вечной, нездешней противоположности...

Нет, нужно самому, самому... Но времени совсем нет... Времени в целом - она в два раза моложе, и в частности сейчас, здесь - скоро они уезжают...

Незнакомка вдруг поднимается, с улыбкой спешит к мужчине почти такого же возраста как он, доверчиво приникает к нему, очевидно, что они не чужие друг другу. Он ловит себя на постыдном чувстве, в котором смешались воедино обида, ревность, зависть; поднимается, но, помедлив, вновь садится.

Они, оживлённо разговаривая, неторопливо уходят, исчезают в тени деревьев... А он, глядя им вслед, вдруг видит парижскую улицу и идущую ему навстречу старушку. Они сошлись и разошлись - одно мгновение. Но её милое лицо словно отпечталось в памяти на все минувшие годы. Как и вера в то, что они ещё встретятся...

Философов узнал, где она живёт. И немножко о ней. Обнадёживающее. Оказывается, она приехала из Петрограда вместе со своим дядей. И оттого, что она прижималась не к сопернику, а к родственнику и они возвращаются в один город, Дмитрий Сергеевич вновь ощутил трудно скрываемую радость. Отчего жена прозорливо заметила, что влюбляться в их возрасте уже довольно рискованно, тем более, что волнения ему противопоказаны. Но к его увлечению отнеслась с пониманием: у каждого мужчины в предзакатном возрасте тоже бывает ренессанс, правда, не всегда созидательный. За годы, прожитые вместе, она научилась не ревновать мужа к почитательницам его таланта. К тому же ей привычнее было коротать время в обществе Философова. Она находила удовольствие от духовного общения с любимым ими обоими человеком. К тому же она серьёзно относилась к лечению, запасаясь здоровьем, солнцем, праздностью на длинную северную пасмурность и стылость. И поженски предчувствовала, что страну и их ждёт непростое время, когда болеть будет непозволительно.

Зимой на заседании религиозно-философского общества Философов делал доклад о церкви и государстве. Слушателями были

думцы и священники. Керенский⁶ тогда тоже вещал из-за кафедры, которая стояла за её спиной рядом с большим портретом Николая - и она в зеркальце вдруг увидела два лица рядом - Александра Фёдоровича и императора - и поразилась контрасту. Этот контраст и запомнился более, чем речь Керенского. Хотя, недавно вернувшийся из Туркестана, где коренное население не хотело идти в армию, и перенёсший операцию по удалению почки, он говорил убедительно, считая, что следствием неорганизованной революции, которая неизбежно свершится в ответ на ошибки политиков, будет анархия. И как с ним не согласиться, если Гришка Распутин⁷, безграмотный, пьяный и болезненно развратный мужик по своему произволу распоряжается делами государства Российского...

Горький⁸, на её взгляд, был менее интересен. Этаким милый, нежный готтентот, которому подарили бусы и цилиндр... Мережковский, в своё время хваливший его сочинения, теперь не всегда соглашался с ним в оценке как политических, так и литературных событий. Но, тем не менее, с удовольствием встречался. Философов же, помимо сотрудничества с газетами и журналами, которые охотно публиковали его статьи, был поглощён делами общества, в котором прежде был секретарём, потом председателем, а последние годы товарищем председателя.

Несколько месяцев перед поездкой сюда, на юг, на воды, был и для них с мужем равносильны пребыванию в сумасшедшем доме. Они остро чувствовали войну-несчастье и поражались, что вокруг них всё как и прежде делалось беспечно, будто этого несчастья нет. Так же ставились пьесы, её и мужа, молодые поэты торопились прочесть им свои стихи. Так же проходили «седые и лыбые» - как она их называла по причёскам участников - вечера с планами создания новой радикальной партии. Был Горький⁸ со своими нравоучениями. Проект какого-то англо-русского общества. Подъём православного патриотизма...

Она разделяла убеждённость мужа в том, что для каждого человека своё время и у каждого оно разное. Поэтому даже близкие

люди не всегда могут понять друг друга. Но силой другого в своё время не затащишь... А у него сейчас тот самый срок, когда бес в ребро... Она видела эту девушку, Философов показал, и понимала, чем она обворожила мужа. В ней была та нежная женственность, покорная беспомощность, которые так притягивали Дмитрия Сергеевича уже не в первый раз...

Всё проходит, пройдёт и это увлечение...

Правда, таким, как сейчас, Мережковского она давно не видела. Словно действительно помолодел, хотя всегда считал себя молодым, в отличие от неё, казавшейся самой себе старше и мудрее...

Она уже многие годы жила меж двух Дмитриев, по-разному, в разное время испытывая к каждому из них не столь остро, как в молодости, но ещё не исчезнувшие совсем чувства. После давнего ночного объяснения с Философовым, приняв его отношение к себе, как и ко всем прочим женщинам, как некую неизменную данность, она довольно скоро избавилась от обиды, которая присуща отвергнутой женщине, и стала относиться к своему несостоявшемуся любовнику прежде как к приятному и всё ещё волнующему собеседнику, товарищу по прогулкам или совместному времяпрепровождению; затем вдруг откуда-то пришли материнские чувства, выражающиеся в заботливости и некоторой назидательности.

У Философова с возрастом тоже страсти поулеглись; он уже менее обращал внимание на юношей, с увлечением занимаясь работой в журналах и в обществе, а здесь, так же как и она, прилежно принимая нарзанные и солнечные ванны.

На какое-то время их отдых разнообразили приезжавшие её сёстры. С ними мало говорили о серьёзном, предавались больше воспоминаниям или обсуждению общих знакомых. И это тоже был отдых от суеты, которая осталась в прошлом и воспоминания о которой с каждым днём на отдалении утрачивали трагедийность. Порой она вспоминала афоризм мужа: «*В прошлом нет страха - вот почему оно так мило...*» Но ей казалось, что прошлое мило ещё и в силу возраста...

Дмитрий Сергеевич с волнением воображал знакомство с этой очаровавшей его девушкой, которую, как он уже знал, звали Ольга. То, что она приехала с дядей и живёт в Петербурге-Петрограде, вселяло в него уверенность, что их встречи продолжатся и в сумрачном городе, который она будет освещать ему своим образом. Но он мечтал и о встрече здесь и мысленно искал начало разговора, которое должно быть притягательно-загадочным, чтобы вызвать интерес, заинтриговать с первых слов, как в хорошем сочинении. Он не сомневался, что Ольга не только красива, но и умна, образована, а значит ему легко будет найти интересные обоим темы. Но начнёт он, пожалуй, с фразы, которую занёс в свои дневниковые записки «Маленькие мысли» - порой ему приходило в голову любопытное и неожиданное сравнение или вывод, которые он туда записывал. Так вот, он скажет ей, что она несомненно с планеты Меркурий. «Почему?» - спросит она, удивившись. «Потому что люди с планеты Меркурий, где всё легче, лёгкие, - скажет он. И добавит. - С этой планеты Лермонтов и Байрон... И вы...» «Вот как?» - опять удивится она. И тогда он огорчит её: «Но таким людям здесь тяжело. Там ведь легче, чем на Земле...» «А кому же здесь легко?» - спросит она. «Тем, которые с планеты Сатурн». «Потому что там тяжелее, чем на Земле?» - догадается она. - И им здесь легко. Но кто же это?» «Один из них - Бисмарк», - скажет он. И дальше разговор потечёт по естественному руслу взаимного интереса. И они пойдут рядом, забыв об окружающих, слившись бессмертными душами и оставив тленную плоть...

...Время всегда и ко всем безжалостно, кто и как бы не умолял его замедлить свой бег.

Время - единственный бесспорный властелин над человеческой плотью, которая, пусть краткий срок, но всё же диктует своё, живёт страстями, чувствами, желаниями...

Последние часы в Кисловодске. Он понимал, что если они не встретятся здесь, в Петрограде это будет сделать трудно. И попросил Философова передать ей письмо. На бумаге ему было привычнее излагать свои чувства...

Он пришёл раньше и ждал неизмеримо больше, чем приличествовало, лоя себя на, казалось, давно забытом, а может быть и вовсе неведомом ему прежде волнении, бросающим то в жар, то в холод, воображая её тёплую и доверчивую ладонь в своей руке, нежность её плеч, свежесть дыхания... Двадцать семь лет назад, гуляя с Зиной по берегу горной речушки, он так не волновался. Тогда он был уверен в том, что эта девятнадцатилетняя девочка, идущая рядом, уже влюблена в него и примет его предложение с радостью. Теперь же он боялся, что Ольга не захочет даже понять его, не согласится делиться своим светом... А он... он не сможет увлечь её...

И оставалась надежда только на письма.

Кисловодск. 22 июня 1916 г. Среда.

Вы не пришли. Я знал, что не придёте, и всё-таки ждал.

Просить ли мне у Вас прощения за это безумное ожидание чуда? Красоте свойственно внушать безумие. Красота не виновата в этом; но виноваты ли и те, кто безумствует?

А может быть, Вам и прощать нечего - Вы уже забыли о моем письме?.. Нет, не забыли: не правда ли, Вы женским чутьем поняли, что оно чем-то отличается от всех других писем в том же роде; что слова о «благоговейной робости» недаром сказаны? Вы угадали, что Вам писал это странное письмо странный человек, не похожий на большинство людей, которые Вас окружают?..

А если Вы этого сами не угадали, то я Вам прямо скажу, что моё желание Вас видеть может быть и безумно, но невинно.

Если бы художник попросил у Вас позволения изобразить Ваши черты в красках или ваятель - в мраморе, - Вы не удивились бы. Мне хотелось бы сделать то же; хотелось бы написать Ваш портрет, изваять Ваш образ - одно из совершеннейших явлений женской прелести, какое я когда-либо встречал, - но не в красках и в мраморе, а в слове. Как можно это сделать, я бы Вам объяснил, если бы Вам не было скучно...

Прекрасные женщины любят смотреться в хорошие зеркала, а глаза художника - лучшие из всех зеркал на свете. И чем бы Вы ни были заняты, и как бы Вам ни было скучно, - я знаю, Вам было бы весело полюбоваться на себя в это зеркало.

И вот всё так же невинно продолжаю моё «безумие». В тот раз Вы не пришли - может быть, в другой раз придёте?

Четверг, 23-го июня, последний мой день в Кисловодске. Я уезжаю и, вероятно, больше Вас никогда не увижу, а Вы меня совсем никогда не видели. Я для Вас призрак, и Вы для меня почти такой же призрак. И разве уже не «чудесно» это письмо от призрака к призраку?

Я знаю, что Вы опять не придёте, и всё-таки опять Вас буду ждать (в четверг, в 12 ч. на Царск<ой> Площ<адке>). С меня довольно и напрасного ожидания. С меня довольно и того, что, может быть, у Вас промелькнёт мысль: «не пойти ли?» - потому что чужое безумье заразительно.

Вам смешно? Вы улыбнулись: «какой чудак!» А знаете ли, как это чудачество называется? Это - «романтизм». Это смешное - самое прекрасное, что есть в людях; без него скучно, холодно и страшно было бы жить на свете.

Если Вы когда-нибудь увидите на сцене «Романтиков» (эта пьеса пойдёт зимою в Художественном театре в Москве), то, может быть, поймёте, о чём я говорю - поймете и простите. А мне больше ничего и не надо...

Кто-то сказал: «Если одна только тень любви так прекрасна, что же такое сама любовь?» Но может быть, тень любви прекраснее, чем сама любовь?

Может быть, мне всё равно, придёте ли Вы или не придёте... Нет, не всё равно. Приходите.

Д.

P.S. Я не хотел посылать Вам этого письма. Но вот сейчас, когда я кончал, в комнату залетел голубь - и я счёл это хорошей приметой - и посылаю.

Кисловодск. 23 (?) июня 1916 г.

Не могу уехать так, не поговорив с Вами.

Я Вас жду в парке.

Вчера вечером в 10 ч. сидел против Вас - Вы меня видели - я был в сером платье, в серой шляпе, в чёрном пальто, с белой розой в руке. Я хотел подойти, сесть рядом, заговорить - но Вы ушли.

Д. М.

Кисловодск. 23 июня 1916 г. >1 Четверг.

Вы опять не пришли и опять моё напрасное ожидание было так мучительно-сладко, что я бы поблагодарил Вас за него, если бы только смел благодарить. Но вот даже этого не смею...

Я уезжаю завтра, в пятницу (в 8 ч. 25 м. вечера - кур<ьерский> поезд Кисл<оводск> - Петроград). У меня к Вам последняя просьба. Всякий уезжающий - немного умирающий, потому что всякая разлука - немного смерть. Для Вас не будет разлуки, потому что не было свидания. Я для Вас несуществующий - не умирающий, а как бы уже мёртвый. Но говорят, воля мёртвых свята.

Так вот моя просьба: позвольте мне взглянуть на Вас в последний раз хоть издали. Ведь Вы могли бы случайно прийти на вокзал, и ведь в самом деле, если Вы придёте, я не буду знать наверное, что Вы пришли не случайно.

Если Вы не придёте, я буду думать, что Вы на меня сердитесь, и это будет для меня большое горе, а если придёте - большая радость.

Я даю Вам слово, - да Вы и сами знаете, что я не подойду к Вам, не осмелюсь этого сделать без Вашей воли («благотворительная робость»). И никто не увидит, никто <не> узнает - Вы сами не узнаете, что я смотрю на Вас издали.

Вы меня никогда не видели, и я Вас больше, вероятно, никогда не увижу. Подумайте, - один только последний взгляд - ведь это так мало - можно ли в этом отказывать?

Доброта - великая прелесть в женщине. Доброта не хуже красоты. Я никогда не поверю, что прекрасное может быть не добрым. Доброта лучше добродетели. Будьте же доброю.

Д. М.

P.S. Может быть, Вы уже догадались, кто Вам пишет эти странные письма? Не многие умеют писать так «сантиментально». Я этим не хваюсь: я знаю, что большинству моих современников «сантиментальность» кажется просто «глупостью». Но неужели и Вам тоже?

На вокзал она так и не пришла.

«РАЙ БОЖИЙ»

Из Петербурга переслали телеграмму, перечеркнувшую прежнее безмятежно-восторженное настроение, в котором они находились с того дня, когда вошли в комнату на третьем этаже нового корпуса санатория, куда в окно заглядывали все видимые знаменитости: Бештау, Бык, Верблюды и, когда не прятался в туманах, Машук. Они с женой прежде не были на Кавказе, знали об этих местах только понаслышке и вот теперь могли сопоставить рассказы с тем, что видели. И Ремизову казалось, что все рассказчики, бывавшие здесь, так и не сумели передать того, что есть на самом деле. По его ощущениям они с Серафимой Павловной попали не в Ессентуки, а в рай, настолько велик был контраст с московскими и тем более северными, вологодскими местами, где он прожил шесть лет в ссылке.

Был август. Стояло уже не знойное от солнечных лучей, а исходящее из прогретой земли томное тепло, которое здесь освежалось лёгким и бодрящим воздухом близких снежных вершин великана Эльбруса. А примыкающая к этому гиганту остроугольная цепь Кавказского хребта и совсем близкие, добродушно-гостеприимные, заглядывающие в окно охранители подножия двухглавого великана несомненно закрывали и защищали этот уголок - рай Божий, как он определил, - от другого мира, в котором благодного покоя не было прежде, не виделось и в будущем. Но здесь в наличие другого непохожего мира верилось с трудом. А точнее в это не хотелось совсем верить. Там - погоня за призрачными миражами успеха. Здесь - возвышенное созерцание. Там - давление земных забот. Здесь - растворение

в незыблемо вечном. Там - война и страдания. Здесь же просто райская благодать...

Нет, не зря Лермонтов так стремился сюда, где в конце-концов и обрёл вечный покой. И не случайно именно в этих местах он завершил свой земной путь.

Оттого только здесь можно по-настоящему понять, прочувствовать космические строки:

*Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет богу,
И звезда с звездою говорит.*

*В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сияньи голубом...
Что же мне так больно и так трудно?
Жду ль чего? жалею ли о чём?*

*Уж не жду от жизни ничего я,
И не жаль мне прошлого ничуть;
Я ищу свободы и покоя!
Я б хотел забыться и заснуть!*

*Но не тем холодным сном могилы...
Я б желал навеки так заснуть,
Чтоб в груди дремали жизни силы,
Чтоб дыша вздымалась тихо грудь;*

*Чтоб всю ночь, весь день мой слух лелея,
Про любовь мне сладкий голос пел,
Надо мной чтоб вечно зеленея
Тёмный дуб склонялся и шумел.*

И, глядя на Машук, он ощущал рядом своего «звёздного обречённого спутника»...

А ещё решил, что если надумает описать этот рай и эти дни в нём, то для своих заметок позаимствует у Лермонтова его чудное - «В сияньи голубом»...

Но вот принесли телеграмму, словно напоминание о неизбежной возвращении обратно на грешную землю. Умерла мать Серафимы Павловны. Жена, пережив первые минуты отчаяния, начала было собираться тут же ехать обратно, но билетов не было. Да и все знакомые здраво отговаривали; уж всё свершилось, уже проводили без неё, а на могилку прийти никогда не поздно. А главное, чтобы в памяти все ушедшие с нами до нашей кончины так и оставались живыми...

Но Серафима Павловна преодолеть себя не могла, заставляя мужа во что бы то ни стало найти билеты. Слава богу соседка по этажу, учительница Надежда Павловна, человек добрый и участливый, с которой Ремизовы сошлись, зная, что не всякая жена мужа послушает, призвала на помощь одну из «светлых личностей», к которым она относилась Михаила Степановича Зёрнова¹, благодаря которому и был построен этот санаторий для немущей интеллигенции, и Владимира Галактионовича Короленко², жившего с женой в старом корпусе.

Короленко не только для неё был «светлой личностью»; он из тех людей, которых так мало, что их следует беречь. Он был уже в преклонном возрасте, старше Ремизова на четверть века, но на просьбы откликнулся и участие принимал самое непосредственное. Вот и к Ремизовым тут же пришёл.

- Ну что вы, никак невозможно нынче ехать, - подтвердил он доводы Ремизова и подруг Серафимы Павловны. - Вы вот что: лучше потом придёте, как положено, на могилку, и поговорите. Это мы здесь суетимся, а там нас всегда ждут и не торопят...

И стал рассказывать об ушедших знакомых, которые всегда ждут, потому что встреча неизбежна, незаметно перейдя на воспоминания о родных местах, где приходилось ему жить в деревне и более всего нравилось косить на утренней зорьке, пока травы рослые и день не жаркий...

И голос его, словно неторопливый лесной ручей журчал, убаюкивал... Серафима Павловна и успокоилась, и покивала согласно на совет пожить ещё здесь немного...

- Бывают же такие душевные люди, - сказала она, когда они остались с Алексеем Михайловичем вдвоём.

- Ты же видишь, бывают. Но очень редко...

А может всего один, - подумал он, но вслух говорить не стал. Он испытывал некоторую робость перед Короленко, хорошо зная, что такое ссылка, какие лишения тот перенёс - политический ссыльный с солидным стажем подневольных путешествий по России, в основном по местам, совсем не похожим на его родные южно-украинские: то север, то Сибирь... И преклонялся перед стойкостью и талантом этого человека. А ещё перед поразительной отзывчивостью того. Почётный академик Императорской академии наук по разряду изящной словесности, человек известный - Короленко был поразительно доступен и благожелателен к просьбам всех, кто бы к нему ни обращался. Даже здесь, на отдыхе, к нему стояла такая же очередь, как и к Зёрнову, хотя он не устраивал никаких санаторных дел. К Ремизову народ не шёл, не обращался за помощью, а к Короленко шёл...

Оттого и испытывал Алексей Михайлович необъяснимую робость и уважение к спокойному и благожелательному старику. И не хотел особо утруждать своими заботами. А как-то не получалось... Вот и на ветер пожаловался, мол всё здесь прекрасно, но ни дня без ветра; не приложишь чем тяжёлым рукописи, так приходится потом по комнате собирать листки... Ну хорошо подул бы день-два - но не изо дня же в день.

Но Владимир Галактионович утверждал, что жалоба - это не уничижение, потому что в этом слове чувствуется сила, а жаловаться - это значит не быть довольным и сопротивляться.

- Это хорошо, когда человек приходит со своей жалобой, значит он сопротивляется, хочет что-то изменить, и я тоже хочу изменить, помочь ему, - говорил Владимир Галактионович.

- Но это же тратить собственные силы, время...

- Или черпать эту силу...

- А вот мне поможете? - Ремизов не удержался, решил подшутить над стариком. - Я хочу на ветер пожаловаться...

И прикинулся простачком, похожим на просителей Короленко, порой жалующихся на нечто подобное, непосильное человеку.

- От него мне с моими рукописями большая неприятность и досада...

Короленко мягко улыбнулся и произнёс серьёзно.

- Надо спросить у Михаила Степановича...

Ремизов удивился, почему вдруг тот назвал Зёрнова. Может быть оттого, что тот сам вечно в заботах как ветер носится по санаторию и Ессентукам - не уняться, не найти...

Но оказывается, Владимир Галактионович не отмахнулся этим, а вправду спросил у Зёрнова, отчего ветер тут каждый день - или им такая пора выпала - и как местные к нему привыкли... А спустя несколько дней сам напомнил Ремизову его вопрос.

- Спрашивал я Михаила Степановича о ветре. Он его одобряет. И слава Богу, говорит, не будь этого ветра, все бы мы здесь задохнулись от запахов разных деятельности нашей...

Вот ведь как оказалось. Для Ремизова это был никчемный вопрос, для поддержания разговора спросил, а Короленко ответ нашёл если не объяснявший, то вполне удовлетворяющий, примиряющий с ветром. Вот поэтому и народ к нему идёт: знает, что нет для него мелкого незначущего вопроса, что обязательно найдёт ответ на любой...

Серафима Павловна с учительницей Надеждой Павловной и Верой Владимировной, бухгалтером, которую звали «бритой» за короткую причёску, не переставали восторгаться и этим местом, и лечением, и «светлыми личностями». Ремизов же предпочитал всем лечением прогулки в одиночестве вольным человеком, не обременённым никаким общением. По утрам шёл через парк за папиросами и по пути домысливал то, что ещё не изложил на бумагу. По вечерам

выходил купить свежий чурек, сытный и отличающийся вкусом и от московского калача, и от сдобного черниговского бублика.

Вот в окне булочной, полюбовавшись снежными шапками Эльбруса и в который раз пережив восторг перед этой мощной, доходящей даже сюда чистоты и силы молчаливого титана, лицемерящего окрестности вечность непостижимую, вдруг увидел он малиновое пятно. Подошёл ближе - это был настоящий только малиновый заяц, с чёрными усами и чёрными же - костяными пуговками-глазами. И без хвоста. Хозяин сказал, что это кавказский заяц.

- А что, давай-ка я его куплю. - сказал Ремизов.

И принёс зайца в комнату, посадил к себе на стол, рукописи караулить от ветра и прочих желающих...

«Какой умница заяц! Я гладил его малиновую мордочку, бархатные малиновые уши, тербил его за ус и повёртывал - тёплый! - и мне казалось, что в ответ мой ласке он что-то мурлычет... по-грузински». - Черкнул он на листе, чтобы не забыть потом рассказать об удивительном малиновом кавказском зайце, таком же удивительном, как и это место в отрогах гор...

И не удержался, предложил Короленко погладить его зайца.

Владимир Галактионович бережно взял протянутого зайца и, коснувшись пальцем чёрного заячьего уса, спросил:

- Вы убеждены, что неодушевлённые предметы чувствуют?

Вопрос этот был столь неожиданен, а Короленко с таким серьёзным видом ждал ответа, что Ремизов понял - шутка будет неуместна, а всерьёз он не мог ответить, потому что в настоящий момент, после полного сопереживания вместе с Лермонтовым¹ «кремнистого пути», понимания исходящей от Эльбруса силы, после бесед с деревьями в парке, которые он ревновал к виденному и слышанному ими здесь от множества умных и известных людей, даже после этого зайца, с которым он чувствовал какое-то глупое родство, может быть, уловив в нём свои собственные видимые или невидимые черты, он не мог сказать, что знает предел своему одушевлённому

чувству... Но ведь отчего-то не мог он не купить этого зайца и даже не мог представить, что не купил бы...

Короленко исправно принимал все процедуры; он приехал сюда поправить здоровье, которое подорвали не только прожитые годы, но и социальные катаклизмы: шедшая война, всё нарастающее напряжение в обществе. Живя в Ессентуках, он ездил в Кисловодск принимать нарзанные ванны. Но, несмотря на сердечную болезнь и неважное самочувствие, оставался таким же как всегда, каким его знали: защитником всех обездоленных, перенявшим от Толстого эстафету «совести времени». О нём не зря говорили: «Если вы пойдёте за ним, вы пойдёте за правдой».

А ходоков за правдой было немало и здесь, отчего свободного времени у него почти не было и их общение было несчастным.

Ремизов считал, что Горький⁴ во многом пошёл вслед за Короленко, описывая людей «дна», и высоко ценил не только «Слепому музыканта» и «Сон Макара», но и «Соколинца», «В дурном обществе». Об этом он как-то начал разговор, но Владимир Галактионович перевёл его на другую тему, о войне... Он избегал шумного общества и эмоциональных разговоров ни о чём, но охотно общался с лечившимися здесь солдатами и офицерами, расспрашивая их о фронтовой жизни. А с полтавцем прапорщиком Петей Митропаном они подружились. И, наблюдая их со стороны, Ремизов завидовал той простоте в их общении, которая не получалась у него. Правда, ему тоже было проще говорить с Митропаном - можно было не опасаться сморозить глупость. Он понимал, что мешает не только разница в возрасте. Короленко никак не может принять ни его манеры, кажущиеся порой вызывающими, ни его отвлечение на обсуждение неконкретных тем, ни его мысли о литературном творчестве. Да и его сочинения особого восторга у Короленко не вызывали, хотя кое-что он, хоть и скупно, но похвалил. Скоро Ремизов понял: Владимир Галактионович просто не хотел тратить время на то, что не умножало его знаний о жизни человека...

Но всё же однажды их интересы совпали, и он увидел другого Короленко - не строгого наставника-учителя, но любопытного зрителя...

Проходил возле санатория человек с ручным медведем и обезьянкой. Человек тянул заунывную песню «косолапы да лохматы», медведь старался походить на человека, а обезьянка ковыляла по-медвежьи. Эта тройца невольно заставляла всех улыбаться. Наконец публика собралась, началось представление. Человек - «медведчик» - всё так же пел о цыганской воле, а медведь по его приказу показывал, «как кисловодские кухарки ходят» и для контраста и подтверждения умения косолапого, «как барышни танцуют». Ремизов наблюдал представление со своего балкона, дверь в комнату была открыта, и вдруг порыв ветра смахнул со стола рукописи вместе с зайцем на них и сбросил их вниз...

Он бегом спустился вниз, но было поздно: медведь уже успел обнюхать листы и зайца и разочарованно отойти, а вот обезьянка, а точнее обезьян нагло и бесжалостно вцепился в зайца и, прижимая его к груди, всем своим видом показывал Ремизову, что добром его не отдаст. Алексей Михайлович к нему, а обезьян, показывая зубы, от него... И хозяина не слушается.

Серафима Павловна и её подруги подключились, начали уговаривать обезьяна, надеясь лаской вернуть зайца, но всё было тщетно. Медведчик попытался силой забрать зайца, но ничего не получилось.

Глядя на обезьяна, Ремизов подумал, что всё же близок человек к животному, ведь вот совсем недавно он так же страстно хотел иметь этого зайца, как обезьян. И ведь попробуй пойми, объясни, что привело их к одному и тому же, как считает Короленко, неодушевлённому предмету с такой же силой, как к одушевлённому... И отчего теперь он должен лишать обезьяна пережить те же чувства, что пережил он... Пусть уносит, - согласился он, и медведчик увёл своих зверей, а обезьян на прощанье погримасничал, копируя Ремизова и адресуя эти гримасы ему...

Оставшейся после этого неведомо почему обидой с Короленко делиться не стал. А вот Зёрнову, помня слова Владимира Галактионовича, что жалоба - это сопротивление, решил пожаловаться на обезьяна. Не всерьёз, конечно, просто хотелось от кого-то ещё, а не только от жены и её подруг услышать слова сочувствия и понимания. Вечно озабоченный Михаил Степанович выслушал со вниманием, как выслушивал каждого жалобщика и, как доктор хорошо понимая, чего ждёт от него больной, удивился, развёл руками:

- Непостижимо!

То ли отмечая этим словом ум обезьяна, то ли удивляясь такому поведению более низкой по эволюционной лестнице твари.

Обезьян унёс зайца, а загадка осталась. Куда он его унёс и что в конечном итоге сделал с ним? Теперь, прогуливаясь по парку и улицам, Ремизов ловил себя на ожидании увидеть эту троицу и получить ответ. Но пути их не пересекались - вероятно, те отправились гастролировать в другие курортные города.

Разгадка пришла неожиданно от фотографа, который в силу своей профессии знал всё обо всех, одаривая каждого желающего праздным снимком. Он же раскрыл и ещё одну тайну. Вдруг начали поговаривать, что, дескать, на курорте объявился человек в пенсне, который то ли граф Витте⁵, то ли даже Антон Чехов⁶. И вот ведь что значит магия имени и славы посмертной - знал же Ремизов, что нет уже на земле Антона Павловича, а этот человек в пенсне и не граф вовсе, а Иван Павлович Чехов, брат Антона Павловича, учитель в Москве, а вот почти поверил... Доктор Зёрнов с Чеховым близко сошёлся, часто их вместе видели. А потом, по его предложению, все вместе сфотографировались, кто жил в это время в санатории на ступеньках: Зёрнов, Короленко и Чехов - в центре, а вокруг - все остальные...

- Так хотите узнать, что с вашим зайцем стало? - загадочно спросил этот всезнающий фотограф.

- Ну ещё бы не хотеть.

Оказывается обезьян то ли из любопытства, то ли по большой любви так тормозил и тискал несчастного, что шкурка не выдержала, распоролась...

- И он его съел, - сказал фотограф.

- Как съел?

- Очень просто. Съел. Заяц-то ваш был шоколадный, не знали разве...

- Что вы говорите?!

- Ну так чего переживать... Внутренность он моментально съел, понравилась... - И, прищурившись, давая понять, что как любой снимок нуждается в ретуши, так и рассказ в художественном приукрашивании, добавил: - А малиновую шкурку с усами прицепил себе, шельмец, к своему свинячьему хвосту на кончик. Так и щеголяет.

И стало вдруг жалко Ремизову бедного обезьяна, несомненно разочарованного - на что польстился?.. А может быть огорчённого безмерно, что такое добро ему досталось, а он его разорил...

...Первым уехал Короленко в свою Полтаву. И увёз тепло.

С утра туман и дождик, к вечеру проглянет солнце, и снова туман... И теперь уже не великан Эльбрус делился своей силой, а где-то в тумане прятался зловецкий Машук, не уберёгший Лермонтова...

В аллее у источника бродил под дождём долговязый фотограф, переживая, что не догадался снять Короленко в разных позах - мог ведь подстеречь его даже в ванне, цены бы не было такой фотографии...

Но в последнюю неделю опять распогодилось, стало тепло, зазолотилась на солнце летящая паутина...

В аллее Алексея Михайловича остановила девочка.

- Стой, - сказала она. - Я тебя сниму.

- Ну снимай!

Ремизов приостановился, изображая из себя художника Реми из «Сатирикона⁷».

Она вынула корбочку, повела над ней пальцем, как делает фотограф.

- Готово.

И протянула багряный виноградный лист.

- Вот ваша карточка!..

...Вечером он попрощался с Эльбрусом и доктором Зёрновым, обошёл санаторий. И, глядя в звёздное небо, - где-то там надзвёздный кремнистый путь, - подумал, что никакой он не «художник из Сатирикона», а всего лишь осенний виноградный листок...

Всё же замечательные были эти дни в раю, несмотря на телеграмму, утрату так понравившегося ему шоколадного зайца...

Он ещё не знал, что совсем скоро вспомнит эту историю с зайцем и начнёт свой плач о гибели земли русской с таких слов: *«Широка раздольная Русь, родина моя, принявшая много нужды, много страсти, вспомнить невозможно, вижу тебя, оставляешь свет жизни, в огне поверженная».*

Были будни, труд и страда, а бывал и праздник с долгой всенощной, с обеднями, а потом с хороводом громким, с шумом, с качелями.

Был голод, было и изобилие.

Были казни, была и милость.

Был застенок, был и подвиг: в жертву приносили себя ради счастья народного.

Где нынче подвиг? где жертва?

Гарь и гик обезьяний...»

Вот и аукнулась эта агрессивная и бесжалостная в своей страсти обезьянка...

ФУТУРИСТИЧЕСКИЙ ВОЯЖ

*В*сё шло просто замечательно. «Футурист жизни», он же красавец-атлет, перешёл от чтения стихов к пропаганде здорового образа жизни, демонстрируя своё прекрасно сложенное и натренированное тело. В зале, помимо восторженных дамочек, которые, собственно, и пришли полюбоваться мужской статью и изначально были в восторге и от стихов, и от самоуверенного заявления: «я жизнебоец и учитель здоровья Владимир Гольцшмидт¹», и от демонстрации игры мышц, присутствовало немало офицеров, находящихся на излечении после полученных на фронте ран. Эта публика не была столь благодатной, они уже сталкивались с ней в Кисловодске, отчего и уехали оттуда поспешно в Железноводск. Публика эта была нервная и подозрительно относившаяся к не мобилизованным на фронт здоровякам, которые здесь, в глубоком тылу на курорте, бахвалятся своим здоровьем.

В Крыму, откуда они фактически сбежали, случилась другая напасть. Там портил настроение ялтинский полицмейстер. Перед каждым выступлением он вызывал к себе Каменского и брал подписку, что «стихов о Разине тот читать не будет». Каменский, изображая расстроенность, писал обязательство, но, выходя на сцену, забывал о нём и «по требованию публики» читал:

*Дрожат берега.
Берегут берега,
Стерегут рога
Врага.
Ага.
Чу.*

У врагов -
Купцов, князей, бояр -
Мы добудем парчу,
Золотой да соболий
Товар.
Чуй.
Едут.
Меж крутых берегов
Среди гор-стариков
Атаман прогремел
В барабан:
Меж крутых берегов
Стая быстрых стругов
Окружает
Большой
Караван.
Ночь - темна.
Кровь-хмельна.
Жизнь-вольна,
Да неволит на Волге
Волна;
Эй, сермяжники,
Беритесь за привычку -
Дорогих гостей встречать.
Эй, гуляй -
Сарынь на кичку!
Наворачивай сплеча.
Драли,
Жали
Бары
Долго Крепостную гольтьбу.
А теперь -
Бунтует Волга
За сермяжную судьбу.

Терпение полицмейстера закончилось, когда в газете «Новый мир» напечатали: «автору «Стеньки Разина» не место проживать рядом с Ливадиёй»...

А им действительно здорово там жилось: ходили в гости на дачу Чехова², где сестра Антона Павловича Мария Павловна привечала молодёжь, а в чеховском вишнёвом саду распевали стихи...

Но пришлось срочно уезжать на Кавказ, продолжая убежать от войны. Правда, спортсмен и «жизнебоец» Гольцшмидт недолго огорчился, что больше не поплавает в море настоящем, а заодно и в море восторженных женских взглядов, провожавших его в очередной заплыв и с нетерпением встречавших на берегу: этих взглядов было в избытке и здесь.

Каменский жалел об ушедших в прошлое славных днях в вишнёвом саду, но написал бодрое стихотворение:

*Черноморски прославленный
Я северостройный поэт
Живу в Симеизе расплавленный
Вниманием зорких планет.
Живу я на крыше в Дельфине
Смешной одинокий Колумб -
Пишу письма нездешней графине
На скамейке у розовых клумб.
Я пишу ей морские напевы
Я зову её в знойной тоске
Ах любовница - вдовница где вы
Я сгораю на солнце - в песке.
Я пишу ей как в комнатах люди
Скрываются будто консервы
Целый день моя страсть - сверх прелюдия
Целую ночь беспокойные нервы.
А кругом так торжественно жарко
И приветно в расцветном капризе*

*И так больно что в мальцевском парке
Я один - апельсин в Симеизе.
Или тут жизнь вегетарианская
И напрасно пишу я графине -
Эх судьба ты моя капитанская -
На крыше в Дельфине.*

Здесь «футурист жизни» обнажался исключительно на сцене и не всех это воодушевляло. Само название лекции «Солнечные радости тела», в то время как, пусть и далеко отсюда, но множество тел превратилось в «пушечное мясо» и накрепко забыло о всяких иных радостях, кроме радости выжить - это название, уместное на курорте в мирное время, теперь, в июле 1916 года, выглядело вызовом. Офицеры эту несуразность чувствовали и на лекцию шли исключительно из-за своих дам, но, в отличие от них, не испытывали никакого экстаза, а от избытка мужской ревности искали повод для разоблачения «аферистов».

Коронным номером Гольцшмидта был показ возможностей тела при концентрации силы: он разбивал о свою голову толстые доски. Это неизменно вызывало удивление, бурю аплодисментов и искренний восторг. И на этот раз дамы были вне себя, а несколько офицеров вдруг громко выразили сомнение, объявив это обманом, потому что доски «заведомо были склеены, и дело вовсе не в концентрации силы, а в шарлатанстве». Они решили выяснить всё до конца и, будучи навеселе и ощущая себя обиженными ещё и потому, что эти «футуристы», то ли поэты, то ли атлеты, отчего-то не делят с ними окопную жизнь, хотя им, пышущим здоровьем, там самое место, после выступления пришли за кулисы.

- А вот не верим мы в вашу честность! - заявил один из них, по-видимому, и подбивший всю компанию раскрыть обман и, скорее всего, заключивший пари с таким же азартным товарищем.

- Как можно, господа! - Возмутился Гольцшмидт. - Я в своей жизни никогда никого не обманывал!

- Знаем мы вас, актёров...

- Поверьте если не ему, то мне, - вступился Каменский. - Я его с детства знаю, он не умеет обманывать. Это он так натренировался...

Он действительно знал Володьку Гольцшмидта давно. Они росли в одном городе. Василий Каменский был сыном зрителя золотых приисков и появился на свет в каюте парохода на Каме, капитаном которого был его дед. Ему не было пяти лет, когда он остался сиротой и жил в семье тётки, сестры матери, в Перми. Здесь же жил и Володька. Правда потом жизненные пути их разошлись: Василий, оставив школу, поработал конторщиком на железной дороге, потом актёром в театральной труппе ездил по России. Играл в спектаклях и одновременно агитировал против власти. Писал в газеты. Посидел в тюрьме. Съездил посмотреть Стамбул и Тегеран. В двадцать четыре года, будучи заместителем главного редактора журнала «Весна» познакомился с футуристами: Бурлюком³, у которого учился живописи, и Хлебниковым⁴.

В 1911 году обучался лётному делу в Париже и Берлине. Посмотрел Лондон и Вену. Учился в Варшаве в лётной школе. И даже придумал новое название аэроплану - самолёт.

А в 1912 году случилась авиакатастрофа. Он выжил, но уже не мог летать. Тогда он написал «Танго с коровами».

*Жизнь короче визга воробья.
Собака, что ли, плывёт там,
На льдине по весенней реке?
С оловянным веселием
Смотрим мы на судьбу.
Мы - открыватели Стран -
Завоеватели Воздуха -
Короли апельсиновых роцц
И скотопромышленники.
Может быть, выпьем
Чарку вина*

За здоровье Comet,
Истекающих бриллиантовой кровью.
Или лучше - заведём граммофон.
Ну вас - к черту -
Комолье и утюги!
Я хочу один - один плясать
Танго с коровами
И перекидывать мосты
От слёз
Бычачьей ревности
До слёз
Пунцово́й девушки.

...Он вернулся в родные пермские места.

Гольцшмидт в это время начал выступать с лекциями о том, как надо жить, чтобы быть здоровым. Тогда они и подружились по-настоящему, найдя друг в друге помимо землячества совпадение интересов и взглядов...

Но офицеры ему не поверили.

- И отчего вы, господа лекторы, не на фронте, как мы? - обострил вопрос покачивающийся товарищ заводилы, высказав явно уже проговоренное ими до этого.

Отвечать на этот вопрос честно, признавшись в том, что они и уехали на юг, убегая от призыва, было глупо и опасно. Нужно было как-то избежать ссоры.

- Хорошо, господа! - поднял руки Володька. - Сделаем так: вот вам доска, которую мы приготовили к следующему выступлению. - Он протянул доску, точь в точь, как была та, что недавно расколол. - Извольте найти, где тут склеено.

Доска пошла по рукам. Её разглядывали, ощупывали, но никакого шва не находили. Пытались даже разломить, держа вдвоём руками.

- Значит тут есть другой подвох, - не успокаивался товарищ заводилы.

Гольцшмидт обиделся, и ему уже самому захотелось ссоры.

- Раз вы не верите, попробуйте о свою голову, - с вызовом предложил он этому настырному офицеру.

- Вот ещё, - буркнул тот и поспешно отошел.

- Ну так как же, есть желающих? Или никого не найдётся?

- Отчего не найдётся, - раздалось в ответ. - Я готов...

Вперёд вышел один из офицеров, покрупнее остальных, с большой лысеющей головой. Обвёл взглядом не ожидавших такого предложения товарищей, сел на стул, как это делал на сцене Гольцшмидт.

Тот с улыбкой подал ему доску.

Офицер взялся за края, раскачал и со всего маху ударил плашмя по своей лысой голове. Глаза его округлились от боли, и он вдруг рухнул на пол.

Офицеры растерянно стояли, глядя на лежащего товарища, а Гольцшмидт и Каменский наклонились над ним, приводя в чувство: не дай бог, если тот убил себя. Но офицер был жив, только явно не в себе уже не от выпитого вина.

Наконец он очнулся, и, явно обескураженные и раздосадованные отсутствием обмана, товарищи вывели его под руки.

- Я думаю, нам самое время покинуть и этот городок, - рассудительно произнёс Каменский.

- На этот веский аргумент трудно что-либо возразить, - согласился «футурист жизни».

И они стали собирать вещи, чтобы отправиться в ещё один курортный город - теперь уже за Кавказский хребет, в Тифлис.

МИМОЛЁТНОСТИ

*Печально всё.
И быстротечно.*

Давно ли гостил у милых Канчели, пил вино с Сандро и слушал заразительный пересказ «Витязя в тигровой шкуре» восторженной Тамары, после чего и взялся за перевод этой поэмы. Всего-то два года - и вот прощание. Как не сопротивлялась болезни Тамара, но чахотка оказалась сильнее даже здесь, на благодатном юге. Нет больше Тамары.

*Для меня опустела Картвелия -
Мой светильник погас, догорев.
Для кого же принёс Руставели я,
Облачив его в русский напев?*

Он не мог не написать об этой невосполнимой утрате Екатерине, перед которой теперь не стеснялся исповедоваться.

«Я увидел, наконец, Тамар на балконе, на фоне чёрного лесного ущелья, ещё в жизни, но уже уходящей из жизни, тень прошлого с ужасающе исхудалыми руками, но с ясным взглядом всё ещё красивого лица и огромных чёрных глаз, которые ещё хранят в себе душу благородную, смелую и бескорыстную. Любовь и невозможность любить делают этот призрак святым. И только сила души ещё не позволяет этому истерзанному телу умереть совсем».

Она умерла на его глазах.
Но...

*Жизнь проходит, - вечен сон.
Хорошо мне, - я влюблён.*

*Жизнь проходит, - сказка - нет.
Хорошо мне, - я поэт.*

*Душен мир, - в душе свежо.
Хорошо мне, хорошо.*

В тридцать три года он мог это написать, а сейчас, когда полвека под этим солнцем... Тогда был возраст Христа, возраст надежд, обретений. И никаких сомнений, что он - первый поэт на Руси. Тогда большинство потерь были в ещё неведомом будущем. А вот это лето 1917 года уже принесло утрату. Два минувших года были заполнены ожиданием встречи с той, что примиряла его с семейной жизнью, хотя жена никак не могла привыкнуть к его влюбчивости, но терпела его восторженность по отношению к другим женщинам - и он был благодарен ей за это. И вот Тамары не стало, отчего нынешняя поездка на Кавказ не порадовала солнечностью.

Остались строки признания.

*Мы встретились с тобой на радостной тропе,
Но был уж поздний час,
И были пламенны, но богомольно строги
Изгибы губ твоих и зовы чёрных глаз...*

Жизнь его прежней законной жены Екатерины¹, с которой он делится сокровенным в письмах, и нынешней гражданской жены Елены², жизни его дочерей - продолжают. Их срок ещё не вышел. И вот они втроем - он, Елена и Мирра - семейно шествуют по кисловодской улочке в парк, чтобы насладиться оздоравливающим воздухом. Мирра уже почти взрослая девица - десять лет - но в то

же время и непослушный ребёнок: то забегает вперёд, то норовит сорвать какой-нибудь цветочек, спуститься к речке. Елена временами журит её, а он занят своими мыслями.

Или всё же скорее чувствами... Ведь хотя и состоялось между ним и его почитательницей, ровесницей его первой дочери, объяснение, не мог он после всего случившегося оставить Киру наедине со своей душевной и физической болью. Но не хотел обманывать и верную ему Елену. И кто знает, что взбредёт в голову влюблённой девице или ему - поэтому лучше нанести визит всем вместе. Хотя Кира говорит, что после этого объяснения не прыгнула со скалы, а оступилась...

Но, как бы там ни было, эта милая девочка сейчас лежит с поломанной ногой, и он сказал Елене, что не перенесёт ещё одной смерти этим летом и должен позаботиться о Кире.

- Константин Дмитриевич! Боже, как я рад вас видеть!

Бальмонт повернулся на голос, узнал пианиста и композитора Серёжу Прокофьева³.

Служителей этой музыки он знал так же хорошо, как и они его - не счесть, сколько песен и романсов написано на его стихи. И он привык к их вниманию и восторгу. Но к Прокофьеву относился по-отечески, находя в нём что-то от себя молодого. Может, такую же восторженность перед тайнами жизни, которые ещё предстоит раскрыть.

- Серёжа! Вот так встреча!

- Вы не представляете, как я рад!.. Я здесь так часто думаю о вас, - торопился выплеснуть радость от встречи Прокофьев.

- Давно уже здесь отдыхаешь?

- Да, мы с матушкой. Мне хорошо работается, сейчас вот иду к Шаляпину⁴, он тоже здесь, я его встретил несколько дней назад в курзале, он меня узнал... Мы с ним договорились продолжить наш разговор об употреблении хора на сцене в моей опере. Вспоминали вас... Я как раз сейчас плотно работаю над кантатой «Семеро их...» Как замечательно, что мы встретились, мне надо обсудить...

- Ну что же мы на ногах, давай присядем, - прервал возбуждённого юношу Бальмонт, одновременно указывая жене на свободный столик ресторации, мимо которой они проходили.

Они присели, выяснили, что никто не голоден и согласились с Миррой, что можно заказать одного шоколада.

- Я зимой говорил, что ты, Серёжа, смелый человек, - вернулся к прерванному разговору Бальмонт, с улыбкой глядя на Прокофьева и видя в молодом музыканте своё отражение много лет назад, - в двадцать шесть лет он был столь же горяч и не сомневался в своей гениальности. Тогда он сочинял свою первую книгу - уже обожённый одной любовью и поглощённый другой.

Взглянул на Елену, отмечая, что при этом давно уже не испытывает любовного томления. А не ей ли он когда-то написал эти строки:

*О женщина, дитя, привыкшее играть
И взором нежных глаз, и лаской поцелуя,
Я должен бы тебя всем сердцем презирать,
А я тебя люблю, волнуясь и тоскуя!*

Нет, не ей, они познакомились позже....

Той, другой, самой первой своей женщине, в которую он, двадцатитрёхлетний, был настолько влюблён, что не захотел разбираться в своих чувствах - поспешил под венец... Но «красивая барышня ботичеллиевского типа», его возлюбленная Лариса¹ оказалась совсем не той, какую он создал в своём воображении. Она увидела в любовных цепях цепи настоящие, ревнуя ко всему, на что он обращал своё внимание, даже к стихам... И он страдал от этого... Глупый, конечно, был поступок, но от её непонимания и нежелания понять, он даже пытался покончить с собой, от чего и хромает теперь...

Хорошо, что они расстались... И благо, что скоро он встретил Екатерину, так хорошо его понимавшую, оберегавшую, ценившую...

Но они оба были слишком самодостаточны, а в семье жена всегда должна благоговеть перед мужем...

И они тоже расстались, понимая и принимая эту неизбежность, но оставшись друзьями, когда его очаровала молоденькая студентка Сорбонны, дочь генерала Цветковского Елена, которая прощала ему все его увлечения. Маленькая, худенькая, похожая на девчонку, она очаровывала его своим взглядом, выражающим безмерное восхищение и преданность. Ей было двадцать пять, ему - тридцать восемь, когда они вдвоём на три месяца уехали в Мексику. Это было их свадебное путешествие, которое затмило то, первое, на Кавказ с Ларисой, и, может поэтому из всех стран, где ему довелось побывать, более всего ему понравилась именно Мексика...

А потом родилась Мирра...

С Екатериной Алексеевной они так и остались дружны, ей он пишет письма, в которых делится самым сокровенным.

А к Елене уже привык настолько, что не замечает, когда она рядом и ощущает пустоту, если её нет...

Прокофьев всё продолжал восторгаться его стихотворением. Бальмонт хорошо понимал, что тот сейчас переживает, слыша пока не слышимое другими, и делал вид, что внимательно слушает, но думал совсем о другом..

- Эта музыка уже звучит, она заставляет переживать... Слышите: «Тэла! Тэла! Тэла! Тэла! / Семеро их! Семеро их! / В глубине Океана семеро их! / В высотах Небесных семеро их! Семеро их!» Слышите, какая мощь в этих словах!

Он согласно кивнул, радуясь, что молодой композитор почувствовал эту мощь так же, как переживал её он, когда писал эти строки. Именно из-за этой нечеловеческой мощи, хранившейся в древнемалоазиатском тексте с именами богов, позаимствованными из шумерных времён, он и сделал вольное переложение заклинания.

- Я хочу, чтобы в кантате хор восклицал за жрецом последние слова из каждой фразы, - продолжал Прокофьев. - Например:

«В глубине окна семеро их!» А хор вторит - «Семеро их!» Или: «Сидят на престолах Небес и Земли они!» А хор, «Земли они!»

Бальмонт поморщился.

- По-моему, это бессмыслица - «Земли они»...

- Это только в этом месте, но восклицания хора следуют после каждой фразы, и нельзя обойти эту... Поверьте, это не будет бессмыслицей...

Бальмонт задумался.

- Пожалуй, ты прав, Серёжа - согласился наконец он. - Вместе с другими восклицаниями это передаст мощь заклинания...

- Значит вы не возражаете?

- Конечно нет.

Бальмонт окинул взглядом заскучавшую дочь и внимательно слушавшую их жену.

А Прокофьев не мог остановиться - слишком многое ему хотелось сказать Константину Дмитриевичу. Теперь он убеждал Бальмонта встать на защиту слова, потому что министерством народного просвещения, которое возникло после февраля, было введено новое, упрощённое правописание. Он горячо убеждал его, известного поэта, в том, что против этого бездарного общества нужно бороться. Почему же он, великий поэт России, этого не делает.

- Обязательно буду бороться, - покивал Бальмонт. - Вот вернусь в Москву и обязательно подниму этот вопрос. В конце-концов хозяева слова - это мы, поэты, а академики должны быть только хранителями, но не искажателями. - И после паузы признался: - Но я озабочен сейчас совсем другим. По моей вине болеет знакомая молодая женщина, я думаю о ней...

Прокофьев взглянул на Елену Константиновну, но та восприняла слова мужа спокойно, и он полюбопытствовал.

- Что же с ней?

- Она сломала ногу. Мы идём к ней. - И после паузы вдруг спросил. - А ты, Серёжа, сейчас свободен?

Прокофьев помедлил с ответом, хотел сказать, что торопится к Шалапину, но в голосе Бальмонта явно прозвучала просьба, и он кивнул.

- Да, матушке я не нужен, и дел особых у меня нет.

- Тогда погуляй с Еленой и дочкой, а я отправлюсь к моей больной, - оОбрадовался Бальмонт. - Если быстро не вернусь, приходите все вместе. Елена знает, где она живёт.

И, поднявшись, торопливо пошёл вверх по берегу Ольховки.

Елена Константиновна взглянула на Сергея, ожидая подтверждения его согласия провести время вместе с ними и, вслед за убежавшей вперёд Миррой, они направились по дорожке в парк...

Сначала говорили о будущей кантате. Елена Константиновна тоже чувствовала мощь этого древнего заклинания, соглашаясь, что стихи её мужа поразительно мелодичны и даже несут в себе магию. Тема эта была ей интересна, но отвлекала расшалившаяся Мирра, которая явно искала внимания молодого папиного друга. Прокофьев долго не решался, потом всё-таки спросил, что это за женщина, к которой так торопился Константин Дмитриевич и чем он ей обязан. Она неохотно, но ответила, что это очередная поклонница поэта, которая настолько влюблена в него, что, когда тот отказал её в притязаниях, прыгнула со скалы «Замка коварства и любви». И сломала ногу.

- Константину Дмитриевичу пришлось спешно везти её в Kis-ловодск, и теперь он чувствует себя обязанным и навещает её, хотя остановились мы в Пятигорске, а сюда приходится ездить.

Они уже гуляли давно, а Бальмонт всё не возвращался. И она повела Прокофьева к дому пострадавшей от любви.

Они несколько раз перешли по мостикам Ольховку и вышли к домику недалеко от водяной мельницы. Здесь, в комнате на нижнем этаже, и нашли Бальмонта, сидящего подле кровати, на которой лежала молодая женщина с за гипсованной ногой. Прокофьев сразу же нашёл её очаровательной. У неё были удивительно длинные ресницы и милый белый чепчик с голубым бантом на голове. Он взглянул на Константина Дмитриевича, не сводящего взгляда с девушки и подумал, что тот, вероятно, влюблён и не может это скрыть. Они

беседовали на испанском языке, но тут же перешли на русский, показывая, что у них нет никаких секретов.

Мирра, не найдя в доме ничего интересного для себя, убежала в сад. Елена Константиновна взялась приготовить чай, показывая тем самым, что не видит в девушке соперницу.

- Познакомься, Серёжа, - сказал Бальмонт. - Это Кира Николаевна.

- Кира, - уточнила та, окинув взглядом смутившегося гостя. - Присоединяйтесь к нашей беседе.

И что-то сказала по-испански.

- Кира Николаевна лингвист, знает несколько языков, - пояснил Бальмонт. - На этом мы с ней и сошлись.

- Нет, скорее, на любви к стихам, - возразила та.

- А Серёжа талантливый музыкант и композитор, - сказал Бальмонт.

- Я очень люблю хорошую музыку, - оживилась Кира, с интересом глядя на гостя. - И вы обязательно нам что-нибудь сыграете вот на том рояле, чтобы я поверила, что вы талантливы...

И указала рукой на стоящий в углу старинный рояль, помесь с клавиноом. Прокофьев помедлил и согласился. Но, коснувшись клавиш, сразу же извинился за невыразительное звучание - инструмент был слишком старым...

...Расстались уже ближе к вечеру, заинтересованные в продолжении встреч. Во всяком случае Серёжа так воспринял предложение Киры Николаевны завтра обязательно её навестить.

...На следующий день он пригласил пойти вместе с ним Бориса Верина⁶, не продолжившего династию купцов Башировых, а взявшего псевдоним «Верин» и нашедшего призвание в стихотворчестве. Для него Бальмонт был небожителем, и он пришёл в восторг от возможности встретиться со своим кумиром. Прокофьеву тоже не терпелось увидеть Киру, и они пришли раньше намеченного часа. И застали уже бывших там Бальмонта и Елену Константиновну.

Кира всё так же лежала на кровати, в том же чепчике; но бант теперь был лиловый, а Константин Дмитриевич держал в своей руке её руку, тем самым то ли удовлетворяя желание больной, то ли утоляя собственную влюблённость. Маленькая Елена Константиновна, почти незаметная в этой комнатке, настраивала самовар. В сравнении с ней, выглядевшей старше своих лет, пятидесятилетний Бальмонт казался моложе и выглядел франтом: в белых штанах, желтоватом пиджаке, с остроконечной бородкой и длинными волосами.

Мирра никого не отвлекала, она нашла себе занятие в саду.

Верин, пожав руку Бальмонта, теперь не сводил глаз со своего кумира, с нескрываемым почитанием слушая и, казалось, накрепко запоминая всё, что тот говорит. А Бальмонт чаще чем на кого-либо смотрел на Киру и обращался к ней.

Елена Константиновна порой отвлекалась на забегавшую в дом дочь и в разговоре участия не принимала, опять готовила всё к чаепитию.

Говорили обо всём понемногу: о знакомых, о новостях, доходивших из столиц, где было беспокойно и могло стать ещё хуже, потому что ломалось привычное и всё становилось шатко и непонятно. К тому же по слухам ожидалась перебои с продуктами, и Бальмонт говорил, что следует ещё сделать несколько выступлений, чтобы не быть стеснённым в средствах. Или же уехать в Японию, куда его приглашали.

Наконец появилось желание отдохнуть от разговоров, перейти к целительной, не хуже здешнего климата и вод музыка, и Прокофьев сел за инструмент. Он сыграл свою первую сонату, а потом свои «Мимолётности». Это название он заимствовал у Бальмонта из одного из любимых стихотворений:

*Я не знаю мудрости годной для других,
Только мимолётности я влагаю в стих.
В каждой мимолётности вижу я миры,
Полные изменчивой, радужной игры*

*Не кляните, мудрые! Что вам до меня?
Я ведь только облачко, полное огня.
Я ведь только облачко. Видите: плыву,
И зову мечтателей... Вас я не зову!*

И попросил:

- Константин Дмитриевич, напишите что-нибудь в мою «Деревянную книгу».

О дневнике-альбоме, в котором Прокофьев собирал автографы знакомых, знали все, кроме Киры. И Бальмонт пояснил ей:

- Серёжа коллекционирует умные мысли. - Помолчал и, глядя на Прокофьева, произнёс. - Если хочешь, вот такой экспромт: «Чтоб твои мечты вовек не отблестали, /Чтоб твоя душа всегда была жива, - /Разбросай в напевах золото по стали, /Влей огонь застывший в звонкие слова». Но это мимолётно, ты, Серёжа, достоин большего.

...Уходили все вместе, пожелав Кире Николаевне скорейшего выздоровления. А она взяла с Бальмонта обещание обязательно с ней гулять, когда она поправится, на что тот дал твёрдое обещание даже приехать к ней в Харьков, если не получится погулять вместе здесь, потому что ему нужно уехать. Но, может быть, ближе к осени он вернётся...

На обратной дороге Верин уговорил Бальмонта принять его приглашение и вечером поужинать в курзале. Бальмонт, которому его новый знакомый понравился, согласился не раздумывая. И после короткого расставания вновь все встретились за столом. Было видно, что Бальмонт доволен и накрытым столом с икрой, разнообразными закусками и шампанским, и искренними выражениями восторга своего почитателя. Ну, а Верин совсем растаял от предложения перейти на «ты» и называть своего кумира Костей.

Прокофьев не преминул обязать всех ужинавших обязательно позавтракать у него на даче. Он хотел познакомить маму с первым поэтом России, о котором так много говорил, чьи стихи рождали его музыку.

Бальмонт не мог отказать милому Серёже, на завтрак приехал. Познакомился с матушкой и даже немного поспорил, не согласившись с её возмущением поведением Григория Распутина⁷, выставив в защиту неожиданный для неё аргумент:

- А я нисколько не возмущён его поведением. Этот человек очень любил женщин, разве это плохо?

Это прозвучало неожиданно и не совсем понятно, отчего после паузы тему сменили.

Серёжа рассказал, что владелец дачи, которую Прокофьевы снимали, проявил интерес к гостю, хотя стихов его не читал.

- Я его заверил, а Борис подтвердил, что надпись «здесь завтракал Бальмонт» позволит ему в следующем году накопить за дачу этак рубликов двести.

- И он нам поверил, - сказал Верин. - Так что такая табличка будет...

- Проверю, - шуточно пригрозил Бальмонт.

- Константин Дмитриевич, прочти нам «Семеро их», - вдруг попросил Прокофьев. - Я хочу сверить свои ощущения.

- Хорошо, - помедлив, согласился Бальмонт.

И с выражением, как чувствовал, стал читать.

...В горах Заката рождаются семеро, семеро.

В горах Востока вырастают семеро. Семеро!

Сидят на престолах в глубинах

Земли они, Земли они!

Заставляют свой голос греметь на высотах

Земли они. Земли они!

Раскинулись станом в безмерных пространствах

Небес и земли они. Земли они!

Семеро их! Семеро их! Семеро их! Семеро их!

Семеро их, семеро их, семеро, семеро, семеро их,

Семеро, семеро, семеро их, семеро, семеро их!

Семеро их! Семеро!

Тэлал! Тэлал! Тэлал! Тэлал!

Семерро их, семерро их, семерро их, семерро их...

Прокофьев слушал и сопоставлял звучание в кантате: вначале - страшным шёпотом, с упругим ритмом и интонацией «семеро их, семеро». И огорчался оттого, что слышал это иначе, чем поэт. Но решил, что ничего исправлять не станет.

А потом попросил согласия Бальмонта на использование «Малайского заклинания», в котором тоже слышал музыку.

- Конечно, Серёжа, какие могут быть возражения. Используй любой их трёх моих вариантов, - согласился тот и добавил: - Я обещал тебе стихотворение. Так вот я написал и посвятил его «Ребёнку богов, Прокофьеву».

*Ты солнечный богач.
Ты пьёшь, как мёд, закат.
Твоё вино - рассвет.
Твои созвучья в хоре
Торопятся принять, в спешащем разговоре,
Цветов загоревших невнятный аромат.*

*Вдруг в золотой поток ты ночь обрушить рад,
Там где-то далеко рассыпчатые зори,
Как нитка жемчугов, и в световом их споре
Темнеющий растёт с угрозным гулом сад.*

*И ты, забыв себя, но сохранивши светы
Степного ковыля, вспоенного весной,
В мерцаниях мечты, всё новой, всё иной,*

*С травинкой поиграл в вопросы и ответы,
И, в звук свой заронив поющие приметы
В ночи играешь в мяч с серебряной Луной.*

- Это волшебно! И музыкально! - опередил Прокофьева Берин.

- Мне очень понравилось, - с благодарностью произнёс «Ребёнок богов».

...На следующий день Бальмонт уезжал из Пятигорска. Провожал его Верин, с Прокофьевым они простились в Кисловодске. Он терпеливо ждал, пока тот соберётся, потом нёс чемодан и с этим чемоданом стоял перед вагоном, ожидая, пока Константин Дмитриевич найдёт своё купе.

Была обычная здесь для конца лета толкучка и суета отъезжающих. Бальмонт нервничал, словно обижаясь на то, что кроме Верина здесь никто не выражает к нему никакого почтения и для всех остальных он такой же, как все, обыкновенный пассажир. Попытался втащить подаваемый ему Ветриным чемодан через окно, чтобы не толкаться с ним в вагонном коридоре, но какой-то дисциплинированный пассажир воспротивился этому. Он не удержался, бросил в сердцах пришедшее в голову:

- Вы живот на двух ногах!..

Тот оторопел, но так и не понял, что бы это означало. А Верин был в восторге от неожиданного сравнения и, когда уже прощались окончательно, обнявшись и даже облобызавшись, подтверждая этим дружбу, он, найдя её оригинальной и образной, повторил эту фразу.

Константин Дмитриевич негромко, задумчиво произнёс:

- Да, здесь много животных на двух ногах!

И не стал объяснять, что стоит за этим презрительным сравнением.

Верин же увидел в нём олицетворение неспешной курортной жизни, подумав, что Бальмонт, возможно, имел ввиду праздных богачей, удовлетворяющих единственную свою похоть, похоть живота...

Но вслух это не произнёс...

НОЧНОЙ СТОРОЖ

Скорее всего в этот раз он проехал бы мимо Пятигорска, но нужда заставила искать помощи. Казалось бы, что с него возьмёшь, а вот по дороге из Баку, около Хасавюрта, его ограбили и выбросили из вагона. Ничего другого не оставалось, как, добравшись до Пятигорска, обратиться к коллегам в местный отдел РОСТА¹: всё-таки он сам числился работником РОСТА и Центропечати².

Заведующий отделом Нейфельд, из обрусевших немцев, особо не удивился его внешнему виду, а был он в поношенной солдатской шинели, на босых ногах - опорки, под шинелью только бельё, что грабители оставили. Выслушал, поверил и даже признал в нём Хлебникова, с поэзией футуристов он был знаком, и отправился добывать, чем накормить голодного поэта.

А вот его сотрудник Козлов оказался менее доверчивым.

- Как вы сюда попали? - Спросил, застав в кабинете неожиданного и столь импозантного гостя.

Хлебников в который раз стал объяснять, что с ним случилось, но видел, что тот ему не очень-то верит, стихи он явно не читал и поэта Хлебникова не знал.

- Разрешите ваши документы, товарищ! - напористо произнёс Козлов.

- У меня не осталось никаких документов, я ведь объясняю...

И тут вовремя вернулся завотделом.

- Как же так, товарищ Нейфельд, сами вы вывешиваете объявление, что это отдел секретной работы, а тут посторонний, без документов...

- Я же вам объяснил, что я тоже работник РОСТА и Центропечати, был в Персии и Баку. В Баку работал по агитации и пропаганде... Ехал в Москву... А теперь вот видите, - Хлебников развёл руками, задев лежащий на столе свёрток каких-то бумаг, пояснил: - Вот это всё, что осталось из моего багажа...

- Ладно тебе, - вступился Нейфельд. - Это же поэт Хлебников... Хотя трудно узнать в таком виде, но я его узнал... Давайте пить чай, - завершил он знакомство, ставя на стол кувшинчик с молоком и блюдец с арбузным мёдом к чайнику с кипятком и белому хлебу.

И гость первым потянулся за стаканом...

После чая хозяева ушли в кабинет заведующего разбирать ночную сводку и думать, что делать с Хлебниковым, который в таком виде, и без денег, до Москвы не доедет. Судили-рядили и решили предложить Хлебникову должность ночного сторожа при Доме печати, была в штате такая вакансия. Эта должность, к тому же, давала ему отдельную комнату, паёк и производственную одежду.

- Виктор Владимирович, не возражаете? - спросили Хлебникова.

- Мне мало надо! Краюшку хлеба и каплю молока! Да это небо, да эти облака! - откликнулся тот стихами...

Так осенью 1921 года Хлебников стал ночным сторожем в Пятигорске.

Служебная комната сторожа была небольшой, на втором этаже, с окном во двор, в том же здании, где кроме РОСТА находились Центропечать, Госиздат³ и редакции двух газет: «Терек» и «Стенная РОСТА», но вполне устраивала, было удобно: работа и дом в одном месте. От учреждения ему выдали постель, а также английские ботинки, брюки с гимнастёркой и шапку. Помогли устроиться на амбулаторное лечение: у него опухли ноги, обострился ревматизм.

Паёк выдавали крупой, мясом, солью, овощами, хлебом. Заканчивался он быстро, а на обеды в частной столовой его жалованья хватало бы от силы на несколько дней. Но в стране был голод, а тут хотя бы хлеб и чай, и он говорил, что о лучшем и не мечтает...

Днём он отдыхал и гулял по городу и окрестностям. Или же читал лекции в Пятигорском университете. А ночью, на работе, если не писал и не переписывал ранее сочинённое, но, как он считал, не завершённое, то предавался любимому занятию - размышлениям о времени, законах движения души, законах чисел. И охотно откликался на просьбы коллег написать что-нибудь на злобу дня. Для «Недели помощи Поволжью» он сочинил размноженное затем «Стенной РОСТА» по всей Терской губернии:

*Вы, поставившие ваше брюхо на пару
толстых свай,
Вышедшие, шатаясь, из столовой советской,
Знаете ли, что целый великий край,
Может быть, станет мертвецкой?²
Я знаю, кожа ушей ваших, точно у буйволов
мощных, туга,
И её можно лишь палкой растрогать.
Но неужели от «Голодной недели» вы
ударитесь рысачами в бега,
Когда над целой страной
Повис смерти коготь?³
Это будут трупы, трупы и трупики
Смотреть на звёздное небо,
А вы пойдёте и купите
На вечер - кусище белого хлеба.
Вы думаете, что голод - докучливая муха
И её можно легко отогнать,
Но знайте - на Волге засуха:
Единственный повод, чтобы не взять, а - дать!
Несите большие караван
На сборы «Голодной недели»,
Ломоть еды отдавая,
Спасайте тех, кто поседел!*

Волга всегда была вашей кормилицей,
Теперь она в полугробу.
Что бедствие грозно и может усилиться -
Кричите, кричите, к устам взяв трубу!

А в газету «Правда молодёжи» отдал, написанное в одну из
ночей стихотворение «Союзу молодёжи»:

Русские мальчики, львами,
Три года охранявшие народный улей,
Знайте, я любовался вами,
Когда вы затыкали дыры труда
Или бросались туда,
Где львиная голая грудь -
Заслон от свистящей пули.
Всюду веселы и молоды,
Белокурые, засыпая на пушках,
Вы искали холода и голода,
Забыв про постели и о подушках.
Юные львы, вы походили на моряка,
Среди ядер свирепо-свинцовых,
Что дыру на котле
Паров, улететь готовых,
Вместо чугунных втул
Локтем своего тела смело заткнул.
Шипит и дымится рука
И на море пахнет жарким - каким?
Редкое жаркое. мясо человека.
Но пар телом заперт,
Пары не летят,
И судно послало свистящий снаряд.
Вам, юношам, не раз кричавшим
«Прочь» мировой сове,

Смело вскочите на плечи старших поколений,
То, что они сделали, - только ступени.
Оттуда видней!
Много далёко
Увидит ваше око,
Высеченное плёткой меньшего числа дней.

Нейфельд и Козлов любили слушать ночного сторожа. Нередко они задерживались по вечерам в большом кабинете заведующего, в окна которого в хорошую погоду заглядывал совсем близкий Эльбрус. Ночи были уже по-осеннему свежи, и они растапливали самодельную плиту. Дрова потрескивали, тепло расходилось по комнате, луна заглядывала в окна и в её свете проявлялись очертания Эльбруса, совсем непохожие на дневные. На столе чай, арбузный мёд, лепёшки... Козлов, знаток Уитмена⁴, знал английский язык и читал стихи этого поэта в оригинале. Хлебников английский знал плохо и почти ничего не понимал, но ему нравилась эта непонятная мелодичность, которая очень гармонизировала с фантастическим видом за окном.

- Уитмен был космическим психоприёмником, - говорил он. - Он медиум, который принимал, и отображал идеи, чувства, волевые волны человечества. Другого подобного ему нет. Пушкин⁵, Сервантес⁶, Данте⁷, Руставели⁸ слишком человечны и даже только человечны. Поэты родятся один на тысячу лет... как и Ньютоны⁹, Галилеи¹⁰, Марксы¹¹ и Ленины¹²... Одни пронизывают взором звёздную твердь, другие припадают ухом к сырой земле... Одни только ногой в современности, а на девяносто девять процентов в будущем, другие только в современности... И над всем царит: «Число - основа всего»... Это Фауст. Пушкин потому гармония, что равно принадлежал прошлому, настоящему и будущему.

- Вы идеалист?

- А знаете, что Идиот был последовательным материалистом, точно таким, как и сам Достоевский? И я безусловный материа-

лист, поскольку признаю единое начало всего существующего: материя распадается на электроны, радио-энергию, психо-энергию, последняя материализуется, и кольцо замыкается. Змея кусает свой хвост..

- Ну а как насчёт большевиков и Октября?

- Ленин, как и Пушкин, чутко припадает к земле... Ну а насчёт большевиков... Я вот написал стихотворение. Там есть такие строки: не надо делений, не надо меток, вы были нами, мы вами будем... - И пояснил. - Было время, и вы только любили и мечтали... Теперь вы засучили рукава, огрубели и обагрили руки кровью... Но ведь сказано: нет большей любви, да кто душу свою положит за други своя... Вы это делаете...

Он был в восторге от изобретения радио и по ночам писал:

«Радио будущего - главное дерево сознания - откроет ведение бесконечных задач и объединит человечество...»

Радио становится духовным солнцем страны, великим чародеем и чарователем».

И далее в этой статье излагал своё видение радио как великой читальни. В который будут все новости... И народ повсюду будет его слушать и внимать. *«Из уст железной трубы громко несутся новости дня, дела власти, вести о погоде, вести из бурной жизни столиц».*

Кажется, что какой-то великан читает великанскую книгу дня. Но это железный чтец, это железный рот самогласа: сурово и чётко сообщает он новости утра...»

Он писал, что в будущем радио *«разошлёт по своим приборам цветные тени»* и станет *«глазами, для которых нет расстояния»*. А потом оно научится *«передавать вкусовые ощущения»*.

«Так Радио скуёт непрерывные звенья мировой души и сольёт человечество», делает он вывод.

Он писал эту статью, когда город видел сны, и в темноте на мир взирал величественный и вечный Эльбрус.

Днём же пытался рассказать о том, что видел вокруг.

Сегодня Машук, как борзая
Весь белый, лишь в огненных пятнах берёз,
И птица, на нём замерзая,
За летом летит в Пятигорск.

Летит через огненный поезд,
Забыв про безмолвие гор,
Где осень, сгибая свой пояс,
Колосья собрала в подол.

И что же? Обратно летит без ума,
Хоть крылья у бедной озябли.
Их очи колючи, как грабли,
На сердце же вечно зима.

И рынок им жизнь убыстрил.
Их очи суровы, как выстрел.
Чтоб слушать напев торговшей,
Приделана пара ушей.

А ещё он лечит свой ревматизм и ещё невесть что, но в декабре,
прервав курс лечения, выезжает в Москву.

ПОИСКИ СОЗВУЧНОСТИ

У них были странные отношения. Несомненно, Качалов¹ испытывал к ней, к «такой худенькой, бледной и вот с такими серыми глазами...» симпатию. Повторяя эту фразу, он приставлял руки к глазам, словно бинокль, показывая величину этих выразительных глаз. Пятнадцатилетняя разница в возрасте, ей - тридцать семь, ему - пятьдесят два, его актёрское мастерство, когда трудно было понять - где искренне он говорит, а где играет придуманное, порой шутовское - позволяло ему держаться с ней несколько свысока. Или же запросто говорить каждому встречному о влюблённости в её стихи, да и в их автора - как он считал, личность мистическую, трагическую, непостижимую... Расставшись совсем недавно, в Москве, на ночном пиру в честь актёров МХАТа (в полночь сели за стол, в девять утра разошлись) у хлебосольного Алексея Толстого², где Качалов соблазнял хозяина поцеловать Ахматову, а тот отказывался: «Не буду. Она мне даст в морду!», а Замятин³, которого она считала за его прямоту честным и смелым, утверждал, что не видит в ней поэта, они встретились вновь уже в Кисловодске.

Летом 1927 года этот городок в горном ущелье собрал немало знакомых. В мае приехал Маршак⁴, а следом Станиславский⁵, Яблочкина⁶, Качалов... И приходилось общаться, продолжать незавершённые разговоры, хотя она не очень стремилась к общению, хотела уединения, сосредоточения на себе и на своих мыслях. Да и надо было привыкнуть к своей, уже до конца дней выбранной фамилии, которую она записала после официального с Шилейко⁷ развода. Словно окончательно порывая и с Горенко-Гумилёвой, и с Ахматовой-Шилейко, которыми была в прошлом.

Если бы она была моложе, может быть и увлеклась бы этим рослым, энергичным, общительным и совсем не производящим впечатление старика человеком, но когда за плечами осталось так много всего пережитого, в том числе и с мужчинами, быво́й безумной искромётности увлечений уже почти не осталось...

На досуге, гуляя по окрестностям, выбирая освежающую тень деревьев, в начале лета ещё сохранивших яркую зелень листвы и душистую нежность сосновых и еловых лап, вдыхая большими лёгкими поразительно лёгкий бодрящий воздух недалёких горных вершин, созерцая снежные шапки двухглавого Эльбруса, она могла сравнивать его с теми, кто уже был в её жизни...

...Ей было четырнадцать, ученице Царскосельской гимназии, ему - семнадцать, когда она увидела его впервые. Она только училась выражать переполнявшие её чувства, он был знаком с Брюсовым⁸ и считался настоящим поэтом. И был воплощением - нет, не принца, она не мечтала о принце, это не её идеал, - а настоящего, умного и понимающего мужчины. Он был для неё учителем, пусть строгим, скупым на похвалу или даже несправедливым, демонстрирующим своё превосходство, свою независимость от неё, от окружающих его людей, от общества, от родины... Она долго была тайно влюблена, потом уже не тайно. Он приносил ей и радость, и горе. Именно в его журнале «Сириус», который Гумилёв⁹ издавал в Париже, состоялся её поэтический дебют. Но не из-за неё, из-за другой, отвергнувшей его, он стрелялся с Максимилианом Волошиным¹⁰. И только после этой дуэли, наконец, сделал ей предложение.

В своё свадебное путешествие они отправились в Париж. Этот месяц, может быть, был самым счастливым в её жизни... Они были молоды, счастливы, амбициозны: Николай, надменно уверенный, независимый и почти свой на парижских улицах, учился в Сорбонне, она, как прилежная ученица - рядом, слушающая, внимающая, но и спорящая...

По возвращении они едут в деревню, в имение Гумилёвых. Соседи - такая же молодая, как они, семейная пара. Хозяйка - Вера

Неведомская¹¹, мечтающая стать художницей - в восторге от Гумилёва, оригинального во всём: в стихах, поступках, даже в одежде: на голове фреска, на ногах сандалии и к ним русская косоворотка; она находит Анну неинтересной, как и его родители; недостойной такого мужчины. Молодая жена Гумилёва замкнута, «с лицом послушницы из старообрядческого скита». Он - выдумщик, душа компании. Чтобы не скучать, затеяли играть в циркачей, осваивали всякие трюки. Правда, тут Анне не пришлось чему-либо учиться, она и так была поразительно гибкой - женщиной-змеёй. Потом играли в образы, воплощали пьесу в стихах Гумилёва «Любовь-отравительница»... Все в восторге, а у Анны всё то же «послушничье» выражение лица. Оно меняется только когда речь заходит о поэзии.

И оживает, когда они возвращаются в Петербург.

А Гумилёв объявляет о новом направлении: акмеизме¹², в основе которого лежит не отвлечённое, а материальное, предметность тематики и образов, точность слова. У него появляются сторонники. Она готовит свою первую книгу...

Спустя год, когда Гумилёв отправляется в Африку, в очередной раз доказывая свою независимость от всего, что его окружает и дорого ему, она вновь в Париже. И теперь уже не чужая среди художников. И рядом Модильяни¹³...

Друг, любовник?..

Скорее, желаемый любовник... Они ещё так чисты, чувства ещё так высоки, так целомудренны, что совсем не хочется их принижать...

Она ему нравится.

Она его интригует, и он беспрестанно рисует её портреты. Шестнадцать разных... Не с натуры, а оставшись один после встреч...

А ещё они бродят по Парижу, оба безвестные и интересные только друг другу. Читают стихи Верлена¹⁴, которого Модильяни тоже любит, Малларме¹⁵, Бодлера¹⁶. Тогда она, может быть, не осознавала до конца, но уже ответила себе на мучавший её вопрос: отчего в этой стране задиристых революционеров, жеманных ко-

ролей, мушкетёров, куртизанок и известных полководцев так мало хороших поэтов... И сделала вывод: *«парижская живопись съела французскую поэзию»*.

Да, здесь стихи продавались исключительно довеском к рисункам художников. И необязательно известных. Париж по-мужски наслаждался исключительно визуально...

И везде над ними возвышалась Эйфелева башня - *«гигантский подсвечник, забытый великаном среди столицы карликов»*...

Модильяни показал ей настоящий Париж, но сам бредил Египтом и в Лувр водил именно в Египетский зал...

Она уезжает, он пишет ей письма: *«Вы во мне как наваждение...»*

Таким он был тогда.

Ещё через год - опять Европа, вдвоём с вернувшимся Гумилёвым. На этот раз север Италии... *«Итальянские живопись и архитектура - похоже на сновидение, которое помнишь всю жизнь»*.

Осенью по возвращении она рождает сына.

И жизнь приобретает иные краски. Обыденность, заботы о появившемся новом человеке, физическом продолжении их с мужем... Это женская доля, как бы она ей ни сопротивлялась. А муж не оставляет своих занятий, путешествий, у него более возвышенная, как ей кажется, жизнь. Он ещё интересуется её поэтическими опытами и уже порой что-то хвалит, но она для него всё та же, что и раньше, ученица, а ей хочется другого...

Потом он уходит на войну; его бесстрашие, пренебрежение смертью делают его в глазах других героем; от рядового добровольца он поднимается до офицерского чина, награждается двумя Георгиевскими крестами, но она не видит в этом предмета для гордости...

В 1918 году, когда раскалывается общество, становится иное государство, ломается и её жизнь. Они расстаются с Гумилёвым. Тот женится на другой, а она скоро выходит замуж за Владимира Шилейко, Вольдемара...

...В мае 1918 года по дороге к сыну, который жил с её родителями, она спросила у вернувшегося из Парижа Гумилёва о Модильяни, и тот ничего не смог рассказать, назвав не известного ещё никому художника «пьяным чудовищем»...

Этим двум дорогим её мужчинам оставалось совсем мало до смерти и посмертной славы*...

Спустя несколько лет во времена нэпа ей попался в руки французский журнал, в котором покойный Модильяни был возведён в ранг гения...

...Шилейко - ассириолог, работает в Русском музее, весь погружён в свои исследования и жену привлекает к своей работе. К поэтическим опытам Анны, несмотря на вышедшие книги и популярность, относится довольно снисходительно. У него властный характер и своё понимание семейной жизни, в которой жена должна быть прежде всего помощницей мужу. Кто-то считал, что он деспотичен, кто-то находил его ревнивым, но её мало интересовали характеристики - она просто скоро устала от опеки мужа, слишком это не вязалось со всей её прежней жизнью, в которой главной была личная свобода. Гумилев это её желание хорошо понимал, они были похожи. Но эти смутные годы возникновения новой пролетарской России они пережили вместе. К тому же у неё случилось обострение туберкулёза, и она была занята собой. Вольдемар же был хороший специалист и со временем стал комиссаром, который курировал Русский музей и Эрмитаж...

В 1921 году они расстались.

*«Тебе покорной? Ты сошёл с ума!
Покорна я одной Господней воле,
Я не хочу ни трепета, ни боли,
Мне муж - палач, а дом его - тюрьма»*

Но, видно, по судьбе ей идти рядом с Николаем. Один ушёл из ее жизни - и тут же встретила другого, Николая Пунина¹⁷. Ис-

---

* 9 июля 1921 года Гумилёв был у неё, а 25 августа его расстреляли.

кусствоведа. Красивого, отзывчивого и участливого. И влюблённого. Их роман, как ей сначала казалось, короткий, начался с её записки. «*Николай Николаевич. Сегодня буду в «Звучащей раковине». Приходите*», - написала она в ответ на явное внимание того к ней. Это был конец августа или начало сентября, пора, когда остро осознаётся увядание жизни и начинаешь спешить... Он пришёл, и она поняла, что не ошиблась, что он её не разочаровал, с ним интересно.

Потом много было всего. И любви, и размолвок, и ревности, и расставаний... В письмах он был щедр на любовь, так писать можно было, только любя по-настоящему, самозабвенно. Она ещё колебалась, ещё сомневалась в себе, своих чувствах, искала, жестоко давая повод для ревности, а он, невзирая ни на что, продолжал писать о любви и любить...

...В 1925 году опять дал знать о себе туберкулёз. Подлечилась. Потом Шилейко попросил узаконить развод, потому что собрался жениться. Развелась, стала просто Ахматовой и поехала в Кисловодск... Пока Пунин с выставкой художников в Японии. Уже сюда пришло от него письмо из Токио о том, что встречи ждёт не дожждётся, и заботливое: «Как твоё здоровье? Не разболелась бы там среди лермонтовских снежных демонов».

Поехала, может быть, не столько лечиться, сколько отдохнуть от всех своих мужчин, включая уже повзрослевшего Льва...

А здесь опять знакомые, словно все сговорились.

Станиславский, завсегдадай здешних мест, сколько лет уже ездит сюда. И лечится и работает. А нынче ещё Качалов, Яблочкина... Сидят за одним столиком, и только и слышен голос Качалова - тоже... Затеяли дать концерт в санатории, посвящённый юбилею наркома Семашко¹⁸. Сыграть сценки из пьесы Островского «На всякого мудреца немало простоты». Качалов - Глумов, Станиславский - генерал Крутицкий, Яблочкина - Мамаева.

Если она ещё будет здесь, посмотрит. Даже если бы и не захотела. Качалов обязательно заставит. Без всякого насилия. Голосом

и ещё чем-то. Она, как женщина, знает, чувствует эту мягкую мужскую власть. И сопротивляется.

Понимает, что она ему нравится. И что он её жалеет. Влюблённый мужчина и заботливый отец одновременно... Без всяких претензий на её свободу; но ей хотелось сейчас, чтобы в нём был больше отец... Она устала быть сильной, устала быть взрослой, устала быть в центре внимания... Когда-то ей хотелось успеха, если не славы, то известности. Хотелось всё это ощутить, пережить, ей казалось, что жизнь так стремительно пролетает, что она ничего не успеет... Но, оказывается, не так уж мало уже успела... Пережила первого мужа. Его расстреляли, и она даже не знает, действительно ли он был заговорщиком против новой власти рабочих и крестьян, при которой она, потомок дворянских кровей, теперь живёт. Пережила гениального Модильяни... Взрослый уже сын, который хочет знать и об отце и о ней, об их отношениях с Гумилёвым, - а у неё нет ответа на многие его вопросы...

...Удивительный город этот Кисловодск. С чьей легкой руки вдруг стал он Меккой для столичных творцов?

Скорее всего, обязан он своей притягательностью прежде всего Лермонтову. И Пушкину, который ее так понимает и которого она боготворит.

*Здесь Пушкина изгнание началось
И Лермонтова кочилось изгнание.
Здесь горных трав легко благоуханье,
И только раз мне видеть удалось
У озера в густой тени чинары
В тот предвечерний и жестокий час -
Сияние неутоленных глаз
Бессмертного любовника Тамары.*

...Жизнерадостный Качалов спешит навстречу. Он светится от радости. Он ожидает ее ответной радости... Ну как же, обязатель-

но стоит посмотреть их совместный благотворительный бенефис... Яблочкина, Станиславский, мастера... Ну, и конечно он, Василий Иванович...

Естественно, мастерство артистов порадует зрителей. Глумов в исполнении Качалова в своё время выглядел вполне современно. Умный, пронзительный, развенчивающий пороки старого мира... Это было новое, неожиданное прочтение образа, высоко оценённое критиками.

- Нет, нет, мы играть не станем, - торопится он развеять сомнения относительно своего уже не молодого для роли Глумова, возраста, - только читать, только показать публике текст...

И она обещает обязательно посмотреть, если не уедет раньше...

Вообще, актёры внесли разнообразие в курортную жизнь. Их все знают, они здесь в центре внимания, вокруг них крутятся и персонал, и отдыхающие. Признаться, ей бы не хотелось сейчас такого внимания, но иногда кажется это не совсем правильным; всё-таки артист - это не торец, это всего лишь рупор... Истина была дарована Моисею, а Левит лишь был его голосом...

Но эту несправедливость смягчает то, что Качалов - истинный почитатель её поэзии. И ей приятно слышать его похвалы. Он следит за её творчеством с 1910 года, с выхода самой первой книжки «Чётки». Он читает, замечательно читает со сцены её стихи. Одно из его любимых - «Лотова жена». Он видит в нём смысл тайный, сакральный...

Жена же Лотова оглянулась позади его
и стала соляным столпом.
Книга Бытия.

*И праведник шёл за посланником Бога,
Огромный и светлый, по чёрной горе.
Но громко жене говорила тревога:
Не поздно, ты можешь ещё посмотреть
На красные башни родного Содома,*

На площадь, где пела, на двор, где пряла,
На окна пустые высокого дома,
Где милому мужу детей родила.
Взглянула - и, скованы смертною болью,
Глаза её большие смотреть не могли;
И сделалось тело прозрачною солью,
И быстрые ноги к земле приросли.
Кто женщину эту оплакивать будет?
Не меньшей ли мнится она из утрат?
Лишь сердце моё никогда не забудет
Отдавшую жизнь за единственный взгляд.

Она поставила под этим стихотворением дату «1922 - 1924». Наверное, это самые трудные в её жизни годы. Кому дано, тот поймёт, что значат для неё эти шестнадцать строк (как для Модильяни 16 её рисунков).

Она не спорит, что в этом стихотворении выражена вся противоречивость женского племени. Что в нём не всем доступное знание...

Модильяни тоже считал, что ей доступно тайное знание.

Может, так и есть.

Но, скорее, не знание, а предчувствие, предвидение... И то - если оно касается дорогих ей людей... С которыми у неё созвучность душ... Эта созвучность не всегда бывает на долгий срок - порой проявится, молнией ударит между, скрепив нечто неведомое неведомым, и погаснет. Но след от произошедшего не исчезает и - нет-нет - да разгорится вновь...

А разве не мистическое, не определённое свыше единение с тем, кто носит имя Николай?.. Теперь у неё любимый - дважды Николай. Этой весной она в письме к нему не удержалась от выражения чувств, в конце написала: «Целую пёстрые глаза. Акума». Вдруг вспомнила, что так называл её Шилейко. И вот уже здесь получила от Пунина письмо, в котором есть и такие строки: «Сердце милое, когда я немного познакомился с японским языком, мне твоё имя

«Акума» стало казаться странным; думалось, оно должно иметь значение. Я спросил одного японца, не значит ли что-нибудь слово «Акума», он, весело улыбаясь, сказал: это значит злой демон, дьяволица, если принять женский род и наше понимание. Так окрестил тебя Вольдемар Казимирович в отместку за твои речи».

И ей отчего-то сразу захотелось уехать из этого райского уголка, убежать, вернуться домой, и чтобы там уже был её любимый... И она уже не могла здесь оставаться...

...После отъезда Ахматовой Качалову стало скучно. Не видеть её тонкой фигуры, её строгого лица, не ловить взгляда больших, пронзающих насквозь глаз... Он не мог не выразить, хотя бы шутливо, привычно прячась за театральную маску, своё ощущение утраты чего-то очень ему нужного...

Скучно и грустно, что вас с нами нет.
Грустно завял на окне мой букет,
Вам предназначенный. Тщетно я с ним
Всюду искал вас, тоскою томим...

Но он не сомневался, что по возвращении жизнь подарит ему немало встреч с ней - как её вдохновение пошлёт ещё много пронзительных строк...

И он будет ими наслаждаться, даже если созвучия у них так и не получится...

СОЛНЕЧНАЯ ВЕСНА

Он любил бывать в Грузии.

В Тифлисе обязательно - столица, мимо не проедешь.

Но и в Батуме тоже непременно. Он находил множество сравнений этому городу, затрудняясь выбрать одно. *«Оранжевая. Город - колибри. Город пальм в кадках. Город малярии и нежных японских холмов. Город, похожий на европейский квартал в какой угодно колониальной стране, звенящей москитами летом и в декабре предлагающей свежие дольки мандарина».*

Почти то же самое мог бы сказать и о Сухуми, но не стал повторяться. Хотя любил бывать и там.

А по пути туда или обратно обязательно заезжал в другой, такой же маленький и столь же любимый городок, спрятавшийся в ущелье перед Кавказскими горами. Вот и весной 1927 года они с женой не преминули завернуть сюда, где взор обращался уже не на внешнее, как в Батуми, и не искал сравнений с чем-либо видимым, а уходил в глубь самое себя, где на смену отвлечению на суетное приходило внутреннее сосредоточие. Ему это было сейчас очень нужно, он готовил новую, на этот раз прозаическую книжку, в которой надеялся передать образно и ёмко время, в котором выпало жить им с Надеждой. И себя в нём. А этот курортный городок очень способствовал сосредоточению. А чем иным можно ещё объяснить то, что он сразу же по приезду, пока не ослабло впечатление новизны, не сдержался, чтобы не записать:

«Разные бывают солнца, но такого, как в Кисловодске, нет, кажется, больше нигде. При высшей жгучести оно не палит, не жжёт, а глубоко, насквозь пронизывает тело радостью...»

Мог бы добавить «языческой радостью», потому что не находил объяснение своим ощущениям.

«То же и кисловодский воздух. Разные бывают воздуха - степной, морской, горный, но кисловодский - особенный; мало того, что он насыщен всякими там кислородами и озоном; мало того, что сам он отличается необычайной лёгкостью, необычайной способностью проникать в лёгкие, - он и тела делает лёгкими: ...Восьмипудовая какая-нибудь туша чувствует себя в Кисловодске пятипудовой, а пятипудовые гражданки носятся по горам, как пёрышки...»

И в этом наблюдении он, поведавший немало мест, был предельно честен.

Прочитал вслух эти строки жене, с которой вот уже пять лет они были вместе.

- Наденька, ты согласна со мной, что здесь на удивление легко дышится? Люди, живущие здесь постоянно, должны быть счастливы... И мы, пожалуй, были бы счастливы.

Ожидал подтверждения, хотя знал, что более всех мест она любит Киев, куда её трёхлетней привезли родители и где они пять лет назад познакомились и были так влюблены, так счастливы, что это видели все вокруг.

И его жена, которая как раз и походила на это лёгкое пёрышко, соглашалась с ним, подтверждая, что не напрасно они так спешили в этот городок в ущелье, что даже сократили своё пребывание в Сухуми. Отсюда они ещё планировали заехать в Армавир к брату Осипа Александру, и уж оттуда - на север, в дела - заботы преодолевать неизбежные трудности в издании книги. А то, что они будут, ни он, ни Надежда не сомневались, зная, кто пристально следит за всем тем, что пишет Мандельштам.

Как раз в 1922 году, когда они поженились, всемогущий тогда Лев Троцкий¹ не устно, а запиской, отчего им это и известно, поинтересовался у Воронского², руководившего журналом «Красная новь», «к какой группировке принадлежит О. Мандельштам, Лидин³ и каково их отношение к Замятину⁴?»

Нарком обороны пристально следил за состоянием на литературном фронте, и Евгений Замятин со своей антиутопией «Мы» уже не считался благонадёжным новой власти. Воронский тогда Троцкого успокоил. *«О. Мандельштам ни к какой группировке сейчас не принадлежит. Начинал с акмеистами⁵. Охотно сотрудничает в Сов. изданиях. Настроен к нам положительно. Пользуется большим весом как хороший знаток стиха, талантлив. Стихи индивидуалистичны. К Замятину никакого отношения не имеет».*

И это была правда. Если Мандельштам и имел к кому отношение, так это к Эренбургу⁶, который лестно написал о нём и его стихах в своих «Портретах современных поэтов», хотя этот портрет получился более похож на шарж. Во всяком случае так считает Надежда, а она художница и в этом понимает. Некоторые удивлялись, почему он не обиделся, а он находил описание вполне соответствующим скорому карандашному, а в данном случае словесному наброску, в котором есть некая похожесть, но всего лишь внешняя, вызывающая интерес... *«Щуплый, маленький, с закинутой назад головкой, на которой волосы встают хохолком, он важно запекает баском свои торжественные оды, похожий на молоденького петушка, но, безусловно, того, что пел не на птичьем дворе, а у стен Акрополя».*

Петушок так петушок... Какой есть, такой есть... И, всё-таки, не на птичьем дворе...

Он не обижался на Илью. Между ними были незримые связи взаимной симпатии. Именно Эренбург познакомил его с Бухариным⁷, с которым дружил с гимназической поры и даже называл того «героем моего отрочества».

Это знакомство Мандельштама с Бухариным было вынужденным; в 1923 году в Петрограде арестовали его брата Евгения, Эренбург их тогда и познакомил. Он искал в новой власти человека, способного содействовать совобождению. Бухарин на просьбу откликнулся, и брата освободили. С той встречи между ними сложились уважительно-доброжелательные отношения. Один из са-

мых влиятельных вождей нового государства считал его хорошим поэтом, полезным для новой жизни.

Назвать это дружбой было нельзя, Мандельштам всё-таки ощущал их разность в отношении к тому, что уже случилось со страной и что с ней будет в дальнейшем. Но, тем не менее, был взаимный интерес друг к другу...

Не обижался Осип и на Хлебникова⁸, который называл его «мраморной мухой», хотя никак не мог объяснить, отчего вдруг тот нашёл такое сравнение: ничего в себе от мухи и тем более от мрамора он не знал и не видел. На петушка в профиль был похож, тут не поспоришь, но на муху никак... Но таков Хлебников, он шутит - никто не смеётся, делает лёгкие изящные намёки - никто не понимает...

Впрочем, и его, поэта Мандельштама, не так легко понять. Даже он сам не всегда может объяснить, откуда пришли те или иные строки, образы, сравнения, метафоры...

Вот к примеру два года назад в апрельско-майские кумачовые дни он написал:

*Мир начинался страшен и велик:
Зелёной ночью папоротник чёрный -
Пластами боли поднят большевик -
Единый, продолжающий, бесспорный,
Упорствующий, дышащий в стене:
Привет тебе, скрепитель дальнотзоркий
Трудящихся! Твой угольный, твой горький,
Могучий мозг - гори, гори стране!*

Попробуй объясни это читателю. Но когда он читает эти строки, ощущает рвущуюся наружу энергию. Правда, созидания или разрушения - сказать не может...

Бухарину это стихотворение понравилось...

Троцкий теперь уже не во власти. Но недоброжелателей предостаточно, и не все из блюстителей новой идеологии хвалят то, что

он пишет. Но он о них не думает, когда пишет. И вообще ни о ком не думает, никому не старается угодить. Просто ищет точные слова для передачи своих ощущений, своего понимания, видения того, что вокруг и в нём, а поймут его или нет - он узнает потом, когда опубликует... И не сомневается, что будут не только хвалить, будут пристально читать между строк, анатомировать... К примеру, вот это стихотворение, написанное в четырнадцатом году, которое он поправил только что:

*Посох мой, моя свобода -
Серцевина бытия.
Скоро ль истиной народа
Станет истина моя?*

*Я земле не поклонился
Прежде, чем себя нашёл;
Посох взял, развеселился
И в далёкий Рим пошёл.*

*А снега на чёрных пашнях
Не растают никогда.
И печаль моих домашних
Мне по прежнему чужда.*

*Снег растает на утёсах
Солнцем истины палим...
Прав народ, вручивший посох
Мне, увидевшему Рим.*

Каждый прочтёт эти строки по-своему и поймёт по-своему. Кто-то скажет о тайном смысле в нём зашифрованном, кто-то - о безмерной гордыне автора, кто-то - о неверии поэта в светлое будущее... Но он никому ничего не будет объяснять...

Покажет Надежде и ей поверит, она понимает его лучше всех...

Но сейчас, этой солнечной весной в заповедном Кисловодске, он весь во власти прозы. Спешит отобразить более понятным большинству языком то, что понял в себе, в современниках, минувших событиях...

Эта книга будет о людях. Но и о местах виденных и понятых, прочувствованных им. В какой-то мере именно подобные места, в которых чувствуешь прилив энергии, и есть земля обетованная для творцов. Вот и Надежда как художник здесь находит свои сюжеты, черпает своё вдохновение.

Она рисует, а он пишет о предтечах и современниках. Может быть, не всем это понравится, как не нравится многое уже написанное им, но иначе он чувствовать, а значит, и писать не может.

Надежда сомневается, стоит ли давать оценки творчеству тех, кто рядом, зачем вступать в противоречие с властью, ведь его оценки не всегда или даже чаще всего не совпадают с общепринятыми. Или писать не всё, что думаешь... И проще...

- Но тогда не стоит вообще писать, - не соглашается он. - Я касаюсь исключительно творчества... И разве я не прав, что Хлебников - противник Блока⁹? Но не во взглядах на революцию, а в восприятии её... И он очень достойный противник, который футуризм¹⁰ противопоставил символизму¹¹.

«Блок - сложнейшее явление литературного эклектизма, - это собиратель русского стиха, разбросанного и растерянного исторически разбитым девятнадцатым веком. Подобно Блоку Хлебников мыслил язык как государство, но отнюдь не в пространстве, не географически, а во времени. Блок - современник до мозга костей, время его рухнет и забудется, а всё-таки он останется в сознании поколений современником своего времени. Хлебников не знает, что такое современник. Он гражданин всей истории, всей системы языка и поэзии».

Это он написал четыре года назад в своей статье «Литературная Москва» и не откажется от своих слов и сейчас.

Но здесь, в Кисловодске, они редко говорят о серьёзном. Все споры, столкновения - это всё потом, после, уже по возвращении из этого райского уголка. Если здесь и приходит мысль о неприемлимых критиках или врагах-завистниках, то мимоходом, без трагедийной окраски. Так, некая тень в яркий день, промелькнувшая и тут же забытая. А когда рядом любимый человек, всё кажется преодолимым и будущее сулит только радостные мгновения. От чего и настроение просто замечательное и всё вокруг удивительно легко, светло и празднично.

«Да, замечательные вещи - воздух и солнце в Кисловодске! Но ещё замечательней - нарзан. Это уж совсем что-то живое. Это как будто «просто углекислая вода, которая излечивает сердечные болезни, но это не так «просто». Это - шампанское, бьющее прямо из земли. Натуральное шампанское, - возбуждающее, чуть-чуть пьянящее...»

Сядешь в ванну, и тело моментально покрывается пузырьками, - как бы серебряной чешуёй. Струйками со дна поднимаются эти пузыри, всё больше и больше, - вода точно закипает от присутствия в ней человеческого тела, и кажется, что и тело в соединении с нарзаном начинает излучать теплоту, кипит в ласковых иглах нарзана, теплеет, розовеет...»

- Ты так написал, что теперь каждый, кто прочтёт, захочет не только полежать, но и попить из ванны, - не удержалась Надежда, с одной стороны поражаясь точности описания, с другой не разделяя столь возвышенного тона.

- Нет, пусть пьют другую. Которую мы с тобой в Эссентуках пили. Замечательная ведь вода. Вот послушай... Вкусная вода - Эссентуки №17! Играет музыка, играет солнце, играют пузырьки в кружке - газирруется вода в глубине земли - чуть-чуть пощипывает язык - слегка (оттого, вероятно, и хочется болтать, когда утром идёшь в компании по парку и, не торопясь, глотками отпиваешь свою воду!) - вкусная вода - в ней земная прохлада и утренняя свежесть... Тебе попить не хочется?

- Мне больше хочется погулять по парку, - улыбнулась Надежда. - Мы с тобой его так весь и не обошли...

- Ничего, в следующий раз мы поедem в Ессентуки, - заверил он, видя их следующей весной уже на ессентукских улицах, с их южным изобилием садов и палисадников, с аллеями, кажется, уходящими в бесконечность. И вновь он будет переживать языческий восторг от весны, не омрачённой суетой и тем противостоянием, которое отчего-то вызывает его творчество; от щедрого, но не палящего солнца и поразительно лёгкого воздуха...

НЕСОСТОЯВШАЯСЯ ДУЭЛЬ

В августе 1928 года Александр Воронский¹ и Борис Пильняк по приглашению курортного управления приехали в Ессентуки читать для отдыхающих лекции о русской и советской литературе. С Воронским напросилась ехать и его четырнадцатилетняя дочь Галина.

- Только учти, мне за тобой некогда будет смотреть, надеюсь на твоё благоразумие. И чтобы никуда без меня или Бориса Андреевича, - поставил тот условие.

- Буду слушаться во всём, - не сдерживая радости, пообещала она.

- Будем смотреть за тобой в три пары глаз, - вставил своё веское слово Борис Андреевич, приплюсовав к двум парам глаз и свои очки.

- Пока я буду просвещать публику и, между прочим, рассказывать о тебе и твоих книгах, обещаю тебе опекать мою дочь, как свою собственную, - тут же воспользовался этим участием Пильняка Воронский.

- Буду, - согласился тот, оглядывая дочь друга, уже почти девушку на выданье.

И своё обещание сдержал. Пока Воронский просвещал отдыхающих, они с Галиной ездили по лермонтовским местам. Прежде всего, конечно, посетили домик, где он жил и откуда уехал на дуэль. Борис Андреевич даже украдкой провёл рукой по столу, за которым поэт писал, словно что-то пытаюсь там найти. А Галина предпочла в это время изучать двор с цветущими клумбами.

- С годами мы жалеем о том, что в юности не были столь внимательны, - назидательно и непонятно произнёс Борис Андреевич, выйдя из домика.

То ли просто выразил мысли вслух, то ли всё же увидел в ней благодарную слушательницу. Но пояснять, что он имел в виду, не стал.

От домика решили подняться по склону к Провалу. Шли медленно. Пильняк периодически останавливался, неторопливо оглядывал видимые окрестности.

- Ты представь, что перед нами только что здесь прошёл Михаил Юрьевич... - поучительно говорил он, как обычно учитель говорит ученику, акцентируя его рассеянное и не склонное к обучению внимание.

- Вообрази, Галочка, он видел всё то же, что видим сейчас мы, и вся эта публика, которая в большинстве своём об этом не задумывается. А между тем, в этом месте ощущается иное время... - Не давал он ей отвлечься от цели их прогулки.

Но Галина видела совсем другое. Она согласно кивала, но, скользнув взглядом по домишкам ниже по склону, возвращалась к разглядыванию публики, обращая внимание в первую очередь на молодых офицеров и ловя их заинтересованные взгляды.

- Вот и Провал, - продолжал выполнять роль экскурсовода Борис Андреевич. - Неоправданно воспетое озеро в скале - зримое подтверждение потребности человека в чуде...

Но произнёс это уже не так напористо и не глядя на Галину. Он уже думал о другом, продолжая в уме писать своего «Штосса*», как он считал, произведения, которое реабилитирует его перед критиками и властью. Отчего он вдруг решил отразить именно эту сторону в биографии Лермонтова², эту его страсть к игре, он не мог объяснить даже самому себе. Скорее всего из любви писать о том, о чём не напишут другие. Он всегда брался за темы, которые его коллеги по цеху избегали, здраво оценивая риски не угодить - если не публике, то вла-

* "Штосс" - последнее прозаическое произведение Лермонтова. Не окончено.

сти. Поэтому и бывал нередко бит, как за «Повесть о непогашенной луне». Из-за этой повести изменилось мнение Сталина³ о нём.

В 1924 году вождь в своих лекциях «Об основах ленинизма» привёл его в пример, как писателя, отразившего негативные явления в партийной среде: «Кому не известна болезнь узкого практицизма и беспринципного делячества, приводящего нередко некоторых «большевиков» к перерождению и к отходу от дела революции? Эта своеобразная болезнь получила своё отражение в рассказе Б. Пильняка «Голый год», где изображены типы русских «большевиков», полных воли и практической решимости, «фукцирующих» весьма «энергично», но лишённых перспективы, не знающих, «что к чему» и сбивающихся, ввиду этого, с пути революционной работы».

Эта цитата вождя тогда разошлась гораздо большим тиражом, чем все его книги, фактически сделав его известным всей стране, и давала возможность Воронскому безбоязненно рассказывать отдыхающим не только о «Голом годе».

- Я тебя сейчас пропагандирую и реабилитирую в глазах досто-почтенной общественности в промежутках между омовением и чревоугодием, - говорил тот, когда Борис Андреевич в чём-то с ним не соглашался. А не соглашался он часто, и их спор напоминал больше ссору. - Ты мне должен быть за это благодарен и не спорить, даже когда я не совсем прав.

- И себя тоже пропагандируешь, - заметил Пильняк. - И, между прочим, трактуешь мои сочинения по-своему, а не так, как я сам их понимаю.

- Каждый читатель - соавтор писателя, а критик сродни анатому; ему дано видеть больше, чем автору. Он даже не соавтор, он - первооткрыватель тайн текста, хирург слова... - не без гордости за свою профессию говорил Александр Константинович, адресуя это, прежде всего, присутствующей дочери, потому что Пильняк на подобные умозаключения только усмехался.

А как, к примеру, он должен относиться к утверждению Воронского, что «Пильняк - писатель «физиологический»... Да, он не

желает приукрашивать жизнь, пишет - как фотографирует, честно и без ретуши, оттого «девки после летней страды, перед свадьбами огуливаясь, не уходили вечерами с гумен, ночевали в овинах... орала до петухов ядрёные свои сборные, стало быть и парни, что днём ходили пилить дрова, вечерами тискались у овинов».

Это естество человеческое, чего же скрывать и приукрашивать...

А вот с тем, что он «историософичен», согласен. Тут Воронский правильно подметил. И в своей лекции приводил правильные отрывки из «Голого года».

«Была русская народная живопись, архитектура, музыка, сказание Иулиании Лазаревой. Пришёл Пётр, - и невероятной глыбой стал Ломоносов с одой о стекле, и исчезло подлинно-народное искусство... В России не было радости, а теперь она есть... Интеллигенция русская не пошла за октябрём. И не могла пойти. С Петра повисла над Россией Европа, а внизу, под конём на дыбах, жил наш народ, как тысячу лет, а интеллигенция - верные дети Петра. Говорят, что родоначальник русской интеллигенции Радищев. Неправда - Пётр. С Радищева интеллигенция стала каяться...»

...А православное христианство вместе с царями пришло, с чужой властью.. Ну-ка същи, чтобы в сказках про православие было? - лешие, ведьмы, водяные, никак не Господь Саваоф... А теперь пришла мужицкая власть, православие поставлено как любая секта...»

Если бы не вложил эти слова в уста отрицательного героя, не избежал бы обвинений, хотя в этой фразе много его мыслей, его понимание происшедшего в стране... Но предусмотрительный Воронский авторскую позицию увидел в другой цитате:

«Я много был за границей, и мне было сиротливо там. Люди в котелках, сюртуки, смокинги, фраки, трамваи, автобусы, метро, небоскрёбы, лоск, блеск, отели со всяческими удобствами, с ресторанами, барами, ваннами, с тончайшим бельём, - с ночной женской прислугой, которая приходит совершенно открыто

удовлетворять неестественные мужские потребности, - и какое социальное неравенство, какое мещанство нравов и правил! И каждый рабочий мечтает об акциях, и крестьянин. И всё мертво, сплошная механика, техника, комфортабельность... Механическая культура забыла о культуре духа, духовной... Европейская культура - путь в тупик».

Именно здесь устами героя говорит автор, - утверждает критик. Это его право. Может быть, автору, как и герою, действительно сиротливо там, за границей... Но насколько аппетитно описан этот буржуазный быт...

Правда, Борис Андреевич не возражает; пусть Александр Константинович именно так объясняет его позицию - им обоим будет проще жить...

И с тем, что он «художник - молодой, не отстоявшийся», но «свеж, самостоятелен и оригинален», согласиться можно. Ему ещё тридцати пяти нет, всё впереди...

Но «Голый год» - это уже нечто независимое, живущее своей жизнью, как девочка-дама Галина.

Как и «Непогашенная луна».

А вот «Штосс в жизни» - на столе и рядом присутствует если не сам Лермонтов, то некто, кто следит за тем, что выходит из-под его пера. И он, домисливая, должен угадывать если не всё в точности как было, то главное...

Отчего Лермонтов взялся писать эту фантастическую повесть о доме с привидениями?

И что он думал, как чувствовал своих героев, садясь за письменный стол?

А что пережил за эти дни он сам и как взаимодействуют времена в мире слов...

«На рассвете в Москве меня взял аэроплан, в закате дня я сошёл с самолёта на станции Минеральные Воды...»

С Минеральных Вод я поехал поездом, которого не было при Лермонтове, - в Ессентуки, где ждала меня комната на даче

«Звёздочка» (пошлее не придумали). Я нанял извозчика - на «Звёздочку». Извозчик оказался хохлом.

- Ага, - молвил он, - на Звёздочку? - значит, артист!

О моих лекциях мне нечего говорить, тезисы составлял Дюкло, наш правитель, чтобы эпатировать курортное население. Но там был один тезис: «разговор с М.Ю. Лермонтовым» - этот тезис предложил я, и я замалчивал его на лекциях...

На самолёте в небе тогда я думал о Лермонтове, и я хотел написать письмо Михаилу Юрьевичу о его местах, меня не страшило столетие, ставшее между нами: писатели существуют только тогда, когда они могут бороться время - пройдёт ещё сто лет, и мы сдвинемся с Лермонтовым на полках русской литературы - не тем, что Лермонтов описывал пошляков, а я описывал метели революции, - но тем, как мы видели, молились, ошибались, жили, любили, - и писатели знают, что их письма пишутся для чёрных кабинетов читателя. Я не написал этого письма, не найдя слов для песни, которая спета во мне Лермонтовым. В памяти моей остались только отрывки этой песни, сложенные в слова.

- Михаил Юрьевич! - Мне страшна ваша Россия, - полосатовёрстая, как каторжный туз, николаевская Россия. Я был в ваших местах. Я следил за бытом ваших героев. Это никак не верно, что вы автобиографичны.

Печорин, Грушницкий, капитаны (капитан, предлагавший не заряжать вашего пистолета, - просто мерзавец!), - княгиня Вера, княжна Мэри, её мамаша - чистокровнейшие пошляки, бездельники, невежды. Умные разговоры Печорина с Вернером - глупы. Печоринская манера подслушивать под окошками - неприлична. Всё вертится около скверных романишек, пистолетов и издевательств над человеком, - нехорошо! - ужели стоит марасть перо о растлителей молодых девушек? - и этот Пятигорск организованной пошлостью!.. - Нет, Михаил Юрьевич, - вы не автобиографичны, - век не рассказал мне об этом...

...Меня обманула даже природа. Я ждал Кавказа, гор, первобытность, - я увидел холмы, заросшие лесом, куда забираются ослы и автомобили, - причём эти семь-восемь холмов сиротливо торчат среди просторов облупленной степи, и торчат случайностью...»

...В промежутках между лекциями, которые они чередовали с Воронским, он писал «Штосса», пытаясь показать Лермонтова таким, как он его чувствовал, понимал. Но получалось не совсем то, что хотел; он так и не смог подобрать точных слов... «Словами можно рассказать только промилле того, что чувствуешь - и чем ответственнее чувствования, тем бессильнее слова»...

Извочик был прав, в «Звёздочке» действительно жили артисты. В это же время здесь гастролировали отгадыватели мыслей, муж и жена. Галочка упросила отца посмотреть их выступление, и они, познакомившись с соседями, решили сходить на концерт. После концерта все вместе пошли в ресторан. И захмелевший Борис Андреевич вспомнил о своём «Штоссе», о Лермонтове, который, конечно, не прошёл бы мимо красивой дамы, и откровенно стал ухаживать за артисткой, отпуская двусмысленные комплименты и не обращая внимания на мужа. Одёргивания Воронского, который видел, как постепенно тот закипает от ревности, ни к чему не привели; Борису Андреевичу важнее было замечать восторженные взгляды юной Галины, впервые увидевшей дядю Боря в таком романтическом состоянии.

Наконец терпение у мужа закончилось.

- Отстаньте, наконец, от моей жены! - подавшись через стол к Пильняку, с явной угрозой произнёс тот. - Иначе я вас...

- А что вы «иначе» можете сделать... - усмехнулся утративший ощущение реальности Борис Андреевич, находя во всём происходящем неплохой сюжет для рассказа. - Разве это зависит от вас... Это зависит не от вас, а от вашей жены. Может, она хочет уйти со мной, а вы её удерживаете...

- Я вас... - оскорблённый муж запнулся и после паузы выпалил. - Я вас вызываю на дуэль!

- На дуэль? - Пильняк оживился. - Как Мартынов?.. Это же замечательно!

- Борис, не глупи! - вмешался Воронский и, повернувшись к вставшему из-за стола мужу, сказал: - Вы же видите, он пьян, проспится и помнить не будет...

- Почему же не буду? Буду! Дуэль! - повысил голос Пильняк так, что сидящие за соседними столиками обратили на них внимание. - И ваш вызов я принимаю, будем стреляться! Завтра же...

Муж подхватил растерянную жену за руку и повёл её из зала.

- На рассвете! - прокричал ему вслед Борис Андреевич. - Здесь все стреляются на рассвете...

Галочка во все глаза смотрела на дядю Борю, не в силах скрыть своего восторга. И тот от этого взгляда юной девы чувствовал себя так же, как, наверное, должен был чувствовать и Лермонтов, принимая вызовы ревнивых мужей или кавалеров...

...Рассудительный и поднаторевший в улаживании конфликтов Воронский, обладавший к тому же изрядным терпением (сказывался опыт тюремный и редакторский) отвёл Пильняка домой и тут же пошёл улаживать глупейший, как он сказал, конфликт...

...В тот вечер Галочка долго не могла заснуть. Она представляла, как завтра они с отцом и дядей Борей поднимутся по склону к тому месту, где когда-то была дуэль Лермонтова и Мартынова; она не сомневалась - дядя Боря обязательно захочет стреляться именно там. И будет всё как в книгах: хороший дядя Боря и плохой муж-ревнивец поднимут пистолеты... А женщина, из-за которой они будут стреляться, стоя в стороне, будет молиться за одного из них... А может быть, за обоих... Или нет: пусть эта артистка останется дома и будет в слезах ждать вестей...

Надо обязательно настоять, чтобы отец взял её с собой...

С этими мыслями она наконец и забылась...

...Утро было ясное...

В открытое окно глядело синее небо и Эльбрус.

Проснувшийся Борис Андреевич вставать не торопился, он продолжал лежать в постели, и вид у него был мрачный.

- Ну, герой минувшего вечера, помнишь ли, что случилось? - желчно спросил Воронский.

- Почему же не помню. - буркнул тот.

- Хорошо, что муж этой артистки оказался здравомыслящим человеком, - продолжил Александр Константинович. - Так что поднимайся, приводи себя в порядок, и пойдём отрабатывать нашу поездку...

- У меня сегодня дуэль, - сказал Пильняк.

- Дуэли не будет... Я же сказал, что муж - человек благоразумный и, по-видимому, читал в детстве очень правильные книжки. Он отказывается от своих претензий и, естественно, от дуэли.

- Что значит отказывается? - поднялся Борис Андреевич. - Нет, мы будем драться! Сегодня же!

- И на чём же вы будете драться? - С иронией спросил Воронский. - Если как сто лет назад, то нужны дуэльные пистолеты и всё, что подобает в этом ритуале... Ты знаешь, где их взять?.. Или обойдётесь наганями или револьверами. Но опять же, их у нас нет. - И уже серьёзно поторопил Пильняка: - Умывайся и идём завтракать. Я же сказал, всё улажено...

- Зачем ты это сделал. - со вздохом произнёс Пильняк. - Мы могли бы выбрать другое оружие...

- Боря, ты соображаешь, что говоришь? Какие дуэли в наше время? Ты не успеешь дойти до места дуэли, тебя сдадут в милицию...

- Да, конечно, ты прав, - неохотно согласился Борис Андреевич. - Сюжет не современен... В наше время постоять за свою честь мало кто желает, а если и желает, то не имеет никакой возможности...

- Ну вот ты совсем протрезвел. Давай, поторопись, догоняй нас с Галиной.

Галочка посмотрела на дядю Борю уже без прежней заинтересованности, но подумала, что отец прав: какая может быть теперь

дуэль? Но, с другой стороны это было бы так романтично, так неожиданно, подружки бы умерли от зависти...

...Вечером Воронский пригласил в ресторан соседей на мировую. Они сели за тот же столик. И Александр Константинович, взяв на себя роль тамады, ловко обыграл случившееся вчера, отметив поразительное воздействие через почти столетний пласт времени и событий одного таланта, окончившего свой земной путь в этих местах, на другого, которому суждено отбыть из этого мира неведомо когда и неизвестно из какого места на земле. Но главное, что они, эти два достойных мужа за этим столом, проявили свой мужской характер и своё миролюбие...

Довольно витиеватый и не совсем понятный тост Воронского был скреплён звоном бокалов, и на этом конфликт был исчерпан.

...В этот вечер Борис Андреевич ухаживал за Галочкой, как может ухаживать старший друг, который видит будущее юной девы...

ОДНАЖДЫ ОСЕНЬЮ В КИСЛОВОДСКЕ...

*А*ет, не сравнить любимые северные места с южным раздольем. Как и погоду в начале сентября. В Куоккале уже сквозит близкой зимой, листья на деревьях начинают рыжеть, затихает весёлый лесной гул, который начинается весной и радуется всё короткое лето, а здесь растительность ещё пышная, безмятежная, словно и не знает о зимней стуже. Всё это Чуковскому в новинку, впервые за сорок шесть лет приехал на Кавказ подлечиться, наслушавшись от знакомых самых восторженных откликов о здешних местах и чудодейственной воде. И вот он сошёл на перон в железнодорожном тупике, рельсы дальше не идут, упираются в склоны, на которых лепятся большие и не очень домики. И возвышается, словно великан над лилипутами, курзал.

Подхватив вещи и глубоко вдыхая удивительно лёгкий воздух, Чуковский идёт в ту сторону, где находится санаторий ЦеКУБУ. А куда ещё, если из всех рассказов он только это название и запомнил, хотя вроде как к учёным и, естественно, к Центральной комиссии улучшения быта учёных, которой принадлежит санаторий, прямого отношения не имеет. Но знает, что здесь писателей и прочих людей творческого труда, принимают.

Идти оказалось не так далеко - спустился с холма, поднялся на другой, и вот уже перед ним несколько домиков. Один из них больше остальных, и оттуда пахнет едой. Оказывается - это столовая, а администрация в другом месте и свободных мест нет... Вот тебе и радостная встреча...

- С приездом, Корней Иванович, решились наконец-то изменить вашему северу...

Перед ним стоит явно хорошо отдохнувший, загорелый Полонский¹.

- Здравствуйте, Вячеслав Павлович... Да, вот решился. А вы здесь давно?

- Разве по мне не видно?

И синеглазо улыбнулся, уверенный, хорошо знающий свой вес в литературном сообществе.

...В умении противостоять неприятностям и смелости главному редактору «Нового мира» не откажешь. Не побоялся ведь уехать из столицы после скандала с публикацией «Повести непогашенной луны» Пильняка². Правда, тираж журнала с этим рассказом так до читателя и не дошёл, пустили под нож; а в следующем номере редколлегия признала его публикацию «явной и грубой ошибкой». Случившееся обсуждали сначала громко, а потом не очень, вина, прежде всего, автора. Пильняк сам спровоцировал власть предисловием, в котором написал, что «фабула этого рассказа наталкивает на мысль, что поводом к написанию его и материалом послужила смерть М.В. Фрунзе». Кто в этой смерти влиятельного большевика и военного был заинтересован, после прочтения рассказа догадаться было не сложно. И опасно. Оттого и открестились многие, кто перед публикацией хвалил рассказ. А Полонский сослался на мнение редколлегии и опалы избежал. Сам он воюет с ЛЕФовцами³, в своих статьях развенчивает их революционное искусство.

Он всего на четыре года моложе, а Чуковскому, глядя сейчас на него, кажется, что не меньше, чем на десяток. Может быть, потому что только с дороги и от огорчения, что не нашлось места в одном из этих домиков, стоящих на горке, которая называется Крестовой и с которой хорошо видна долина речки с домами по её берегам.

- Через пару дней таким же будете, - уловив его неуверенность бодро произнёс Полонский и ушёл.

Может быть, читать гранки очередного номера журнала - в любом случае, даже в отпуске главному редактору отвечать за всё, что опубликуют, и очередной подобной ошибки ему уже не простят...

Невесть откуда, может, из зарослей на склоне, вывернулся длинный улыбающийся Гроссман⁴, литературоведческие работы которого Чуковский читал и отдавал должное умению того писать психологически точно и интересно. Какой это труд - через тексты увидеть и понять замысел автора и даже разглядеть то, о чём сам автор не думал, а писал под диктовку интуиции или прозрения - Корней Иванович после работы над книгой о Некрасове и подготовкой собрания сочинений этого интересного поэта хорошо понимал. Глядя на идущего к нему Гроссмана, он усомнился в праздности Полонского: может, эти двое опять что-то совместное затеяли, как книгу о Бакуanine⁵ и Достоевском⁶, в которой многостранично поупражнялись в литературоведческом анализе: Гроссман доказывал, что прототипом Ставрогина у Достоевского был Бакунин, которого тот хорошо знал, а Полонский считал, что Ставрогина тот списал с учителя по фамилии Спешнев, которого имел возможность наблюдать много лет...

- Корней Иванович, моё почтение... И вы изменили родным пенатам.

- Да вот поддался массовому гипнозу...

- И не пожалеете, видите, как здесь всё ещё благоухает. А воздух целителен, чувствуете запах вечных снегов?

- Леонид Петрович, вы много от меня хотите, я ещё дышу прежними запасами.

Возраст позволяет быть снисходительным, а Гроссман младше. Но вот ведь ему место в ЦЕКУБУ нашлось...

- Мы как-нибудь потом с вами поговорим, - заторопился Гроссман, - процедуры, знаете ли, по расписанию...

И захохотал на своих длинных ногах по направлению к домикам.

А следом, с другой стороны и не столь бодро - ноги короче и под шестьдесят старику уже - Борис Григорьевич Столпнер⁷. Знаток Маркса⁸ и Гегеля⁹, «Эстетику» которого сумел перевести на читаемый русский. И ещё всяких мудрёных философов для не-

широкого круга читателей перевёл. Лысина всё та же, узнаваемая издали, а вот белой бородки он что-то не припомнит.

- Бегу, Корней Иванович, бегу за здоровьем, - пошутил на ходу.

Чуковский проводил его взглядом - вот ведь и этот устроился - подхватил чемодан - надо идти жильё искать, а невдалеке ещё один знакомый...

А может, он никуда и не уезжал и никакой это не Кисловодск, и домики не желанного ЦЕКУБУ, в которые он пока не попал, но обещано было первую же свободную комнату, и не томный южный городок перед ним, а знакомый уголок столицы...

Бежит, торопится Станиславский¹⁰, надо бы со стариком... Но обременённый думами не замечает, лишь взглядом скользнул...

Не узнал, бывает...

Чуковский поудобнее перехватывает чемодан, окидывает взглядом строения под горой, где, как ему сказали, немало пансионатов, в которых можно пока остановиться, и вдруг слышит:

- Корней Иванович, Корней, прости, дорогой мой, не узнал... Быть тебе богатым.

- Здесь скорее бедным стать... Здравствуй, Константин Сергеевич, - с облегчением, что не придётся обижаться и гадать о причине такого невнимания влиятельного старика, произнёс Чуковский.

- Уже заселились? - словно не заметив чемодана, поинтересовался Станиславский.

- Увы, здесь мне места не нашлось.

- Вот как?.. Ну да, битком, все хотят быть здоровыми и не стареть... В очередь записались? А то есть желающие уже и на наши места, мы нынче с Васей уезжаем. А вам надо пока устроиться в гостинице. Подождите, мы тоже в город идём, вместе и спустимся. Мы сейчас...

И торопливо ушёл. Но если обещал, то вернётся непременно.

И действительно, ждать долго не пришлось, вернулся Станиславский, а следом запыхавшийся Качалов¹¹ с широко распахнутыми, по-актёрски, объятиями.

- Вася, Корнею Ивановичу надо жильё найти. Он здесь первый раз, ничего не знает, - озабоченно произнёс Станиславский, словно поясняя Качалову, какую роль тому следует играть.

- Найдём, - заверил тот и, оглядев Чуковского, добавил. - А вы тут не зевайте, скоро начнут разъезжаться, номера освободятся...

- Уже договорился, обещали сразу известить.

- Не очень-то верьте, лучше чаще о себе напоминайте.

- Вася, я думаю, Корнея Ивановича надо покормить и устроить. - сказал Станиславский и первым направился по дороге вниз.

По пути он признался, что не столько отдыхает, сколько работает над вторым томом своей книги «Жизнь в искусстве».

- Пора, батенька, подводить итоги, пора, - с драматургической печалью констатировал он. И тут же сменил тему: - А моя внучка, ей шесть лет, очень любит читать твои книги. Да я и сам порой их почитываю, когда настроение надо поднять... Внучка тоже иногда такие мудрёные словечки изобретает, но я никак запомнить не могу, классика испортила.

- Дети талантливые выдумщики, - поддержал его Качалов. - Я тебе, Корней Иванович, подслушанное слово, так и быть, подарю. «Профессорница»... Слышал? Нет, не мог слышать. А замечательно ведь звучит. Не какая-то там профессорша, фу, как грубо и отторгающе, - и, поменяв интонацию, - а профессорница - с лаской, уважительно...

- Вася, тебе надо самому для детей писать, - буркнул Станиславский и добавил: - Но соловья баснями не кормят, а мы уже рядом с приличным заведением, где недурно готовят...

Кормили, действительно, вкусно. Поели всласть, до отвала, все оказались голодны. За обедом перебрали знакомых, тех, что сейчас были на Водах и тех, кто уже уехал. Качалов с показной грустью вспомнил Ахматову¹², с которой вместе отдыхали здесь в прошлом году, уехавшей тогда так спешно, что он даже не успел попрощаться и очень огорчился.

- Настолько, что даже стихотворение написал, - признался он. Но читать не стал, отмахнулся. - Это ведь для неё, в альбом...

Потом пошли искать комнату и набрали на пансион Ларисса, в котором, оказывается, жил Алексей Толстой¹⁵.

Чуковский отметил, что тот за время пока не виделись, похудел, отчего казался моложе и бодрее, хотя ему уже сказали, что Толстой всякому лечению предпочитает ночные визиты в кабак. Но, наверное, это было не совсем верно, потому что за новостями, доходящими сюда, Алексей Николаевич следил.

- Пильняк ничего стоящего не написал и успеха у читателей не имеет, - безапелляционно заявил он, когда вспомнили скандал с «Повестью непогашенной луны». - Разве это рассказ, так, обрывки и инсинуации... - И спросил: - А вы статью Тальникова¹⁴ в «Красной нови» читали? - И не ожидая ответа, продолжил. - Пригвоздил, прикончил он этой статьёй Маяковского¹⁵. После этого Маяковскому уже не встать...

Чуковский пробежал «Литературные заметки» Тальникова, в которых две главы были посвящены Маяковскому. Под броским заголовком «Дежурное блюдо Маяковского» Давид Тальников прошёлся по очеркам поэта «Моё открытие Америки» и циклу его американских стихов. «Галопный маршрут, вульгарно-развязный тон, барабан с горшком а-ля Леф» и не менее хлесткие другие характеристики в ней преобладали. В поддержку своего мнения о том, что Маяковский исписался, автор привёл и определение Сельвинского¹⁶, данное творчеству Маяковского как «рифмованной лапши кумачовой халтуры».

- Нет, не встать ему, - повторил Толстой. А потом, словно в противовес, в подтверждение тому, что он-то не исписался, сказал, что ему здесь неплохо пишется, а ещё лучше думается.

- Мы тут с Константином Сергеевичем договорился, что я пьесу о Петре первом напишу, - сообщил он.

- Ты пиши, - подтвердил Станиславский. - Только учти наши замечания. - И пояснил Чуковскому: - У Алексея Николаевича свой взгляд на эту историческую фигуру.

- Не я один так думаю, - сказал Толстой, словно продолжая неизвестный Чуковскому спор.

- А каков же этот взгляд? - заинтересовался он.

- Для кого-то Пётр, может, и божество, а для меня - великий деморализатор... Столько крови им пролито, а что в итоге... Всё, что он созидал, разрушается, к чему Россию вёл - не приживается, его соратники и даже Катерина¹⁷ предали его и при жизни, и потом, не говоря уже о стране, в которой мы живём...

- Вот такое суждение, - повернулся к Чуковскому Станиславский. - А ведь Пётр Алексеевич фигура мощная, несомненно, но противоречивая и всё же больше оценивается как положительная...

- Об этом ещё Пушкин¹⁸ говорил, - вставил Качалов.

- Да, противоречивая, сына на казнь, а сам отправляется гулять, - буркнул Толстой.

- Ты, Алексей Николаевич, всё же учти сложившееся мнение, - с мягким нажимом посоветовал Станиславский. - А пьесу я жду.

- Уже обдумываю, жене написал, чтобы кое-что прикупила из документов. К тому же с Полонским условились рассказ писать о Петре... Некогда главным заняться...

- А что же главное? - полюбопытствовал Чуковский.

Толстой помолчал, потом неохотно произнёс.

- Девятнадцатый год пишу...

И дал понять, что вдаваться в подробности не будет.

...В пансионе Ларисса и нашли комнату для Чуковского. Толстой ушёл к себе, Станиславский и Качалов пошли собираться к отъезду.

Чуковский разобрал свои вещи, приготовил письменные принадлежности - вдруг осенит - но сидеть в комнате не хотелось, и он пошёл гулять по городу.

Глазел на неведомый прежде южный быт, не прячущийся за заборами, не запёртый в домах, а весь на улице, весь нараспашку. Слушал неведомую прежде речь. Вглядывался в лица горцев. Всё вновь, всё интересно, всё возбуждает...

К пяти часам, изрядно уставший, всё же пришёл на вокзал проводить Станиславского. Тот появился в окружении «учёных старичков», для которых был непререкаемым авторитетом, и со стороны его чары были хорошо видны: со всеми больше, чем учтив, дружелюбен и нежен, но без тени снисхождения. Чуковский вспомнил как держится в подобных случаях Шаляпин¹⁹ - всегда снисходит. И без тени раболепства - эту черту он отмечал у Репина²⁰ - сановито, величаво и в то же время на равной ноге. И было видно, что каждый, с кем Станиславский говорит, чувствует себя осчастливленным. Наверное, поэтому так пластично-послушны в его руках актёры...

Поезд приготовился к отбытию, провожающие оживлённо задвигались перед вагонами. Станиславский подавал каждому руку на прощанье, что-то при этом интимно наговаривая. И даже пожал руки двум чистильщикам сапог, мальчишкам-армянам лет восьми, которые уже перед самым отходом поезда подбежали к нему...

Наконец поезд засопел, задымил, дёрнулся и медленно покотился вниз по долине, туда, откуда приехал Чуковский...

За неделю обжился, привык к распорядку отдыхающего, воздуху, нарзану, встречающимся знакомым и к тем, с кем познакомился уже здесь. Правда, бессоница никуда не делась и сердцебиение появилось, переусердствовал в прогулках. Да ещё за эти дни обжёг нос до боли - не привык к такому жаркому осеннему солнцу.

Приехал помощник Горького²¹ Александр Николаевич Тихонов²². Поделится впечатлениями от увиденной провинции. Он проехал от Нижнего Новгорода до Астрахани на пароходе.

- Ужасное впечатление, вот уж не думал... В столице, несомненно, другой народ. Чтобы знать Россию, надо чаще по ней ездить. Десять лет уже живём после революции в новой стране, а народ в провинции всё такой же нищий, тёмный, подавленный. Радостных лиц не видел. Хотел в Царицыне высадиться, посмотреть город, а увидел, какая толпа стоит на пристани - ну, истинные разбойники - и не решился.

Чуковский вспомнил, что ему рассказывал попутчик в поезде, который был на Днепрострое. Там американская компания предложила построить ДнепрогЭС. Ну а наши, мол, не надо, сами построим, и согласились только пригласить консультантами. Решили сэкономить, наверное. А инженеры наши из гордости, что ли: к ним за советом не ходят, а строят по своему. Те в теннис играют, им то что, деньги платят, а наши строят. Рабочие строят кое-как, хорошие равняются по плохим, а не наоборот, а уволить плохих никак нельзя, местком встаёт на их защиту. И все бумаги пишут со всех сторон. Стройка уже обошлась в два раза, а то и больше той суммы, что американцы просили за строительство...

- Правда, думаю, что этот рассказчик преувеличил, - закончил свой пересказ Чуковский..

- Ну, без дыма огня не бывает, - уклончиво отозвался Тихонов и перешёл на большую для него тему. - Я за Алексея Максимовича переживаю. Он в плохих руках, попал под влияние Крючкова²³, верит ему во всё... А какой тот совет может дать? Я не говорю о крупных вещах, там Горький и сам знает, что делать, а вот в мелочах. А эти мелочи должны ставить Алексея Максимовича в выгодном свете перед литераторами, учёными, а вот итерит ему придавать, всё-таки он за границей много лет прожил, да и сейчас не всё понимает... А Крючков организовать ничего не умеет.

Личный секретарь и поверенный Горького Пётр Петрович Крючков был юристом. Правда, не практиковал, а служил в петербургском градоначальстве. В 1916 году он стал помощником и секретарём, а затем гражданским мужем Марии Фёдоровны Андреевой²⁴, когда они с Горьким уже расстались. Она и познакомила Крючкова с Алексеем Максимовичем.

В начале двадцатых Крючков служил уполномоченным советского торгового представительства в Берлине, потом работал в обществе «Международная книга», откуда не без помощи Андреевой был переведён в Госиздат. Он был напорист, энергичен, быстр в решении поставленных задач, любил порядок в делах и вокруг.

Сейчас ему было тридцать восемь лет, он был вхож во многие кабинеты, имел информаторов, сообщая Горькому то, что многим было неизвестно. И тот считал своего секретаря прекрасным работником, хотя неоднократно слышал от других совсем не лестное мнение о Крючкове. Все знали, что он сотрудничает с ГПУ и имеет прямой контакт с его руководителем, Ягодой²⁵...

Так, обменявшись не столько новостями, сколько впечатлениями от того, что каждый видел и слышал, разошлись: Чуковский - гулять, а Тихонов - играть в лаунтеннис.

Корней Иванович гулял, наслаждаясь теплом и продолжая удивляться так и не настроенным избавляться от листвы, которая даже ещё не начала золотиться, деревьям. А розы, казалось, только-только распустились и заблоухали. Неторопливо вышагивал по парковым дорожкам и вспоминал свои встречи с Горьким. Особенно самую первую, после которой поделился с родными своим искренним удивлением: «я не подозревал, что Горький такой ребёнок». Тогда, в девятнадцатом году, известный писатель, друживший с Лениным²⁶, знавший всех революционеров, пришедших к власти, действительно был похож на ребёнка, не понимающего, что произошло с прежним миром, который был ему хорошо знаком, и старающегося постичь и принять эти изменения. И он их принял, правда, не сразу и не все, но вот приезжает, напустует, помогает новой власти и даже вроде собрался перебраться совсем в новую страну. И Сталин²⁵ постоянно подчёркивает его значение, его важность для новой России...

А ещё вспомнил, как годом ранее, после встречи с Луначарским²⁶ тоже увидел в нём большого ребенка. И когда знакомые, зная об их хороших отношениях с наркомом, порицали: отчего не выпросил чего-нибудь, если не для себя, так для других, говорил: «жалко эксплуатировать, - это слово было тогда в ходу, - такого благодущного ребёнка».

...Вернулся Тихонов вместе с Кольцовым²⁷, который выглядел настоящим спортсменом: белые брюки, стриженная голова.

Несмотря на молодость - всего тридцать лет - он уже немало достиг. Во время революции был активным сторонником перемен, в восемнадцатом году вступил в партию по рекомендации Луначарского. Тогда он возглавлял группу кинохроники Наркомата просвещения. Правда, ходили слухи, что в том же году вышел из партии, заявив, что ему не по пути с советской властью; однако в конце года оказался в занятом германскими войсками Киеве в составе советской дипломатической миссии. Потом служил в Красной Армии, сотрудничал с одесскими газетами, - писал интересно, остро, - стал специальным корреспондентом ряда газет, в том числе «Правды». Печатал хлёсткие политические фельетоны. Стал редактором журнала «Огонёк», который задумал с Ефимом Зозулей²⁸. А ещё, редактором журнала «За рубежом», создателем журналов «За рулём» и «Советское фото». Наконец, членом редколлегии «Правды» и руководителем основанного им «Журнально-газетного объединения».

Год назад Кольцов придумал и реализовал уникальный литературный проект - написание коллективного романа-буриме «Большие пожары». Двадцать пять писателей и журналистов последовательно сочиняли по одной главке, которая сразу же печаталась в «Огоньке».

Он всего три дня как приехал, был полон новостями. И как было снова не вспомнить Горького, если статья того «О двух книгах» в «Известиях» положила начало острой дискуссии. В этой статье речь шла о справочнике «Писатели современной эпохи», изданной Государственной академией художественных наук и книге «Развенчанная красавица» Николая Асеева²⁹ о путешествии по Европе, в которой превалировало нигилистическое отношение к культурным ценностям и быту европейских стран, в том числе Италии. Более всего досталось Асееву. Горький назвал его книгу «постыдно малограмотной», сделав вывод: «Асеев дал итальянцам богатый материал для издевательства над ним, русским литератором. И если наименование «дикаря» будет дано итальянской прессой ему - он это вполне заслужил».

Кольцов был категоричен.

- Горький не знает, как велик резонанс его голоса. Ему не подobaет писать рецензии. Человек, которого на вокзале встречало Политбюро в полном составе, по пути которого воздвигают триумфальные арки, не должен вылавливать опечатки в писаниях второстепенного автора. Я считаю Горького очень хитрым, дальновидным мужиком. Он хочет вернуться в Италию. Ему нужно иметь с итальянцами хорошие отношения. Вот он заранее готовится себе путь к возвращению - при помощи статьи о Асееве. - И добавил: - К тому же в этой статье чувствуется и личная обида.

- Горький уже объелся похвалами, - не согласился Чуковский. - Они не имеют для него никакого вкуса и значения. И никому он не хочет нравиться и чего-то там выстраивать.

- Он, напротив, любит тех, кто его ругает, - поддержал его Тихонов.

Кольцов засмеялся.

- Это верно; когда Брюсов³⁰, который травил Горького, приехал к нему на Капри и стал его хвалить, Горький даже огорчился, что потерял хорошего врага...

Потом вспомнили статью Тальникова о Маяковском, согласившись, что поэту не так просто будет отмахнуться от этой критики да и от прочих нападков на ЛЕФ. А тут ещё его отношения с Лилей Брик³¹...

- Да, ему нужна такая умная женщина, как Лиля, - сказал Тихонов. - Я, например, помню, как он, только вернувшись из Америки, стал читать ей свои стихи. А она вдруг стала их критиковать, детально, строку за строкой - так умно, так тонко и язвительно, что он заплакал, бросил стихи и сбежал на три недели в Ленинград.

- Маяковский большой, но сентиментальный, - сказал Кольцов. - Но не думаю, что Лиля так уж ему необходима, сбежал ведь от неё.

- Да, он большой ребёнок, - вставил Чуковский.

Хотел добавить, что и поэзия у него нервная, эмоциональная как психика у подростка в переходный период. И что он уже привык к

славе, даже, наверное, ставит себя вровень с Пушкиным³², оттого болезненно воспринимает любую критику. Но не стал.

А потом вспомнили Бабеля³³, его пьесу «Закат» в «Новом мире» и скандальную «Конармию», против которой выступал Будённый³⁴; да, по слухам, Сталину она тоже не понравилась. Но Бабеля защищал Горький, и требование Будённого наказать автора рассказов, которые не отражают истинное положение в армии, так и не было удовлетворено.

- А я помню его в ту пору, когда он только приехал в Питер и привёз свои три рассказа, - сказал Кольцов. - Он прочитал их Зозуле, спрашивает: «Можно это напечатать?» Тот говорит: «Можно». «А где?» «Где угодно». Бабель и отнёс их к Горькому. И мы стали жить втроём, как братья. Время было голодное, основное блюдо у нас было гузинаки, запивали их чаем. Бывало, перепадала коробка сардин. Праздник. Делили трапезу по-братски на троих. - Кольцов усмехнулся, продолжил. - Но не всегда. Однажды Зозуля мне говорит: «Пойди посмотри в щелку, как Бабель хлеб ест». Я глянул - действительно, стоит и жуёт. А позже вышел к нам и говорит: «Ах, молодость, молодость! Вот третий день не видал ни крошки хлеба...» Ну, мы, конечно, промолчали, а отношение стало, сами понимаете, уже не братское...

Потом Кольцов стал рассказывать, что видел на Медовом водопаде рекламу певицы, а может, танцовщицы - тут всяких гастролёров полно - и ему пришла замечательная мысль устроить там рекламу «Огонька».

Чуковскому это было не интересно, он вспомнил разговор с Алексеем Толстым, сказал, что тот пишет что-то о девятнадцатом годе и пьесу о Петре Первом, похвалив за такую работоспособность, потому что сам пока ничего стоящего здесь не написал. И все согласились, что это действительно так, и дарование у Толстого есть несомненно, и работоспособность. А ещё хорошая помощница - жена Наталия Васильевна, которую смело можно в соавторы записывать: она у него и секретарь, и редактор, и первый читатель.

Расходились уже поздно. Кольцов и Тихонов пошли спать, а Чуковский - страдать от бессонницы, от которой не помогли даже целительные воды и воздух...

Двадцать второго сентября Чуковский наконец-то перехал в ЦЕКУБУ. Он радовался тому, что у него появился письменный стол, и что он перестанет видеть хищное, злое, притворно-сентиментальное лицо Ларисса. Вот бывает ведь так, с первой встречи возникает антипатия - может быть, совсем неоправданно, но возникает - и словно давние враги или антиподы два малознакомых, а то и совершенно незнакомых человека. Таких встреч с антиподами не так уж много выпадает в жизни, словно Господь разводит врагов, чтобы не было столкновения - но они всё же случаются. И тогда каждый стремится поскорее избавиться от другого, словно от цепей освободиться.

Вот и Чуковский чувствовал теперь облегчение не только от перемены места, но и от возможности больше не сталкиваться с неприятным ему человеком.

Здесь же всё было привычно: и лица, и разговоры, и атмосфера. Он тут же сошёлся с Столпнером, который тосковал без умного собеседника, понимавшего бы его мудрёные умозаключения, в которых вплелось немало от Гегеля и прочих переведённых им философов. Чуковскому было интересно общаться с оригинальным стариком, который при всей своей убеждённости в диалектике и вере в марксизм одновременно верил и в Бога. К тому же Чуковский, хорошо знавший Столпнера, когда тот был в зените славы, испытывал к нему те же чувства, что испытывает ученик к уважаемому им учителю. Хотя тот никогда его учителем не был.

Не уехали ещё и Полонский с женой. Эта пара словно олицетворяла собой гармонию, и общаться с ними было приятно. Нередко вместе гуляли по парку - и однажды заговорили вечером у «Храма Воздуха» о том, когда и как приходит признание. А главное - за что. Полонский не без скрытой обиды сказал, что часто люди великие бывают не оценены должным образом современниками. Вот взять, к

примеру, его: с 1905 года - революционер, руководил литературно-издательским отделом политуправления Красной армии. Троцкий³⁵ его высоко ценил. Потом был директором Высшего литературно-художественного института. А сейчас руководит журналом, у которого самый большой тираж среди всех литературных журналов страны. А каких авторов он открыл! И сам книги пишет...

Чуковский согласен кивал, но не всегда. Что касается журнала, тут он прав, действительно много хороших авторов публиковал, а вот собственное творчество никак не тянет на великость, статьи его не гениальны, порой даже безвкусны...

После этого разговора даже отношение к Полонскому изменилось: прежде он видел в том хорошего главного редактора без претензий на собственную значимость...

Другое дело - старик Столпнер. Совсем не озабочен мирской славой, ему под шестьдесят, карьерные претензии и болезненный возраст самокопания и самооценки уже позади, читает лекции в харьковском университете, понимает, что главное передать свои знания студентам - глядишь, кто-нибудь из них станет знаменитым и вспомнит учителя. Вот это и есть настоящее признание, настоящая слава - а сиюминутное восхваление, зачастую лицемерное, по принципу «кукушка хвалит петуха, а тот кукушку», - это всё тленно: сколько подобных, созданных славословием современников великих было в прошлом и кто о них помнит...

Отсутствие товарищей по творческому цеху с лихвой компенсировали инженеры, которых в ЦекУБУ было много. Чуковский с удовольствием общался с ними, узнавая много нового... Они были специалистами в своём деле и болели за него. Но, к сожалению, все в голос говорили: невозможно работать на совесть, а можно только служить и прислуживаться. И, отнюдь не враги советской власти, они так и сыпали анекдотами о бюрократизации строительства, спутывающей по рукам и ногам.

...Так незаметно и пролетели сентябрь и октябрь. Все знакомые постепенно разъехались, заканчивалось двухмесячное пребывание на

юге и Чуковского. И надо же - за несколько дней до отъезда приболел - сердце перегрузил. Наверное, оттого и строчки пришли:

*А кругом больные, бледные, худые
Кашляют и стонут, плачут и кричат -
Это верблюжата, малые ребята.
Жалко, жалко маленьких бедных верблюжат...*

Но всё-таки здешний климат и вправду оздоравливает: поправился быстро и, хотя ноябрь уже был, вышел на балкон без пальто. Солнце лицо греет, облачка белые-белые на небе. Стихи просятся... Хорошие, настоящие... Но вот поэтов молодых интересных нет, упала стиховая культура. Кто-то Бальмонта³⁶ превозносит, был он здесь, выступал, а, на взгляд Чуковского, многие стихи того - ужимка и пошлость. И попробуй поспорь с поклонниками, тут же обзовут неврастеником.

А может они правы - нельзя же бранить людей за то, что они пошляки...

*А кругом больные,
Бледные, худые, -
На земле, в болоте,
Бедные лежат...*

Седьмое ноября был последний день в Кисловодске. Все десять предыдущих красных ноябрёй он провёл в Питере в слякоти, а тут тепло, в пальто жарко. А к обеду так совсем жарко - снял с себя пиджак, рубаху, фуфайку и принимать солнечную ванну.

Надо же - седьмого ноября!

Даже вслух вырвалось: «Это когда у нас темь, холод, смерть, изморозь и блекота!»

...На следующий день поезд увозил его в знакомую осень.

ВСПОМНИТЬ ЮНОСТЬ

Лавут¹ всё же сумел убедить отправиться в это авантюрное, как считал Зощенко, турне по южным городам. И хотя Михаил Михайлович долго не соглашался, приводя массу аргументов, начиная с того, что он - никак не Маяковский², чьи выступления Павел Ильич организовывал - у них, «фабрикантов-оптимистов», как он их называл, действительно выступления проходили «на ура». Конечно, поэта-трибуна везде примут, а как его - прозаика? К тому же он совсем не умеет читать на публике. И заканчивал своим нездоровьем.

Но тот стоял на своём.

- Михаил Михайлович, всё получится просто замечательно, - убеждал он. - Ваши рассказы без всякого сомнения публика примет. И, между прочим, Маяковский считает, что они как раз для выступлений. Между прочим, в Самаре в витрине фотоателье есть такое четверостишие: «И рисуется её глазам уж, что она за Зощенку выходит замуж...» Это ли не народное признание...

Зощенко задумался. Потом не совсем уверенно произнёс:

- А если подведу вас, вдруг заболеоу...

- Не будете болеть, - твёрдо заверил Лавут. - Публика вам сил придаст. А на обратном пути из Тифлиса заедем в Кисловодск, юность вспомните...

- Заманчиво, - не совсем уверенно произнёс Зощенко. - Правда, в Харькове у меня сестра живёт, неплохо бы повидаться...

- Вот и встретитесь! - обрадовался Лавут, дожидая всё ещё колеблющегося писателя. - И с сестрой увидите заодно, а публику вам самую благодарную я обещаю...

И сказал он это так твёрдо, что Зощенко перестал сомневаться: всё-таки у Павла Ильича большой опыт продюсирования, и не каждому он предлагает свои услуги.

- Не знаю, как это вам удалось убедить меня, но, так и быть, уговорили, поеду, - махнул рукой Зощенко.

А про себя подумал, что всё взаимосвязано; он только закончил повесть «Возвращённая молодость», в которой попытался приоткрыть для себя и читателя секрет управления временем - и теперь вот это предложение побывать в местах юности...

Лавут наметил маршрут размашистый: Харьков, Ростов-на-Дону, Баку, Тифлис-Тбилиси. И на обратном пути - Кисловодск, где и выступления будут, и Зощенко, если захочет, сможет отдохнуть.

Первое выступление в Харькове едва не сорвалось. Михаил Михайлович, увидев переполненный большой зал, вдруг отказался выходить. Но Павел Ильич с сестрой убедили, что хуже всякого провала, если он этого боится, будет отказ от выступления: в зале больше тысячи человек. И он через силу, хотя по нему это не было заметно - сопротивлялся вдруг нахлынувшему страху из последних сил - вышел на сцену и начал, как и советовал Лавут, выступление с рассказа о себе, своей биографии. Потом, опять же по совету Павла Ильича, перечислил профессии, которыми овладел, пока его не стал кормить писательский труд. И, наконец, опять же учтя совет, прочитал рассказ «Слабая тара».

«Нынче взяток не берут. Это раньше шагу нельзя было шагнуть без того, чтобы не дать или не взять. А нынче характер у людей сильно изменился к лучшему».

Так начинался рассказ, и первые же его слова вызвали оживление в зале.

«Давеча мы отправляли с товарной станции груз», - продолжил он читать, описывая процесс по приёму груза и весовщика, который через два-три человека груз принимать отказывался по причине «расхлябанности тары». Но, добрая душа, он тут же и

подсказывал: «Заместо страданий, укрепите вашу тару. Тут где-то шляется человек с гвоздями. Пуцдай он вам укрепит. Пуцдай сюда пару гвоздей вобьёт и пуцдай проволокой подтянет. И тогда подходите без очереди, - я приму».

Вот и герой рассказа пошёл тару укреплять да и разговорился с рабочим.

«Я говорю:

- Что вы, говорю, обалдели, восемь рублей брать за три гвоздя.

Он мне говорит интимным голосом:

- Это верно, я бы вам и за трояк сделал, но, говорит, войдите в моё пиковое положение - мне же надо делиться вот с этим крокодилом.

Тут я начинаю понимать всю механику.

- Стало быть, - я говорю, - вы делитесь с весовщиком?»

Тут зал окончательно оживился, показывая, что тоже понял всю описываемую и очевидно им хорошо знакомую механику. И закончил Зоценко читать под бурные аплодисменты.

Этот рассказ читал он и в других городах, и практически везде реакция была одинаковой.

В поезде от Ростова до Баку с Лавутом предавались беседам на разные темы; времени было достаточно. И Михаил Михайлович яростно открещивался от того, что критики относили его к юмористам.

- Конечно, иногда сложно отличить, увидеть эту грань между юмором и сатирой, - говорил он. - Часто юмор и сатира соседствуют, рядом и весёлая улыбка, и бичующий смех. Но я слышу больше именно такой смех. Отчего же я юморист? Никому ведь в голову не придёт называть юмористом Гоголя³ или Салтыкова-Щедрина⁴. Мне до них, конечно далеко, не сравниваю даже, но лучшее, что я написал - это сатира. А ещё полагаю, что я полезный писатель. Не все читатели меня понимают, но ведь и к Маяковскому с его языком и «лесничкой» до сих пор далеко не все привыкли - привыкнут и ко мне...

Лавут согласился, напомнив, что и гиперболы Гоголя не сразу дошли до многих.

- Только мне кажется, что в его «Ревизоре» нет ни одного порядочного человека. А сегодня требуется, чтобы такие были...

- Я не совсем согласен, что огульно всех действующих лиц этой пьесы причисляют к отрицательным, - не согласился Зоценко. - Это не совсем так. Да и отрицательные тоже не одинаковы. Есть выдающиеся жулики и авантюристы во главе с городничим, который умудрился даже целую церковь в карман сунуть. Великолепная, кстати, характеристика главы города. Но есть более скромные чиновники, рядовые, так сказать, жулики... Даже Хлестаков - уж на что прохвост, а ведь не бездарен. В основном, по-моему, обстоятельства да ещё отцы города сделали его лжеревизором. Не явно отрицательна, например, Марья Антоновна. Судьба её как будто улыбнулась - ну как прозевать столичного жениха?.. Трактирный слуга... Он Хлестакова раскусил, понимает, что тот нахал... Вообще же, выше «Ревизора», по-моему, трудно подняться в комедийном жанре.

Так за разговорами и проехали почти весь путь - только перед самым Баку отравился Михаил Михайлович рыбой в вагоне-ресторане. И пришлось первым делом срочно искать доктора. И так уж получилось, что оказал ему первую помощь врач, который книги его читал и чуть ли не мечтал о встрече с ним. Он сразу же успокоил Зоценко, что от этого отравления никто не помер, и всё необходимое сделал так хорошо, что уже через пару дней Зоценко себя почувствовал лучше, и в Баку и Тифлисе выступления прошли хорошо. И всё же на обратном пути он решил задержаться в Кисловодске на пару недель, поправить здоровье.

Да и вспомнить-пережить юность.

...Тогда ему было девятнадцать лет. Его только что исключили после первого курса юридического факультета из Санкт-Петербургского университета «за невзнос платы за весеннее полугодие» и он с приятелем отправился на юг, где по протекции

устроился контролёром на железнодорожную ветку Минеральные Воды - Кисловодск. Жил он на съёмной квартире на станции Минутка и каждый день разъезжал между курортными городами. Зарплата была хорошая, получалось даже откладывать деньги, чтобы осенью внести за обучение и восстановиться в университете.

Приключилась здесь с ними история, о которой он живо вспомнил, проезжая нынче Минутку. Его приятель тогда влюбился в местную барышню, и между ними возникла любовь. А у той был жених, работавший уже юристом. Михаилу девушка тоже понравилась, но товарищу он мешать не стал, а вот жених стал угрожать физической расправой. Товарищ всё Михаилу рассказал, спросил совета. А Зощенко это сильно обидело. Он решил, что честь и достоинство товарищ должен отстаивать на дуэли. Жених, надо сказать, оказался не из трусливых и стреляться на дуэли согласился. Они с приятелем выбрали пистолеты подешевле, потренировались, наконец определились с днём дуэли. Точнее с утром - стреляться лучше на рассвете. И к назначенному часу в назначенное время прибыли. А жениха не было. Ждали довольно долго, но тот так и не появился. Облили его всякими презрительными словами и только потом узнали, что того накануне срочно призвали в армию; уже началась первая мировая война...

Но отношение к дуэли как к приемлемому способу разрешения конфликта осталось. Правда, спустя годы все зеркально повторилось...

В начале 1922 года, уже будучи писателем, выпустившим первую книгу «Рассказы Назара Ильича господина Синебрюхова», однажды он пришёл к «Серапионовым братьям» с тремя актрисами гастролировавшего в Петрограде театра. «Бесцеремонное вторжение хорошеньких актрис», с точки зрения Вениамина Каверина⁵ оскорбило «орден». Актрисы прочли свои стихи, и он устроил им беспощадный разнос. Девушки обиделись и ушли. Зощенко проводил их. А когда вернулся - был в бешенстве. Он обозвал Каверина ханжой и потребовал извинений. Но Каверин сказал, что не чувствует себя виноватым и предложил дуэль.

Зощенко несколько дней ждал секундантов, но их не было. А потом друзья их помирили...

Вот и задумаешься о законе бумеранга...

Михаил не вернулся в университет, а вольноопределяющим был зачислен в военное училище. И в январе 1915 года произведён в чин младшего портупей-юнкера. Затем окончил ускоренные курсы и стал пехотным прапорщиком. С марта он уже в действующей армии, младший офицер пулемётной команды. В ноябре ранен в ногу и «за отличные действия против неприятеля» награждён орденом Св. Станислава 3-ей степени с мечами и бантом. С декабря Зощенко - начальник пулемётной команды, подпоручик. В феврале 1916 года награждён орденом Св. Анны 4-ой степени с надписью «За храбрость». И летом произведён в поручики. А через десять дней после этого в результате газовой атаки неприятеля был отравлен газами.

После госпиталя вновь вернулся на фронт. Получил ещё два ордена: Св. Станислава 2-ой степени с мечами и Св. Анны 3-ей степени с мечами и бантом. Был командиром роты, штабс-капитаном. В январе 1917 года представлен к награждению орденом Св. Владимира 4-ой степени и к званию капитана. Но ни чин, ни орден получить не успел - началась революция. К тому же в результате отравления газами он получил порок сердца.

Революцию Зощенко принял. Был назначен начальником почт и телеграфов и комендантом почтамта Петрограда. А потом была работа в Архангельске, в Смоленской губернии, Новгороде, Пскове... За три года переменял двенадцать городов и десять профессий. Был милиционером, счетоводом, сапожником, инструктором по птицеводству, телефонистом, агентом уголовного розыска, секретарём суда, делопроизводителем...

И хотя был освобождён по болезни от военной службы - добровольно пошёл в Красную армию и служил полковым адъютантом, участвуя в боях. Но очередной сердечный приступ стал причиной демобилизации.

Такой биографии можно было позавидовать - вот почему Лавут настоятельно рекомендовал ему перечислять свои профессии, тем самым показывая близость его с народом, о котором он и писал в своих рассказах...

В Кисловодске, помимо выступлений, он принимал ванны, пил нарзан и дышал живительным воздухом. Этот город действовал на него благотворно. Он и до этой поездки в 1933 году уже лечился здесь - болезнь периодически напоминала о себе. И страдал он не только по причине слабого сердца: всё пережитое им не могло не сказаться на психике. И он уже понимал, что избавиться от страхов лучше всего, поделившись ими. С тем же листом бумаги. С героями своих рассказов. Правда, рассказы пишутся не так часто - легче у него получаются фельетоны. Но эта поездка оказалась плодотворной. Он пишет рассказ «Врачевание и психика».

«Вчера я пошёл лечиться в амбулаторию. Народу чертовски много, почти как в трамвае. И, главное, интересно отметить, - самая большая очередь к нервному врачу, по нервным заболеваниям.

Например, к хирургу всего один человек со своей развороченной мордой, с разными порезами и ушибами. К гинекологу - две женщины и один мужчина. А по нервным - человек тридцать.

Я говорю своим соседям:

- Я удивляюсь, сколько нервных заболеваний, какая несоразмерная пропорция.

Такой толстоватый гражданин, наверное, бывший рыночный торговец или чёрт его знает кто, говорит:

- Ну ещё бы! Ясно, человечество торговать хочет, а тут, извольте - глядите на ихнюю торговлю. Вот и хворают. Ясно...

Другой, такой желтоватый, худощавый, в тужурке, говорит:

- Ну, вы не очень-то распуцайте свои мысли. А не то я позволю куда следует. Вам покажут - человечество... Какая сволочь лечиться ходит...

Такой, с седоватыми усиками, глубокий старик, лет пятидесяти, так примиряет обе стороны:

- Что вы на них нападаете? Это просто, ну, ихнее заблуждение. Они про это говорят, забывши природу. Нервные заболевания возникают от более глубоких причин. Человечество идёт не по той линии... Цивилизация, город, трамвай, бани - вот в чём причина возникновения нервных заболеваний... Наши предки в каменном веке и выпивали, и пятое-десятое, и никаких нервов не понимали. Даже врачей у них, кажется, не было...»

А ещё причиной тому «война, революция, питание...» - напишет он дальше.

И наконец, в уста своего желтоватого, в тужурке, героя рассказа, уже словно о самом себе расскажет:

«Возвращаюсь я с фронта. Ну, естественно, - гражданская война. А я дома полгода не был. Ну, захожу в квартиру... Да. Поднимаюсь по лестнице и чувствую - у меня сердце в груди замирает. У меня тогда сердце маленько пошаливало, - я был два раза отравлен газами в царскую войну. И с тех пор оно у меня пошаливало...»

Да и мало что выдумал в этом рассказе, но написал и вроде как исповедовался. И легче стало.

Эту способность творчества врачевать не хуже, а то и лучше докторов он заметил давно, оттого и написал свою «Возвращённую молодость». И вот здесь, в местах своей юности утвердился: нет, не случайно написал...

Пусть и короткий, но отдых и лечение в Кисловодске пошли на пользу. Михаил Михайлович почувствовал себя бодрее и уже с желанием возвращался домой, где его ждала опубликованная в журнале «Звезда», пусть и с большими купюрами, его повесть о молодости.

БЕЗОБЛАЧНЫЙ ЯНВАРЬ

Январь для него, как и для земляков на родной Донетчине - самый беззаботный месяц: осталась в прошлом осенняя страда, то что дал Бог - в закромах и в стойле, а новый крестьянский год ещё не наступил. Самое время привычному к сельскому труду, хотя нынче больше времени и проводит за письменным столом, подправить здоровье. Да не одному, а как и положено, семейственно: вот и выехали в первые дни января сорок первого года в Кисловодск вместе с Марией Петровной, с сыновьями, младшей маленькой Марией Михайловной и с тещей, оставив дома на хозяйстве мать Шолохова и старшую дочь Светлану.

Разместились в санатории Верховного Совета «Красные камни», можно сказать, в барских условиях - на весь санаторий их семья, начальник Главсевморпути Иван Дмитриевич Папанин¹ и главный хранитель тела Ленина, начальник лаборатории Борис Ильич Збарский² с сыном-подростком.

С Збарским у них пути не пересекались, а вот с Папаниным оба отметились в юбилейной книге, изданной в 1939 году к шестидесятилетию Иосифа Виссарионовича³. Папанин тогда поделился своими воспоминаниями о «незабываемой встрече» с вождём, когда ему вручали Звезду Героя; а Шолохов в своей статье «О простом слове», больше похожей не на юбилейное славословие, а на рассказ, поведал, как на собрании колхозники сочиняли многословную резолюцию - благодарность вождю. Долго обсуждали-утверждали, а потом вышел местный кузнец и сказал, что всё это надо заменить одним словом. И в итоге приняли самую короткую резолюцию: «Спасибо товарищу Сталину».

...А отдохнуть Михаилу Александровичу было от чего. Последние годы он ходил по лезвию бритвы и только благодаря вождю не попал в застенки госбезопасности. И нередко вспоминал добрым словом Горького⁴, который, прочитав «Донские рассказы», советовал Сталину «использовать его как интересного автора». Ему было тогда двадцать шесть лет, но за плечами был уже немалый жизненный опыт, если судить не по возрасту, а по пережитому. В пятнадцать лет он работал в ревкоме, занимался подразвёрсткой. В семнадцать его, станичного налогоинспектора, ревтрибунал за превышение власти приговорил к расстрелу. Тогда отец сумел договориться, дал денежный залог и взял на поруки, а потом по исправленной метрике, в которой уменьшили возраст, как несовершеннолетнего его осудили на год исправительных работ. В девятнадцать он женился на дочери станичного атамана Громославского, Марии. И уже росли дочь и сын, когда он в 1931 году написал первое письмо Сталину о плохом хозяйствовании местной власти...

Много произошло всего за эти десять лет, в течение которых он почти ежегодно писал вождю, даже встречался...

Прошедший год тоже был нелёгким. Он закончил четвёртую книгу «Тихого Дона», Сталину показал и, невзирая на клеймо рецензентов «кулацкий роман», наотрез отказался делать Мелехова членом партии. И добился, чтобы напечатали...

А в августе опять пришлось писать Сталину с просьбой принять «по вопросам колхозного строительства северных районов Дона». Девятнадцатого написал, а двадцать третьего августа в десять сорок вечера его пригласили к вождю. Потом Сталин вызвал Молотова⁵, а следом - Берия⁶ и до полуночи беседовали вчетвером. Он добивался тогда списания задолженности колхозов - от суховея в районе погибла четверть урожая. И добился. В ноябре вышло Постановление Политбюро, решением которого была списана задолженность прошлых лет, отсрочена натуроплата, произведена скидка с обязательных поставок...

Как этому радовались земляки - и он вместе с ними...

Вообще-то он предпочитал отдыхать на охоте в мужской компании, но сейчас, глядя как восторгаются домочадцы (и особенно сыновья) непривычным для них видом далёких снежных вершин и близких, вполне доступных гор и уютно спрятавшегося в ущелье городку, не жалел что приехал.

Отдыхал в Кисловодске, правда, в другом санатории, собрат по писательскому цеху, Корней Иванович Чуковский⁷, который сразу же пришёл знакомиться очно - заочно каждый из них знал друг друга. Он оказался лёгким в общении человеком, понравился и жене, и детям, темы для разговора у них тоже были. Чуковский тут же взял над ними шефство, он бывал здесь много раз и теперь охотно рассказывал и показывал достопримечательности. И первым делом повёл в город, к Нарзанной галерее, где были всяческие развлечения для отдыхающих.

Но на третий день нового года развлечений было мало, хорошо, тир работал. Вот туда и заглянули с сыновьями. И, естественно, старший Александр захотел показать свою меткость. Шолохов препятствовать не стал. Десятилетний стрелок привычно приложил оружие к плечу и неожиданно для Чуковского, а ещё больше для работника тира стал поражать мишени одна за другой. Чуковский не мог скрыть своего удивления - а что уж говорить о застывшем в растерянности от такой меткости мальчишки работнике. Откуда тот мог знать, что Александр в минувшем году на районных соревнованиях выполнил норматив и был награждён знаком «Ворошиловский стрелок⁸»? Он даже помедлил с обещанным призом, но потом выдал не скрывающему гордости Александру приз - три рубля.

Шолохов тоже был доволен, хотя похвалил сына довольно скупой, мол, молодец, я в тебе не сомневался.

Пока мальчишки осваивали путь к санаторию, то и дело отбегая от дорожки в сторону и прячась друг от друга за зеленью елей и сосен рукотворного леса, Чуковский делился своим мнением о со-

временной литературе, пытаюсь понять, что может быть интересно этому молодому талатливому писателю, принявшему советскую власть и воевавшему за нее и опекаемому самим Сталиным, кого из собратьев по цеху он ценит и за что. Но говорить о прозаиках было опасно, можно было разойтись во вкусах - и он стал расхваливать поэта Петра Семьнина⁹, с творчеством которого познакомился не так давно, но считал большим талантом, и все в его семье зачитывались его стихами и поэмами.

Шолохов, как он и ожидал, такого поэта не знал.

- Ну уж так и талант, - усомнился он. - Я ведь не очень-то слежу за другими... Тем более за поэтами. Так, иногда что почитаю...

- Талант! - подтвердил Чуковский. - Я прочитал пять его поэм, не говоря о стихах. Не скрою, не все одинаково хороши, иные даже плохи. Но во всех он пытается разрабатывать фундаментальные темы. И его поэзия публицистична, насыщена гражданской тематикой. Может быть даже перенасыщена временами, но сюжетность, фабульность компенсируют. - горячо говорил он, считая, что, как эпическому прозаику, Шолохову это будет близко. - А сравнения... Вот к примеру: Пожарники тащили рукава, / Напоминающие высохших удавов. Или такое: Камни / Раскиданные на песке внизу, Похожи были на тюленья стадо, / Застигнутое непробудным сном...

- Здорово ведь! Какая образность! Как осязаемо, зримо...

- Действительно, зримо, - согласился Шолохов.

- Или вот такое стихотворение. - не скрывая восторга продолжил Чуковский:

*Зима взялась ковать декабрь всерьёз.
Чтоб не ронять своей фабричной марки.
Мы под Москвой. На улице мороз.
Я у окна, листая том Петрарки,*

А в десяти шагах среди берёз,
Как у седых колонн церковной арки,
Стоит Лаура, тихая от слёз,
В цветном платке и с вёдрами доярки...

Я сейчас статью готовлю о его поэзии для «Литературной газеты», обязательно похваляю и поставлю в пример всяческому графоманам...

- Лаура с вёдрами доярки... - повторил Шолохов. - Многоплатно... Надо будет мне почитать его стихи. Может это действительно большой поэт...

И подумал о сюжетности и фабульности только что закончившегося непростого для него и его земляков года. Да и не только последнего, сорокового...

В тридцать седьмом его вместе с лучшим другом, с секретарём райкома Луговым чуть не посадили, обвинив того в контрреволюционной троцкистской деятельности. Тогда тоже пришлось к Сталину обращаться - он ведь член райкома, а значит и он неправильно думал и делал...

Долго разбирались, специальный проверяющий приезжал... Спустя почти год освободили Лугового, а вот добиться, чтобы наказали виновных в аресте, о чём в тридцать девятом хлопотал, так и не получилось - честь мундира сильнее оказалась...

И брата жены, который сомнение выразил в победе над фашистами в Испании, отстоять не удалось...

А Чуковский уже говорил о детище Горького, писательском союзе, который не оправдал надежд, не стал скрепляющей основой, не устранил творческие и идеологические противоречия.

- Может быть нам всем, особенно тем, кто пользуется признанием читателей и уважением коллег, надо больше поддерживать Фадеева¹⁰, - осторожно начал он, зная, что в своё время именно Фадеев как лидер рапповцев¹¹ был против публикации третьей книги «Тихого Дона», предлагая её переписать. - Ему ведь и писать некогда, весь в административных делах.

- Если бы Саша по-настоящему хотел творить, разве стал бы он так трепаться во всех писательских дрязгах? - нахмурился Шолохов. - Ему нравится, что его ожидают в прихожих, что он член ЦК... - И, с хитрой улыбкой глядя на Корнея Ивановича, спросил: - Ну, а если бы он был просто Фадеев, какая была бы ему цена?

И действительно, можно ли сопоставить «Тихий Дон» и тот же «Разгром» Фадеева, подумал Чуковский; несопоставимые произведения по мощи, по той самой фундаментальности, охвату общественных процессов, характерам героев...

- Да, некогда ему писать, эта административная деятельность отнимает много времени. Но ведь писатель-то он хороший, я не сомневаюсь, что ещё что-нибудь напишет... И человек прелестный, за писателей болеет. - вступился Чуковский. - Конечно, союз следует реформировать, а в этом ему нужна помощь.

- Надо распустить союз, - категорично произнёс Шолохов. - Пусть все пишут. Должна быть только профессиональная организация, а то не писателями, бюрократами стали.

- Распускать не стоит, а вот реформировать надо, - не согласился Чуковский и перевёл разговор, стал рассказывать, как ему здесь неплохо работается, вот заканчивает своего «Айболита».

А Шолохов, глядя на заячьи следы, пересёкшие тропинку, сказал, что тут, должно быть, зверь к человеку привыкший, а это уже и не зверь... Другое дело - в ущельях Кабардино-Балкарии, он там охотился на фазанов. Какая это большая и шумная в полёте птица, почти курица. А горцы умеют гостя принять, угостить на славу, этого у них не отнимешь... И увлёкся явно приятными для него воспоминаниями...

Чуковский хотел было продолжить разговор о союзе, если не переубедить, то хотя бы внести сомнение в позицию Шолохова, но взглянув на очевидно не настроенного на серьёзный разговор Михаила Александровича, согласился, что горцы своих традиций, как и своего родства, не забывают - и тем они сильны.

Потом, размышляя на досуге, он пришёл к выводу, что вряд ли переубедил бы Шолохова. И его можно было понять; в Союзе писателей он не видел той объединяющей силы, которая мыслилась его основателю Горькому. И не нуждался в помощи Фадеева в решении своих вопросов. Многие годы он писал свой роман, потом преодолевал препоны по его изданию, во многом благодаря знакомству со Сталиным. Он привык жить в своей станице, в Москву не рвался, а суеты писательской избегал.

Зато его коллеги по цеху мучились в догадках, отчего такая любовь вождя к молодому писателю. Кто видел в нём сталинского соглядатая, осведомителя органов, кто считал это слабостью вождя к молодому таланту, в котором тот нашёл соавтора своих трудов; но превалировало мнение, что просто Сталин мечтал, что у него будет свой понимающий слушатель, придворный писатель, каким у Ленина¹² был Горький. Ведь каждый правитель мечтает о своём летописце... А может быть, сказались тоска Иосифа Виссарионовича по так и не реализованному собственному писательскому таланту и уважение к человеку, не соблазнившемуся ничем иным и верно служившему своему, Богом данному дару... А им просто понравился настырный тридцатитрёхлетний провициальный писатель, который осмелился вступить за земляков, не побоявшийся выступить против всемогущего Ягоды¹³...

Приезд большого семейства Шолоховых изгнал чинную тишину санаторских помещений. Оживился обслуживающий персонал, засуетились лечащие врачи, принаравливаясь к столь разновозрастным отдыхающим. Сначала они видели главного в Михаиле Александровиче, но скоро разобрались, что вопросы, интересующие их, надо решать с Марией Петровной или с тёщей Шолохова Марией Фёдоровной Громославской, которая, несмотря на свои семьдесят лет, не утратила властности жены станичного атамана. Больше всего забот было с самой младшей трёхлётней Марией, с которой мальчишки не очень хотели возиться. Но Мария Пе-

тровна привычно управляла всеми, успевая и принять процедуры, и погулять по городу.

Самым спокойным был Александр, который уже считал себя взрослым и опекал Мишу.

Несколько дней желанным гостем Шолоховых был Чуковский, которого дети встречали с восторгом. Он сразу же попадал в орбиту их желаний, но вполне успешно с этим справлялся с помощью стихов из своего «Айболита», которые читал Маше и Мише и своего перевода «Союза рыжих» Артура Конан Дойля¹⁴, которым завожил Александра и Лёву Збарского. И те и другие с нетерпением ждали дядю Корнея.

Михаил Александрович, занятый процедурами и необязательным общением с отдыхающими, постепенно отходил от забот, избавляясь от напряжения. Мысль о том, что это всего лишь передышка в противостоянии с врагами, которых в прошедшем году только прибавилось, навещала всё реже и реже. И он уже не считал, что настоящий отдых может быть только на охоте или рыбалке, хотя через неделю стал вспоминать и буераки со звериными тропами, и донскую гладь...

...Чуковский уехал, и дети переключили своё внимание на Папанина. Тот оказался хорошим рассказчиком всяческих житейских историй, в основном про Север. Причём рассказывал их так бесхитростно и эмоционально, что слушать его нравилось и взрослым, и детям одинаково. Михаил Александрович тоже с удовольствием слушал бывалого полярника, пытаясь представить долгую полярную ночь, холод, безбрежные ледяные поля... Ему, выросшему в тёплых местах, трудно было поверить в то, что там, на краю света, живёт местный, не знающий южного тепла, народ, а теперь вот и советские полярники обосновались. Но перед ним был человек, который родился на берегу тёплого моря, в Севастополе, там же вырос, а потом по воле судьбы и партии оказался на другом конце страны, на краю земли, студёном и безлюдном, теперь восторгался теми местами и людьми, способными противостоять холоду и льдам...

Папанин рассказывал о Северном морском пути, о котором мечтали отважные мореплаватели с царских времён и который теперь проложен, о полярной ночи и северном сиянии, о полярниках, людях все, как один, отважных и надёжных.

О вожде, с которым оба встречались, не говорили - у них всё-таки было разное отношение к Сталину: Иван Дмитриевич, выросший в семье матроса и хорошо знавший нужду, в двадцать четыре года воевавший в своих родных местах в Крыму и на Украине, в двадцать шесть лет - комиссар оперативного управления при командующем морскими силами фронта, затем следователь, комендант, уже в Москве комиссар хозяйственного управления, начальник полярной станции, заместитель Отто Юльевича Шмидта¹⁵, сменивший того на посту начальника Главсевморпути, - был искренне предан советской власти и, естественно, Сталину. Шолохов понимал его, но подобного преклонения не испытывал. Он отдавал себе отчёт, что вождь умен, начитан, работоспособен чрезвычайно, обладает хорошим аналитическим умом и управленческим талантом и, действительно, хочет построить государство, в котором каждый гражданин будет чувствовать себя счастливым. Хотя и понимает, что это если и возможно, то только в далёком будущем, потому что слишком разные все люди и каждый видит рай на земле по-своему. К тому же он только человек и ему присущи ошибки. Хорошо обошлось с Луговым и сам Шолохов не попал под общую гребёнку контрреволюционной чистки, но сколько тех, кого он знал и кто никак не мог быть врагом не избежали этого...

А ещё Шолохов познакомился с лётчиком Ляпидевским¹⁶, самым первым Героем Советского Союза, получившим звезду под номером один в 1933 году за спасение челюскинцев.

Он тоже был южанин, из Ставрополя, и хотя родился в семье сельского священника, традицию нарушил, вместо храма пошёл в кузницу. Потом учился слесарному делу, был мотористом косилки. Хотел стать моряком, но подвело непролетарское происхождение. А вот в лётчики, тогда новую профессию, наби-

рали всех желающих независимо от происхождения. И он учится летать, становится инструктором, потом гражданским лётчиком и сам просится отправить его на Чукотку. Вот ведь какая тяга у южан к северным холодам. А в 1934 году в местах, где он летал, был раздавлен льдами и затонул пароход «Челюскин». Михаил Александрович помнит, как много тогда писали в газетах, рассказывали по радио о спасении высадившихся на лёд людей. И оказывается, Ляпидевский был первым, кто нашёл этот лагерь и затем несколько раз садился на лёд, забирал людей. Потом случилась поломка, вынужденная посадка, сам чуть не погиб. Нашли чукчи.

Анатолий Васильевич не так разговорчив, как Папанин. Они с Шолоховым ровесники, но их жизненный опыт настолько отличен, что Михаил Александрович с интересом слушает лётчика, а Ляпидевский в свою очередь интересуется, что в его романе правда, а что придумано...

К вождю он относится с меньшим восторгом, чем Папанин, но всё же не забывает, что тот на приёме по случаю награждения в Георгиевском зале сказал то ли всерьёз, то ли шутя: «Запомни, Анатолий, у тебя отец - поп, я сам - почти поп, так что можешь ко мне всегда обращаться по любому поводу». И он тогда попросил Сталина дать ему возможность продолжить учёбу...

Окончил академию, работал в Центральном аэрогидродинамическом институте начальником отдела, стал полковником. И вот теперь он - директор авиационного завода в Москве.

Если Папанин чувствует себя старшим и иногда подчёркивает свой жизненный опыт, делясь поучительными воспоминаниями, то Ляпидевский наоборот Шолохова воспринимает более старшим, более опытным и охотно его слушает...

Дни катятся один за другим, скоро отъезд. И всё-таки Шолохов уже затосковал. Захотелось на простор, посидеть на берегу,

готовящемуся к весеннему пробуждению; Дона - не хватает всё же здесь хорошей реки - так, бежит ручеёк, перешагнуть местами можно, радость только алябкам остроносым, которые, ныряя пропитание себе находят. Мальчишки тоже приуныли: всё вокруг уже осмотрено, восхождения на Красное Солнышко и дальше на Седло уже не привлекают, все игры переиграны, и им тоже не хватает реки и друзей. Даже жена с тещей заскучали по дому, по хозяйству, по делам. Вот ведь как, устаёшь от домашних забот и мечтаешь сбежать от них, а не так много времени надо, чтобы по ним же и затосковать... Как родной дом, в котором сделал первый шаг, манят человека и родные места, даже если там ничего хорошего его уже не ждёт. Вот поэтому и должен был вернуться в родной, пусть и разрушенный дом в родную станицу Мелехов, как возвращался всегда и будет возвращаться до конца своих дней он, отвергая всякие предложения перебраться в столицу. Вот если бы тот же Сашка Фадеев не соблазнился столицей и кабинетом, властью - удовольствием иллюзорным и опасным, ведь мог бы написать что-нибудь интересное...

Чуковский, уезжая, обязал его встретиться, когда в Москве будет, и, если что нужно, обращаться без всякого стеснения. Шолохов при поддержке семейства Корнея Ивановича к себе на Дон пригласил - пусть посмотрит, где его герои живут, сравнит, сумел он правдиво их отобразить или нет...

И про целину он допишет... «Тихий Дон» - один перелом, одна разрушительная буря, для многих непросветная, непреодолимая и непостижимая, для других - очистительная. А «Поднятая целина» - о другом переломе, менее зримом, но не менее трагичном - это как же отказаться от своей собственности, от того, что кровью и потом предков было закреплено, казалось, на веки вечные. И вот всё перевернулось, чужие ветры подули над нетронутой степью, чужие люди пришли на их земли и начали всё по-своему перекраивать... И он так и не знает, чью сторону ему занять. Тех, кто цепляется за прошлое или кто живот не щадит ради будущего...

Как его Мелехов, похоронив Аксинью, не знал, за что зацепиться, отчего может быть, и закончил он третий том словами: «...стоял у ворот родного дома, держал на руках сына... Это было всё, что осталось у него в жизни, что пока ещё роднило его с землёй и со всем этим огромным, сияющим под холодным солнцем миром».

...Михаил Александрович посмотрел на готовящихся к отъезду детей, теперь радующихся скорому возвращению домой, как радовались не так давно бегству из него, и подумал, что всё-таки он живёт ради них, ради будущего...

«ОСТАЮСЬ ЖУРНАЛИСТОМ»

За прожитые сорок пять лет видано-перевидано было немало. Но всё больше в маршевой торопливости, в грохоте и дыму сражений, а не в праздной неспешности, когда можно не только многое вокруг разглядеть, но и полюбить или отвергнуть. И в мирные послевоенные годы пришлось немало поездить уже известным писателем. Было с чем сравнить Кисловодск, когда Симонов приехал сюда летом 1959 года. Маленький, уютный в предгорьях, с великолепным парком, с высящимися белыми папахами двухглавого Эльбруса совсем рядом.

Он поселился в санатории, стоящем на склоне у самого входа в курортный парк и каждое утро мог выбрать для прогулки либо многолюдье (для этого нужно было только немного спуститься вниз, чтобы окунуться в жизнь южного томно-ленивого от изобилия тепла и солнца, овощей и фруктов городка), либо тихие тенистые тропинки в рукотворном лесу, вспоминая добрым словом тех, кто когда-то посадил на голых, опалённых солнцем склонах маленькие деревца, которые давно уже пережили и тех, кто их высаживал, и их детей, внуков...

И он выбирал, движимый сиюминутным настроением или желанием либо отвлечься от собственных дум, либо остаться с ними наедине.

Думы эти почему-то были о войне. Пятнадцать лет прошло, и теперь, на отдалении, то, что казалось тогда мелким, обыденным, не заслуживающим внимания на фоне каждодневного героизма, о чём он и писал тогда, вдруг приобрело для него ценность великую. И он, прошагавший военными дорогами с пером и блокнотом от Халкин-Гола до Берлина да и, казалось, описавший эту войну

лучше многих других, вдруг понял, что не всё рассказал. А может быть даже не так рассказал. И уже вынашивал идею мемуаров солдатских в противовес генеральским, в которых не было той житейской, окопной правды, которую он видел, знал и не смог за эти мирные годы забыть.

...Однажды утром, - он ещё не решил, куда сегодня отправиться на прогулку, в коридоре санатория его остановила девушка. Представилась сотрудницей культурного отдела курорта и, явно смущаясь и робея, сказала:

- Константин Михайлович, я к вам с большой просьбой от наших отдыхающих и кисловодчан. Не могли бы вы выступить перед читателями. Мы, читатели, вас очень просим. - И торопливо добавила: - В нашем городе вас хорошо знают, ваши книги читают...

Он взглянул на неё, улыбнулся краешком губ, прекрасно понимая её волнение, её надежду, пока ещё потаённую радость, если вдруг получится то, о чём она уже несомненно сообщила не только начальству, но и своим знакомым. Он давно научился читать чужие мысли и понимать людей. Эта девушка в своём искреннем желании порадовать других ему нравилась. И хотя он не собирался здесь выступать, а приехал подлечиться и поработать, отдохнуть от столицы, где слишком многим он был нужен и где не было того количества одиночества, которое необходимо для творчества, встретился с её откровенно просящим взглядом и сказал:

- Хорошо, давайте встретимся. Но только у меня процедуры и распорядок, нужно определить время... А вы не сказали, как вас зовут?

Лицо девушки вмиг расцвело, глаза заискрились, какое-то время она молчала, очевидно, не ожидала такого быстрого согласия, наконец выпалила:

- Я всё согласую. Это будет в свободное время, чтобы вам было удобно... Меня зовут Толчанова... Татьяна... Таня...

- Вот мы и познакомились. Только предупредите, Таня, меня заранее, мне ведь тоже нужно подготовиться.

Он улыбнулся в чёрные усы, довольный тем, что доставил этой девушке радость...

Встреча проходила в курортной части города в Нарзанной галерее. Подходя к зданию, он обратил внимание на стоящих у раскрытых окон людей, заглядывающих внутрь. Подумал, что они увидели там что-то интересное, но когда вышел на сцену, понял причину их любопытства: большой зал, вмещающий, как сказала Таня, восемьсот человек, был переполнен.

Звонящим голосом она представила его, перечислив немало титулов, упомянув о наградах, назвав книги, но так и не закончила из-за оваций. Симонов склонил голову в ответ на аплодисменты, пытливым взглядом обвёл зал, отмечая среди отдыхающих и местных жителей и возраст - в основном это были люди его лет и несколько младше, очевидно, воевавшие или пережившие военное лихолетье. Это была знакомая аудитория, перед которой ему всегда было легко выступать. Он привычно шагнул к краю сцены, ближе к залу, спросил:

- С чего начнём, с чтения стихов или ваших вопросов? - и, не дожидаясь ответа, продолжил. - Я предлагаю начать с фронтовых стихов...

И стал декламировать. Неторопливо, вдумчиво, как он привык, словно вновь вписывая в блокнот каждую строчку, каждое слово.

Зал заворожённо слушал, а Татьяна, сидевшая на первом ряду, не спускала глаз с Симонова.

Высокий, с пышной шевелюрой тёмно-каштановых волос, с пытливым взглядом карих глаз, который порой скользил и по ней, он читал, чуть-чуть картавя, иногда держа в руках книжку, но совсем в неё не заглядывая; медленно ходил по сцене, то на одну, то на другую её сторону, словно адресуя строки то одной части зала, то другой.

И, словно чувствуя невысказанные, но возникшие у слушателей вопросы, иногда останавливался и рассказывал, когда и где было

написано стихотворение и что послужило толчком к его написанию. И если оно касалось непосредственно какого-то военного эпизода, обращался в зал:

- Вот я вам рассказал, где эти строки родились, а есть в зале, кто воевал в тех местах?

И обязательно находился тот, кто воевал именно там, где и он, и видел то же что и Симонов. Константин Михайлович уточнял детали, спрашивал, совпали ли их впечатления, сумел ли он передать это в стихах - насколько они отражают правду. И было видно, что ему очень важно это знать...

Прошло почти два часа. Симонов уже устал и решил закончить традиционно чтением того, что пожелают слушатели.

- Что вам прочесть, завершая встречу? - спросил он, не сомневаясь в ответе.

Невидимая ему женщина перекричала остальных:

- «Жди меня» прочтите!

Он попытался найти её среди слушателей, потом выбрал почти ровесницу, с большими выразительными глазами, чем-то напоминавшую ему ту, которой он это стихотворение когда-то писал и, глядя на неё, словно адресуя эти строки именно ей, стал читать:

*Жди меня, и я вернусь,
Только очень жди,
Жди, когда наводят грусть
Жёлтые дожди,
Жди, когда снега метут,
Жди, когда жара,
Жди, когда других не ждут,
Позабыв вчера.
Жди, когда из дальних мест
Писем не придёт,
Жди, когда уж надоест*

Всем, кто вместе ждёт.
Жди меня, и я вернусь,
Не желай добра
Всем, кто знает наизусть,
Что забыть пора.
Пусть поверят сын и мать
В то, что нет меня,
Пусть друзья устанут ждать,
Сядут у огня,
Выпьют горькое вино
На помин души...
Жди. И с ними заодно
Выпить не спеши.
Жди меня, и я вернусь,
Всем смертям назло.
Кто не ждал меня, тот пусть
Скажет: - Повезло.
Не понять, не ждавшим им,
Как среди огня
Ожиданием своим
Ты спасла меня.
Как я выжил, будем знать
Только мы с тобой, -
Просто ты умела ждать,
Как никто другой.

И в тишине перед аплодисментами в центре зала неожиданно раздались рыдания.

Симонов растерянно замер. Затих зал, головы сидящих повернулись в сторону плачущей женщины. Она была из местных жителей. На вид лет сорок. Значит, пережила войну и какую-то трагедию.

Симонов прошёл по сцене в её сторону, спросил негромко:

- Вы что-то вспомнили?..

- Я так ждала мужа... - сквозь всхлипывания ответила она. - А он не вернулся. Он погиб... А я очень ждала, что он вернётся... Я вам поверила...

И, продолжая всхлипать, достала из сумочки платочек.

Он окинул взглядом зал и громко произнёс:

- Товарищи фронтовики, встаньте и поклонитесь всем женщинам, жёнам, матерям, сёстрам, невестам, которые так же верно ждали с фронта нас, солдат, как эта женщина.

И низко в пояс поклонился залу.

Все присутствующие в зале мужчины встали и молча стояли, наклонив головы.

- Спасибо, - прервал он паузу.

К сцене стали подходить люди с цветами. Константин Михайлович принимал, благодарил, но женщинам тут же возвращал, предлагая принять теперь цветы от него. Когда принесли последний букет, он подошёл к плакавшей женщине и протянул его ей.

- Это вам за вашу верность...

И, повернувшись под несмолкающие аплодисменты и крики «спасибо», пошёл в глубь сцены...

...Кисловодск для Симонова стал не только местом лечения и отдыха, но и работы. Он приезжал теперь сюда довольно часто, его уже узнавали на кисловодских улицах и дорожках парка, по которым он любил гулять. Иногда подходили знакомиться, и, если новый знакомый оказывался фронтовиком, обязательно завязывался разговор-воспоминание. Он, так же как и те фронтовики, кого он знал, многое не мог забыть из того, что всё ещё приходило в печальных и пугающих снах...

Как правило, в каждый приезд звонил кто-нибудь из журналистов, и Симонов, понимая и уважая эту профессию, всегда соглашался на встречу. А если были просьбы и он мог чем-то помочь - помогал.

В 1964 году он познакомился с молодым журналистом Сергеем Павлюком. Тот вырос в станице Исправной Карачаево-Черкесской автономной области, хорошо знал колхозную жизнь. В это время шла хрущёвская реорганизация районов, колхозов. Их объединяли, укрупняли. Эта тема молодому журналисту была интересна и по-настоящему его волновала. Слушая его, Константин Михайлович улыбался тому азарту молодости, который так хорошо был ему знаком по началу собственной работы корреспондентом.

- Вот ты хорошо знаешь, чем живут колхозники, почему же не напишешь, как сказались эти реформы, нужны ли они... Поезжай к себе домой, собери материал да и напиши хороший правдивый очерк, - посоветовал он Павлюку.

Тот даже опешил от этого предложения. Вопросительно посмотрел на Симонова, не шутит ли... Ну даже если и напишет он - то кто опубликует? И Симонов, словно прочитав его мысли, сказал:

- Получится очерк, помогу напечатать. Но только чтобы это был обязательно журнальный очерк, а не газетная передовица...

И Павлюк послушался, поехал на свою родину, нашёл своих героев, молодую семью, только начинающую строить совместную жизнь и написал, правда, не очерк, а рассказ «Дай руку, друг!», который опубликовали в журнале «Дон»...

...Нет, не мог Симонов отказать фронтовикам или их детям. И когда очередной молодой журналист, пришедший взять интервью для краевой курортной газеты, Юра Самойлов, начал с рассказа о своём отце, который был командиром танкового батальона, имел пять орденов и семь ранений, он не мог не расспросить его о том, что думает его поколение о подвиге своих отцов. И, щуря свои карие глаза, нет-нет да оценивающе окидывал взглядом этого юного, не знавшего войны парня, пытаясь понять, сохранит ли он отцовскую славу, которой так гордится сейчас.

В тот день они долго разговаривали в его номере. Он не торопил корреспондента, так хорошо знавшего его произведения, подробно отвечал на все вопросы. Отвлекаясь лишь на чай или телефонные

звонки, на которые не мог не ответить. Как раз позвонил Роман Кармен¹, с которым они вместе работали над фильмом «Гренада, Гренада, Гренада моя...» Они не так давно вернулись из Испании, - снимали на местах боевых сражений, где воевали добровольцы из Советского Союза.

Уже под конец чаепития, когда все темы для интервью были исчерпаны и минуло почти два часа, Самойлов спросил:

- Константин Михайлович, а вы сами себя кем считаете: писателем, поэтом, сценаристом, редактором...

Симонов улыбнулся, глядя на молодого корреспондента, который ещё считал, что всё, что делаешь в жизни, можно разложить по полочкам. Хотел сказать, что главное не в том, к какому цеху ты принадлежишь. Всё, что он делал, в каком бы виде это не выходило в свет, всё это - плод пережитого: поездок, встреч, чужих судеб, собственных переживаний... То есть того, что его окружало в течение жизни, с чем он сталкивался, что видел. А он просто писал отчёт об этом увиденном, пережитом и прожитом. Нет, дело совсем не в названии профессии, а в умении увидеть то, что не разглядели другие... Но подумал, что это будет не совсем честно. Тот должен со временем понять это сам.

- Пожалуй, я был и остаюсь журналистом, - наконец сказал он и, глядя на Самойлова, подумал, что тот может ещё не понять, что более заманчивые и уважаемые им профессии писателя или сценариста - это всего лишь производные опыта, а возможность узнать людей и жизнь даёт как раз профессия журналиста, которую тот и выбрал.

- Как у вас в стихотворении:

Жил ты или помер -

Главное, чтоб в номер

Материал успел ты передать.

- процитировал тот.

- Чтобы ты в этом не сомневался, я тебе книжечку свою подпишу, которая так и называется: «Остаюсь журналистом», - сказал

Симонов и, раскрыв книгу, начертал: «В номер - это, конечно, хорошо! Важно при этом: что и как!»

...В один из следующих приездов уже на первом томе своего собрания сочинений он оставил надпись, подтверждающую сказанное в давнем интервью: «Юре Самойлову на добрую память от товарища по профессии. К. Симонов».

Идея написания солдатских мемуаров обрела реальность. Он решил рассказать о войне словами тех, кто чудом выжил, у кого шансов на это было меньше всего - словами пехотинцев. И закономерным было обращение к полным кавалерам ордена Славы, исключительно солдатского, окрашенного кровью и потом - огненных вёрст войны. Обо всех и всё, что они пережили, он не мог рассказать, не хватило бы жизни, и он выбрал сорок фронтовиков девятнадцати национальностей, полных кавалеров этого ордена. Один из них был кисловодчанин. И в очередной свой приезд Симонов познакомился с старшиной гвардии, полным кавалером трёх орденов Славы, Иваном Михайловичем Прядкиным, попавшим в 1942 году на фронт, в восемнадцать лет командовавшим отделением автоматчиков и прошедшим без единой царапины военными дорогами от берегов Днестра до Берлина.

Они встречались несколько раз. Сначала просто разговаривали, сверяя воспоминания, добываясь той самой правды, которая не всегда бывает желанной. Но Симонов хотел именно этого. И умел разговорить собеседника, убедить поделиться потаённым. Он хотел открыть в этих обычных людях теперь мирных профессий - тот же Прядкин работал маляром - секрет, который позволил им не трусить, не прятаться за спинами остальных, не трястись за собственную жизнь и, в конце-концов, выжить и победить...

Он слушал их простые, порой не очень умелые рассказы, глядел на совсем не героические лица и всё больше понимал, в чём сила этих людей. Нет, войну выигрывают всё же не полководцы. Они лишь делают её короче. Войну выигрывают непокорные, самоотверженно любящие свою землю и своих родных, не способные быть рабами....

Сначала была написана книга «Шёл солдат...», лаконичная, даже скупая на эмоции, но несущая ту солдатскую правду, которой так не хватало теперь, спустя годы. Симонов понимал, что нельзя романтизировать войну, как делали некоторые авторы-фронтовики. Война - это тяжёлый и неблагодарный труд, пот, кровь, смерть...

Потом было решено снять фильм, и они говорили уже под кинокамеру. Он спрашивал своих собеседников: что было самым трудным на войне? Ответы были похожи и касались, как правило, непосредственно сражений. Кто считал, что самым трудным было выжить во время бомбёжки, кто вспоминал атаку...

Прядкин тоже сказал, что хуже всего - это попасть под пулёмётный огонь... Он хорошо знал, чего стоит во время боя один миг, который разделяет жизнь и смерть. В наградных документах Прядкина Симонов прочитал, что за каждым орденом Ивана Михайловича всегда стояло это разделение. В каждом представлении к награде отмечалось, сколько лично он уничтожил врагов. Но убивал гвардии сержант только тогда, когда на кону стояла собственная жизнь; если же противник поднимал руки - брал в плен. И таких тоже было немало.

Материал не уместился в одну книгу, в один телефильм, и спустя время Симонов вновь пригласил Прядкина сниматься уже в другом фильме «Пехота есть пехота». В этом фильме все герои - только пехотинцы. И разговор не столько о подвигах, сколько о судьбах. И о том, как жилось солдату на фронте, как привыкали к окопам, войне... И какими невоенными заботами жили, чтобы выжить не только в бою...

В 1976 году книгу «Шёл солдат» он прислал Прядкину с надписью: *«Дорогой Иван Михайлович! В память о нашей с Вами дружной работе над фильмом «Шёл солдат...» посылаем Вам эту книгу от имени всей нашей киногруппы. К. Симонов».*

ПРИМЕЧАНИЯ

«Я ждал беспечно лучших дней»

Александр Сергеевич Пушкин

Пушкин Александр Сергеевич (1799-1837) - русский поэт. Родился 6 июня 1799 года в Москве. Первое серьезное признание своего таланта Пушкин получил в стенах Лицея, талант Пушкина оценили его учителя В.А. Жуковский, К.Н. Батюшков, П.А. Вяземский.

В 1817 году заканчивает Царскосельский лицей и начинает работу в Коллегии иностранных дел в должности коллежского секретаря. Вступает в литературное общество «Зеленая лампа», имеющее связи с тайными организациями, разрабатывающими проекты переустройства общества. В это время он пишет такие стихотворения, как «К Чаадаеву» (1818), «Вольность» (1818), «Деревня» (1819), а также работает над поэмой «Руслан и Людмила», которую заканчивает и публикует в 1820 году.

В 1820 году Пушкина вызывают к генерал-губернатору Петербурга для объяснения политических мотивов его стихотворений. От ссылки в Сибирь его спасают Карамзин, Чаадаев, Глинка, и в результате наказание заменено переводом Пушкина на службу в Екатеринослав (ныне - Днепропетровск). Пушкин заболевает, и ему для поправки здоровья разрешают поездки на Кавказ и в Крым. В том же году он получает новое назначение по службе в Кишинев. В 1822 году издается «южная поэма» Пушкина «Кавказский пленник», принесшая автору славу. В 1823 году в Кишиневе Пушкин начинает роман «Евгений Онегин». В этом же году его переводят в Одессу. Он просит об отставке. Летом 1824 года его отстраняют от службы и направляют в Михайловское под надзор отца.

Влюбляется в восемнадцатилетнюю московскую красавицу Наталью Николаевну Гончарову, согласие на брак он получает после второй попытки сватовства и отправляется в имение отца Болдино, чтобы вступить в права владения им.

В 1831 году Пушкин обвенчался с Гончаровой и переехал в Петербург. В этом же году он работает в архивах, собирает материалы о Петре I, а также поступает на государственную службу на должность историографа.

Осенью 1833 года поэт уезжает в Болдино (вторая Болдинская осень) и начинает писать «Пиковую даму», заканчивает «Историю Пугачева» и «Медный всадник». В мае 1834 года за ним установлена слежка, письма его прочитываются. Он подает в отставку, которую Николай I воспринимает как вызов.

В 1837 году назревает серьезный конфликт Пушкина и Дантеса, ухаживавшего за женой Александра Сергеевича. Первую дуэль между ними удалось предотвратить благодаря вмешательству друзей, но вторая дуэль состоялась 8 февраля 1837 года, Пушкин был смертельно ранен и через два дня скончался.

¹ **Дорохов Руфин Иванович** (1801-1852) - сын героя Отечественной войны 1812 года генерал-лейтенанта И.С. Дорохова. Участник Кавказской войны. Был знаком с А.С. Пушкиным, сослуживец и друг М.Ю. Лермонтова.

² **Пушкин Михаил Иванович** (1800-1869) - брат лицейского друга А.С. Пушкина, Ивана Ивановича Пушкина, декабриста. М.И. Пушкин - капитан, командир лейб-гвардейского Конно-пионерного эскадрона, затем поручик. В «Путешествии в Арзрум во время похода 1829 года» А.С. Пушкина упоминается, что М.И. Пушкин встречался с А.С. Пушкиным и Р.И. Дороховым во Владикавказе.

³ **Потоцкий Н.Б.** (род. в 1819) - спутник А.С. Пушкина во время поездки на Кавказ в Арзрум (1829). Встретился с поэтом в ст. Екатериноградской. Спустя полвека написал мемуары под названием «Встречи с Александром Сергеевичем Пушкиным в 1824 и 1829 годах».

⁴ **Гончарова Наталья Николаевна** (1812-1863) - супруга А.С. Пушкина. Пушкин встретил Наталью Гончарову в декабре 1828 года на балу танцмейстера Йогеля. В апреле 1829 года просил ее руки через Толстого-Американца. Ответ матери Гончаровой был неопределенным: дочь слишком молода. Но окончательного отказа не было. Пушкин уехал на Кавказ. Наконец 6 апреля 1830 года согласие на брак было получено. 18 февраля (2 марта) 1831 года состоялось венчание в московской церкви Большого Вознесения у Никитских ворот.

*Гончарова
Наталья Николаевна*

Раевская Мария

*Раевский Николай
(младший)*

⁵ **Раевские:** Николай Николаевич-старший (1771-1829) - русский полководец, герой Отечественной войны 1812 года, генерал от кавалерии. Борьба за батарею Раевского явилась одним из ключевых эпизодов Бородинского сражения. Дружбой с Раевским гордился Пушкин. Николай Николаевич Раевский женился в 1794 году на Софье Алексеевне Константиновой (1769-1844). У Николая Николаевича и Софьи Алексеевны родились двое сыновей и пять дочерей: Александр (1795-1868), полковник, камергер; Екатерина (1797-1885) - фрейлина; Николай (Раевский-младший) (1801-1843) - основатель Новороссийска, Софья - умерла во младенчестве; Елена (1803-1852) - фрейлина; Мария (1805-1863) - вышла замуж за декабриста С.Г. Волконского; Софья (1806-1883) - фрейлина.

⁶ **Астафьев Владимир Васильевич** - офицер Павловского пехотного полка, которому, по свидетельству М.И. Пушкина, А.С. Пушкин проиграл в карты тысячу рублей в августе 1829 года в период нахождения на Кавминводах.

⁷ **Волконский Сергей Григорьевич** (1788-1865) - герой Отечественной войны 1812 года, декабрист. Единственный генерал действительной службы, принявший непосредственное участие в движении декабристов. 5 января 1826 года арестован по делу о восстании Черниговского пехотного полка, привезен в Петербург и заключен в Петропавловскую крепость. Осужден, лишен чинов и дворянства. 10 июня 1826 года приговорен был к «отсечению головы», но по Высочайшей конфирмации от 10 июля 1826 года смертный приговор был заменен на 20 лет каторжных работ в Сибири.

⁸ **Юзевович Михаил Владимирович** (1802-1889) - поэт, председатель Киевской археологической комиссии, член Императорского географического общества. Во время турецкой войны в 1828 - 1829 гг. находился в чине поручика при графе Паскевиче, затем - адъютант Н.Н. Раевского (младшего). Был знаком с А.С. Грибоедовым, А.С. Пушкиным, Д.В. Давыдовым.

⁹ **Рудыковский Евстафий Петрович** (1784-1851) - лекарь Томского пехотного полка, участник Отечественной войны 1812 года и заграничных по-

ходов. Сопровождал семью Раевских и больного лихорадкой А.С. Пушкина на Кавказские Минеральные Воды, обещая в дороге «не уморить» его... Поэт шутил назвал Рудыковского лейб-медиком.

¹⁰ **Мерлини Станислав Демьянович (1775-1833)** - генерал, комендант Кисловодской крепости. Мерлини С.Д. довелось встречать гроб с телом Грибоедова на русско-персидской границе в Аббас-Абаде, направлявшийся из Тегерана в Тифлис (1829).

¹¹ **Шереметев Петр Васильевич (1799-1837)** - чиновник дипломатической службы при посольстве в Париже (1827), поручик кавалергардского полка.

¹² **Дуров Василий Андреевич (1799-1860)** - служил городничим в Сарапуле. По словам Пушкина, это был человек изумительной храбрости и самых диких прожектов на предмет того, как разбогатеть.

*«Занятно увидеть эти воды
изображёнными в романе...»*

Денис Васильевич Давыдов

Давыдов Денис Васильевич (1784-1839) - русский поэт, наиболее яркий представитель «гусарской поэзии», мемуарист, генерал-лейтенант. Один из командиров партизанского движения во время Отечественной войны 1812 года.

Родился в семье бригадира Василия Денисовича Давыдова, служившего под командованием А.В. Суворова. Денис рано приобщился к военному делу, хорошо выучился верховой езде. Но его постоянно мучила его невзрачная внешность: маленький рост (в отца, который был заметно ниже матери) и маленький курносый нос «пуговкой».

В 1801 году Давыдов поступил на службу в Кавалергардский полк, находившийся в Петербурге. Сначала дежурный офицер наотрез отказался его принять из-за его маленького роста. Тем не менее, Денис добился, чтобы его приняли.

Из-за сатирических стихов последовал перевод Дениса из гвардии в Белорусский гусарский полк.

В ноябре 1806 года Давыдов ночью проник к фельдмаршалу М.Ф. Каменскому, назначенному в это время главнокомандующим русской армии, и потребовал отправить его на фронт.

Слава об отчаянном гусаре дошла до Марии Антоновны Нарышкиной, фаворитки государя. И она помогла ему в его желании воевать.

В начале 1807 года он был назначен адъютантом к генералу П.И. Багратиону.

Участвовал в боях с французами. Получил орден Святого Владимира IV степени, бурку от Багратиона и трофейную лошадь.

По представлению генерала Багратиона 8 апреля 1812 г. Давыдов был произведён в подполковники и назначен командиром 1-го батальона Ахтырского гусарского полка.

С первых дней войны 1812 года Давыдов принял участие в столкновениях с неприятелем.

21 августа 1812 года возле деревни Бородино, где вырос Давыдов и где уже торопливо разбирали родительский дом на фортификационные укрепления, за пять дней до великого сражения Денис Васильевич и предложил Багратиону идею собственного партизанского отряда.

Логика была простая: Наполеон надеялся победить Россию за двадцать дней - на столько и взял с собой провианта. И если отбирать обозы, фураж и ломать мосты, то это создаст ему большие проблемы.

Приказ Багратиона о создании летучего партизанского отряда был одним из его последних перед Бородинским сражением, где он был смертельно ранен.

Сразу же по завершению боя за Шевардинский редут отряд Давыдова отделился от действующей армии и отправился в рейд по тылам французской армии.

В первую же ночь отряд Давыдова попал в засаду, устроенную крестьянами, и Денис чуть не погиб. Крестьяне плохо разбирались в деталях военной формы, которая у французов и у русских была похожей. Тем более, офицеры говорили, как правило, по-французски. После этого Давыдов надел мужицкий кафтан и отпустил бороду.

На оккупированной неприятелем территории Давыдов с радостью обнаружил «общее и добровольное ополчение поселян». Давыдов вооружал крестьян отобранным у врага оружием и нередко действовал совместно с ними.

Быстрые его успехи убедили Кутузова в целесообразности партизанской войны, и он не замедлил дать ей более широкое развитие и постоянно присылал подкрепления. Наполеон ненавидел Давыдова и приказал при аресте расстрелять его на месте.

24 декабря 1812 года Денис Давыдов получил повеление соединиться с корпусом Дохтурова, на этом для него партизанская война закончилась.

Наградными за кампанию 1812 года Денису Давыдову стали ордена Св. Владимира 3-й степени и Св. Георгия 4-й степени.

С переходом в Германию, Давыдов со своей партией шёл впереди корпуса генерал-адъютанта Винценгероде. Но в сущности это был уже не партизанский отряд, а авангард передового корпуса.

За отличие в сражении под Ла-Ротьером, когда под Давыдовым было убито пять лошадей, но он вместе со своими кавалеристами всё же прорвался сквозь гусар бригады Жакино к французской артиллерийской батарее и, изрубив прислугу, решил исход сражения, он 20 января 1814 года был произведён в генерал-майоры, но из-за путаницы в рапортах получил этот чин лишь 21 декабря 1815 г. (со старшинством от 20 января 1814 г.)

После взятия Парижа Ахтырский полк находился в местечке Аррас. Осмотрев полк, Д.В. Давыдов, тогдашний командир полка, нашёл внешний вид своих гусар довольно плачевным. Мундиры за время боевых действий изрядно обносились. Полк был расквартирован вблизи женского Капуцинского монастыря, монахини которого носили рясы «полкового» цвета, то есть коричневые. По приказу Давыдова с монастырского склада было изъято всё сукно, необходимое для пошива новых мундиров. На параде ахтырцы выглядели блестяще и произвели впечатление на Императора. После этого Александр I своим Указом повелел ахтырским гусарам на вечные времена носить коричневые мундиры.

После Отечественной войны 1812 года Дениса Давыдова отправили командовать драгунской бригадой, которая стояла под Киевом. Как всякий гусар, Денис драгун презирал. Затем ему сообщили, что чин генерал-майора ему присвоен по ошибке, и он полковник. И в довершение всего, полковника Давыдова переводят служить в Орловскую губернию командиром конно-егерской бригады. Это стало последней каплей, так как он должен был лишиться своих гусарских усов, своей гордости. Егерям усы не полагались. Он написал письмо царю, что выполнить приказ не может из-за усов. Денис ждал отставки и опалы, но царь, когда ему докладывали, был в хорошем расположении духа: «Ну что ж! Пусть остаётся гусаром». И назначил Дениса в гусарский полк с возвращением чина генерал-майора.

Служба в пехоте угнетает гусара Давыдова, он называет её «душной тюрьмой» и большую часть времени занят своими записками и книгами. 17 марта 1820 года Давыдов освобождён от всех должностей и определён «состоять по кавалерии», т. е. в резерве.

Удалившись от военных дел, Денис Васильевич целиком отдаётся написанию партизанского дневника «под звуки мирных сельских работ».

В сентябре 1826 года Давыдов уже сражается на Кавказе. В 1827 году с успехом действует против персов.

¹ **Ермолов Алексей Петрович (1777-1861)** - русский военачальник, государственный деятель и дипломат, участник многих крупных войн, которые Российская империя вела с 1790-х по 1820-е. Генерал от инфантерии (1818), генерал от артиллерии (1837). Главноуправляющий гражданской частью и пограничными делами в Грузии, Астраханской и Кавказской губерниях; командующий Отдельным Грузинским корпусом (1816-1827).

Алексей Петрович Ермолов

² **Грибоедов Александр Сергеевич** (1795-1829) - русский дипломат, поэт, драматург, пианист и композитор.

Грибоедов известен благодаря блестяще рифмованной пьесе «Горе от ума» (1824), которую до сих пор весьма часто ставят в театрах России. Она послужила источником многочисленных крылатых фраз.

³ **Вальтер Скотт** (англ. *Walter Scott*) (1771-1832) - шотландский прозаик, поэт, историк. Основоположник исторического романа. «Сент-Ронанские воды» - исторический роман, опубликованный в 1823 году. Место действия - целебный источник.

⁴ **Пушкин Александр Сергеевич** (см. примечание к новелле «Я ждал беспечно лучших дней»)

⁵ **Боратынский Евгений Абрамович** (1800-1844) - поэт, переводчик.

⁶ **Вяземский Пётр Андреевич** (1792-1878) - поэт, критик, историк, переводчик. Сооснователь и первый председатель Русского исторического общества. Близкий друг А.С. Пушкина.

⁷ **Языков Николай Михайлович** (1803-1846) - поэт эпохи романтизма.

Тайный визит

Александр Александрович
Бестужев

Бестужев Александр Александрович (1797-1837) - писатель, критик, публицист, декабрист. Публиковался под псевдонимом «Марлинский».

За участие в заговоре декабристов в 1825 году был сослан в Якутск. После ссылки в Якутск переведен на Кавказ рядовым с правом выслуги. Белинский признал за статьями Бестужева «неотъемлемую и важную заслугу русской литературе и литературному образованию русского общества», прибавив к этому, что тот «был первый, сказавший в нашей литературе много нового».

С 1830 года, сначала без имени, а потом под псевдонимом «Марлинский» появляются его повести и рассказы («Испытание», «Наезды», «Лейтенант Белозор», «Страшное гадание», «Аммалат-бек», «Фрегат Надежда» и пр.).

В 30-х годах Марлинского называли «Пушкиным прозы», гением первого разряда, не имеющим соперников в литературе... Русская публика, действительно, ничего лучшего еще не читала (повести Пушкина и Гоголя явились позже).

Участвуя во многих сражениях, он получил чин унтер-офицера и георгиевский крест, а затем был произведен в прапорщики. Погиб в стычке с горцами, в лесу, на мысе Адлер; тело его не найдено.

¹ **Рылеев Кондратий Фёдорович** (1795-1826) - поэт, общественный деятель, декабрист, один из пяти казнённых руководителей Декабристского восстания 1825 года.

В 1820 году написал знаменитую сатирическую оду «К временщику»; 25 апреля 1821 года вошел в «Вольное общество любителей русской словесности». В 1823-1825 годах Рылеев совместно с Александром Бестужевым выпускал ежегодный альманах «Полярная звезда». Состоял в петербургской масонской ложе «К пламенеющей звезде».

В 1823 году стал членом Северного общества декабристов, возглавив затем его наиболее радикальное крыло.

Был одним из организаторов восстания 14 (26) декабря 1825 г.

Рылеев казнён через повешение 13 (25) июля 1826 года в Петропавловской крепости вместе с П.И. Пестелем, С.И. Муравьевым-Апостолом, М.П. Бестужевым-Рюминым, П.Г. Каховским. Его последними словами на эшафоте, обращенными к священнику П.Н. Мысловскому были: «Батюшка, помолитесь за наши грешные души, не забудьте моей жены и благословите дочь». Рылеев был одним из тех, чья веревка оборвалась. Он провалился внутрь эшафота и спустя некоторое время был повешен повторно. По некоторым источникам, именно Рылеев сказал перед своей повторной казнью: «Несчастливая страна, где они даже не знают, как тебя повесить» (иногда эти слова приписываются П.И. Пестелю или С.И. Муравьеву-Апостолу).

² **Василий Андреевич Жуковский** (1783-1852) - поэт, один из основоположников романтизма в русской поэзии.

В 1817-1841 годах учитель русского языка великой княгини, а затем императрицы Александры Фёдоровны и наставник цесаревича Александра Николаевича. Автор слов государственного гимна Российской империи «Боже, Царя храни!»

Литературный наставник А.С. Пушкина.

³ **Гнедич Николай Иванович** (1784-1833) - русский поэт, переводчик. Известен переводами Ф. Шиллера, У. Шекспира, Вольтера. В 1829 году опубликовал перевод «Илиады» Гомера.

⁴ **Иван Андреевич Крылов** (1769-1844) - публицист, поэт, баснописец, издатель сатирико-просветительских журналов. Более известен как автор 236 басен, собранных в девять прижизненных сборников (выходили с 1809 по 1843 г.)

⁵ **Дельвиг Антон Антонович** (1798-1831) - поэт, издатель.

В 1811 году Дельвиг поступил в Царскосельский лицей. Он рано начал писать стихи и уже в 1814 году появился в печати, в «Вестнике Европы» («На взятие Парижа» - за подписью Русский).

В 1825-1830 годах вместе с О.М. Сомовым выпустил семь книжек альманаха «Северные цветы» и альманах «Подснежник» на 1829 год, а с 1830 года предпринял издание «Литературной газеты», которое продолжалось после его смерти.

Уже при жизни поэта его стихи перелажались на музыку Даргомыжским, Варламовым, Глинкой, Алябьевым. Самым известным его произведением стал

романс «Соловей», посвящённый Александру Пушкину и положенный на музыку А. Алябьевым, дополненный вариациями М. Глинки.

⁶ **Боратынский Евгений Абрамович** (см. примечание к новелле «Занятно увидеть эти воды, изображёнными в романе...»).

⁷ **Батюшков Константин Николаевич** (1788-1855) - русский поэт.

⁸ **Пушкин Александр Сергеевич** (см. примечание к новелле «Я ждал беспечно лучших дней»).

⁹ **Грибоедов Александр Сергеевич** (см. примечание к новелле «Занятно увидеть эти воды, изображёнными в романе...»).

¹⁰ **Гомер** - легендарный древнегреческий поэт, создатель эпических поэм «Илиада» и «Одиссея».

¹¹ **Шекспир Уильям** (1564-1616) - английский поэт и драматург.

¹² **Мольер (Жан-Батист Поклен)** (1622-1673) - французский комедиограф, создатель классической комедии.

¹³ **Торквато Тассо** (1544-1595) - итальянский поэт.

¹⁴ **Вольтер Франсуа-Мари Аруэ** (1694-1778) - французский философ-просветитель, поэт, историк, публицист.

*Михаил Александрович
Бестужев*

¹⁵ **Бестужев Михаил Александрович** (1800-1871) - штабс-капитан лейб-гвардии Московского полка, декабрист, писатель.

В 1812 году поступил в Морской кадетский корпус. В 1814 году произведен в гардемарины. С 1817 года - мичман, а с 1822 года - лейтенант. В марте 1825 года переведён в лейб-гвардии Московский полк в звании поручика. С мая 1825 года - штабс-капитан.

В 1824 году принят К.П. Торсоном в Северное общество. Вывел на Сенатскую площадь 3-ю роту Московского полка.

Арестован 14 декабря 1825 года на Сенатской площади. 18 декабря 1825 года заключен в Петропавловскую крепость.

Осужден по II разряду и 10 июля 1826 года приговорён к каторжным работам навечно.

8 ноября 1832 года срок каторги был сокращен до 15 лет, а 14 декабря 1835 года - до 13 лет.

В Селенгинской ссылке Михаил Бестужев женился на сестре казачьего есаула Селиванова - Марии Николаевне (ум. 1876). Имели четверых детей: Елену (1854-1867), Николая (1856-1863), Марию (1860-1873), Александра (1863-1876). Построил дом, занимался сельским хозяйством, акклиматизацией растений. Печатался в забайкальской газете «Кяхтинский листок». Сконструировал и производил в своей мастерской конный экипаж, который в Забайкалье называли «сидейка».

В Селенгинске братья Михаил и Николай Бестужевы близко сошлись с главой буддистов Хамбо-ламой Дампилом Гомбоевым. Михаил написал трактат о буддизме, основанный на «Буддийской космологии». Сочинение было передано на хранение кяхтинскому купцу А.М. Лушникову, поместившему его в сундук с завещанием вскрыть его в 1851 году. Однако сундук потерялся.

Из-под пера Михаила Бестужева вышли несколько повестей и воспоминаний об истории движения декабристов.

После амнистии, последовавшей 26 августа 1856 года, Михаил Бестужев остался в Селенгинске.

В 1857 году участвуя в третьем сплаве по Амуру до Николаевска, руководил флотилией из 40 барж и плотов.

22 апреля 1862 года Бестужеву было разрешено постоянно проживать в Москве.

21 ноября 1863 года Михаил Александрович похоронил на Посадском кладбище на берегу Селенги своего сына Николая. 7 декабря 1866 года здесь же упокоилась и его жена Мария Николаевна.

Выехал из Селенгинска в июне 1867 года. Жил в Москве.

Умер от холеры в Москве в 1871 году.

¹⁶ **Бестужев Николай Александрович (1791-1855)** - капитан-лейтенант, декабрист, историограф флота, писатель, критик, изобретатель, художник.

12 декабря 1824 года произведен в капитан-лейтенанты. С июля 1825 года - директор Адмиралтейского музея, за что получил от друзей прозвище «Мумия».

В 1824 году принят в Северное тайное общество К.Ф. Рылеевым. Н.А. Бестужев - автор проекта «Манифест к русскому народу». Вывел на Сенатскую площадь Гвардейский экипаж.

Николай Александрович Бестужев

Арестован 16 декабря 1825 года, в тот же день отправлен в Петропавловскую крепость.

Осужден по II разряду; 10 июля 1826 года приговорен к пожизненной каторге.

8 ноября 1832 года срок каторги был сокращен до 15 лет, а 14 декабря 1835 года - до 13 лет.

На каторге и поселении в Селенгинске занимался сапожным, ювелирным, токарным и часовым делом. Разработал новую конструкцию высокоточного хронометра совершенно оригинальной системы, секрет которой унес в могилу.

Во время Крымской войны работал над конструкцией ружейного замка, создал «бестужевскую печь».

Проводил метеорологические, сейсмические и астрономические наблюдения. Выращивал табак и арбузы, пытался организовать тонкорунное овцеводство. Описал Гусиноозёрское месторождение каменного угля.

Проводил исследования по этнографии и археологии, собирал бурятские песни и сказки. Открыл следы оросительных систем у первых земледельцев Забайкалья, петроглифы на берегах Селенги.

В 1841 году приехал в Иркутск, где пробыл почти год, написав 72 портрета.

Жил в гражданском браке с буряткой Дулмой Сабилаевой. Имел от нее двух детей: Алексея Старцева (1838-1900) и Екатерину (в замужестве Гомбоева, умерла в 1929 или 1930 году в Харбине в возрасте 90 лет).

Николай Александрович умер 15 мая 1855 года в Селенгинске.

¹⁷ **Бестужев Пётр Александрович** (1803-1840) - декабрист. Участник восстания 14 декабря 1825 года на Сенатской площади.

В 1825 году - мичман, адъютант командира Кронштадтского порта и военного губернатора Кронштадта.

Братом Александром в 1825 году был принят в члены Северного общества.

Осужден по XI разряду и разжалован в солдаты.

В 1826-1827 годах - участник русско-персидской войны. 21 мая 1828 года произведен в унтер-офицеры. Был ранен при штурме крепости Ахалдих.

В мае 1832 года уволен «за ранами» от службы (в действительности заболел тяжелой психической болезнью) и отдан под опеку матери, П.М. Бестужевой, с воспреещением въезда в столицы.

В 1840 году П.А. Бестужев был помещен в больницу «Всех скорбящих» на Петергофской дороге, где и умер 22 августа.

¹⁸ **Алексей Фёдорович Ребров (1776-1862).**

Занимался опытным сельским хозяйством. Был другом генерала А.П. Ермолова, который называл его «живым архивом истории края». По поручению генерала занимался созданием казачьих станиц на КМВ. К 1826 г. выстроил большую усадьбу с садом близ Нарзана. Считался самым гостеприимным хозяином в Кисловодске. В его доме жили А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, видные военачальники и кавказские наместники, а также многие известные россияне, посещавшие Кислые Воды в 1860 годах. Лермонтов описал ребровский дом как «дом княжны Мери». В сентябре 1850 г. этот дом посетил будущий император Александр II.

Алексей Фёдорович Ребров

Считается первым краеведом КМВ. В память о нем большая балка Кисловодска стала именоваться Ребровой. Одна из улиц этого района называлась Ребровской.

Долгое лето

Виссарион Григорьевич Белинский (1811-1848) - русский критик и публицист. Родился 11 июня (по старому стилю - 30 мая) 1811 года в крепости Свеаборг (Финляндия), в семье флотского врача, а позднее - уездного лекаря. Дедом его был священник, отец Никифор, по семейным преданиям, праведник-аскет и подвижник. В 1816 году семья переехала в город Чембар (ныне Белинский) Пензенской губернии. В 1820 году поступил в уездное училище, а с 1825 учился в пензенской гимназии. Не кончив учения в гимназии, в 1828 году решил поступить в Московский университет. В 1829 году стал студентом Московского университета, поступив на словесный факультет.

Виссарион Григорьевич Белинский

В конце 1830 года, когда в Москве свирепствовала холера, в университете был карантин. Этим временем невольного отдыха Белинский воспользовался для того, чтобы закончить трагедию «Дмитрий Калинин», и представил в университетскую цензуру для напечатания, где оно «признано было безнравственным, бесчестящим университет». Это так потрясло Белинского, что он в тот же день слег в больницу. В сентябре 1832 года он был исключен из университета под предлогом «слабого здоровья и ограниченности способностей».

В 1833 году стал сотрудником журнала «Телескоп».

Осенью 1836 года в «Телескопе» было помещено знаменитое «Философическое письмо» Чаадаева, за что журнал был закрыт, а Белинский подвергнут обыску. С весны 1838 года ему удалось вернуться к журнальной работе: его друзья стали издавать журнал «Московский наблюдатель», в котором Белинскому пришлось играть роль не только литературного критика, но и редактора.

С конца 1836 года Белинский бедствовал. Неудачная любовь к Александре Бакуниной привела к тому, что еще зимой 1836 года он чувствовал себя

совершенно опустившимся, и, чтобы заглушить тяжелые чувства, «предавался чувственности». Такая жизнь довела его до болезни, и весной 1837 года ему пришлось ехать лечиться на Кавказ на средства друзей. В конце 1839 года он решил на переезд из Москвы в Петербург, где предстояла работа в «Отечественных записках», продолжавшаяся до начала 1846 года. Это время было расцветом критической деятельности Белинского и расцветом «Отечественных записок». Среди произведений - статьи, рецензии, драма: «Дмитрий Калинин» (1832, драма), «О русской повести и повестях г. Гоголя» («Арабески» и «Миргород») (1835, статья), «Ничто ни о чем» (1835), «Стихотворения В. Бенедиктова» (1835), «Гамлет. Драма Шекспира. Мочалов в роли Гамлета» (1838, цикл статей), «Соч. в стихах и прозе Д. Давыдова», «Герой нашего времени». Соч. М. Лермонтова...» (1840), «Стихотворения

М. Лермонтова...» (1841), «Взгляд на русскую литературу 1846 года», «Н.А. Полевой» (1846), «Взгляд на русскую литературу 1847 года», «Ответ В. Белинского (Гоголю)» (1847).

Обострялась болезнь - чахотка, которой Белинский был болен еще в Москве. Московские друзья устроили ему поездку по России с мая по октябрь: знаменитый актер Щепкин собирался на гастроли по России, и Белинский отправился с ним. В начале 1847 года доктора стали снова посылать его на Воды, в Силезию, и снова средства для поездки собрали друзья. Белинский умер от чахотки 7 июня (по старому стилю - 26 мая) 1848 года в Петербурге.

¹ **Бакунин Михаил Александрович** (1814-1876) - русский мыслитель и революционер из рода Бакуниных, один из теоретиков анархизма, народничества.

² **Надеждин Николай Иванович** (1804-1856) - русский учёный, критик, философ и журналист. Издатель «Журнала современного просвещения», «Телескоп», «Газеты мод и новостей», «Молва» (1831 - 1836 гг.)

³ **Чаадаев Петр Яковлевич** (1794-1856) - русский мыслитель и публицист. Участник Отечественной войны 1812 года, декабрист. В 1823 - 1826 гг. находился за границей. Высказывал критическое отношение к русской истории, самодержавию, крепостничеству, православной религии. За публикацию одного из его писем журнал «Телескоп» был закрыт (1836), а сам Чаадаев объявлен сумасшедшим.

*Михаил Александрович
Бакунин*

⁴ **Нащокин Павел Воинович (1801-1854)** - русский меценат, коллекционер. Ближайший друг А.С. Пушкина.

⁵ **Пушкин Александр Сергеевич** (см. примечание к новелле «Я ждал беспечно лучших дней»).

⁶ **Боткин Василий Петрович (1811-1869)** - русский писатель, критик, в молодости - член кружка Н.В. Станкевича, друг В.Г. Белинского и А.И. Герцена. Автор литературно-критических и искусствоведческих статей.

⁷ **Ефремов Александр Павлович (1815-1876)** - преподаватель географии в Московском университете, действительный член Русского географического общества.

⁸ **Станкевич Николай Владимирович (1813-1840)** - писатель, поэт, публицист. Организатор и глава круга единомышленников, известного как «Кружок Станкевича».

Иван Сергеевич Тургенев

⁹ **Тургенев Иван Сергеевич (1818-1883)** - русский писатель, родился в городе Орле в дворянской семье.

Первое образование получено в имении Спасском-Лутовинове. Затем обучение в частных пансионах Москвы, после чего - в Московском университете. Не окончив его, Тургенев перевелся на философский факультет Петербургского университета. Также учился за границей, после чего путешествовал по Европе. В мае 1838 года Тургенев отправляется в Германию. Катастрофа парохода «Николай I», на котором плыв Тургенев, будет описана им в очерке «Пожар на море» (1883; на французском языке). До августа 1839

года Тургенев живет в Берлине, слушает лекции в университете, занимается классическими языками, пишет стихи, общается с Т.Н. Грановским, Н.В. Станкевичем. После короткого пребывания в России в январе 1840 года отправляется в Италию. В январе 1843 года Тургенев поступает на службу в Министерство внутренних дел. В 1843 году появляется поэма на современном материале «Параша», получившая высокую оценку В.Г. Белинского. Знакомство с критиком, перешедшее в дружбу

(в 1846 году Тургенев стал крестным его сына), сближение с его окружением (в частности с Н.А. Некрасовым) изменяют его литературную ориентацию: от романтизма он обращается к иронико-правоописательной поэме («Помещик», «Андрей», обе - в 1845 г.) и прозе, близкой принципам «натуральной школы» и не чуждой влиянию М.Ю. Лермонтова. Под влиянием Белинского создаются, печатаются новые стихотворения Тургенева, поэмы, повести.

1 ноября 1843 года Тургенев знакомится с певицей Полиной Виардо (Виардо-Гарсия), любовь к которой во многом определит внешнее течение его жизни. В мае 1845 года Тургенев выходит в отставку. С начала 1847 по июнь 1850 года он живет за границей (в Германии, Франции; Тургенев - свидетель французской революции 1848 года): опекает больного Белинского во время его путешествия; тесно общается с П.В. Анненковым, А.И. Герценом, знакомится с Ж. Санд, П. Мери-ме, А. де Мюссе, Ф. Шопеном, Ш. Гуно; пишет повести «Петушков» (1848), «Дневник лишнего человека» (1850), комедии «Холостяк» (1849), «Где тонко, там и рвется», «Провинциалка» (обе 1851), психологическую драму «Месяц в деревне» (1855). В 1852 году публикуется книга Тургенева «Записки охотника».

В апреле 1852 года за отклик на смерть Н.В. Гоголя, запрещенный в Петербурге и опубликованный в Москве, Тургенев по высочайшему повелению посажен на съезжую (там был написан рассказ «Муму»). В мае выслан в Спасское, где живет до декабря 1853 года (работа над неоконченным романом, повестью «Два приятеля», знакомство с А.А. Фетом, активная переписка с С.Т. Аксаковым и литераторами из круга «Современника»); в хлопотах об освобождении Тургенева важную роль сыграл А.К. Толстой. До июля 1856 года Тургенев живет в России: зимой по преимуществу в Петербурге, летом - в Спасском. Его ближайшая среда - редакция «Современника»; состоялись знакомства с И.А. Гончаровым, Л.Н. Толстым и А.Н. Островским; Тургенев принимает участие в издании «Стихотворений» Ф.И. Тютчева (1854) и снабжает его предисловием. Происходит взаимное охлаждение с Полиной Виардо.

Роман Тургенева «Отцы и дети» создается в имении в Спасском (1962). Проза Тургенева охватывает множество тематик. К одним из самых знаменитых рассказов Тургенева относятся «Муму», «Бежин луг» (и другие из серии записок Тургенева), «Ася», романов - «Накануне», «Дворянское гнездо», «Отцы и дети».

¹⁰ **Сухоруков Василий Дмитриевич** (1795-1841) - российский историк, офицер, участник Русско-турецкой войны 1828-1829 гг.

¹¹ **Рылеев Кондратий Фёдорович** (см. примечание к новелле «Тайный визит»).

¹² **Бестужев Александр Александрович** (см. примечание к новелле «Тайный визит»).

¹³ **Пушкин Лев Сергеевич** (1805 - 1852) - младший брат поэта А.С. Пушкина и его литературный секретарь. В 1815 году Лев поступил в Главное немецкое училище при лютеранской церкви Св. Петра, затем учился в Пансионе при Царскосельском лицее, далее - в Благородном пансионе при Главном педагогическом институте в Петербурге, где жил в одной комнате с М.И. Глинкой. Из-за участия в протесте против увольнения преподавателя словесности В.К. Кюхельбеккера, друга А.С. Пушкина, он был исключен из пансиона в 1821 году. В период ссылки А.С. Пушкина на юг России в 1820 - 1824 гг. Лев Сергеевич выполнял его многочисленные поручения, связанные с издательскими, литературными и личными делами. Обладая феноменальной памятью, Лев Сергеевич запоминал наизусть стихи и целые поэмы с одного прочтения. А.С. Пушкин - боевой офицер, участник кавказской и персидской войн, кавалер российских орденов. Был знаком с М.Ю. Лермонтовым.

*Иван Никитич
Скобелев*

¹⁴ **Скобелев Иван Никитич** (1778 или 1782-1849) - русский генерал от инфантерии. Писатель. Отец генерала Дмитрия Скобелева, дед генерала Михаила Скобелева.

¹⁵ **Селивановский Николай Семенович** (1806 - 1852) - литературный и театральный критик.

¹⁶ **Сатин Николай Михайлович** (1814 - 1873) - поэт, известен переводами Байрона и Шекспира. Учился с М.Ю. Лермонтовым в Благородном пансионе при Московском университете. В годы обучения был близок с Герценом и Огаревым, член Герценовского кружка. В 1835 году был арестован и выслан в Симбирскую губернию, затем в 1837 году переведен на Кавказ. Оставил «Воспоминания», в которых упоминает, что М.Ю. Лермонтов и В.Г. Белинский впервые встретились у него на квартире в Пятигорске в 1837 году.

¹⁷ **Лермонтов Михаил Юрьевич** (1814 - 1841) - русский поэт, писатель. Родился в Москве в ночь на 15 октября (по старому стилю - на 3 октября) 1814 года. Отец Михаила, Юрий Петрович, был пехотным капитаном в отставке. Постоянно боля, мать Лермонтова Мария умерла весной 1817, когда Мише было три года. Бабушка, Елизавета Алексеевна Арсеньева (урожденная Сто-

льпина), переехала вместе с внуком в имение Тарханы Пензенской губернии. Когда мальчику было 10 лет, его повезли на Кавказ, на воды.

В 1828 году Лермонтов поступает в Московский университетский благородный пансион, где в «Утренней Заре», одном из рукописных журналов, составившихся учениками, поместил первую поэму «Индианка». Весной 1830 года Благородный пансион преобразовывается в гимназию, и Лермонтов оставляет его, а осенью поступает в Московский университет на «нравственно-политическое отделение», где пробыл менее двух лет. Профессора срезали его на публичных экзаменах. По совету своего друга А. Столыпина он решил поступить в школу гвардейских юнкеров и подпрапорщиков, куда был зачислен 10 ноября 1832 года, «сначала унтер-офицером, потом юнкером». По выходе из школы 22 ноября 1834 года корнетом лейб-гвардии гусарского полка Лермонтов поселяется в Царском Селе.

Первое появление сочинений Лермонтова в печати относится к 1835 году, когда один из его товарищей, без его ведома, отдал повесть «Хаджи-Абрек» в «Библиотеку для чтения». Повесть имела успех. Когда разнеслась весть о смерти Пушкина в 1837 году, появилось стихотворение «На смерть поэта». И уже через несколько дней (25 февраля), по Высочайшему повелению, Лермонтов был переведен в Нижегородский драгунский полк, действовавший на Кавказе. Благодаря связям бабушки, 11 октября 1837 года его переводят в лейб-гвардии Гродненский гусарский полк, в Новгород, а 9 апреля 1838 - в свой прежний лейб-гвардии гусарский полк. Лермонтов возвращается в «большой свет».

16 февраля 1840, на балу у графини Лаваль, произошла ссора с Барантом, сыном французского посланника. В результате - дуэль, окончившаяся благополучно, но повлекшая перевод в Тенгинский пехотный полк на Кавказе.

Кавказские впечатления жизни на Водах легли в основу повести «Княжна Мэри», и тогда же им был написан прекраснейший пейзаж маслом «Вид Пятигорска». На многих рисунках и картинах Лермонтова изображены конкретные места Кавказа.

В двух походах - в Малую и Большую Чечни - Лермонтов обратил на себя внимание «расторопностью, верностью взгляда, пылким мужеством» и был представлен к награде золотой саблей «За храбрость». Но государь отклонил представление.

В январе 1841 года Лермонтов получил отпуск и уехал в Санкт-Петербург, а возвращаясь, остановился в Пятигорске, куда прибыл на лечение. Здесь

*Михаил Юрьевич
Лермонтов*

жили давние знакомые Лермонтова по Петербургу. В этой компании находил-ся и отставной майор Н.С. Мартынов. Между ними произошла роковая ссора, закончившаяся 15 (27) июля 1841 года дуэлью и гибелью Лермонтова.

Весной 1842 года прах поэта был перевезен в Тарханы, где 23 апреля 1842 года Михаил Юрьевич Лермонтов был похоронен в фамильном склепе Арсеньевых, а в 1899 году в Пятигорске был открыт памятник Лермонтову, воздвигну-тый по всероссийской подписке.

¹⁸ **Дидро Дени** (фр. *Denis Diderot*) (1713-1784) - французский писа-тель, философ-просветитель и драматург, основавший «Энциклопедию, или Тол-ковый словарь наук, искусств и ремёсел».

¹⁹ **Гегель Георг Вильгельм Фридрих** (нем. *Georg Wilhelm Friedrich Hegel*) (1770-1831) - немецкий философ, один из творцов немецкой классической философии.

²⁰ **Вольтер Франсуа-Мари Аруэ** (см. примечание к новелле «Тайный визит»).

Предчувствие

Александр Иванович Одоевский (1802-1839) - поэт-декабрист, происходил из древней княжеской фамилии. Родился в 1802 году, получил прекрасное домашнее образование. 1 октября 1821 года Одоевский поступил юнкером в лейб-гвардии конный полк, 1 мая 1822 года произведен в эстандарт-юнкера, а 23 февраля 1823 года - в корнеты. Служа в Петербурге, Одоевский сблизился с кружками передовой молодежи, но теснее всего был привязан к Грибоедову, которому приходился дальним родственником. Одоевский также был близок к Александру Бестужеву и Рылееву, при содействии которого и сделался в начале 1824 года членом тайного Северного общества.

Александр Иванович Одоевский

После восстания декабристов 14 декабря 1825 года он был приговорен к ссылке на каторжную работу на 15 лет, а по окончании - на вечное поселение в Сибири. 1 февраля 1827 года Одоевского отправили в Сибирь - в Читу. В конце 1828 года с декабристов сняли оковы, а осенью 1830 года заключенных в Чите перевели в Петровский железный завод, где была построена для них особая тюрьма. В 1832 году, по случаю рождения великого князя Михаила Николаевича, декабристам уменьшили срок работ. Одоевский, как зачисленный в 4-й разряд, освобождался теперь от каторги и переходил на поселение. В начале 1833 года он оставил Петровский острог и переведен был в село Еланское Иркутской губернии. Отец Одоевского ввиду сурового климата в Иркутской губернии ходатайствовал о дозволении сыну перейти в Тобольскую, но прошло около двух лет, прежде чем эта просьба была, наконец, удовлетворена. Летом 1836 года Одоевского перевели в Ишим. В 1837 году, по ходатайству наследника Александра Николаевича, участь декабристов была смягчена. Одоевский попал в число тех, которые переводились из Сибири на Кавказ рядовыми. Был зачислен в Нижегородский драгунский полк. Сослуживцами Одоевского по этому полку оказались Л.С. Пушкин и М.Ю. Лермонтов. Кроме Пятигорска,

Железноводска и Ставрополя он несколько раз посещал Тифлис - молился на могиле Грибоедова.

Умер он в Псезуане 15 августа 1839 года. Похоронили его у самого моря. На могиле поставили деревянный крест, окрашенный в красную краску. Вскоре укрепление перешло к горцам. Когда же оно стало опять нашим и один из друзей поэта вздумал посетить могилу его, он увидел, что она была разрыта. Так без следа исчезло место погребения Одоевского.

При жизни Одоевского напечатано было лишь одно его стихотворение («Сен-Бернар»), да и то без его ведома. Потом стихотворения Одоевского время от времени появлялись то за границей, то в России, преимущественно в исторических журналах. Только в 1883 году вышел небольшой сборник, изданный одним из оставшихся в живых друзей поэта - декабристом Розеном.

¹ **Вельяминов Алексей Александрович** (1785-1838) - генерал-лейтенант, ближайший сподвижник генерала А.П. Ермолова в Кавказской войне. Участвовал в войнах 1805 года, турецкой 1810, Отечественной и в кампаниях 1813 и 1814 гг., позже (1816 - 1827) - в разных экспедициях против кавказских горцев и в персидской войне, где отличился в бою под Елизаветполем. В 1831 году он был назначен командующим войсками Кавказской линии и начальником Кавказской области, причем с 1831 по 1838 год постоянно начальствовал экспедициями против горцев, всегда имевшими полный успех.

² **Сатин Николай Михайлович** (см. примечание к новелле «Долгое лето»).

³ **фон Засс Григорий Христофорович** (нем. *Georg Otto Ewald Freiherr von Saß*) (1797-1883) - барон, генерал от кавалерии, основатель города Армавира.

⁴ **Нарышкин Михаил Михайлович** (1798-1863) - русский офицер и декабрист, полковник.

⁵ **Лихарев Владимир Николаевич** (1803-1840) - подпоручик, декабрист. Погиб в сражении с горцами.

⁶ **Назимов Михаил Александрович** (1801-1888) - декабрист, участник Кавказской войны, мемуарист.

⁷ **Лорер Николай Иванович** (1794-1873) - участник Отечественной войны 1812, декабрист.

⁸ **Розен Андрей Евгеньевич** (1799-1884) - барон, поручик лейб-гвардейского Финляндского полка. Не являлся членом тайных обществ декабристов, но присутствовал дважды на совещаниях Северного общества накануне восстания на Сенатской площади, в котором он принял участие. Осужден на 10 лет каторги в Сибири, срок был сокращен до 6 лет. Находился в Читинском остроге вместе с Одоевским.

⁹ **Лермонтов Михаил Юрьевич** (см. примечание к новелле «Долгое лето»).

¹⁰ **Петров Павел Иванович** (1790-1871) - родственник М.Ю. Лермонтова, его дядя. В бытность поэта на Кавказе в 1837 году он был начальником Штаба войск по Кавказской линии и в Черномории. Лермонтов был с ним в близких дружеских отношениях. Находясь в Ставрополе, часто бывал в его доме, переписал для него стихотворение «Смерть поэта». В альбом его двенадцатилетнего сына Аркадия написал известное шуточное четверостишие:

*Ну что скажу тебе я спросту?
Мне не с руки хвала и лесть:
Дай бог тебе побольше росту -
Другие качества все есть.*

О чувстве уважения и симпатии Лермонтова к П.И. Петрову свидетельствует и теплое и остроумное письмо поэта к нему, написанное уже по возвращении с Кавказа:

«Любезный дядюшка Павел Иванович. Наконец, приехав в Петербург, после долгих странствований и многих плясок в Москве, я благословил, во-первых, всемогущего Аллаха, разостлал ковер отдохновения, закурил чубук удовольствия и взял в руки перо благодарности и приятных воспоминаний...»

¹¹ **Грибоедов Александр Сергеевич** (см. примечание к новелле «Занятно увидеть эти воды, изображёнными в романе...»).

¹² **Чавчавадзе Нина Александровна**, в замужестве Грибоедова (1812-1857) - грузинская княжна, дочь поэта и общественного деятеля Александра

Чавчавадзе. В замужестве за А.С. Грибоедовым находилась всего неделю. Когда тело Грибоедова прибыло в Тифлис, шестнадцатилетняя вдова, выполняя волю покойного, распорядилась предать его земле близ церкви св. Давида. Это произошло 18 июня 1829 года. По ее распоряжению, над могилой Грибоедова был установлен надгробный памятник с надписью: «Ум и дела твои бессмертны в памяти русской, но для чего пережила тебя любовь моя?»

¹³ **Безобразов Сергей Дмитриевич** (1801-1879) - боевой офицер. За Польскую войну получил золотую шпагу. По кончине цесаревича назначен 25 июня 1831 года флигель-адъютантом и в том же году произведен ротмистром. В 1834 году флигель-адъютант Безобразов был командирован на Кавказ, где был тяжело ранен и целым рядом блестящих подвигов составил себе громкое имя. Его прозвали на Кавказе «казацким Мюратом».

¹⁴ **Майер Николай Васильевич** (1806-1846) - российский врач, служивший при войсках на Кавказской линии.

Вечер в Железноводске

Николай Платонович Огарёв

Огарёв Николай Платонович (1813-1877) русский поэт, публицист, революционер, ближайший друг А.И. Герцена.

Родился в семье действительного статского советника Платона Богдановича Огарёва (1777-1838) и его супруги Елизаветы Ивановны, урождённой Баскаковой (1784-1815), которая унаследовала от дяди М.Е. Баскакова богатое село Белоомут, пожалованное ему за участие в дворцовом перевороте 1762 года.

Мать скончалась, когда Николаю ещё не было двух лет. В 1820 году Огарёвы переехали в Москву, где в возрасте 10 или 11 лет Огарёв познакомился с Сашей Герценом.

В 1827 году на Воробьёвых горах юноши принесли клятву посвятить жизнь борьбе за свободу. В сентябре 1829 Николай Огарёв поступил в Московский университет на правах вольнослушателя и посещал лекции на физико-математическом, словесном и нравственно-политическом отделениях. В 1832 перешёл на нравственно-политическое отделение, которое окончил со степенью «действительного студента». Он был одним из организаторов студенческого кружка политической направленности при Московском университете. В 1832 году по желанию отца поступил на службу в Московский главный архив.

Летом 1833 года за Огарёвым был установлен полицейский надзор, а в ночь на 10 июля 1834 года он был арестован. Благодаря влиятельным родственникам Огарёва выпустили на поруки, но 31 июля арестовали вторично из-за писем, написанных «в конституционном стиле». По приговору 31 марта 1835 года Огарёв был отправлен в ссылку в Пензенскую губернию. В 1835-1839 годы служил, отбывая ссылку, в канцелярии пензенского губернатора.

Годы с 1840 по 1846 провёл за границей, слушал курс лекций в Берлинском университете. В 1846 году поселился в своём пензенском имении, где женился на Наталье Алексеевне Тучковой, которая затем стала женой Герцена. В том же году освободил крестьян Белоомута от крестьянской зависимости. В 1850 пензен-

ский губернатор обвинил его в участии в «коммунистической секте», последовал кратковременный арест.

В 1856 Огарёв эмигрировал в Великобританию; жил в Лондоне, где вместе с Герценом возглавил Вольную русскую типографию. Был одним из инициаторов и соредактором еженедельника «Колокол». Участвовал в создании революционной организации «Земля и воля».

Огарёв - автор нескольких поэм и множества стихотворений (в основном романтических). Выступал с публицистическими произведениями (пропагандировал идеи реализма).

В 1865 году, в связи с переездом из Лондона Вольной русской типографии Огарёв поселился в Женеве. В 1873 переехал в Лондон, где через 4 года скончался. Его прах был перевезён в Москву 1 марта 1966 г. и ныне покоится на Новодевичьем кладбище.

Александр Иванович Герцен

¹ **Герцен Александр Иванович** (1812-1870) - русский писатель, философ, революционер. Окончил Московский университет в 1833 году, где возглавлял революционный кружок. Разработал теорию «русского социализма». Основоположник народничества. Выдающийся общественный деятель, издатель. Автор биографического сочинения «Былое и думы» - одного из шедевров русской классической литературы.

² **Сатин Николай Михайлович** (см. примечание к новелле «Долгое лето»).

³ **Лермонтов Михаил Юрьевич** (см. примечание к новелле «Долгое лето»).

⁴ **Белинский Виссарион Григорьевич** (см. примечание к новелле «Долгое лето»).

⁵ **Одоевский Александр Иванович** (см. примечание к новелле «Предчувствие»).

⁶ **Майер Николай Васильевич** (см. примечание к новелле «Предчувствие»).

Война и свобода...

Толстой Лев Николаевич (1828-1910) - граф, русский писатель, член-корреспондент (1873), почетный академик (1900) Петербургской Академии Наук. Родился 28 августа (9 сентября) 1828 года в усадьбе Ясная Поляна Тульской губернии. Родители Толстого принадлежали к высшей знати, но рано умерли. Опекун над детьми взяла на себя тетя Толстого, жившая в Казани. Вся семья переехала к ней. В 1844 году Лев Николаевич поступил в Казанский университет, но не закончил обучение. Осенью 1847 года уехал сначала в Москву, затем в Петербург. В 1851 году старший брат Николай, офицер действующей армии, уговорил Толстого ехать вместе на Кавказ. Толстой участвовал в военных действиях сначала добровольно, потом был принят на службу. Кавказская природа и патриархальная простота казачьей жизни дали материал для автобиографической повести «Казачья жизнь» (1852-1863). В 1854 году Толстой получил назначение в Дунайскую армию, в Бухарест. Затем он перевелся в Крымскую армию, в осажденный Севастополь, где командовал батареей, проявив редкую личную храбрость (награжден орденом св. Анны и медалями).

Лев Николаевич Толстой

В 1856 году вышел в отставку. Через некоторое время он едет за границу (Франция, Швейцария, Италия, Германия). С 1859 года Лев Николаевич активно занимается просветительской деятельностью, открыв в Ясной Поляне школу для детей крестьян, а потом способствуя открытию школ по всей округе, издавая педагогический журнал «Ясная Поляна». К этому времени Толстой уже написал трилогию «Детство. Отрочество. Юность», «Севастопольские рассказы». В 1862 году Лев Николаевич женится на Софье Андреевне Берс, дочери врача, ставшей на долгие годы его верным другом и помощником. В эти годы он работает над романом-эпосом «Война и мир» (1863-1869). В 1873 году окончил работу над «Анной Карениной».

В конце 70-х - начале 80-х годов Толстой переживает серьезный духовный кризис, пытаясь переосмыслить происходящие в обществе перемены

и определиться в своей позиции. В эти годы Толстой пишет философские сочинения, статьи, участвует в создании издательства «Посредник», занимавшегося изданием книг для простого народа, пишет повести «Смерть Ивана Ильича», «История лошади», «Крейцеров соната». В 1889-1899 годах Толстой заканчивает роман «Воскресение». Захваченный идеей нравственного усовершенствования и «опрощения» (породившей движение «толстовства»), Толстой приходит к непримиримой критике общественного устройства современных бюрократических институтов, государства, церкви (в 1901 отлучен от православной церкви).

В конце жизни Лев Николаевич окончательно решает разорвать связь с обеспеченной дворянской жизнью, занимается благотворительностью, просвещением, меняет порядки в своем имении, давая свободу крестьянам. Такая жизненная позиция стала причиной серьезных домашних конфликтов и ссор с женой, которая иначе смотрела на жизнь. Толстой не раз предпринимал попытку уйти из дома навсегда. 10 ноября 1910 года Толстой покидает свой дом в Ясной Поляне и уходит. Вскоре он заболевает воспалением легких, вынужден остановиться на станции Астапово (ныне станция Лев Толстой) и там умирает 23 ноября.

Похоронен в Ясной Поляне.

¹ **Толстой Николай Николаевич** (1823-1860) - старший брат Л.Н. Толстого. Это Николай рассказывал младшим братьям, «что у него есть тайна, посредством которой, когда она откроется, все люди сделаются счастливыми, не будет ни болезней, никаких неприятностей, никто ни на кого не будет сердиться и все будут любить друг друга... Главная тайна... написана им на зеленой палочке, и палочка эта зарыта у дороги, на краю оврага Старого Заказа...». Николай Николаевич учился на математическом факультете Московского университета, а в 1844 году закончил и Казанский университет. В 1846 году поступил на военную службу, был зачислен в артиллерийскую бригаду, отправляющуюся на Кавказ. В 1858 году вышел в отставку в чине штабс-капитана, проводил время в своем маленьком домике в Москве и в Никольском-Вяземском. В мае 1860 года отправился на лечение в Соден, в Германию, затем переехал на юг Франции, где и скончался от туберкулеза 20 сентября 1860 года в возрасте 37 лет.

² **Толстой Сергей Николаевич** (1826-1904) - старший брат Л.Н. Толстого. С.Н. Толстой в 1849 году закончил математический факультет Казанского университета, где он был учеником математика Лобачевского. В 1855-1856 гг. участвовал в войне с Турцией, в 1856 году вышел в отставку в чине штабс-

капитана. В 1876-1885 гг. был предводителем дворянства Крапивенского уезда. В 1867 году обвенчался с М.М. Шишкиной, «государственной крестьянкой из цыган», с которой состоял в гражданском браке с 1850 года. Некогда блестящий аристократ, веселый, общительный, к старости Сергей Николаевич стал раздражительным, жил уединенно в своем имении Пирогово, где и скончался 23 августа 1904 года.

³ **Алексеев Н.П.** - батарейный командир, бывший сослуживец Толстого. В период работы писателя над «Казачками», уже находясь в отставке, записал по его поручению «Песни гребенского полка, чеченские легенды».

⁴ **Бумеский Николай Иванович** (1830 - 1880) - офицер-артиллерист, сослуживец и приятель Льва Толстого на Кавказе (в станице Старогладковской). Вместе с Л.Н. Толстым, получившим отпуск, в конце апреля 1852 года приехал в Пятигорск.

⁵ **Дроздов Иван Ефремович** - доктор, помощник главного врача Пятигорского военного госпиталя, лечащий врач Л.Н. Толстого.

Мария Николаевна Толстая

⁶ **Толстая Мария Николаевна** (1830-1912) - младшая сестра Л. Толстого, училась в Казанском Родионовском пансионе для благородных девиц. В 1847 году вышла замуж за графа Валерьяна Петровича Толстого, своего троюродного брата, с которым разошлась в 1857 году. От этого брака имела четырех детей. В Пятигорске летом 1853 года Мария и Валерьян жили во флигеле усадьбы священника о. Василия Эрастова. После смерти сына Николая в 1879 году Мария Николаевна переживает период углубленных религиозных исканий. В 1888 году она посетила Оптину Пустынь, встречалась и беседовала со старцем Амвросием, в 1889 году поселилась вблизи Оптиной Пустыни, в Шамординском монастыре, а в 1891 году приняла монашеский постриг. Прожив в монастыре 21 год, она оставила там о себе самую лучшую память.

⁷ **Толстой Валерьян Петрович** (1813-1865) - граф, муж и троюродный брат Марии Николаевны Толстой, старше ее на 17 лет. В 1847 году после свадьбы супруги поселились в Покровском - имении, принадлежавшем Валерьяну,

оно находилось в 80 верстах от Ясной Поляны и в 20 верстах от Спасского-Лутовинова, имения 29-летнего Ивана Тургенева.

⁸ **Отец Василий Эрастов** - священник церкви во имя иконы Божией Матери «Всех скорбящих радость» в Пятигорске. Его дом располагался поблизости от домика Лермонтова. После роковой дуэли друзья поэта обратились с просьбой к отцу Павлу Александровскому, настоятелю Скорбященской церкви, отпеть Лермонтова. Присутствовавший при разговоре второй священник о. Василий Эрастов воспротивился этому. Между двумя священниками возник спор о законности совершения чина отпевания. Отец Павел, хотя и получил разъяснение от следственной комиссии, что смерть Лермонтова не должна быть причислена к самоубийству, лишающему умершего христианского погребения, все же не смог отпеть поэта в церкви. К тому же Эрастов активно этому противился: забрав тайком ключи от храма, он скрылся; найти его не смогли. Чтобы не вскрывать силой двери храма, А. Столыпин и самые близкие люди устроили отпевание Лермонтова на дому, что разрешено по церковным канонам. Духовенство разошлось, а через несколько часов о. Павел с причтом опять вернулся, они и сопровождали траурную процессию до кладбища. Однако о. Василий через несколько месяцев написал донос и затеял тяжбу против о. Павла, совершившего отпевание. Спустя много лет после смерти Лермонтова о. Василий Эрастов, будучи уже настоятелем храма, отказывался освятить памятник поэту в Пятигорске.

⁹ **Тургенев Иван Сергеевич** (см. примечание к новелле «Долгое лето»).

¹⁰ **Европеус Александр Иванович** (1827-1885) - русский общественный деятель, петрашевец. С осени 1848 года посещал кружок Н.С. Кашкина. По делу петрашевцев смертный приговор заменен отдачей Европеуса в солдаты без лишения дворянства.

¹¹ **Петрашевцы**, общество петрашевцев - группа молодежи, собиравшаяся во второй половине 19 века в Петербурге у М.В. Петрашевского, утопические социалисты и демократы, стремившиеся к переустройству самодержавной и крепостнической России. Стояли в самом начале процесса формирования революционно-демократического лагеря, идеологами которого в то время были В.Г. Белинский и А.И. Герцен.

¹² **Кашкин Николай Сергеевич** (1829-1914) - русский общественный деятель, петрашевец. Из дворян. Сын декабриста. С октября 1848 года у Кашкина собирался кружок петрашевцев (А.В. Ханьков, А.И. Европеус, Д.Д. Ахшарумов и др.), члены которого изучали произведения авторов утопического социализма. В апреле 1849 года арестован, лишен всех прав, состояния и отдан под суд. В 1849 году был сослан рядовым в Кавказский корпус, в 1855 произведен в офицеры. Л.Н. Толстой встречался с Кашкиным позже, в Москве, закрепляя сложившуюся на Кавказе дружбу, и был с ним, чуть ли не с единственным из знакомых, на «ты».

¹³ **Садо Мисирбиев** - друг Л.Н. Толстого, чеченец из села Старый Юрт.

Кавказская охота

*Владимир Алексеевич
Гиляровский*

Владимир Алексеевич Гиляровский (1855-1935) - русский и советский писатель, журналист, краевед Москвы.

Родился 26 ноября 1855 года в семье помощника управляющего лесным имением графа Олсуфьева в Вологодской губернии. Родители писателя были потомками запорожских казаков.

В августе 1865 года Гиляровский поступил в первый класс Вологодской гимназии и в первом же классе остался на второй год. В гимназии Владимир Алексеевич начал писать стихи и эпиграммы на учителей («пакости на наставников»), переводил стихи с французского. Во время учёбы в гимназии два года изучал цирковое искусство: акробатику, джигитовку и т. д.

В июне 1871 года после неудачного экзамена Гиляровский без паспорта и денег сбежал из дома. В Ярославле поступил работать бурлаком: 20 дней шёл с лямкой по Волге от Костромы до Рыбинска. Затем в Рыбинске работал крючником в порту. Осенью того же года поступил на службу вольноопределяющимся в Нежинский полк. В 1873 году был направлен в Московское юнкерское училище, где проучился около месяца, после был отчислен в полк за нарушение дисциплины. Службу, однако, продолжать далее не стал, написав рапорт об отставке.

После работал истопником, на белильном заводе купца Сорокина в Ярославле, пожарным, на рыбных промыслах, в Царицыне нанялся табунщиком, в Ростове-на-Дону поступил наездником в цирке. В 1875 году начал работать актёром в театре.

С началом русско-турецкой войны снова пошёл в армию вольноопределяющимся, служил на Кавказе в 161-м Александропольском полку в 12-й роте, после перешёл в охотничью команду.

Всё это время Гиляровский писал стихи, зарисовки, письма своему отцу. Отец хранил рукописи сына. Первое стихотворение Гиляровского было напечатано в Вологде в 1873 году. Гиляровский узнал об этом только в 1878 году.

Осенью 1881 года Владимир Алексеевич бросил театр и занялся литературой. Сначала он печатался в «Русской газете», а потом начал работать репортёром в газете «Московский листок». В 1883 году стал одним из учредителей Русского гимнастического общества.

В 1887 году Гиляровский подготовил для печати свою книгу «Трущобные люди». Все рассказы и очерки, вошедшие в неё, уже были однажды напечатаны в разных газетах и журналах, за исключением очерка из рабочей жизни «Обречённые». Однако книге не суждено было увидеть свет: весь тираж, ещё не сброшюрованный, в листах, был изъят ночью в ходе обыска в типографии инспектором по делам печати. Гранки набора было приказано рассыпать прямо в типографии. Цензурным комитетом книга была запрещена, и листы были сожжены в Сушевской полицейской части Москвы. Как выразился помощник начальника главного управления в ответ на прошение Гиляровского о допуске книги к печати: «Из ваших хлопот ничего не выйдет... Сплошной мрак, ни одного проблеска, никакого оправдания, только обвинение существующего порядка. Такую правду писать нельзя». Только спустя 70 лет, в 1957 году книга была опубликована издательством «Московский рабочий».

В 1894 году Гиляровский издал сборник стихов «Забывтая тетрадь». После этого Владимир Алексеевич продолжил работать репортёром в «Русских ведомостях», писал репортажи с Дона, из Албании, статьи о Русско-японской войне.

После Октябрьской революции Гиляровский пишет для газет «Известия», «Вечерняя Москва», журналов «Прожектор», «Огонёк».

В 1922 году издаёт поэму «Стенька Разин». Выходят его книги: «От Английского клуба к музею Революции» (1926), «Москва и москвичи» (1926), «Мои скитания» (1928), «Записки москвича» (1931), «Друзья и встречи» (1934). «Люди театра» напечатаны по инициативе дочери Надежды и её супруга искусствоведа Лобанова только после смерти Владимира Алексеевича - в 1941 году.

Похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

¹ **Урусбиевы** (карач.-балк. Орусбийлары) - балкарский княжеский род, давший много выдающихся деятелей балкарской национальной культуры.

«Ангел бледный»

Валерий Яковлевич Брюсов

Брюсов Валерий Яковлевич (1873-1924) - русский поэт, прозаик, драматург, переводчик. Один из основоположников русского символизма.

Будущий император символизма был по материнской линии внуком купца и поэта-баснописца Александра Яковлевича Бакулина, издавшего в 1840-х гг. сборник «Басни провинциала» (фамилией деда Брюсов подписывал некоторые свои сочинения).

В 1850-х гг. он выкупился на волю и переехал в Москву, где начал торговое дело и приобрёл дом на Цветном бульваре. В этом доме поэт жил в 1878-1910 годах.

Увлёкшись скачками, отец просадил всё состояние на тотализаторе; он заинтересовал скачками и сына, первая самостоятельная публикация которого (в журнале «Русский спорт» за 1889 год) представляет собой статью в защиту тотализатора. Родители мало занимались воспитанием Валерия, и мальчик был предоставлен самому себе; большое внимание в семье Брюсовых уделялось «принципам материализма и атеизма», поэтому Валерию строго запрещалось читать религиозную литературу («От сказок, от всякой „чертовщины“, меня усердно оберегали. Зато об идеях Дарвина и принципах материализма я узнал раньше, чем научился умножать», - вспоминал Брюсов); но при этом других ограничений на круг чтения юноши не накладывалось, поэтому среди «друзей» его ранних лет были как литература по естествознанию, так и «французские бульварные романы», книги Жюль Верна и Майн Рида и научные статьи - словом «всё, что попадалось под руку».

Уже в 13 лет Брюсов связывал своё будущее с поэзией. Самые ранние известные стихотворные опыты Брюсова относятся к 1881 году; несколько позднее появились его первые (довольно неискусные) рассказы.

В 1890-х годах Брюсов написал несколько статей о французских поэтах. Восхищаясь Верленом, в конце 1893 года он создаёт драму «Декаденты. (Конец столетия)», в которой рассказывает о недолгом счастье знаменитого француз-

ского символиста с Матильдой Моте и затрагивает взаимоотношения Верлена с Артюром Рембо.

В 1893 году Брюсов поступил на историко-филологический факультет Московского университета.

В 1895 году появился на свет первый сборник исключительно брюсовских стихов - «Chefs d'oeuvre» («Шедевры»); нападки печати вызвало уже само название сборника, не соответствовавшее, по мнению критики, содержанию сборника (самовлюбленность была характерна для Брюсова 1890-х; так, к примеру, в 1898 году поэт записал в своём дневнике: «Юность моя - юность гения. Я жил и поступал так, что оправдать моё поведение могут только великие деяния»). В предисловии к сборнику автор заявляет: «Печатаю свою книгу в наши дни, я не жду ей правильной оценки ни от критики, ни от публики. Не современникам и даже не человечеству завещаю я эту книгу, а вечности и искусству».

В стихотворениях сборника чувствуется сильное влияние Верлена.

В следующем сборнике - «Me eum esse» («Это я», 1897) Брюсов незначительно прогрессировал сравнительно с «Chefs d'oeuvre»; в «Me eum esse» автор всё ещё видится нам холодным мечтателем, отстранённым от «внешнего» мира, грязного, ничтожного, ненавидимого поэтом. Период «Chefs d'oeuvre» и «Me eum esse» сам Брюсов впоследствии называл «декадентским». Наиболее известное стихотворение «Me eum esse» - «Юному поэту»; оно и открывает собой сборник.

В юношеские годы Брюсов уже разрабатывал теорию символизма: «Новое направление в поэзии органически связано с прежними. Просто новое вино требует новых мехов», - пишет он в 1894 году молодому поэту Ф.Е. Зарину (Талину).

Во второй половине 1890-х годов Брюсов сблизился с поэтами-символистами, в частности - с К.Д. Бальмонтом стал одним из инициаторов и руководителей основанного в 1899 году С.А. Поляковым издательства «Скорпион», объединившего сторонников «нового искусства».

Организаторская роль Брюсова в русском символизме и вообще в русском модернизме очень значительна. Возглавляемые им «Весы» стали самым тщательным по отбору материала и авторитетным модернистским журналом (противостоящим эклектичным и не имевшим чёткой программы «Перевалу» и «Золотому Руну»). Брюсов оказал влияние советами и критикой на творчество очень многих младших поэтов, почти все они проходят через этап тех или иных «подражаний Брюсову». Он пользовался большим авторитетом как среди сверстников-символистов, так и среди литературной молодёжи, имел репутацию строгого безукоризненного «мэтра», творящего поэзию «мага», «жреца» культуры, и среди акмеистов (Николай Гумилёв, Зенкевич, Мандельштам), и футуристов (Пастернак, Шершеневич

и др.). Литературовед Михаил Гаспаров оценивает роль Брюсова в русской модернистской культуре, как роль «побеждённого учителя победителей-учеников», повлиявшего на творчество целого поколения.

С попыткой выйти из кризиса и найти новый стиль исследователи творчества Брюсова связывают такой интересный эксперимент поэта, как литературная мистификация - посвящённый Надежде Львовой сборник «Стихи Нелли» (1913) и продолжившие его «Новые стихи Нелли» (1914-1916, остались не изданными при жизни автора). Эти стихи написаны от лица увлечённой модными веяниями «шикарной» городской куртизанки, своего рода женского соответствия лирического героя Игоря Северянина.

В 1917 году поэт выступил с защитой Максима Горького, раскритикованного Временным правительством.

9 октября 1924 года Брюсов скончался в своей московской квартире от крупозного воспаления лёгких. Поэт был похоронен на столичном Новодевичьем кладбище

¹ **Франсуа Рене де Шатобриан** (фр. *François-René, vicomte de Chateaubriand*), (1768-1848) - французский писатель, политик и дипломат, один из первых представителей романтизма.

² **Ланг Александр Александрович** (1872-1917). Поэт-символист, декадент, гимназический товарищ В. Брюсова.

Подняться на Бермамыт

Антон Павлович Чехов

Антон Павлович Чехов (1860-1904) - русский писатель, драматург. Родился 29 января (по старому стилю - 17 января) 1860 года в Таганроге. Отец А.П. Чехова был купцом, владел бакалейной лавкой. В 1876 году отец разорился и уехал в Москву, за ним последовала семья. Но Антон остался и продолжил учиться в гимназии. В 1879 году окончил гимназию, переехал в Москву и поступил на медицинский факультет Московского университета. Окончил его в 1884 и получил звание уездного врача.

С конца 70-х гг. началась его литературная деятельность. Сотрудничая в различных юмористических журналах, Чехов подписывался псевдонимами - Антоша, Человек без селезенки, Брат моего брата, чаще всего - Антоша Чехонте. Первая книга рассказов Чехова - «Сказки Мельпомены» (1884), за ней последовали «Пестрые рассказы» (1886), «Степь», «Именины» (оба - 1888), «Припадок», «Скучная история» (оба - 1889).

В 1890 году Чехов предпринял поездку на о. Сахалин, оставившую глубокий след в его творческом сознании.

Во второй половине 1880-х гг. Чехов много работал для театра: пьеса «Иванов» (1887-1889), одноактная пьеса «Свадьба» (1889, опубл. в 1890), пьеса «Леший» (1889, опубл. 1890; переделана затем в пьесу «Дядя Ваня»), ряд водевилей («Медведь», «Предложение», «Юбилей» и др.).

В 1890-1900-е гг. Антон Павлович Чехов совершил несколько поездок за границу. В 1892 году купил имение Мелихово в Серпуховском уезде, в 13 верстах от станции Лопасня (ныне г. Чехов). Он помогал местным крестьянам как врач, строил школы для крестьянских детей, выезжал в губернии, охваченные голодом (1892), работал участковым врачом во время эпидемии холеры (1892-

1893), участвовал во всеобщей переписи населения (1897). В 1898 году после смерти отца, а также в связи с ухудшением здоровья (туберкулез) Чехов переехал из Мелихова в Ялту, где построил дом. Здесь он встречался с Л.Н Толстым, М. Горьким, И.А. Бунинным, А.И. Купринным, И. И. Левитаном. Написал ряд повестей и рассказов («Человек в футляре» в 1898 г.; «Дама с собачкой», «В враге» - в 1899 г.). В этот период мастерство Чехова-драматурга достигает высшего расцвета. Появляются знаменитые его пьесы: «Чайка» (1896), «Три сестры» (1901), «Вишневый сад» (1904).

Умер А.П. Чехов 15 июля (по старому стилю - 2 июля) 1904 года в Баденвейлере (Германия).

¹ **Тихонов Алексей Алексеевич (Луговой)** (1853-1914) - русский писатель, редактор журнала «Нива» в 1890-е годы.

² **Суворин Алексей Сергеевич** (1834-1912) - российский журналист, издатель, театральный критик и драматург.

³ **Волькенштейн Лев** - адвокат, товарищ А.П. Чехова по Таганрогской гимназии, автор воспоминаний о нем. Вел с Чеховым переписку.

⁴ **Штейнгель Иван Рудольфович** - барон, музыкант и композитор, представитель известной во Владикавказе династии. Декабрист В.И. Штейнгель - активный участник подготовки восстания.

⁵ **Сафонов Илья Иванович** - генерал-лейтенант Терского казачьего войска, отец известного пианиста и дирижера В.И. Сафонова.

⁶ **Оболонский Николай Николаевич** (1857-1911) - доктор, приятель А.П. Чехова. В 1901 году проложил первый оздоровительный маршрут по горе Тупой в Кисловодске.

⁷ **Чупров Александр Иванович** (1842-1905) - экономист, публицист, либеральный общественный деятель, член-корреспондент Петербургской Академии Наук (с 1887 года).

⁸ **Веселовский Александр Николаевич** (1838-1906) - русский историк литературы, профессор Петербургского университета (с 1870 года), академик (с 1877 года).

⁹ **Корш Федор Адамович (1852-1923)** - русский театральный деятель, антрепренер, переводчик. Вел судебную практику, был присяжным поверенным. Женившись на дочери ростовщика, получил приличное состояние и арендовал у Пушкинского театра часть помещения. Когда театр оказался на грани закрытия, решил создать свой театр на паях. Русский драматический театр - Театр Корша - открылся в 1882 году и был одним из самых популярных, сыграв значительную роль в культурной жизни Москвы.

¹⁰ **Бермамыт** - плато на северном склоне Большого Кавказа, в 35 км к юго-западу от Кисловодска в Карачаево-Черкессии. Южный скалистый выступ, отделенный от основного плато узкой седловиной и называемый Малым Бермамытом, достигает высоты 2643 м. Основное плато, более массивное - Большой Бермамыт, высотой до 2591 м. С Б. открывается прекрасный вид на снежные цепи Большого Кавказа и Эльбрус. Плато Бермамыт возвышается на 2600 метров над уровнем моря и отвесно обрывается в сторону Эльбруса.

¹¹ **Тимур, Тамерлан, Тимурленг («Тимур-хромец»)** (1336-1405) - среднеазиатский государственный деятель, полководец, эмир.

¹² **Эммануэль Георгий Арсеньевич (1775-1837)** - выходец из «венгерских дворян сербской нации», командующий войсками на Кавказской линии (1825) и начальник Кавказской области. Частью мирными средствами, частью силой оружия немало способствовал водворению спокойствия между горцами. В русско-турецкой войне 1828-1829 гг. «за усиленные труды по покорению и умиротворению Кавказа» в июле 1828 года произведен в генералы от кавалерии.

¹³ **Пастухов Андрей Васильевич** (1858-1899) - русский альпинист, геодезист, гляциолог, этнограф, биолог, исследователь Кавказа, классный военный топограф Корпуса военных топографов - коллежский ассесор (19.09.1894 г.). В 1889 году Пастухов с пятью казаками и местным проводником, осетином Т. Цараховым, избрал никем до того не пройденный путь к Казбеку по леднику Майли. Пройти его удалось лишь Пастухову и Царахову. Поднявшись на вершину Казбека, отважный топограф установил там большой альпийский флаг на пятиметровом древке, который в ясную погоду был хорошо виден из Владикавказа.

Пастухов Андрей Васильевич

¹⁴ **Хачиров Килар** - житель аула Учкулан. Впервые совершил восхождение на Минги-Тау (Эльбрус) в 1829 году.

Философия окраины

*Василий Васильевич
Розанов*

Розанов Василий Васильевич (1856-1919) - русский религиозный философ, литературный критик и публицист.

Василий Розанов родился в городе Ветлуге Костромской губернии в многодетной семье чиновника лесного ведомства Василия Фёдоровича Розанова (1822-1861). Рано потерял родителей, воспитывался старшим братом Николаем (1847-1894). В 1870 году переехал с братьями в Симбирск, где его брат преподавал в гимназии.

В 1880 году 24-летний Василий Розанов женился на 41-летней А.П. Сусловой, которая до замужества (в 1861-1866 гг.) была любовницей женатого Достоевского.

Окончив университет в 1882 году, отказался держать экзамен на степень магистра, решив заниматься свободным творчеством. В 1882-1893 годах преподавал в гимназиях Брянска, Симбирска, Ельца, Белого, Вязьмы.

Большую известность получил литературно-философский этюд Розанова «Легенда о великом инквизиторе Ф.М. Достоевского» (1891), положивший начало последующему истолкованию Ф.М. Достоевского как религиозного мыслителя у Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова и других мыслителей; позднее Розанов сблизился с ними как участник религиозно-философских собраний (1901-1903). В 1900 году Мережковским, Минским, Гишпиус и Розановым основывается Религиозно-философское Общество. С конца 1890-х годов Розанов стал известным журналистом позднеславянофильского толка, работал в журналах «Русский вестник» и «Русское обозрение», публиковался в газете «Новое время».

В 1891 году Розанов тайно обвенчался с Варварой Дмитриевной Бутягиной, вдовой учителя Елецкой гимназии.

Несогласие философа с постановкой школьного образования в России выражено в статьях «Сумерки просвещения» (1893) и «Афоризмы и наблюдения» (1894). В сочувственных тонах описывал брожение в период русской революции 1905-1907 годов в книге «Когда начальство ушло» (1910). Сборники «Религия и культура» (1899) и «Природа и история» (1900) были попытками

Розанова найти решение социальных и мировоззренческих проблем в церковной религиозности.

В.В. Розанов умер 5 февраля 1919 года и был похоронен с северной стороны храма Гефсиманского Черниговского скита в Сергиевом Посаде.

*Фёдор Михайлович
Достоевский*

¹ **Достоевский Фёдор Михайлович** (1821-1881) - русский писатель, мыслитель, философ и публицист. Член-корреспондент Петербургской АН с 1877 года.

Как в начале, так и в продолжении своего литературного творчества, после четырёх лет каторги и ссылки за участие в кружке Петрашевского, Достоевский выступал в качестве новатора в русле традиций русского реализма, что не получило должной оценки современников при жизни писателя.

После смерти Достоевский был признан классиком русской литературы и одним из лучших романистов мирового значения, считается первым представителем персонализма в России.

Николай Васильевич Гоголь

² **Гоголь Николай Васильевич** (фамилия при рождении Яновский, с 1821 - Гоголь-Яновский) (1809-1852) - русский прозаик, драматург, поэт, критик, публицист, признанный одним из классиков русской литературы. Происходил из старинного дворянского рода Гоголей-Яновских.

В возрасте десяти лет Гоголя отвезли в Полтаву к одному из местных учителей для подготовки к обучению в местной гимназии; затем он поступил в Гимназию высших наук в Нежине (с мая 1821 по июнь 1828).

Товарищи выписывали в складчину журналы; заезжали свой рукописный журнал, где Гоголь много писал в стихах.

В декабре 1828 года Гоголь переехал в Санкт-Петербург.

В 1830 году завязываются первые литературные знакомства: Орест Сомов, барон Дельвиг, Пётр Плетнёв. В 1831 году происходит сближение с кругом В.А. Жуковского и А.С. Пушкина, что оказывает решительное влияние на его дальнейшую судьбу и на его литературную деятельность.

В начале 1830 года в «Отечественных записках» был напечатан (с правками редакции) «Вечер накануне Ивана Купала».

Другие сочинения Гоголь печатал тогда в изданиях барона Дельвига «Литературная газета» и «Северные цветы», где была помещена глава из исторического романа «Гетьман». В феврале 1831 года Плетнёв рекомендовал Гоголя на должность учителя в Патриотическом институте, где сам был инспектором. Узнав ближе Гоголя, Плетнёв ждал случая «подвести его под благословение Пушкина»: это случилось в мае того же года. Вступление Гоголя в этот круг, вскоре оценивший в нём великий зарождающийся талант, оказало на судьбу Гоголя огромное влияние. Перед ним открывалась, наконец, перспектива широкой деятельности, о которой он мечтал, - но на поприще не служебном, а литературном.

Его первым крупным литературным делом, положившим начало его славе, были «Вечера на хуторе близ Диканьки».

Следующими сборниками были сначала «Арабески», потом «Миргород», оба выпущенные в 1835 году и составленные частично из статей, опубликованных в 1830-1834 годах, а частично из новых произведений, публиковавшихся впервые. Литературная слава Гоголя стала бесспорной.

К 1834 году относят первый замысел «Ревизора».

В июне 1836 года Николай Васильевич уехал за границу, где пробыл с перерывами около десяти лет. Сначала жизнь за рубежом как будто укрепила и успокоила его, дала ему возможность завершить его величайшее произведение - «Мёртвые души», но стала зародышем и глубоко фатальных явлений. Опыт работы с этой книгой, противоречивая реакция современников на неё так же, как в случае с «Ревизором», убедили его в огромном влиянии и неоднозначной власти его таланта над умами современников. Эта мысль постепенно стала складываться в представление о своём пророческом предназначении, и, соответственно, об употреблении своего пророческого дара силой своего таланта на благо обществу, а не во вред ему.

В марте 1837 года он был в Риме, который чрезвычайно ему понравился и стал для него как бы второй родиной.

Здесь он усиленно работал: главным предметом этой работы были «Мёртвые души», задуманные ещё в Петербурге в 1835 году; здесь же, в Риме закончил он «Шинель».

К лету 1841 года первый том «Мертвых душ» был готов. В сентябре этого года Гоголь отправился в Россию печатать свою книгу.

Она вышла в свет в Москве («Похождения Чичикова или Мёртвые души, поэма Н. Гоголь», М., 1842).

В июне Гоголь опять уехал за границу. Это последнее пребывание за границей стало окончательным переломом в душевном состоянии Гоголя. Он жил то в

Риме, то в Германии, во Франкфурте, Дюссельдорфе, то в Ницце, то в Париже, то в Остенде, часто в кружке своих ближайших друзей - Жуковского, Смирновой, Виельгорских, Толстых, и в нём всё сильнее развивалось то религиозно-пророческое направление.

В январе 1852 года его поразила смерть жены А.С. Хомякова - Екатерины Михайловны, которая была сестрой его друга Н.М. Языкова; им овладел страх смерти; он бросил литературные занятия, стал говеть на масленице; однажды, когда он проводил ночь в молитве, ему послышались голоса, говорившие, что он скоро умрёт.

Смерть Хомяковой, осуждение Константиновского и, возможно, иные причины убедили Гоголя отказаться от творчества и начать говеть за неделю до Великого поста. 5 февраля он провожает Константиновского и с того дня почти ничего не ест. 10 февраля он вручил графу А. Толстому портфель с рукописями для передачи митрополиту Московскому Филарету, но граф отказался от этого поручения, чтобы не усугубить Гоголя в мрачных мыслях.

Гоголь перестаёт выезжать из дому. В 3 часа ночи с понедельника на вторник 11-12 февраля 1852 года, то есть в великое повечерие понедельника первой седмицы Великого поста, Гоголь разбудил слугу Семёна, велел ему открыть печные задвижки и принести из шкафа портфель. Вынув из него связку тетрадей, Гоголь положил их в камин и сжёг. Гоголь, несмотря на увещевания друзей, продолжал строго соблюдать пост; 18 февраля слёг в постель и совсем перестал есть. Всё это время друзья и врачи пытаются помочь писателю, но он отказывается от помощи, внутренне готовясь к смерти.

Николай Васильевич Гоголь скончался утром в четверг 21 февраля 1852 года, не дожив месяца до своего 43-летия.

³ **Суслова Аполлинурия Прокофьевна** (1840-1918) - возлюбленная Ф.М. Достоевского (1861-1866) и жена В. В. Розанова (1880-1887).

Считается прототипом ряда ключевых женских образов в романах Достоевского - прежде всего, Полины (так все называли Суслову) в «Игроке», но также и Настасьи Филипповны в «Идиоте».

⁴ **Тургенев Иван Сергеевич** (см. примечание к новелле «Долгое лето»).

⁵ **Толстой Лев Николаевич** (см. примечание к новелле «Война и свобода...»).

Иван Александрович Гончаров

⁶ **Гончаров Иван Александрович** (1812-1891) - русский писатель и литературный критик. Член-корреспондент Петербургской академии наук по разряду русского языка и словесности.

Великим откровением для Гончарова и его товарищей явился Пушкин с его «Евгением Онегиным», выходявшим в свет отдельными главами.

Ещё в детстве возникшая страсть к сочинительству, интерес к гуманитарным наукам, особенно к художественной словесности - всё это укрепило в нём мысль завершить своё образование на словесном факультете Московского университета. В августе 1831 года, после успешной сдачи экзаменов он был туда зачислен.

40-е годы - начало рассвета творчества Гончарова. Это была важная пора как в развитии русской литературы, так и в жизни русского общества в целом. Гончаров знакомится с Белинским, часто бывает у него на Невском проспекте в доме Литераторов. Здесь в 1846 году Гончаров читает критику на свой роман «Обыкновенная история».

В октябре 1852 года Иван Гончаров, служивший переводчиком в департаменте внешней торговли министерства финансов, был назначен секретарём адмирала Путятина. Перед отправкой Гончарова по Петербургу прошёл слух: «Принц де Лень отправляется в плавание». Так называли Гончарова. С первых же дней путешествия Гончаров начал вести подробный путевой журнал (материалы которого легли в основу будущей книги «Фрегат „Паллада“» - своеобразный «дневник писателя»). Книга сразу же стала крупным литературным событием, поразив читателей богатством и разнообразием фактического материала и своими литературными достоинствами. Книга была воспринята как выход писателя в большой и плохо знакомый русскому читателю мир, увиденный пытливым наблюдателем и описанный острым, талантливым пером. Для России XIX века такая книга была почти беспрецедентной.

Выход в свет «Обломова» и громадный успех его у читателей принесли Гончарову славу одного из самых выдающихся русских писателей. Он начал работу над новым произведением - романом «Обрыв». Однако надо было ещё и как-то зарабатывать деньги: покинув пост цензора, Гончаров жил «на вольных хлебах». В середине 1862 года его пригласили на должность редактора недавно учреждённой газеты «Северная почта», являвшейся органом министерства внутренних дел. Гончаров работал здесь около года, а затем был назначен на должность члена совета по делам печати. Снова началась его цензорская деятельность, причём в новых политических условиях она приобрела явно консервативный характер. Гон-

чаров причинил много неприятностей «Современнику» Некрасова и писаревскому «Русскому слову», он вёл открытую войну против «нигилизма», писал о «жалких и несамостоятельных доктринах материализма, социализма и коммунизма», то есть активно защищал правительственные устои. Так продолжалось до конца 1867 года, когда он по собственному прошению вышел в отставку, на пенсию.

12 (24) сентября 1891 года он простудился. Болезнь развивалась стремительно, и через три дня, в ночь на 15 сентября, он умер от воспаления легких на восьмидесятом году жизни. Иван Александрович был похоронен на Новом Никольском кладбище Александро-Невской лавры; в 1956 году перезахоронен на Литераторских мостках Волковского кладбища.

⁷ **Воронцов Михаил Семёнович** (1782-1856) - русский государственный и военный деятель, генерал-фельдмаршал. Герой войны 1812 года.

⁸ **Барятинский Владимир Иванович** (1817-1875) - князь, родной брат Александра Ивановича Барятинского (1815-1879), русского военачальника, главнокомандующего войсками и наместника на Кавказе на заключительном этапе Кавказской войны, пленившего Шамиля (1859). Барятинский В.И. - генерал-адъютант, обер-штальмейстер двора Его Величества. В 1837 году начал службу в чине корнета в лейб-кирасирском полку, в 1841 году назначен адъютантом к военному министру. Посвятив большую часть жизни службе при дворе, он наряду с этим явился участником двух войн: Кавказской (1842) и Восточной (1855), в которой он находился при Крымской армии.

⁹ **Ермолов Алексей Петрович** (см. примечание к новелле «Занятно увидеть эти воды, изображёнными в романе...»).

¹⁰ **Ромейко-Гурко Иосиф Владимирович** (1828-1901) - русский генерал-фельдмаршал известный своими победами в Русско-турецкой войне 1877-1878 гг.

¹¹ **фон Кауфман Константин Петрович** (1818-1882) - русский военный деятель, инженер-генерал, руководивший завоеванием регионов Центральной Азии.

¹² **Черняев Михаил Григорьевич** (1828-1898) - русский генерал, туркестанский генерал-губернатор, главнокомандующий сербской армией. Завоевал Туркестан.

Придуманное приключение

Мамин-Сибиряк Дмитрий Наркисович (настоящая фамилия Мамин) (1852-1912) - русский писатель-прозаик и драматург.

Родился 25 октября (6 ноября) 1852 года на Висимо-Шайтанском заводе в семье заводского священника Наркиса Матвеевича Мамина (1827-1878). Младший брат - В.Н. Мамин, депутат II Государственной думы. (Получил домашнее образование, затем учился в Висимской школе для детей рабочих, позднее в духовном училище (1866-1868) и в Пермской духовной семинарии (до 1872 года, полный курс не окончил).

*Дмитрий Наркисович
Мамин-Сибиряк*

Летом 1877 года вернулся на Урал к родителям. В следующем году умер отец, и вся тяжесть забот о семье легла на Дмитрия. В эти годы будущий писатель совершил много поездок по Уралу, изучал литературу по истории, экономике, этнографии Урала, знакомился с народной жизнью.

Своей дочери Алёнушке Дмитрий Наркисович посвятил цикл своих произведений для детей, который он так и назвал: «Алёнушкины сказки». Не без труда добился писатель прав на отцовство, и в итоге Елена Дмитриевна Мамина была признана законной дочерью Мамина-Сибиряка. Она прожила совсем недолгую жизнь, так же, как и мать: в 1914 году скончалась от туберкулёза.

Умер 2 (15) ноября 1912 года в Санкт-Петербурге. Похоронен на Никольском кладбище Александро-Невской лавры, через два года рядом похоронили его дочь; в 1956 г. оба перезахоронены на Литераторских мостках Волковского кладбища.

Первым крупным произведением писателя был роман «Приваловские миллионы» (1883), который на протяжении года печатался в журнале «Дело» и имел большой успех. В 1884 году в журнале «Отечественные записки» появился роман «Горное гнездо», закрепивший за Маминим-Сибиряком репутацию выдающегося писателя-реалиста.

Слева-направо: Ф.Ф. Фидлер,
Д.Н. Мамин-Сибиряк,
Н.К. Михайловский

Последние крупные произведения писателя - романы «Черты из жизни Пепко» (1894), «Падающие звезды» (1899) и рассказ «Мумма» (1907).

В своих романах и рассказах писатель изображал жизнь Урала и Сибири в пореформенные годы, капитализацию России и связанную с этим процессом ломку общественного сознания, норм права и морали.

¹ **Лермонтов Михаил Юрьевич** (см. примечание к новелле «Долгое лето»).

² **Бестужев-Марлинский (Бестужев Александр Александрович)** (см. примечание к новелле «Тайный визит»).

³ **Фидлер Фёдор Фёдорович** (нем. *Friedrich Ludwig Konrad Fiedler* (1859-1917) - переводчик (в основном, русской поэзии на немецкий язык), педагог и собиратель частного «литературного музея», посвященного литераторам России и Германии, автор дневника - хроники жизни литераторов.

⁴ **Михайловский Николай Константинович** (1842-1904) - русский публицист, социолог и литературовед, критик, переводчик. Теоретик народничества. Литературную деятельность начал в 1860 в журнале «Рассвет» Литературную деятельность начал в 1860 в журнале «Рассвет». В 1879 сблизился с организацией «Народная воля».

Николай Константинович скончался в 1904 году и был похоронен в Санкт-Петербурге на Литераторских мостках Волковского кладбища.

⁵ **Ярошенко Николай Александрович** (1846-1898) - русский живописец и портретист, член Товарищества Передвижников.

Родился 1 (13) декабря 1846 года в Полтаве в семье отставного генерал-майора Александра Михайловича Ярошенко, который хотел, чтобы старший сын продолжил военную карьеру и не придавал особого значения художественному таланту мальчика. Мать была дочерью отставного поручика.

В 1855 году 9-летнего Николая определили в Полтавский кадетский корпус, по окончании которого в 1863 году он поступил в петербургское Павловское пехотное училище. Обучение будущий военный инженер в 1867 году про-

должил в Михайловской артиллерийской академии и одновременно стал посещать Академию художеств. Он также брал частные уроки рисования и посещал вечерние классы школы Общества поощрения художеств, где преподавал Иван Крамской.

Окончив с отличием академию в 1869 году, Николай Ярошенко получил назначение на патронный завод в Санкт-Петербурге, где прослужил более 20 лет.

В 1874 году экстерном окончил Академию художеств. За годы обучения сблизился с художниками-передвижниками и писателями из журнала «Отечественные записки». На «субботах» в его квартире собирался цвет интеллигенции.

В 1875 году Ярошенко дебютировал на 4-й Передвижной выставке с картиной «Невский проспект». Годом позже он вступил в члены Товарищества и сразу же был избран в правление. Оставался его ведущим представителем вместе с Иваном Николаевичем Крамским. Более 10 лет Ярошенко после смерти учителя был его преемником и выразителем его идей. Крамского называли «разумом» передвижничества, а Ярошенко - его «совестью».

В 1874 году женился на Марии Павловне Невротиной, курсистке, бестужевке, общественной деятельнице. Молодожёны посетили Полтаву, потом уехали в Пятигорск. Оставив там молодую жену, художник месяц писал этюды в Сванетии. Первые кавказские пейзажи, которые художник писал во время свадебного путешествия, вызвали восторг публики. Северный Кавказ для большинства жителей средней полосы был тогда краем неизведанным. С лёгкой руки критика Владимира Стасова художник Ярошенко получил прозвище «портретиста гор».

В 1885 году Ярошенко купил в Кисловодске дом, названный «Белой Виллой», где семья проводила лето. К ним приезжали многочисленные друзья и гости - писатели, артисты, учёные, частые гости «ярошенковских суббот» в Петербурге: Сергей Рахманинов, Фёдор Шаляпин, Леонид Собинов, Константин Станиславский, Глеб Успенский, Иван Павлов и Дмитрий Менделеев, актриса Полина Стрепетова.

Не забывали коллегу и художники: Репин, Нестеров, Ге, Дубовской, Касаткин, Куинджи.

В 1892 году по состоянию здоровья Николай Александрович Ярошенко, исполнив мечту отца и повторив его путь, вышел в отставку в чине генерал-майора.

*Николай Александрович
Ярошенко*

В 1897 году, несмотря на туберкулёз трахеи, Ярошенко отправился в путешествие по России и миру: Поволжье, Италия, Сирия, Палестина, Египет. Из странствий он привёз множество картин, эскизов, этюдов, портретов и графических работ.

Умер в Кисловодске 26 июня (8 июля) 1898 года от сердечного приступа, на следующий день после того, как пробежал до дома под дождём более 10 км с горы Большое седло, где писал с природы. Похоронили художника в Кисловодске близ Собора Николая Чудотворца

⁶ **Отец Василий Эрастов** - (см. примечание к новелле «Война и свобода...»).

⁷ **Мартынов Николай Соломонович** (1815-1875) - отставной майор, убивший Лермонтова на дуэли 15 (27) июля 1841 года. Учился вместе с поэтом в юнкерской школе, где был партнером поэта по фехтованию на эскадронах. Лермонтов был знаком с матерью и сестрами Н.С. Мартынова. Некоторые современники даже называли одну из сестер Мартынова в качестве прототипа княжны Мери. Подробности столкновения и дуэли были в значительной степени скрыты и мистифицированы Мартыновым и секундантами перед военным судом, и не все ее детали реконструируются теперь надежно. По одной из версий, Лермонтов отказался стрелять в Мартынова (или даже успел выстрелить в воздух) перед тем, как получил смертельную пулю.

⁸ **Гёте Иоганн Вольфганг** (с 1782 года фон Гёте) (нем. *Johann Wolfgang von Goethe*); (1749-1832) - немецкий писатель, мыслитель, философ и естествоиспытатель, государственный деятель.

⁹ **Шекспир Уильям** (англ. *William Shakespeare*) (1564-1616) - английский поэт и драматург.

¹⁰ **Ламанский Владимир Иванович** (1833-1914) - русский историк и славист.

¹¹ **Достоевский Фёдор Михайлович** (см. примечание к новелле «Философия краины»).

¹² **Толстой Лев Николаевич** (см. примечание к новелле «Война и свобода...»).

¹³ **Чехов Антон Павлович** (см. примечание к новелле «Подняться на Бермамыт»).

¹⁴ **Комиссаржевская Вера Фёдоровна** (1864-1910) - русская актриса начала XX века.

Вера Фёдоровна Комиссаржевская (до конца 1930-х годов её фамилию писали Комиссаржевская) родилась в Санкт-Петербурге 27 октября (8 ноября) 1864 года в семье русского артиста оперы и музыкального педагога Ф.П. Комиссаржевского.

В 1891 году в Санкт-Петербурге Вера Комиссаржевская впервые выступила на любительской сцене в Морском собрании Флотского экипажа в роли Зины (пьеса «Горящие письма» П.П. Гнедича). Затем Комиссаржевская начала принимать участие в спектаклях Общества искусства и литературы (Москва), руководимого К.С. Станиславским.

Исполнением роли Бетси в «Плодах просвещения» (1891) Комиссаржевская обратила на себя внимание деятелей профессионального театра. Она была приглашена в Новочеркасск в антрепризу Н.Н. Синельникова (играла в 1893-1894 годах) на роли «инженю» и водевильные роли с пением.

В 1894-1896 годах Комиссаржевская работала в Вильно в антрепризе К.Н. Незлобина, сыграв в это время около 60 ролей: Розы («Бой бабочек» Г. Зудермана), Лариса («Бесприданница» А.Н. Островского), Луиза («Коварство и любовь» Шиллера), Софья («Горе от ума» А.С. Грибоедова), Клерхен («Гибель Содома» Зудермана) и др.

В 1896 году Комиссаржевская поступает на сцену Александринского театра. Первый шумный успех приходит к ней после роли Ларисы в «Бесприданнице». Затем последовали роли Нины Заречной в чеховской «Чайке», Марикки в пьесе «Огни Ивановой ночи» Зудермана, Маргариты в «Фаусте» и другие.

Оставив сцену Александринского театра, Комиссаржевская открыла собственный Драматический театр (в здании современного ТЦ Пассаж).

С 1906 года режиссёром-постановщиком в Драматическом театре Комиссаржевской работает В.Э. Мейерхольд. За один сезон он выпустил 13 спектаклей, однако после нескольких провалов Комиссаржевская предложила ему уйти. После разрыва с Мейерхольдом в театр был приглашен поэт-символист В.Я. Брюсов, но и это сотрудничество не было удачным.

*Вера Фёдоровна
Комиссаржевская*

В 1909 году разочарование Комиссаржевской собственным театром заставило принять её непростое решение: покинуть его. У Веры Фёдоровны появилась новая мечта - создать театральную школу. Перед этим она отправилась на гастроли, которые оказались последними в её жизни.

Умерла Комиссаржевская в Ташкенте от оспы во время своих гастролей 10 (23) февраля 1910.

Была похоронена 20 февраля на Никольском кладбище Александро-Невской лавры.

Впоследствии, в 1936 году, состоялось перезахоронение в Некрополь мастеров искусств Тихвинского кладбища Александро-Невской лавры.

Неожиданная встреча

Максим Горький

Максим Горький (Алексей Максимович Пешков) (1868-1936) - русский писатель. Родился 28 марта 1868 года в Нижнем Новгороде. Его отец был столяром-краснодеревщиком, умер рано, и мальчик воспитывался в доме своего деда Каширина, владельца красильной мастерской. Работать он начал подростком, был грузчиком, пекарем, занимался мытьем посуды на пароходе. С 1882 по 1892 год, странствуя по России, Горький сменил много профессий.

Войти в литературу Горькому помог В.Г. Короленко. Осенью 1892 года был опубликован первый рассказ писателя - «Макар Чудра». В 1898 году вышло трехтомное издание «Очерки и рассказы».

Вскоре Горький создает такие известные произведения, как «Челкаш», «Старуха Изергиль», «Песня о буревестнике», «Песня о соколе». Появляются первые романы Горького - «Фома Гордеев» (1899), «Трое» (1900), а также принесшие писателю популярность пьесы - «Мещане» (1900), «На дне» (1901), «Дачники» (1904), «Варвары» (1905), «Дети солнца» (1905).

С 1902 по 1912 год Алексей Максимович Горький возглавлял издательство «Знание». В 1905 году вступил в ряды РСДРП, был активным участником русской революции 1905 года. По заданию партии Горький нелегально выезжал в Америку для ведения агитации в поддержку революции. В 1906 году вышли в свет пьеса «Враги» и роман «Мать», считающийся первым произведением, написанным в жанре социалистического реализма.

С 1906 по 1913 год Горький живет в Италии на острове Капри. Взгляды его изменились, стали ближе к религии, что нашло отражение в повести «Исповедь» (1908). В этот период времени писатель создает пьесы «Последние» (1908) и «Васса Железнова» (1910), повести «Городок Окуров» (1909), «Жизнь Матвея Кожемякина» (1909 - 1911), «Сказки об Италии» (1911 - 1913). В 1913 году Горький возвращается в Россию, где пишет автобиографическую диологию «Детство» и «В людях».

Горький с энтузиазмом отнесся к Февральской революции, но к Октябрьской у него было неоднозначное отношение. Это нашло отражение в его публицистическом цикле «Несвоевременные мысли» (1917 - 1918), напечатанном в газете «Новая жизнь». Непоследовательность позиции отразилась и в его книге «О русском

крестьянстве» (1922). Несомненной заслугой Горького была энергичная работа по спасению научной и художественной интеллигенции от голодной смерти и расстрелов, благодарно оцененная современниками (Е.И. Замятин, А.М. Ремизов, В.Ф. Ходасевич, В.Б. Шкловский и др.). Было организовано издательство «Всемирная литература», открыты «Дом ученых» и «Дом искусств».

С 1921 по 1928 год Горький жил в эмиграции, куда отправился после настоячивых советов Ленина. Написал цикл «Рассказы 1922 - 1924 годов», «Заметки из дневника» (1924), роман «Дело Артамоновых» (1925), начал работать над романом-эпопеей «Жизнь Клима Самгина» (1925-1936). В 1928 году Горький возвращается на родину. Он создает новые журналы, серии книг: «Жизнь замечательных людей», «История Гражданской войны», «История фабрик и заводов», «Библиотека поэта». В 1934 году возглавил Союз писателей СССР, созданный по его инициативе. Смерть Горького 18 июня 1936 года (Горки) окружена атмосферой таинственности. Урна с прахом Горького помещена в Кремлевской стене в Москве.

*Константин Сергеевич
Станиславский*

¹ **Станиславский (Алексеев) Константин Сергеевич** (1863-1938) - выдающийся режиссер, актер, педагог, теоретик театра, почетный академик Петербургской Академии Наук (1917), народный артист СССР (1936). Крупнейший реформатор русского театра.

Вместе с В.И. Немировичем-Данченко в 1898 году основал Московский Художественный театр. Разработанная им система стала эстетической и профессиональной основой сценического реализма. Роли, исполняемые самим Станиславским (Астров, Вершинин в пьесах А.П. Чехова «Дядя Ваня» и «Три сестры», Сатин в пьесе А.М. Горького «На дне»), отличались художественной завершенностью, тонкостью психологических характеристик, мастерством перевоплощения.

² **Пятницкий Константин Петрович** (1864-1939) - директор-распорядитель демократического книгоиздательского товарищества «Знание», которое он вместе с А.М. Горьким возглавлял с 1902 по 1912 год.

³ **Тихомиров Иоасаф Александрович** (1872-1908) - актер Художественного театра с 1898 по 1904 год.

⁴ **Сатин, Тетерин, Лука, Сверчков-Заволжский** - персонажи пьесы А.М. Горького.

Тень любви

Мережковский Дмитрий Сергеевич (1865-1941) - русский писатель, поэт, литературный критик, переводчик, историк, религиозный философ, общественный деятель. Муж поэтессы Зинаиды Гиппиус.

Д.С. Мережковский, яркий представитель Серебряного века, вошёл в историю как один из основателей русского символизма, основоположник нового для русской литературы жанра историсофского романа, один из пионеров религиозно-философского подхода к анализу литературы, выдающийся эссеист и литературный критик. Мережковский (начиная с 1914 года, когда его кандидатуру выдвинул академик Н.А. Котляревский) был 10 раз номинирован на Нобелевскую премию по литературе.

Дмитрий Сергеевич
Мережковский

Философские идеи и радикальные политические взгляды Д.С. Мережковского вызывали резко неоднозначные отклики, но даже оппоненты признавали в нём выдающегося писателя, жанрового новатора и одного из самых оригинальных мыслителей XX века.

«Я родился 2-го августа 1865 года в Петербурге, на Елагином острове, в одном из дворцовых зданий, где наша семья проводила лето на даче», - писал Мережковский в «Автобиографических заметках». Иногда по просьбе матери отец брал Дмитрия в Крым, где у Мережковских было имение (по дороге к водопаду Учан-Су). «Помню великолепный дворец в Ореанде, от которого остались теперь одни развалины. Белые мраморные колонны на морской стороне - для меня вечный символ древней Греции», - писал Мережковский годы спустя.

В 1876 году Д.С. Мережковский начал обучение в Третьей классической гимназии Петербурга. Будучи тринадцатилетним гимназистом, Мережковский начал писать первые стихи, стиль которых определял впоследствии как подражание пушкинскому «Бахчисарайскому фонтану». В гимназии же он увлёкся творчеством Мольера и даже организовал «мольеровский кружок». Сообщество не

было политическим, но им заинтересовалось Третье отделение: участников пригласили на допрос в здание у Полицейского моста. Считается, что благополучным исходом дела Мережковский был обязан исключительно положению отца.

Мережковский-старший, интересовавшийся религией и литературой, первым оценил поэтические упражнения сына. В июле 1879 года по его протекции Дмитрий познакомился в Адулке с престарелой книжницей Е.К. Воронцовой. В стихах юноши она «уловила подлинно поэтическое свойство - необыкновенную метафизическую чуткость души» и благословила его на продолжение творчества.

В 1880 году отец, воспользовавшись знакомством с графиней С.А. Толстой, вдовой поэта А.К. Толстого, привёл сына к Ф.М. Достоевскому в дом на Кузнечном переулке. Юный Мережковский (как сам вспоминал позже в «Автобиографической заметке») читал, «краснея, бледнея и заикаясь», Достоевский слушал «с нетерпеливою досадою» и затем произнёс: «Слабо... слабо... никуда не годится... чтобы хорошо писать, страдать надо, страдать». «Нет, пусть уж лучше не пишет, только не страдает!» - поспешил испуганно возразить отец. Оценка писателя глубоко «оскорбила и раздосадовала Мережковского».

В 1880 году в журнале «Живописное обозрение» под редакцией А.К. Шеллера-Михайлова состоялся литературный дебют Мережковского: здесь были опубликованы стихотворения «Тучка» (№ 40) и «Осенняя мелодия» (№ 42).

Осенью 1882 года Мережковский побывал на первых выступлениях С.Я. Надсона, тогда - юнкера Павловского военного училища, и под впечатлением от услышанного написал ему письмо. Так произошло знакомство двух начинающих поэтов, переросшее в крепкую дружбу, скрепленную глубокими, почти родственными чувствами.

В 1884 году Мережковский поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета.

В 1888 году Д.С. Мережковский, защитив весной дипломное сочинение о Монтене, окончил университет и решил посвятить себя исключительно литературному труду.

В 1886 году Мережковский перенёс тяжёлую болезнь (о подробностях которой ничего не известно); это произвело на него сильное впечатление и послужило одной из главных причин «поворота к вере». В начале мая 1888 года, по окончании университета, Мережковский предпринял путешествие по югу России: сначала в Одессу, оттуда морем - в Сухум, потом по Военно-Грузинской дороге в Боржом, куда прибыл в последних числах месяца. В Боржоме Мережковский познакомился с девятнадцатилетней Зинаидой Гишпиус. Оба испытали ощущение полного духовного и интеллектуального единения; уже 8 января 1889 года в Тифлисе обвенчались, а вскоре переехали в Петербург.

Весной 1891 года супруги предприняли свою первую совместную поездку в Европу: через Варшаву и Вену они прибыли в Венецию, где встретили путешествовавших по Италии А.П. Чехова и А.С. Суворина, которые на некоторое время стали их спутниками.

К началу 1904 года многочисленные стрессы негативно сказались на состоянии нервной системы Мережковского. По совету врача-психиатра И.П. Мержеевского он в составе «троебратства» отправился на Иматру. Именно в ходе этой поездки Мережковские по пути в Австрию заехали на два дня в Ясную Поляну; к осени они сблизились с Блоком и Андреем Белым - последний стал регулярно останавливаться у Мережковских в Петербурге. В январе 1905 года окончательно переехал в дом Мурузи к супругам и Д. Философов.

Весной 1906 года Мережковские вместе с Философовым отправились в первую парижскую эмиграцию - «добровольное изгнание», призванное послужить «переоценке ценностей». Обустроившись в Париже, все трое приступили к осуществлению своей «миссии в Европе», основная цель которой состояла в утверждении «нового религиозного сознания».

Осенью 1907 года в Петербурге начались дни, которые позже вошли в историю семьи Мережковских как «сезон о Боге». Писатель активно участвовал в работе Религиозно-философского общества, где, в частности, встречался со своим бывшим оппонентом - архимандритом Михаилом.

В 1908 году Д.С. Мережковский опубликовал завершённую ещё в Париже драму «Павел I», ставшую первой частью трилогии «Царство Зверя» (первоначально названной «Зверь из Бездны»). Произведение, по мнению цензоров «оскорблявшее самодержавие», было немедленно конфисковано; его публикация повлекла за собой продолжительное судебное преследование (лишь 18 сентября 1912 года суд оправдал автора и издателя «за отсутствием состава преступления»). Роман (второй в трилогии) «Александр I» печатался в «Русской мысли» в 1911-1912 годах, отдельным изданием вышел в 1913 году (и был переиздан в Берлине в 1925 году). Заключительная часть трилогии, роман «14 декабря», вышел в 1918 году.

В начале 1909 года у Мережковского возникли проблемы со здоровьем: по совету врачей супруги направились лечиться в Европу.

Зиму 1917 супруги провели в Кисловодске, а в конце января 1917 года вернулись в Петроград. В феврале их квартира на Сергиевской стала почти «филиалом» Государственной думы: в период крушения монархии к ним, в перерывах между заседаниями, заходили знакомые «думцы» и они, как вспоминала Гишпиус, весь 1917 год «сидели за событиями по минутам». Мережковские приветствовали Февральскую революцию 1917 года: они полагали, что только

«честная революция» может покончить с войной, а «установление демократии даст возможность расцвета идей свободы (в том числе и религиозной) перед лицом закона».

Октябрьские события вызвали яростный протест Мережковского. Он истолковал происшедшее как разгул «хамства», воцарение «народа-Зверя», смертельно опасного для всей мировой цивилизации, торжество «надмирного зла». Мережковский и Гиппиус первым делом занялись хлопотами по освобождению министров, заключённых в Петропавловскую крепость. В конце 1917 года писатель выступал с антибольшевистскими лекциями и статьями, одна из них, «1825-1917» (14 декабря, газета «Вечерний звон») анализировала ведущую роль интеллигенции в русском революционном движении. Между тем, «Павел I» сразу же после революции был реабилитирован; пьеса прошла во многих театрах страны.

В декабре 1919 года, комментируя предложение произнести речь в день годовщины восстания декабристов на торжественном празднике, устроенном в Белом зале Зимнего дворца, Мережковский писал в дневнике: «Я должен был прославлять мучеников русской свободы пред лицом свобододубийц. Если бы те пять повешенных воскресли, их повесили бы снова при Ленине, так же, как при Николае Первом». Он покинул Петроград как раз в день этого ожидавшегося от него выступления.

Сначала писатель подал заявление в Петроградский совет с просьбой разрешить «по болезни» выехать за границу, на что получил категорический отказ. «С безграничною властью над полторастами миллионов рабов, люди эти боятся одного лишнего свободного голоса в Европе. Замучают, убьют, но не выпустят», - замечал он в дневнике. Наконец, получив мандат на чтение лекций красноармейцам по истории и мифологии древнего Египта, в ночь 24 декабря 1919 года чета Мережковских, Д.В. Философов и секретарь Гиппиус, студент филологического факультета Петербургского университета В.А. Злобин, тайком покинули Петроград.

После недолгой остановки в Висбадене, Мережковские прибыли в Париж, где расположились в долгие годы пустовавшей квартире. Здесь в конце 1920 года Мережковский создал антикоммунистический «Религиозный союз» (впоследствии - «Союз непримиримых»).

Квартира Мережковских в Париже в течение 15 лет была одним из центров эмигрантской жизни. «Иногда Дмитрий Сергеевич и Зинаида Николаевна рассказывали о прошлом - о литературной жизни тех времен, о людях - Розанове, Сологубе, Блоке, Андрее Белом и т. д. Для большинства зарубежного поколения петербургский период был уже сказочной страной, и молодежь любила слушать такие рассказы», - пишет Юрий Терапиано в книге «Встречи».

1 сентября 1939 года начало Второй мировой войны супруги встретили в Париже.

В начале июня начались бомбардировки Парижа, супруги вновь «эвакуировались» в Биарриц, но 27 июня сюда вошли гитлеровцы, и осенью Мережковские вернулись в столицу, где некоторое время вынуждены были ночевать у знакомых и жить в приюте для беженцев. 14 августа 1940 года в Биаррице прошло чествование Мережковского по случаю его 75-летия под председательством Клода Фаррера, в комитет по организации которого входили П.Н. Милюков, И.А. Бунин, В.А. Маклаков и М.А. Алданов. Торжество принесло юбиляру и 7 тысяч франков: это позволило супругам снять виллу «El Recret». Здесь писатель успел завершить «Святого Иоанна Креста» и сразу же начал работать над «Святой Терезой Авильской» и «Маленькой Терезой».

Последние месяцы жизни Мережковский непрерывно работал: прочёл публичные лекции о Леонардо да Винчи и Паскале, пытался прочесть доклад о Наполеоне, но он был запрещён оккупационными властями. К июню 1941 года у Мережковских кончились деньги: выселенные из виллы за неуплату, они сняли на лето меблированные комнаты. В сентябре, одолжив деньги у знакомых, супруги вернулись в парижскую квартиру. Истощённый физически и морально, Мережковский до последних дней пытался работать над «Маленькой Терезой», но она так и осталась неоконченной.

Мережковский скоропостижно скончался 7 декабря 1941 года от кровоизлияния в мозг.

¹ **Гиппиус Зинаида Николаевна** (по мужу Мережковская) (1869-1945) - русская поэтесса и писательница, драматург и литературный критик, одна из видных представительниц Серебряного века. Гиппиус, составившая с Д.С. Мережковским один из самых оригинальных и творчески продуктивных супружеских союзов в истории литературы, считается идеологом русского символизма.

Зинаида Николаевна Гиппиус родилась 8 (20) ноября 1869 года в городе Белёве (ныне Тульская область) в обрусевшей немецкой дворянской семье. Отец, Николай Романович Гиппиус, известный юрист, некоторое время служил обер-прокурором в Сенате; мать, Анастасия Васильевна, урождённая Степанова, была дочерью екатеринбургского обер-полицмейстера.

Зинаида Николаевна Гиппиус

По необходимости, связанной со служебной деятельностью отца, семья часто переезжала с места на место, из-за чего дочь не получила полноценного образования; различные учебные заведения она посещала урывками, готовясь к экзаменам с гувернантками.

Стихи будущая поэтесса начала писать с семи лет.

Николай Гиппиус скоропостижно скончался в Нежине в 1881 году; вдова осталась с большой семьёй - четырьмя дочерьми, бабушкой и незамужней сестрой - практически без средств к существованию. В 1882 году Анастасия Васильевна с дочерьми переехала в Москву. Зинаида поступила в гимназию Фишер, где начала учиться поначалу охотно и с интересом. Вскоре, однако, врачи обнаружили туберкулёз и у неё, из-за чего учебное заведение пришлось оставить.

В 1888 году Зинаида Гиппиус с матерью вновь отправилась на дачу в Боржом. Здесь она познакомилась с Д.С. Мережковским, незадолго до этого выпустившим в свет свою первую книгу стихов и в те дни путешествовавшим по Кавказу.

В 1888 году в «Северном вестнике» вышли (с подписью «З.Г.») два «полудетских», как она вспоминала, стихотворения. Эти и некоторые последующие стихи начинающей поэтессы отражали «общую ситуацию пессимизма и меланхолии 1880-х годов» и во многом были созвучны произведениям популярного тогда Семёна Надсона.

В начале 1890 года Гиппиус под впечатлением разыгравшейся у неё на глазах маленькой любовной драмы, главными героями которой были горничная Мережковских, Паша и «друг семьи» Николай Минский, написала рассказ «Простая жизнь». Неожиданно (потому что к Мережковскому этот журнал тогда не благоволил) рассказ принял «Вестник Европы», опубликовав под заголовком «Злосчастная»: так состоялся дебют Гиппиус в прозе.

Ранние прозаические работы Гиппиус были в штыки встречены либеральной и народнической критикой, которым претила, прежде всего, «противоестественность, невиданность, претенциозность героев».

Всё это время Гиппиус преследовали проблемы со здоровьем: она перенесла возвратный тиф, ряд «бесконечных ангин и ларингитов». Отчасти, чтобы поправить здоровье и не допустить туберкулёзного рецидива, но также и по причинам, связанным с творческими устремлениями, Мережковские в 1891-1892 годах совершили две запоминающиеся поездки по югу Европы.

Гораздо более ярким и спорным, чем прозаический, был поэтический дебют Гиппиус: стихотворения, опубликованные в «Северном вестнике» - «Песня» («Мне нужно то, чего нет на свете...») и «Посвящение» (со строками: «Люблю я себя, как Бога») сразу получили скандальную известность. Некоторое

время спустя Гиппиус, по её выражению, «отрекалась от декадентства» и всецело приняла идеи Мережковского, прежде всего художественные, став одной из центральных фигур нарождавшегося русского символизма, однако сложившиеся стереотипы («декадентская мадонна», «сатанесса», «белая дьяволица» и др.) преследовали её в течение многих лет.

«Собрание стихов. 1889-1903», вышедшее в 1904 году, стало крупным событием в жизни русской поэзии. Откликаясь на книгу, И. Анненский писал, что в творчестве Гиппиус сконцентрирована «вся пятнадцатилетняя история <русского> лирического модернизма», отметив как основную тему её стихов «мучительное качание маятника в сердце». В.Я. Брюсов, другой пылкий поклонник поэтического творчества Гиппиус, особо отмечал «непобедимую правдивость», с какой поэтесса фиксировала различные эмоциональные состояния и жизнь своей «пленённой души». Впрочем, сама Гиппиус более чем критически оценивала роль своей поэзии в формировании общественного вкуса и влиянии на мировоззрение современников.

В 1920 году Гиппиус с мужем поселилась в Париже. Сохранив воинствующее резкое неприятие большевизма, супруги остро переживали свою отчуждённость от родины.

Подвергшаяся в эмигрантской среде остракизму, она посвятила свои последние годы работе над биографией покойного мужа; эта книга осталась неоконченной и была издана в 1951 году. Тэффи вспоминала:

«Последние месяцы своей жизни З.Н. много работала, и все по ночам. Она писала о Мережковском. Своим чудесным бисерным почерком исписывала целые тетради, готовила большую книгу. К этой работе она относилась как к долгу перед памятью «Великого Человека», бывшего спутником её жизни. Человека этого она ценила необычайно высоко, что было даже странно в писательнице такого острого, холодного ума и такого иронического отношения к людям. Должно быть, она действительно очень любила его. Конечно, эта ночная работа утомляла её. Когда она чувствовала себя плохо, она никого к себе не допускала, никого не хотела...

- Тэффи. Зинаида Гиппиус».

² **Философов Дмитрий Владимирович (1872-1940)** - русский публицист, художественный и литературный критик, религиозно-общественный и политический деятель. В 1920-е гг. один из лидеров антикоммунистической эмиграции и влиятельный политический обозреватель. Двоюродный брат С.П. Дягилева.

Происходит из старинного дворянского рода. Отец В.Д. Философов (1820-1894) был ближайшим помощником военного министра Д.А. Милютина в формировании русской армии. Мать Анна Павловна Философова, урождённая

Дягилева, - литератор, видная деятельница женского движения в России, одна из учредительниц высших женских учебных заведений, организатор благотворительных обществ.

Дмитрий Философов окончил частную гимназию К. Мая в 1890 году. Ещё в гимназии интерес к искусству и стремление к самообразованию сблизили его с А.Н. Бенуа, В.Ф. Нувелем, К.А. Сомовым. В 18 лет Философов и его кузен Дягилев совершили поездку по Европе, из которой вернулись любовниками.

По окончании юридического факультета Петербургского университета в 1895 году Философов стажировался в Гейдельбергском университете. С 1897 года он начал заниматься журналистской деятельностью, печатался в журналах «Северный вестник», «Образование», «Трудовая помощь»; «Журнале Министерства юстиции».

В дягилевском журнале «Мир искусства» (1898-1904) Д. Философов был редактором литературного отдела, позже занял должность руководителя отдела художественной критики. Накануне рождества 1905 г. Дягилев, узнав о планах Философова отбить у него юного любовника, ворвался в дорогой ресторан, где Философов обедал с Зинаидой Гиппиус, и закатил «грандиозный скандал», так что «лакеи повывскакивали отовсюду». Последовал разрыв отношений между братьями.

Сразу после разрыва с кузеном Философов принял предложение Гиппиус и Мережковского уехать с ними на житьё в Париж, став на многие годы их другом и соратником. Все участники «троебратства» жили в одной квартире. Их союз продолжался до Октябрьской революции.

В 1908 г. Философов вернулся в Россию, сотрудничал в газетах и журналах «Слово», «Речь», «Русская мысль» и др., До 1913 г. жил с Мережковскими в доме Мурузи.

В 1918-1919 годах Д.В. Философов работал в Публичной библиотеке, принимал участие в деятельности Политического Красного Креста.

В декабре 1919 года с Мережковским, Гиппиус и В.А. Злобиным под видом командировки для чтения лекций в красноармейских частях он выбрался из Петрограда.

Философов был товарищем председателя Русского политического комитета, Народного союза защиты родины и свободы, советником Юзефа Пилсудского по русско-украинскому вопросу (1921).

В 1930-е годы Д.В. Философов оказался вытеснен на обочину общественно-политической жизни молодым поколением деятелей. Это усугублялось неудачами (в частности, последовательный неуспех практически всех изданий, которые возглавлял Философов), потерями - измена Б.В. Савинкова, в которую Философов долго не мог поверить, смерть соратника и ближайшего едино-

мысленника М.П. Арцыбашева. После 1936 года вследствие этих причин, а также преклонного возраста и болезней Философов фактически отошёл от литературной, общественной, политической жизни.

Похоронен на православном кладбище в Варшаве.

³ **Декадентство**, также **декаданс** (фр. *décadent* - упадочный) - направление в литературе, творческой мысли, самовыражении периода *fin de siècle* (рубеж XIX и XX веков), которое характеризуется эстетизмом, индивидуализмом и имморализмом. Иногда рассматривается как связующее звено между романтизмом XIX века и модернизмом XX века.

Подобно более раннему Движению искусств и ремёсел, родоначальники декадентства стремились освободить искусство от материалистических забот промышленной революции, раскрепостить мораль, скованную условностями викторианской эпохи. Они выступали против старых, академических форм искусства, искали новые формы самовыражения, более гибкие и более соответствующие усложнённому мироощущению современного человека.

Характерными чертами декадентства обычно считаются отход от общности и отвлечение к повседневной жизни (*taedium vitae*), что проявляется в искусстве отрывом от реальности, поэтикой искусства для искусства, эстетизмом, модой на демонизм («Там, внизу», «Скорбь Сатаны»), преобладанием формы над содержанием, стремлением к внешним эффектам, стилизации и т. д.

⁴ **Надсон Семён Яковлевич** (1862-1887) - русский поэт.

Семён Яковлевич Надсон родился в Петербурге 14 (26) декабря 1862 года в семье надворного советника еврейского происхождения Якова Семёновича Надсона и Антонины Степановны Мамонтовой (Мамантовой), происходившей из русской дворянской семьи Мамонтовых. Год спустя семья переехала в Киев.

Отец Надсона, хороший музыкант, умер от психического расстройства, когда Надсону было 2 года. А.С. Мамонтова после смерти мужа осталась в Киеве, где жила экономкой и учительницей и содержала собственными трудами себя и двух своих детей (у Надсона была сестра Анна младше его на полтора года). Когда Надсону было приблизительно лет семь, уехала в Петербург, где поселилась у своего брата Дюдора Степановича Мамонтова. В Петербурге Надсон поступил в приготовительный класс 1-й классической гимназии.

В 1872 году Надсона отдают пансионером во 2-ю военную гимназию, а его сестру - в Николаевский институт. Весной 1873 года мать Надсона умерла от чахотки в возрасте 31 года. Надсона взял под своё попечение И.С. Мамонтов, а его сестру - Д.С. Мамонтов. Таким образом, брат и сестра росли врозь и виделись редко.

В гимназические годы проявился литературный дар Надсона. В первом классе он уже мечтал о писательстве и писал прозой рассказы, героем которых был некий благородный Ваня. Стихи он начал писать во втором классе гимназии. В пятом классе решился в первый раз показать своё стихотворение учителю. Рецензия учителя на «Сон Иоанна Грозного» юного поэта была таковой: «Язык образный, есть вымысел и мысль, только некоторые стихи неудобны в стилистическом отношении». В 1878 году Надсон отнёс своё стихотворение «На заре» в журнал Н.П. Вагнера «Свет», и оно было принято.

На следующий год в «Санкт-Петербургских ведомостях» появилась первая рецензия на творчество Надсона, в которой хвалили в частности стихотворение «Христианка». В 1879 году Надсон испытал первое литературное торжество, читая на концерте в гимназии своё стихотворение «Иуда». Стихотворение имело большой успех, и его впоследствии напечатали в «Мысли» Оболенского. Затем Надсон стал печататься в «Слове».

1882 год ознаменовался самым важным событием в литературной судьбе Надсона - поэт А.Н. Плещеев пригласил его в лучший демократический журнал того времени «Отечественные записки», где Надсон дебютировал «Тремя стихотворениями». Плещеев помог молодому поэту своим участием, расположением и литературными советами. «Его я считаю своим литературным крёстным отцом и бесконечно обязан его теплоте, вкусу и образованию, воспитавшим мою музу», - писал Надсон в автобиографии. Стихи Надсона, напечатанные в «Отечественных записках» в январе 1882 года, привлекли к себе внимание любителей поэзии; имя молодого поэта приобретает известность, и лучшие журналы («Дело», «Устой», «Русская мысль») наперебой печатают его стихотворения.

В этом же году Надсон окончил училище и был выпущен подпоручиком в Каспийский полк, стоявший в Кронштадте.

Летом 1883 года Надсон слёг в постель: у него открылась на ноге туберкулёзная фистула - явление, весьма часто и предшествующее и сопровождающее туберкулёз лёгких. Зимой 1883-1884 года поэт ещё провёл в Кронштадте и по-прежнему наезжал в Петербург. Состояние его ухудшалось. В то же время Надсон продолжал печататься в журналах.

Первую половину лета 1884 года он провёл в Сиверской на даче в семье А.Н. Плещеева. Здоровье его, однако, только ухудшалось. Тем не менее, в июле он переехал в Петербург и стал работать в редакции «Недели». Но через несколько месяцев болезнь груди приняла такой оборот, что по совету докторов друзья Надсона решили отправить его за границу - сначала в Висбаден, а потом в Ниццу.

В Ницце Надсону была сделана операция, оказавшаяся не особенно удачной, так что недели через две пришлось повторить её. В Ницце Надсон пролежал два месяца

в постели и был так плох, что лечившие его доктора считали, что зиму он не переживёт. Однако в конце января 1885 года Надсон пошёл на поправку, и этот промежуток времени до весны был самым цветущим периодом его пребывания за границей. К этому времени и относится большинство стихотворений, написанных им за границей.

В марте 1885 года вышел первый и единственный прижизненный сборник стихотворений поэта, принесший ему шумную славу.

Весной здоровье Надсона вновь стало хуже. В июне 1885 года поэт приехал в Берн. Ни тёплый климат, ни две мучительные операции туберкулёзной фистулы ноги, которые ему сделали в Берне, ни к чему не привели, и летом 1885 года друзья решили отвезти его назад в Россию.

На родине Надсон проживал сначала в Петербурге, затем в деревне в Подольской губернии.

В апреле 1886 года, как только открылся проезд из деревни, Надсон поехал в Киев.

Поездка в Киев ещё более подорвала здоровье Надсона. Некоторое время Надсон снова провёл в деревне. Болезнь продолжала развиваться. Созванный консилиум решил, что ему следует ехать в Грис (Южный Тироль; ныне - квартал города Больцано). Но Надсон объявил близким ему лицам, что ни за что не поедет за границу, потому что умереть хочет в России. Тогда остановились на Ялте.

Находясь в Ялте, Надсон получил радостное известие - его книга удостоилась Пушкинской премии Академии наук. Большинство рецензентов обратило внимание на то, что Надсон не всегда владеет формой стиха, но искупает этот недостаток страстной и глубокой искренностью.

19 (31) января 1887 года Надсон умер. Тело его было перевезено из Ялты в Петербург. Могила Надсона - в нескольких шагах от могил Добролюбова и Белинского.

⁵ **Дягилев Сергей Павлович (1872-1929)** - русский театральный и художественный деятель, один из основателей группы «Мир Искусства», организатор «Русских сезонов» в Париже и труппы «Русский балет Дягилева», антрепренёр.

Сергей Дягилев родился в семье офицера-кавалергарда потомственного дворянина Павла Павловича Дягилева. Мать умерла через несколько месяцев после рождения Сергея, и его воспитывала мачеха Елена Валериановна Панаева, дочь В.А. Панаева.

После окончания пермской гимназии в 1890 году вернулся в Петербург и поступил на юридический факультет Санкт-Петербургского университета, параллельно учился музыке у Н.А. Римского-Корсакова в Петербургской консерватории. В молодости Дягилев тщетно пытался найти своё поприще. Важным

моментом в его жизни стала встреча с писателем Львом Толстым, после которой он решил посвятить себя коллекционированию автографов знаменитых современников. В 1896 году он окончил университет, но вместо того чтобы заняться юриспруденцией, начал деятельность в области изобразительного искусства.

В 1898 году совместно с художником А.Н. Бенуа стал инициатором создания журнала «Мир искусства», издававшегося С.И. Мамонтовым и княгиней М.К. Тенишевой; был его редактором (с 1903 года - совместно с Бенуа), с 1902 года руководил изданием.

В этот период организовывал выставки, вызывавшие широкий резонанс в Санкт-Петербурге.

Вместе с Дягилевым в Императорские театры пришли многие современные художники (Ап. М. Васнецов, А.Н. Бенуа, Л.С. Бакст, В.А. Серов, К.А. Коровин, Е.Е. Лансере).

В сезон 1900-1901 годов Волконский возложил на Дягилева постановку балета Делиба «Сильвия». Дягилев привлёк к постановке художников группы «Мир искусства», но дело сорвалось из-за протеста чиновников дирекции. Дягилев не подчинился распоряжению директора Волконского, демонстративно отказался от редактирования «Ежегодника», и дело кончилось его увольнением.

В 1907 году Дягилев организовал Исторические русские концерты, в них участвовали Н.А. Римский-Корсаков, С.В. Рахманинов, А.К. Глазунов, Ф.И. Шаляпин, Ф.В. Литвин и другие крупные музыканты. Вместе с музыкантами, задействованными в «Исторических концертах», Дягилев посетил в Париже К. Сен-Санса.

С 1908 года Дягилев проводил Русские сезоны за границей. В первый сезон в Париже была поставлена опера «Борис Годунов» с участием Ф.И. Шаляпина. Несмотря на успех у публики, сезон принёс Дягилеву убытки, поэтому на следующий год он, оценив вкусы публики, решил везти в Париж и балет.

Дягилев постоянно сотрудничал с «открытым» им композитором И.Ф. Стравинским.

В оформлении балетов участвовали выдающиеся художники, входившие в «Мир искусства», в частности А.Н. Бенуа, Л.С. Бакст, А.Я. Головин, Н.К. Рерих, Б.И. Анисфельд. «Сезоны» были средством пропаганды русского балетного и изобразительного искусства. За двадцать лет своего существования они полностью изменили традиционные представления о театре и танце, также способствовали расцвету балета в странах, где этот жанр не был развит.

Труппа Дягилева давала сезоны в Париже и в Лондоне, а также гастролировала в Италии, Германии, США. Начиная с зимы 1923 года она репетировала в Монте-Карло, где состоялись первые представления многих премьер.

Труппа просуществовала до 1929 года, то есть до смерти её организатора.

В 1921 году у Дягилева диагностировали сахарный диабет, однако он почти не соблюдал предписанную диету. Начиная с 1927 года, у него развился фурункулёз, способный привести к развитию сепсиса, что было смертельно опасно в те времена, когда антибиотики ещё не были известны. Летом 1929 года в Париже врач предписал Дягилеву соблюдать диету и много отдыхать, предупредив, что несоблюдение рекомендаций повлечёт за собой опасные последствия для его здоровья.

Даже будучи больным, Дягилев продолжал строить планы и напевать из Вагнера и Чайковского.

Скончался на рассвете 19 августа 1929 года.

⁶ **Керенский Александр Фёдорович** (1881-1970) - российский политический и государственный деятель; министр, затем министр-председатель Временного правительства (1917). Один из создателей Российской республики. Эмигрант.

«В честь» Керенского назвали деньги керенки и политическое понятие керенщина, обозначавшее, по версии советского толкового словаря русского языка, изданного в 1935 году, «политику мелкобуржуазной революционной власти, прикрывающую своё соглашательство с крупной буржуазией громкими фразами».

⁷ **Григорий Ефимович Распутин** (*Новых*) (1869-1916) - крестьянин села Покровское Тобольской губернии. Приобрёл всемирную известность благодаря тому, что был другом семьи российского императора Николая II. В 1910-е годы в определённых кругах петербургского общества имел репутацию «царского друга», «старца», прозорливца и целителя. Негативный образ Распутина использовался в революционной - позднее в советской - пропаганде. До сих пор о личности Распутина и о его влиянии на судьбу Российской империи ведутся многочисленные споры.

⁸ **Максим Горький** (*Алексей Максимович Пешков*) (с.м. примечание к новелле «Неожиданная встреча»).

«Рай Божий»

Алексей Михайлович Ремизов

Ремизов Алексей Михайлович (1877-1957) - русский писатель. Один из наиболее ярких стилистов в русской литературе.

В 1895 году Алексей Ремизов окончил Московское Александровское коммерческое училище и поступил на физико-математический факультет Московского университета. Студентом был по ошибке арестован за сопротивление полиции во время демонстрации и на 6 лет сослан на север России (Пенза, Вологда, Усть-Сысольск).

Попав в ссылку в 1901 году в г. Усть-Сысольск Вологодской губернии познакомился с искровцем Щеколдиным Ф.И., который взял его под свое покровительство. Из воспоминаний А.М. Ремизова

о своей ссылке: «Приютил Фёдор Иванович Щеколдин, староста и казначей, старейший из ссыльных, учитель, подобие Варлаама индийского...»

Вернувшись из ссылки в 1905 году в Санкт-Петербург, Ремизов начал активную литературную деятельность: публикуются его сказки и легенды («Лимонарь, сиречь: Луг духовный», «Посолонь», «Докука и балагурье», роман («Пруд») и повести «Часы», «Пятая язва», драматургические произведения в духе средневековых мистерий). Писателя причисляли к символизму (и более широко - модернизму), хотя сам Ремизов не позиционировал себя как символист. Ближайшим другом писателя был вичужанин Фёдор Иванович Щеколдин (1870-1919), один из создателей РСДРП, писатель.

В годы революции и последующие годы военного коммунизма Ремизов оставался в Петрограде, хотя политически был настроен антибольшевистски (сам он был близок к кругам эсеров). Летом 1921 года Ремизов выехал на лечение в Германию - «временно», как верил писатель, однако вернуться обратно ему было не суждено.

В ноябре 1923 года Ремизов переехал из Берлина в Париж, в котором провёл всю свою оставшуюся жизнь. В эмиграции Ремизов продолжал много писать (наи-

более известными стали его художественные воспоминания о жизни в Петербурге и революции - «Взвихрённая Русь» и «Подстриженными глазами»). Ремизов участвовал в издании журнала «Вёрсты» (Париж, 1926-1928), в котором публиковались некоторые его произведения. С 1931 года публикация книг Ремизова почти совсем прекратилась. Его друзья и поклонники основали специальное небольшое издательство «Оплешник» в 1953 году, позволившее писателю издавать новые книги.

В конце жизни получил советское гражданство. Похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

«Живой сокровищницей русской души и речи» называла его творчество Марина Цветаева. Его отличает чрезвычайно яркое и образное восприятие мира».

Алексей Михайлович был ещё и талантливым художником. Он рисовал всегда, на любом клочке бумаги. Каждое своё письмо или крохотную записку он непременно сопровождал каким-нибудь рисунком. В 1933 году в Праге экспонировалась выставка его рисунков.

Работами Ремизова-художника восхищались Марк Шагал, Василий Кандинский, Пабло Пикассо. В годы войны А.М. Ремизов вёл «графический дневник», в котором отражались сны, портреты современников и волновавшие его события.

¹ **Зёрнов Михаил Степанович (1857-1938)** - российский врач-физиотерапевт, бальнеолог, общественный деятель.

Первый санаторий в регионе Кавказских Минеральных Вод появился в Ессентуках в 1902 году. Здравницу построил московский доктор Михаил Зёрнов. Средства на создание санатория он собирал лично. А сбор пожертвований начал с себя, вложив тысячу рублей в дело помощи малоимущим больным.

Михаил Степанович родился в семье протоиерея одной из московских церквей. Окончил медицинский факультет университета. Зёрнов сам сконструировал аппарат для электромассажа. А побывав в Париже у профессора Шарко, Михаил Степанович привёз его лечебный душ в Россию.

Санаторий на пятьсот мест в Ессентуках строили всего два года. Благодаря напору и решительности Михаила Степановича в курортной зоне появились также грязелечебницы, электросветовой и тепловой институты с самой современной техникой: рентгеновскими аппаратами, электрокардиографами, разными типами электромассажа. Небогатых пациентов здесь лечили бесплатно.

Едва открылся санаторий, как в России появилась новая форма благотворительности. Богатые люди выкупали там комнаты, а лечить отправляли тех, кому курорты не по карману. Первыми это сделали актёры - Мария Савина и Владимир Давыдов. Их поддержал писатель Короленко. А потом

и организации: страховые общества, казначейства, общества железных дорог. Один только Московский Художественный театр сразу выкупил двенадцать комнат.

Зёрнов приезжал в Ессентуки летом, но эти приезды были совсем непохожи на отпуск. Михаил Степанович не знал, что такое выходные, он принимал больных и в санатории, и в своём доме.

После революции семья Зёрновых покинула Москву и переехала в Ессентуки. Потом, спасаясь от красного террора, Зёрновы уехали в Белград.

Михаил Степанович и в эмиграции не сидел без дела. В Королевстве сербов, хорватов и словенцев хватало курортов, Зёрнов устроился на один из них - он назывался Вранска Бана - в рекордно короткие сроки реорганизовал его работу и стал самым известным русским врачом Королевства.

Михаил Степанович умер глубоким стариком за год до начала Второй Мировой войны.

² **Короленко Владимир Галактионович** (1853-1921) - русский писатель, журналист, публицист, общественный деятель, правозащитник как в годы царского режима, так в период Гражданской войны и советской власти. Почетный академик Императорской Академии наук по разряду изящной словесности.

Короленко родился 15 (27) июля 1853 года в Житомире (Украина) в семье уездного судьи. Отец писателя происходил из казацкого рода, а мать была полячкой, и польский язык он знал с детства. Короленко начал учиться в

*Владимир Галактионович
Короленко*

Житомирской гимназии, а после смерти отца завершил среднее образование в Ровенском реальном училище. В 1871 году поступил в Петербургский технологический институт, но из-за материальных трудностей вынужден был его покинуть и перейти в 1874 году на стипендию в Петровскую земледельческую академию в Москве. В 1876 году за участие в народнических студенческих кружках он был исключен из академии и выслан в Кронштадт под надзор полиции. По окончании срока ссылки возвратился в Петербург и в 1877 году поступил в Горный институт. К этому периоду относится начало литературной деятельности Короленко.

В июле 1879 года в петербургском журнале «Слово» была напечатана первая новелла писателя

«Эпизоды из жизни „искателя“». Весной 1879 года по подозрению в революционной деятельности Короленко вновь был исключен из института и выслан в г. Глазов Вятской губернии.

После отказа подписать покаянную верноподданническую петицию царю Александру III в 1881 году Короленко был отправлен в ссылку в Сибирь (он отбывал последний срок ссылки в Якутии, в Амгинской слободе). Шесть лет ссылки стали временем формирования зрелого писателя, дали богатый материал для его будущих сочинений. В 1885 году Короленко разрешили поселиться в Нижнем Новгороде. В 1886 году вышла его первая книга «Очерки и рассказы», в которую вошли сибирские новеллы. В эти же годы Короленко публикует свои «Павловские очерки». Настоящим триумфом Короленко стал выход в 1886 - 1887 гг. его лучших произведений - «В дурном обществе» (1885) и «Слепой музыкант» (1886).

В 1890-е годы Короленко много путешествует (Крым, Кавказ). В 1893 году писатель присутствует на Всемирной выставке в Чикаго (США). Результатом поездки стала философско-аллегорическая повесть «Без языка» (1895). Его произведения выходят на иностранных языках. В 1895 - 1900 гг.

В 1900 году писатель поселился в Полтаве, где и прожил до своей смерти. В последние годы жизни (1906 - 1921) Короленко работал над большим автобиографическим романом «История моего современника». Роман остался незавершенным. Писатель умер, работая над четвертым томом своего произведения. Скончался он 25 декабря 1921 года от воспаления легких.

³ **Лермонтов Михаил Юрьевич** (см. примечание к новелле «Долгое лето»).

⁴ **Максим Горький** (Алексей Максимович Пешков) (см. примечание к новелле «Неожиданная встреча»).

⁵ **Витте Граф** (1905) **Сергей Юльевич** (1849 - 1915) - русский государственный деятель, министр путей сообщения (1892), министр финансов (1892-1903), председатель Комитета министров (1903-1906), председатель Совета министров (1905-1906). Добился введения в России «золотого стандарта» (1897), способствовал притоку в Россию капиталов из-за рубежа, поощрял инвестиции в железнодорожное строительство (в том числе Великий Сибирский путь). Деятельность Витте привела к резкому ускорению темпов промышленного роста в Российской империи, за что его прозвали «дедушкой

русской индустриализации». Противник начала войны с Японией и главный переговорщик со стороны России при заключении Портсмутского мира. Фактический автор манифеста 17 октября 1905 года, который предполагал начало трансформации России в конституционную монархию. Действительный тайный советник (с 1899 года), член Государственного совета (с 1903 года). Автор многотомных мемуаров.

⁶ **Чехов Антон Павлович** (см. примечание к новелле «Подняться на Бермамыт»).

⁷ «**Сатирикон**» - русский дореволюционный журнал сатиры и юмора, издававшийся в Санкт-Петербурге еженедельно с 1908 по 1914 годы.

Футуристический вояж

Каменский Василий Васильевич (1884-1961) - русский поэт-футурист, один из первых русских авиаторов.

Детство будущего поэта прошло в селе Боровское на Урале; когда ему ещё не было и пяти лет, он потерял родителей и воспитывался в семье тётки Александры Гавриловны Труцовой, сестры матери, муж которой - Григорий Семенович Труцов (умер 12 июня 1899 г.) - служил управляющим буксирным пароходством Любимова в Перми. Детские годы прошли «среди пароходов, барж, плотов... крючников, матросов, капитанов».

*Василий
Васильевич Каменский*

Зарабатывать на жизнь пришлось рано: в 1900 году Каменский оставил школу и с 1902 по 1906 год работал конторщиком в бухгалтерии железной дороги. В 1904 году начал сотрудничать в газете «Пермский край», публикуя стихи и заметки. В газете он познакомился с местными марксистами, определившими его дальнейшие левые убеждения. В то же время Каменский увлёкся театром, стал актёром и ездил с труппой по России. Вернувшись на Урал, вёл агитационную работу в железнодорожных мастерских и руководил стачечным комитетом, за что оказался в тюрьме. Освободившись, совершил поездку в Стамбул и Тегеран (впечатления от Ближнего Востока позже найдут отражение в его творчестве).

В 1906 году приехал в Москву. В 1907 сдал экзамен на аттестат зрелости в Санкт-Петербурге, изучал агрономию, а с 1908 года работал заместителем главного редактора в журнале «Весна», где познакомился с видными столичными поэтами и писателями, в том числе и с футуристами (Бурлюком, у которого учился живописи, Хлебниковым и другими).

В 1911 году ездил за границу, в Берлин и Париж, для обучения лётному делу, на обратном пути побывал в Лондоне и Вене.

Также учился в варшавской лётной школе «Авиата».

Затем недолгое время Каменский был авиатором, одним из первых в стране освоил моноплан «Блерио XI». Не все знают, но именно он, Василий Каменский, впервые ввел в обиход столь привычное нам сегодня слово «самолёт». До Каменского летательные аппараты называли лишь «аэропланами».

В 1913 году переехал в Москву, где примкнул к группе «кубофутуристов» и активно участвовал в её деятельности (в частности, в издании сборника стихов «Садок судей»). В это время Каменский вместе с Бурлюком и Маяковским активно путешествовал по стране с выступлениями и в дальнейшем часто выступал с чтениями своих футуристических произведений.

Увлечение авиацией не поставило крест на литературной деятельности Каменского - в 1914 году выходит его поэтический сборник «Танго с коровами», в 1915 - поэма «Стенька Разин» (в 1919 переработана в пьесу, в 1928 - в роман).

Октябрьскую революцию Каменский воспринял с восторгом, как и большинство других футуристов. Вёл культработу в Красной армии. Участник группы «ЛЕФ».

В 1930-х годах написал мемуары (впервые книга издана в 1968 году). Большим успехом в СССР пользовалась патриотическая поэма Каменского «Емельян Пугачёв» (1931). Мариан Коваль положил её в основу либретто одноимённой оперы (Кировский театр, 1942), которая была удостоена Сталинской премии (1943).

С конца 1930-х годов Каменский тяжело болел (тромбофлебит, ампутация обеих ног). 19 апреля 1948 года поэта сразил инсульт, последние годы жизни он провёл парализованным.

Урна с прахом В. В. Каменского - в колумбарии Новодевичьего кладбища.

¹ **Гольцшмидт Владимир Робертович** (также *Вальдемар, Вольдемар, Влади-мир; Хольцшмидт, Гольцшмидт, Гольцшмит*) (1886-1954) - российский и советский культурист, лектор, киноактёр, поэт. Был введён своим пермским земляком и другом Василием Каменским в одну из ведущих групп русского футуризма с Давидом Бурлюком, Владимиром Маяковским, Велимиром Хлебниковым. Вместе с Каменским был организатором и совладельцем, а затем единоличным владельцем московского «Кафе поэтов» (1917-1918), где наряду с выступлениями других футуристов демонстрировал по большей части своё тело и его возможности, называя себя при этом «футуристом жизни» и отдельно рекламируя для публики платные услуги по «оздоровлению». Значительную часть жизни провёл в гастролях по Российской империи и СССР с аналогичными лекциями. Немногочисленные стихи Гольцшмидта современники называли «дикими» (Николай Вержбицкий), «стихобреднями» (Сергей Есенин). Отличался аван-

тирным складом личности, доходившим до аферизма. Электичная концепция «футуризма жизни» Гольдшмидта с элементами здорового образа жизни и йоги была маргинальной и не имела прямых последователей.

² **Чехов Антон Павлович** (см. примечание к новелле «Подняться на Бермамыт»).

³ **Бурлюк Давид Давидович** (1882-1967) - русский поэт и художник украинского происхождения, один из основоположников футуризма. Брат Владимира и Николая Бурлюков.

Родился 9 (21) июля 1882 в семье агронома-самоучки Бурлюка Давида Давидовича.

Учился в Александровской гимназии г. Сумы (Украина). В детстве родной брат случайно лишил Давида глаза во время игры с игрушечной пушкой. Впоследствии Давид ходил со стеклянным глазом, это стало частью его стиля.

В 1898-1910 учился в Казанском и Одесском художественных училищах. В печати дебютировал в 1899.

Вернувшись в Россию, в 1907-1908 Бурлюк сошёлся с левыми художниками и участвовал в художественных выставках. В 1911-1914 занимался вместе с В.В. Маяковским в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. Участник футуристических сборников «Садок судей», «Пощёчина общественному вкусу» и др.

В 1918 году Бурлюк чудом избежал гибели во время погромов и расстрелов анархистов в Москве и уехал в Уфу. В 1918-1920 он гастролировал вместе с В. Каменским и В. Маяковским по Уралу, Сибири, Дальнему Востоку. В июне 1919 года добрался до Владивостока, семья обосновалась в Рабочей слободке на северо-восточном склоне сопки Буссе.

В 1920 эмигрировал в Японию, где прожил два года, изучая культуру Востока и занимаясь живописью. Здесь им написано около 300 картин на японские мотивы, денег от продажи которых хватило на переезд в Америку. В 1922 поселился в США.

В Нью-Йорке Бурлюк развил активность в просоветски ориентированных группах и, написав поэму к 10-летию Октябрьской революции, стремился, в частности, снискать признание в качестве «отца русского футуризма». Свои сборники, брошюры, журналы Бурлюк издавал вдвоем с женой Марией Никифоровной и через друзей распространял эти издания преимущественно в пределах СССР. С 1930 в течение

десятилетий Бурлюк сам издавал журнал «Color and Rhyme» («Цвет и рифма»), частью на английском, частью на русском языках, объёмом от 4 до 100 страниц, со своими живописными работами, стихами, рецензиями, репродукциями футуристских произведений и т. п. Работы Бурлюка участвовали в выставках существовавшей в конце 1920-х - начале 1930-х годов группы советских художников «13».

В 1956 и в 1965 гг. посещал СССР. Несмотря на его многократные предложения к изданию в СССР своих произведений, ему не удалось напечатать ни строки.

Умер 15 января 1967 года в г. Хэмптон-Бейз, штат Нью-Йорк. Его тело было кремировано согласно завещанию и прах развеян родственниками над водами Атлантики с борта парома.

⁴ **Хлебников Велимир (настоящее имя - Виктор) Владимирович** (1885-1922) - русский поэт и прозаик.

Мимолётности

Бальмонт Константин Дмитриевич (1867-1942) - русский поэт-символист, переводчик и эссеист, один из виднейших представителей русской поэзии Серебряного века. Опубликовал 35 поэтических сборников, 20 книг прозы, переводил с многих языков (Уильям Блейк, Эдгар Аллан По, Перси Биш Шелли, Оскар Уайльд, Альфред Теннисон, Герхарт Гауптман, Шарль Бодлер, Герман Зудерман). Автор автобиографической прозы, мемуаров, филологических трактатов, историко-литературных исследований и критических эссе. Был номинирован на Нобелевскую премию по литературе (1923).

*Константин Дмитриевич
Бальмонт*

В 1886 году Константин Бальмонт поступил на юридический факультет Московского университета.

В 1888 году Бальмонт вернулся в университет, но из-за сильного нервного истощения учиться не смог - ни там, ни в ярославском Демидовском лицее юридических наук, куда поступил в 1889 году. В сентябре 1890 года он был отчислен из лицея и на этом оставил попытки получить «казённое образование».

В 1889 году Бальмонт женился на Ларисе Михайловне Гарелиной, дочери иваново-вознесенского купца. Год спустя в Ярославле на собственные средства он издал свой первый «Сборник стихотворений».

В марте 1890 года произошёл инцидент, наложивший отпечаток на всю последующую жизнь Бальмонта: он попытался покончить с собой, выбросился из окна третьего этажа, получил серьёзные переломы и провёл год в постели. Считалось, что толкнуло его на такой поступок отчаяние от семейного и финансового положения: женитьба рассорила Бальмонта с родителями и лишила финансовой поддержки, непосредственным же толчком явилась прочитанная незадолго до этого «Крейцера соната».

В эти трудные дни Бальмонту помог В.Г. Короленко. «Теперь он явился ко мне, сильно примятый разными невзгодами, но, по-видимому, не упавший духом. Он, бедняга, очень робок, и простое, внимательное отношение к его работе уже

ободрит его и будет иметь значение», - писал тот в сентябре 1891 года, обращаясь к М.Н. Альбову, который тогда был одним из редакторов журнала «Северный вестник», с просьбой обратить внимание на начинающего поэта.

В сентябре 1894 года в студенческом «Кружке любителей западноевропейской литературы» Бальмонт познакомился с В.Я. Брюсовым, впоследствии ставшим его самым близким другом.

Сборник «Под северным небом», вышедший в 1894 году, принято считать отправной точкой творческого пути Бальмонта.

Если дебют 1894 года не отличался оригинальностью, то во втором сборнике «В безбрежности» (1895) Бальмонт приступил к поискам «нового пространства, новой свободы», возможностей соединения поэтического слова с мелодикой. «...Я показал, что может сделать с русским стихом поэт, любящий музыку. В них есть ритмы и перезвоны благозвучий, найденные впервые», - позже писал он сам о стихах 1890-х годов.

В 1896 году Бальмонт женился на переводчице Е.А. Андреевой и отправился с супругой в Западную Европу. Несколько лет, проведённых за границей, предоставили начинающему литератору, интересовавшемуся, помимо основного предмета, историей, религией и философией, огромные возможности. Он посетил Францию, Голландию, Испанию, Италию, много времени проводя в библиотеках.

В конце 1890-х годов Бальмонт не оставался подолгу на одном месте; основными пунктами его маршрута были Санкт-Петербург, Москва и Подмосковье, Берлин, Париж, Испания, Биарриц и Оксфорд. В 1899 году Бальмонт писал поэтессе Л. Вилькиной: «У меня много новостей. И все хорошие. Мне «везёт». Мне пишется. Мне жить, жить, вечно жить хочется. Если бы Вы знали, сколько я написал стихов новых! Больше ста. Это было сумасшествие, сказка, новое. Издаю новую книгу, совсем не похожую на прежние. Она удивит многих. Я изменил своё понимание мира. Как ни смешно прозвучит моя фраза, я скажу: я понял мир. На многие годы, быть может, навсегда».

К. Бальмонт - Л. Вилькиной

Четвёртый поэтический сборник Бальмонта «Будем как Солнце» (1902) разошёлся тиражом 1800 экземпляров в течение полугода, что считалось неслыханным успехом для поэтического издания, закрепил за автором репутацию лидера символизма и в ретроспективе считается его лучшей поэтической книгой. Блок назвал «Будем как Солнце» «книгой, единственной в своём роде по безмерному богатству».

В 1901 году он принял участие в массовой студенческой демонстрации на площади у Казанского собора, основным требованием которой была отмена указа об

отправлении на солдатскую службу неблагонадёжных студентов. Демонстрация была разогнана полицией и казаками, среди её участников были жертвы. 14 марта Бальмонт выступил на литературном вечере в зале Городской думы и прочитал стихотворение «Маленький султан», в завуалированной форме критиковавшее режим террора в России и его организатора, Николая Второго («То было в Турции, где совесть - вещь пустая, там царствует кулак, нагайка, ятаган, два-три нуля, четыре негодяя и глупый маленький султан»). Стихотворение пошло по рукам, его собирался напечатать в газете «Искра» В.И. Ленин.

По постановлению «особого совещания» поэт был выслан из Санкт-Петербурга, на три года лишившись права проживания в столичных и университетских городах.

В 1906 году Бальмонт написал стихотворение «Наш царь» об императоре Николае:

Наш царь - Мукден, наш царь - Цусима,

Наш царь - кровавое пятно,

Зловонье пороха и дыма,

В котором разуму - темно...

Наш царь - убожество слепое,

Тюрьма и кнут, подсуд, расстрел,

Царь-висельник, тем низкий вдвое,

Что обещал, но дать не смел.

Он трус, он чувствует с запинкой,

Но будет, час расплаты ждёт.

Кто начал царствовать - Ходышкой,

Тот кончит - встав на эшафот.

Другое стихотворение из того же цикла - «Николаю Последнему» - заканчивалось словами: «Ты должен быть убит, ты стал для всех бедой».

В 1904-1905 годах издательство «Скорпион» выпустило собрание стихов Бальмонта в двух томах. В конце 1904 года поэт предпринял путешествие в Мексику, откуда отправился в Калифорнию.

В 1906 году Бальмонт обосновался в Париже, считая себя политическим эмигрантом.

11 марта 1912 года на заседании Неофилологического общества при Санкт-Петербургском университете по случаю двадцатипятилетия литературной деятельности в присутствии более 1000 собравшихся К.Д. Бальмонт был провозглашён великим русским поэтом.

В 1913 году политическим эмигрантам по случаю 300-летия Дома Романовых была предоставлена амнистия, и 5 мая 1913 года Бальмонт возвратился в Москву.

В начале 1914 года поэт вернулся в Париж, затем в апреле отправился в Грузию, где получил пышный приём и провёл курс лекций, имевших большой успех. Поэт стал изучать грузинский язык и взялся за перевод поэмы Шоты Руставели «Витязь в тигровой шкуре».

Из Грузии Бальмонт вернулся во Францию, где его и застало начало Первой мировой войны. Лишь в конце мая 1915 года окружным путём - через Англию, Норвегию и Швецию - поэт вернулся в Россию. В конце сентября Бальмонт отправился в двухмесячное путешествие по городам России с лекциями, а год спустя повторил турне, которое оказалось более продолжительным и завершилось на Дальнем Востоке, откуда он в мае 1916 года ненадолго выехал в Японию.

Бальмонт приветствовал Февральскую революцию 1917 года, начал сотрудничать с Обществом пролетарских искусств, но вскоре разочаровался в новой власти и присоединился к партии кадетов, требовавшей продолжения войны до победного конца.

Эти годы Бальмонт жил в Петрограде с Е.К. Цветковской (1880-1943), своей третьей женой, и дочерью Миррой.

В 1920 году вместе с Е.К. Цветковской и дочерью Миррой поэт переехал в Москву. Работал в Наркомпросе, готовил к изданию стихи и переводы, читал лекции.

В начале 1920 года поэт начал хлопоты о поездке за границу, ссылаясь на ухудшение здоровья жены и дочери. К этому времени относится начало долгой и прочной дружбы Бальмонта с Мариной Цветаевой, которая в Москве пребывала в сродном, очень тяжёлом положении.

В Париже Бальмонт с семьёй поселились в маленькой меблированной квартире.

Поэт сразу же оказался меж двух огней. С одной стороны, эмигрантское сообщество заподозрило в нём сочувствующего Советам. С другой стороны, советская пресса начала «клеить его как лукавого обманщика», который «ценою лжи» добился для себя свободы, злоупотребил доверием Советской власти, великодушно отпустившей его на Запад «для изучения революционного творчества народных масс».

В эмиграции Бальмонт активно сотрудничал с газетой «Парижские новости», журналом «Современные записки», многочисленными русскими периодическими изданиями, выходившими в других странах Европы. Отношение его к Советской России оставалось неоднозначным, но постоянной была тоска по России: «Я хочу России... пусто, пусто. Духа нет в Европе», - писал он Е. Андреевой в декабре 1921 года. Тяжесть оторванности от родины была усугублена и ощущением одиночества, отчуждённости от эмигрантских кругов.

К концу 1920-х годов жизнь К. Бальмонта и Е. Цветковской становилась всё труднее. Литературные гонорары были мизерными, финансовая поддержка, которая исходила в основном от Чехии и Югославии, создавших фонды помощи русским писателям, стала нерегулярной, затем прекратилась. Поэту приходилось заботиться и о трёх женщинах, причём дочь Мирра, отличавшаяся крайней беззаботностью и непрактичностью, доставляла ему массу хлопот.

Положение сделалось критическим после того, как в 1932 году стало ясно, что поэт страдает серьёзным психическим заболеванием. С августа 1932 по май 1935 года Бальмонты безвыездно жили в Кламаре под Парижем, в бедности. Весной 1935 года Бальмонт попал в клинику.

В конце 1936 года Бальмонт и Цветковская перебрались в Нуази-ле-Гран под Парижем. Последние годы жизни поэт пребывал попеременно то в доме призрака для русских, который содержала М. Кузьмина-Караваева, то в дешёвой меблированной квартире.

В 1940-1942 годах Бальмонт не покидал Нуази-ле-Гран; здесь, в приюте «Русский дом», он и скончался ночью 23 декабря 1942 года от воспаления лёгких. Его похоронили на местном католическом кладбище, под надгробной плитой из серого камня с надписью: «*Constantin Balmont, poète russe*» («Константин Бальмонт, русский поэт»).

¹ **Бальмонт Екатерина Алексеевна (1867-1950)** - русский литератор, переводчик и мемуаристка, вторая жена поэта Константина Бальмонта.

² **Цветковская Елена Константиновна (1880-1943)** - дочь генерала К.Г. Цветковского.

³ **Прокофьев Сергей Сергеевич (1891-1953)** - русский и советский композитор, пианист, дирижёр, музыкальный писатель. Народный артист РСФСР. Лауреат Ленинской премии и шести Сталинских премий.

Прокофьев писал во всех современных ему жанрах. Его перу принадлежат 8 опер, 8 балетов, 7 симфоний и другие оркестровые сочинения, 9 концертов для сольного инструмента с оркестром, 9 фортепианных сонат, оратории и кантаты, камерные вокальные и инструментальные сочинения, музыка для кино и театра.

Прокофьев создал собственный новаторский стиль. Новаторскими чертами отмечены сочинения как раннего, так и заграничного и советского периодов. Многие его сочинения (всего более 130 опусов) вошли в сокровищницу мировой музыкальной культуры как, например, Первая, Пятая и Седьмая симфонии,

балет «Ромео и Джульетта» (1935), Первый, Второй и Третий фортепианные концерты.

Прокофьев принадлежит к числу наиболее значительных и репертуарных композиторов XX века

⁴ **Шаляпин Фёдор Иванович** (1873-1938) - русский оперный и камерный певец (высокий бас), в разное время солист Большого и Мариинского театров, а также театра Метрополитен Опера, первый народный артист Республики, в 1918-1921 годах - художественный руководитель Мариинского театра. Получил репутацию артиста, который соединил в своём творчестве «прирождённую музыкальность, яркие вокальные данные, необыкновенное актёрское мастерство». Оказал большое влияние на мировое оперное искусство.

⁵ **Гарелина Лариса Михайловна** (1864-1942) - дочь шуйского фабриканта. Первая жена поэта Константина Бальмонта.

⁶ **Верин Борис** (*Башикиров Борис Николаевич*) (1877 - после 1926) - поэт, меценат.

⁷ **Распутин Григорий Ефимович** (см. примечание к новелле «Тень любви»).

Ночной сторож

Хлебников Велимир (настоящее имя - Виктор) Владимирович (1885-1922) - русский поэт и прозаик. Родился 28 октября (9 ноября) 1885 года в урочище Ханская Ставка в Калмыкии. Отец, Владимир Алексеевич, орнитолог и лесовод, ставший одним из основателей первого в СССР Астраханского заповедника, пробудил в душе сына интерес к естественным наукам и любовь к природе. Мать, Екатерина Николаевна, закончила Смольный институт и всем своим пятерым детям дала хорошее домашнее образование. В 1909 году, в Петербурге, будучи студентом 1 курса славяно-русского отделения историко-филологического факультета, Хлебников вошел в круг поэтов-символистов, объединившихся вокруг Вячеслава Иванова. Первым его произведением, появившимся в печати, стало «Искушение грешника», опубликованное в 1908 году. Велимир познакомился с братьями Бурлюками, художником и музыкантом М. Матюшиным и его супругой, художницей и поэтессой Е. Гуро. В 1910 году вышел их совместный сборник «Садок судей», ставший точкой отсчета в истории футуризма.

Велимир Хлебников

Хлебников искренне принял революцию, надеясь, что теперь сможет претворить в жизнь свои идеи - в частности, создать задуманное еще в 1915 году Общество председателей земного шара. В нем должно было быть триста семнадцать членов, поскольку, согласно теории Хлебникова, все происходящие в мире события - от войн и революций до биения сердца и колебаний струн музыкальных инструментов, - будучи изменены во времени, оказываются кратны тремстам семнадцати. Вскоре после Февральской революции Велимир написал «Воззвание председателей земного шара». Он призывал создать «независимое государство времени», свободное от пороков, свойственных «государствам пространства».

1917 - 1921 гг. стали для Хлебникова временем скитаний. Он переезжает из революционного Петрограда в Москву, оттуда - в Астрахань. 1919 год застал его на Украине. Чтобы избежать мобилизации в армию Деникина, он вынужден был скрываться в харьковской психиатрической больнице, где ему удалось получить «белый билет».

Лишения, опасности и напряженная работа подорвали здоровье поэта. В декабре 1921 года он вернулся в Москву, будучи тяжело больным. Самым близким

человеком была его младшая сестра Вера, ставшая художницей. Весной 1922 года Хлебников вместе со своим другом - мужем Веры, художником П. Ми-туричем - уехал в Новгородскую губернию, надеясь отдохнуть и набраться сил перед поездкой в Астрахань. Там, в деревне Санталово, он и скончался 28 июня 1922 года. Поэта похоронили на деревенском погосте, надпись на гробе гласила: «Председатель земного шара».

Лишь после смерти Хлебникова началось освоение открытых им поэтических материков. В 1923 году в Москве была выпущена книга его стихов. В 1925 году А. Крученых издал «Записную книжку Велимира Хлебникова», в 1928 - 1933 гг. вышли в свет тридцать выпусков «Неизданного Хлебникова», в 1930 - 1933 гг. в Ленинграде - «Стихотворения», в Москве - «Неизданное». Затем о поэте не вспоминали более двадцати лет, пока в Ленинграде в 1960 году в малой серии «Библиотеки поэта» не был издан сборник «Стихи и поэмы». Затем - снова двадцатилетнее забвение. Лишь начиная с 1984 года произведения Хлебникова стали переиздаваться.

¹ **РОСТА** - Российское телеграфное агентство (1918-1925).

² **Центропечать** - Центральное агентство ВЦИК по снабжению и распространению произведений печати (1918-1921).

³ **Госиздат** - Главное управление Государственного издательства Наркомпроса РСФСР.

⁴ **Уитмен Уолт** (англ. *Walt Whitman*) (1819-1892) - американский поэт и публицист, новатор свободного стиха.

⁵ **Пушкин Александр Сергеевич** (см. примечание к новелле «Я ждал бесечно лучших дней»).

⁶ **Мигель де Сервантес Сааведра** (исп. *Miguel de Cervantes Saavedra*) (1547-1616) - всемирно известный испанский писатель.

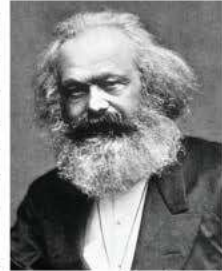
⁷ **Данте Алигьери** (итал. *Dante Alighieri*) (1265-1321) - итальянский поэт, мыслитель.

⁸ **Шота Руставели** (1172-1216) - грузинский государственный деятель и поэт.

⁹ **Ньютон Исаак** (англ. *Isaac Newton*) (1642-1727) - английский физик, математик, механик и астроном, один из создателей классической физики.

¹⁰ **Галилей Галилео** (итал. *Galileo Galilei*) (1564-1642) - итальянский физик, механик, астроном, философ, математик, оказавший значительное влияние на науку своего времени, основатель экспериментальной физики.

¹¹ **Маркс Карл Генрих** (нем. *Karl Heinrich Marx*) (1818-1883) - немецкий философ, социолог, экономист, писатель, поэт, политический журналист, лингвист, общественный деятель. Друг и единомышленник Фридриха Энгельса, в соавторстве с которым написал «Манифест коммунистической партии» (1848 год). Автор классического научного труда по политической экономии «Капитал. Критика политической экономии» (1867 год).

Карл Маркс

На основе его творчества появились следующие направления:

В науке - научный метод материалистической диалектики.

В философии - материалистическое понимание философии Гегеля.

В социально-гуманитарных науках - материалистическое понимание истории культуры.

В социальной практике - научный социализм, первая научная теория классовых борьбы.

В экономической теории - научная критика политической экономии, первая научная теория прибавочной стоимости.

Все эти направления совокупно имеют название «марксизм» и являются основой коммунистического движения.

¹² **Ульянов Владимир Ильич (основной псевдоним Ленин)** (1870-1924) - российский революционер, крупный теоретик марксизма, советский политический и государственный деятель, создатель Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков), главный организатор и руководитель Октябрьской социалистической революции 1917 года в России, первый председатель Совета народных комиссаров (правительства) РСФСР, создатель первого в мировой истории социалистического государства.

Владимир Ильич Ульянов

Марксист, публицист, основоположник марксизма-ленинизма, идеолог и создатель Третьего (Коммунистического) интернационала, основатель Союза Советских Социалистических Республик, первый председатель СНК СССР. Сфера основных политико-публицистических работ - материалистическая философия, теория марксизма, критика капитализма и империализма, теория и практика осуществления социалистической революции, построения социализма и коммунизма, политэкономия социализма.

Поиски созвучности

Анна Андреевна Ахматова

Ахматова Анна Андреевна (урождённая Горенко, по первому мужу Горенко-Гумилёва, после развода взяла псевдоним-фамилию Ахматова, по второму мужу Ахматова-Шилейко, после развода Ахматова) (1889-1966) - русская поэтесса Серебряного века, переводчица и литературовед, одна из наиболее значимых фигур русской литературы XX века. Была номинирована на Нобелевскую премию по литературе (1965 и 1966).

Признанная классиком отечественной поэзии ещё в 1920-е годы, Ахматова позже подвергалась замалчиванию, цензуре и травле, многие произведения не были опубликованы на родине не только при жизни автора, но и в течение более чем двух десятилетий после её смерти. В то же время имя Ахматовой ещё при жизни окружала слава среди почитателей поэзии как в СССР, так и в эмиграции.

Анна Горенко родилась в одесском районе Большой Фонтан в семье потомственного дворянина, инженера-механика флота в отставке А.А. Горенко (1848-1915), ставшего после переезда в столицу коллежским ассессором, чиновником для особых поручений Госконтроля.

В 1890 году семья переехала сначала в Павловск, а затем в Царское Село, где в 1899 году Анна Горенко стала ученицей Мариинской женской гимназии.

Свои первые стихотворения она опубликовала в 1911 году («Новая жизнь», «Gaudeamus», «Аполлон», «Русская мысль»). В молодости примыкала к акменстам (сборники «Вечер», 1912, «Чётки», 1914).

Автобиографическая поэма «Реквием» (1935-1940; впервые опубликована в Мюнхене в 1963, в СССР - в 1987) - одно из первых поэтических произведений, посвящённых жертвам репрессий 1930-х годов.

«Поэма без героя» (1940-1965, относительно полный текст впервые опубликован в СССР в 1976) отражает взгляд Ахматовой на современную ей эпоху, от Серебряного века до Великой Отечественной войны. Поэма имеет

выдающееся значение как образец современной поэзии и уникальное историческое полотно.

Кроме поэтических произведений перу Ахматовой принадлежат статьи о творчестве А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова, воспоминания о современниках.

В 1955 году, когда стихи Ахматовой снова стали появляться в печати, Литфонд предоставил ей в посёлке Комарово маленький домик, который она сама называла «Будкой». Дача стала центром притяжения творческой интеллигенции. Здесь бывали Дмитрий Лихачёв, Лидия Чуковская, Фаина Раневская, Натан Альтман, Александр Прокофьев, Марк Эрмлер и многие другие. Приезжали и молодые поэты: Анатолий Найман, Евгений Рейн, Дмитрий Бобышев, Иосиф Бродский.

¹ **Качалов Василий Иванович** (настоящая фамилия Шверубович) (1875-1948) - русский и советский актёр, мастер художественного слова (чтец), педагог. Один из ведущих актёров Московского Художественного театра на протяжении многих лет. Народный артист СССР (1936).

Учился в 1-й Виленской гимназии одновременно с Феликсом Дзержинским.

В 1893 году поступил на юридический факультет Санкт-Петербургского университета, где играл в драматическом студенческом кружке.

В 1896 году стал актёром петербургского Театра Литературно-артистического общества, фактическим владельцем которого был Алексей Суворин, владелец и редактор газеты «Новое время». По одной из версий, именно Суворин придумал сценический псевдоним «Качалов» вместо «неблагозвучной» фамилии актёра. По другой, сам Шверубович, случайно прочитав в петербургской газете некролог Николая Качалова, решил взять его фамилию.

В 1900 году был принят в труппу Московского Художественного театра, где дебютировал в роли Берендея в «Снегурочке» Островского. Поначалу довольствовался эпизодическими ролями, чуть позже уже дублировал Константина Станиславского в ролях Тригорина и Вершинина в пьесах Чехова «Чайка» и «Три сестры». В течение нескольких лет стал одним из ведущих актёров театра.

В Москве вёл активную богемную жизнь «серебряного века». В рассказе Ивана Бунина «Чистый понедельник» карикатурно изображён пьяный Качалов «с бокалом в руке, бледный от хмеля, с крупным потом на лбу, на который свисал клочок его белорусских волос». Сергею Есенину принадлежит известное стихотворение «Собаке Качалова», начинающееся строками: «Дай, Джим, на счастье лапу мне...».

В 1922-1924 годах с труппой МХАТ, возглавляемой Станиславским, выступал в Европе и в Америке. С 1924 года работал в Москве. Всего сыграл 55 ролей.

Значительное место в творчестве Качалова занимала деятельность на эстраде, работа на радио, записи произведений поэзии (Сергея Есенина, Эдуарда Багрицкого и других) и прозы для граммофонных пластинок. Он создал особый жанр эстрадного исполнения драматических произведений - «монтажи», в которых играл по несколько ролей.

Скончался 30 сентября 1948 года от рака легкого в Москве. Похоронен на Новодевичьем кладбище.

*Алексей Николаевич
Толстой*

² **Толстой Алексей Николаевич** (1882-1945) - русский писатель, общественный деятель, академик Академии Наук СССР (1939). Автор цикла повестей и рассказов из жизни усадебного дворянства под названием «Заволжье» (1909 - 1911), сатирического романа «Похождение Невзорова, или Ибикус» (1924), исторической трилогии «Хождение по мукам» (1922-1941), исторического романа «Петр Первый», который остался неоконченным (1929-1945).

Широко известны его научно-фантастические романы «Аэлита» (1922-1923), «Гиперболонд инженера Гарина» (1925-1927). Является автором многочисленных рассказов и пьес, в том числе дилогии «Иван Грозный» (1942-1943), автобиографичной повести «Детство Никиты» (1922).

Трижды лауреат Государственной премии ССР (1941, 1943, 1946 - посмертно).

Евгений Иванович Замятин

³ **Замятин Евгений Иванович** (1884-1937) - русский писатель, критик и публицист, киносценарист.

С 1893 по 1896 годы Замятин посещал Лебедянскую гимназию, потом учился в Воронежской гимназии, которую окончил в 1902 году с золотой медалью.

В это время Замятин увлёкся социалистическим учением, вступил во фракцию большевиков РСДРП (1905-1910), входил в боевую дружину Выборгского района и принимал активное участие в жизни революционной студенческой молодёжи. В 1905 году Замятина арестовали за революционную деятельность, но благодаря усилиям матери вскоре выпустили. Летом

того же года при возвращении через Одессу из морского путешествия в Египет Замятин случайно оказался свидетелем восстания на броненосце «Потёмкин», был снова арестован и выслан в Лебедянь. В том же году он тайно вернулся в Петербург, где до 1911 года жил на нелегальном положении.

В 1908 году Замятин закончил институт и написал свой первый рассказ - «Один». Два года начинающий автор преподавал на кораблестроительном факультете, работал инженером и одновременно заканчивал рассказ «Девушка». В 1911 году Замятина за нелегальное проживание выслали в Лахту. Он написал свою первую повесть «Уездное», где с горечью изобразил полный инертности мир русской провинции. Это произведение привлекло внимание знатоков литературы и других писателей, в том числе Горького.

После Октябрьской революции, с которой Замятин связывал немалые надежды, печатается запрещённая ранее повесть «На куличках». В петроградском Доме Искусств им был организован класс художественной прозы, из которого выделилась группа молодых одарённых писателей «Серапионовы братья». Её членами были Михаил Зощенко, Константин Федин, Всеволод Иванов, Вениамин Каверин, Николай Тихонов и другие. В 1918-1924 годах был членом редколлегии «Всемирной литературы» и заведующим редакцией в издательстве. В 1924 году участвовал в издании независимого литературно-художественного журнала «Русский современник».

В 1920 году Замятин заканчивает работу над знаковым романом «Мы», с которого начинается расцвет жанра антиутопии.

В 1921 году рукопись романа «Мы» была отправлена автором в Берлин для публикации издательством Э. Гржебина, с которым Замятин был связан договорными отношениями. Издательство, в свою очередь, передало копию в США для перевода и издания на английском языке. Но советская цензура усмотрела в романе прикрытую издёвку над коммунистическим строем и запретила публикацию произведения.

В 1922 году имя Замятина по формальным причинам (публикация рассказа «Арапы» в «Петербургском сборнике») было включено в списки на высылку из Советской России, а 17 августа он был арестован с резолюцией «высылка отсрочена до особого распоряжения». Замятин провёл почти месяц в тюрьме ГПУ, однако благодаря стараниям друзей (в частности, Юрия и Елены Анненковых) приговор был отменён.

Роман «Мы» был издан в Нью-Йорке на английском языке в 1925 году, а затем на чешском (1927) и французском (1929) языках. Эти переводы заметно повлияли как на европейскую литературную жизнь, так и на судьбу автора. В 1929 году советским издательством «Федерация» был приостановлен на четвёртом томе

выпуск собрания сочинений писателя. На волне жёсткой критики и травли Замiatин в 1929 году заявляет о выходе из Союза писателей, а в июне 1931 года пишет письмо И.В. Сталину с просьбой разрешить ему выезд за границу. Он получает положительный ответ (по ходатайству Горького) и в ноябре 1931 года уезжает - сначала в Ригу, затем в Берлин, откуда в феврале 1932 года перебирается в Париж.

В июне 1934 года по собственной просьбе и с одобрения Сталина был принят в новообразованный Союз советских писателей, а в 1935 году участвовал в антифашистском Конгрессе писателей в защиту культуры как член советской делегации. До конца жизни сохранил советское гражданство.

Замiatин скучал по родине до своей смерти. Писатель скончался 10 марта 1937 года в Париже. Похоронен на парижском кладбище в Тье.

4 Маршак Самуил Яковлевич (1887-1964) - русский советский поэт, драматург и переводчик, литературный критик, сценарист. Автор популярных детских книг.

Раннее детство и школьные годы Самуил провёл в городке Острогжске под Воронежем, где жил его дядя, зубной врач Острогжской мужской гимназии Михаил Борисович Гительсон (1875-1939).

Одна из поэтических тетрадей Маршака попала в руки В.В. Стасова, известного русского критика и искусствоведа, который принял горячее участие в судьбе юноши. С помощью Стасова Самуил переезжает в Петербург и учится в одной из лучших гимназий.

В 1904 году в доме Стасова познакомился с Максимом Горьким, который отнёсся к нему с большим интересом и пригласил его на свою дачу в Ялте, где Маршак жил в 1904-1906 годах. Печататься начал в 1907 году, опубликовав сборник «Сиониды», посвящённый еврейской тематике.

Когда семья Горького вынуждена была покинуть Крым из-за репрессий царского правительства после революции 1905 года, Маршак вернулся в Петербург, куда к тому времени перебрался его отец, работавший на заводе за Невской заставой.

В 1911 году вместе со своим другом, поэтом Яковом Годиным, и группой еврейской молодёжи совершил длительное путешествие по Ближнему Востоку.

В этой поездке познакомился с Софьей Михайловной Мильвидской (1889-1953), на которой женился вскоре по возвращении. В конце сентября 1912 года молодожёны отправились в Англию. Там Маршак учился сначала в политехникуме, затем в Лондонском университете (1912-1914). Во время каникул много путешествовал пешком по Англии, слушал английские народные песни. Уже тогда начал работать над переводами английских баллад, впоследствии прославивших его.

В 1914 году вернулся на родину, работал в провинции, публиковал свои переводы в журналах «Северные записки» и «Русская мысль». В военные годы занимался помощью детям беженцев.

В 1919 году издал (под псевдонимом «Доктор Фрикен») первый сборник «Сатиры и эпиграммы».

В 1920 году, живя в Екатеринодаре (в том же году переименованном в Краснодар), организовал там комплекс культурных учреждений для детей, в частности, создал один из первых в России детских театров и писал для него пьесы. Кроме того, работал в областном отделе народного образования и в его журнале, а также осуществлял преподавание английского языка и истории драматической литературы в Кубанском университете и Кубанском политехническом институте.

В 1922 году переехал в Петроград, в 1923 году выпустил свои первые стихотворные детские книги («Дом, который построил Джек», «Детки в клетке», «Сказка о глупом мышпонке»). Вместе с учёным-фольклористом Ольгой Капицей руководил студией детских писателей в Институте дошкольного образования Наркомпроса, организовал (1923) детский журнал «Воробей» (в 1924-1925 годах - «Новый Робинзон»),

На протяжении нескольких лет также руководил Ленинградской редакцией Детгиза, Ленгосиздата, издательства «Молодая гвардия». Имел отношение к журналу «Чиж». Вёл «Литературный кружок» (при ленинградском Дворце пионеров). В 1934 году на Первом съезде советских писателей сделал доклад о детской литературе и был избран членом правления СП СССР. В 1939-1947 годах был депутатом Московского городского Совета депутатов трудящихся.

В 1938 году переселился в Москву.

Во время советско-финской войны (1939-1940) писал для газеты «На страже Родины».

В годы Великой Отечественной войны активно работал в жанре сатиры, публикуя стихи в «Правде» и создавая плакаты в содружестве с Кукрыниксами. Активно содействовал сбору средств в Фонд обороны.

В 1960 году публикует автобиографическую повесть «В начале жизни», в 1961 году - «Воспитание словом» (сборник статей и заметок о поэтическом мастерстве).

Является автором ставших классическими переводов сонетов Уильяма Шекспира, песен и баллад Роберта Бёрнса, стихов Уильяма Блейка, У. Вордсворта, Дж. Китса, Р. Киплинга, Э. Лира, А.А. Милна, Дж. Остин, Ованеса Туманяна, а также произведений украинских, белорусских, литовских, армянских и других поэтов. Переводил также стихи Мао Цзэдуна.

Книги Маршака переведены на многие языки мира. За переводы из Роберта Бёрнса в 1960 году удостоен звания почётного президента Всемирной федерации Роберта Бёрнса в Шотландии.

Самуил Яковлевич Маршак скончался 4 июля 1964 года в Москве. Похоронен на Новодевичьем кладбище.

⁵ **Станиславский (Алексеев) Константин Сергеевич** (с.м. примечание к новелле «Неожиданная встреча»).

⁶ **Яблочкина Александра Александровна** (1866-1964) - русская и советская театральная актриса, педагог. Народная артистка СССР (1937). Лауреат Сталинской премии первой степени (1943).

Александра Яблочкина родилась 3 (15) ноября 1866 года в Санкт-Петербурге в семье актёра и режиссёра Александра Яблочкина и Серафимы Яблочкиной. Актёрскому искусству училась у своего отца и актрисы Малого театра Г.Н. Федотовой, которую в знак благодарности называла «матерью».

В 1885 году Яблочкина выступала на сцене Тифлиского театра русской драмы. С 1886 года - в Москве; была актрисой Театра Корша, где сыграла одну из лучших своих ролей - Софию в «Горе от ума» А.С. Грибоедова. С 1888 года и до конца жизни служила в Малом театре; её партнёрами по сцене были Мария Ермолова, Александр Ленский, Александр Южин, Ольга Садовская и другие корифеи Малого театра.

В 1915 году Яблочкина возглавила Русское театральное общество (РТО, с 1932 - Всероссийское театральное общество) и была его председателем до конца жизни.

Александра Александровна Яблочкина скончалась 20 марта 1964 года в Москве. Похоронена на Новодевичьем кладбище.

Владимир Казимирович Шилейко

⁷ **Шилейко Владимир Казимирович** (настоящее имя *Вольдемар-Георг-Анна-Мария Казимирович*) (1891-1930) - русский востоковед, поэт и переводчик, второй муж Анны Ахматовой, член Императорского православного палестинского общества, профессор.

Вольдемар Шилейко родился 2 (14) февраля 1891 года в Петергофе. Старший сын в семье, где всего было пятеро детей. Отец, Казимир Донатович Шилейко, - отставной поручик, потом чиновник (статский советник), два года изучал археологию в Петербургском

археологическом институте и, возможно, способствовал увлечению сына Востоком.

Володя начал самостоятельно изучать древнееврейский язык с семи лет. В университете изучал ассириологию. Переписывался с ведущими востоковедами мира, печатался во многих европейских научных журналах.

Кроме научной деятельности, Шилейко писал стихи (близкие к поэтике акмеизма), публиковался в российских литературных журналах. Неслучайно самыми знаменитыми его переводами стали переводы шумерской и аккадской поэзии.

В 1918 году женился на поэтессе Анне Андреевне Ахматовой, став её вторым мужем после развода с поэтом Н.С. Гумилёвым. Брак продлился пять лет. После расставания Ахматова и Шилейко поддерживали переписку до самой его смерти.

Шилейко с 1919 до 1929 года работал в Петроградском (Ленинградском) государственном университете, где сотрудничал с А.П. Рифтиным и академиком В.В. Струве, затем переехал в Москву, но через год снова заболел туберкулёзом. На этот раз с болезнью ему справиться не удалось, и Владимир Казимирович скончался 5 октября 1930 года, не дожив до 40 лет. Похоронен на Введенском кладбище.

⁸ Брюсов Валерий Яковлевич (см. примечание к новелле «Ангел бледный»).

⁹ Гумилёв Николай Степанович (1886-1921) - русский поэт Серебряного века, создатель школы акмеизма, прозаик, переводчик и литературный критик.

Родился в дворянской семье кронштадтского корабельного врача Степана Яковлевича Гумилева (1836-1910).

Осенью 1895 года Гумилёвы переехали из Царского Села в Петербург. В 1900 году у старшего брата Дмитрия (1884-1922) обнаружился туберкулёз, и Гумилёвы уехали на Кавказ, в Тифлис. В связи с переездом Николай поступил второй раз в IV класс, во 2-ю Тифлисскую гимназию, но через полгода, 5 января 1901 года, был переведён в 1-ю Тифлисскую мужскую гимназию. Здесь в «Тифлисском листке» 1902 года впервые было опубликовано стихотворение Н. Гумилёва «Я в лес бежал из городов...».

В 1903 году Гумилёвы возвратились в Царское Село, и Николай Гумилёв в 1903 году вновь по-

Николай Степанович Гумилёв

ступил в Царскоевскую гимназию (в VII класс). Учился он плохо и однажды даже был на грани отчисления. Весной 1906 года Николай Гумилёв всё-таки сдал выпускные экзамены и 30 мая получил аттестат зрелости, в котором значилась единственная пятёрка - по логике.

За год до окончания гимназии на средства родителей была издана первая книга его стихов «Путь конквистадоров». Этот сборник удостоил своей отдельной рецензией Брюсов, один из авторитетнейших поэтов того времени.

С 1906 года Николай Гумилёв жил в Париже: слушал лекции по французской литературе в Сорбонне, изучал живопись и много путешествовал. Побывал в Италии и Франции. Находясь в Париже, издавал литературный журнал «Сириус» (в котором дебютировала Анна Ахматова), но вышло только 3 номера журнала. Посещал выставки, знакомился с французскими и русскими писателями, состоял в интенсивной переписке с Брюсовым, которому посылал свои стихи, статьи, рассказы. В Сорбонне Гумилёв познакомился с молодой поэтессой Елизаветой Дмитриевой. Эта мимолётная встреча через несколько лет сыграла роковую роль в судьбе поэта.

В 1907 году, в апреле, Гумилёв вернулся в Россию, чтобы пройти призывную комиссию. В России молодой поэт встретился с учителем - Брюсовым и возлюбленной - Анной Горенко. В июле он из Севастополя отправился в своё первое путешествие по Леванту и в конце июля вернулся в Париж.

В 1908 году Гумилёв издал сборник «Романтические цветы». Сергей Маковский писал о нём: «Стихотворения показались мне довольно слабыми даже для ранней книжки. Однако за исключением одного - „Баллады“; оно поразило меня трагическим тоном».

Николай Гумилёв - не только поэт, но и один из крупнейших исследователей Африки. Он совершил несколько экспедиций по восточной и северо-восточной Африке и привёз в Музей антропологии и этнографии (Кунсткамеру) в Санкт-Петербурге богатейшую коллекцию.

Три года между экспедициями были очень насыщенными в жизни поэта.

Гумилёв посещает знаменитую «Башню» Вячеслава Иванова и Общество ревнителей художественного слова, где заводит множество новых литературных знакомств.

В 1909 году вместе с Сергеем Маковским Гумилёв организует иллюстрированный журнал по вопросам изобразительного искусства, музыки, театра и литературы «Аполлон», в котором начинает заведовать литературно-критическим отделом, печатает свои знаменитые «Письма о русской поэзии».

Весной этого же года Гумилёв вновь встречает Елизавету Дмитриеву, у них завязывается роман. Гумилёв даже предлагает поэтессе выйти за него замуж. Но

Дмитриева предпочитает Гумилёву другого поэта и его коллегу по редакции «Аполлона» - Максимилиана Волошина. Осенью, когда скандально разоблачается личность Черубины де Габриак - литературной мистификации Волошина и Дмитриевой, Гумилёв позволяет себе неслестно высказаться о поэтессе, Волошин наносит ему публичное оскорбление и получает вызов. Дуэль состоялась 22 ноября 1909 года и новость о ней попала во многие столичные журналы и газеты. Оба поэта остались живы: Волошин стрелял - осечка, ещё раз - огвять осечка, Гумилёв выстрелил вверх.

В 1910 году вышел сборник «Жемчуга», в который как одна из частей были включены «Романтические цветы». В состав «Жемчугов» входит поэма «Капитаны», одно из известнейших произведений Николая Гумилёва.

25 апреля 1910 года, после трёх лет колебаний, он наконец женился: в Николаевской церкви села Никольская слободка, в предместье города Киева; Гумилёв обвенчался с Анной Андреевной Горенко (Ахматовой).

В 1911 году при активнейшем участии Гумилёва был основан «Цех поэтов», в который, кроме Гумилёва, входили Анна Ахматова, Осип Мандельштам, Владимир Нарбут, Сергей Городецкий, Елизавета Кузьмина-Караваева (будущая «Мать Мария»), Зенкевич и другие.

В 1912 году Гумилёв заявил о появлении нового художественного течения - акмеизма, в которое оказались включены члены «Цеха поэтов». Акмеизм провозглашал материальность, предметность тематики и образов, точность слова. Появление нового течения вызвало бурную реакцию, по большей части негативную. В том же году акмеисты открывают собственное издательство «Гиперборей» и одноимённый журнал.

Гумилёв поступает на историко-филологический факультет Петербургского университета, где изучает старофранцузскую поэзию.

1 октября того же года у Анны и Николая Гумилёвых родился сын Лев.

Начало 1914 года было тяжёлым для поэта: перестал существовать цех, возникли сложности в отношениях с Ахматовой, наскучила божественная жизнь, которую он вёл, вернувшись из Африки.

После начала Первой мировой войны в начале августа 1914 года Гумилёв записался добровольцем в армию.

В 1915 году Николай Гумилёв воевал на Вольни. Здесь он прошёл самые тяжкие военные испытания, получил 2-й Георгиевский крест, которым очень гордился.

6 июля началась масштабная атака противника. Была поставлена задача удерживать позиции до подхода пехоты, операция была проведена успешно, причём было спасено несколько пулемётов, один из которых нёс Гумилёв. За это Приказом по Гвардейскому кавалерийскому корпусу от 5 декабря 1915 года № 1486

он награждён знаком отличия военного ордена Георгиевского креста 3-й степени № 108868.

В сентябре поэт героем вернулся в Россию, а 28 марта 1916 года приказом Главнокомандующего Западным фронтом № 3332 произведён в прапорщики с переводом в 5-й Гусарский Александрийский полк. Используя эту передышку, Гумилёв вёл активную литературную деятельность.

В апреле 1916 года, поэт прибыл в гусарский полк, стоявший возле Двинска. В мае Гумилёв вновь был эвакуирован в Петроград. Описанная в «Записках кавалериста» ночная скачка в жару стоила ему воспаления лёгких. Когда лечение почти закончилось, Гумилёв без спроса вышел на мороз, в результате чего болезнь вновь обострилась. Врачи рекомендовали ему лечиться на юге. Гумилёв уехал в Ялту. Однако на этом военная жизнь поэта не закончилась. 8 июля 1916 года он вновь уехал на фронт, вновь ненадолго. 17 августа приказом по полку № 240 Гумилёв был командирован в Николаевское кавалерийское училище, потом вновь переведён на фронт; оставался в окопах вплоть до января 1917 года.

В 1918 году был издан сборник «Костёр», а также африканская поэма «Мик».

5 августа 1918 года состоялся развод с Анной Ахматовой.

В 1919 году женился на Анне Николаевне Энгельгардт, дочери историка и литературоведа Н.А. Энгельгардта.

В 1918-1920 годах Гумилёв читал лекции о поэтическом творчестве в Институте живого слова.

В 1920 году был учреждён Петроградский отдел Всероссийского Союза поэтов, туда вошёл и Гумилёв. Формально главой Союза был избран Блок, однако фактически Союзом управляла «более чем пробольшевицки» настроенная группа поэтов во главе с Павлович.

Близкое участие в делах отдела принимал Горький. Когда возник горьковский план «История культуры в картинах» для издательства «Всемирная литература», Гумилёв поддержал эти начинания.

В 1921 году Гумилёв опубликовал два сборника стихов. Первый - «Шатёр», написанный на основе впечатлений от путешествий по Африке. Второй сборник - «Огненный столп», в который вошли такие значительные произведения, как «Слово», «Шестое чувство», «Мои читатели». Многие считают, что «Огненный столп» - вершинный сборник поэта.

С весны 1921 года Гумилёв руководил студией «Звучащая раковина», где делился опытом и знаниями с молодыми поэтами, читал лекции о поэтике.

Живя в Советской России, Гумилёв не скрывал своих религиозных и политических взглядов - он открыто крестился на храмы, заявлял о своих воззрениях.

3 августа 1921 года Гумилёв был арестован по подозрению в участии в заговоре «Петроградской боевой организации В.Н. Таганцева».

24 августа вышло постановление Петроградской ГубЧК о расстреле участников «Таганцевского заговора» (всего 61 человек), опубликованное 1 сентября с указанием, что приговор уже приведён в исполнение. Гумилёв и ещё 56 осуждённых, как установлено в 2014 году, были расстреляны в ночь на 26 августа. Место расстрела и захоронения до сих пор неизвестно.

¹⁰ **Волошин Максимилиан Александрович** (фамилия при рождении - Кириенко-Волошин) (1877-1932) - русский и советский поэт, переводчик, художник-пейзажист, художественный и литературный критик.

Максимилиан Кириенко-Волошин родился в Киеве в семье юриста, коллежского советника.

Раннее детство прошло в Таганроге и Севастополе.

Своё среднее образование Волошин начал в 1-й Московской гимназии.

Когда они с матерью переехали в Крым в Коктебель (1893), Максимилиан пошёл в Феодосийскую гимназию.

С 1897 по 1899 год Волошин учился на юридическом факультете Московского университета, был отчислен «за участие в беспорядках» с правом восстановления, продолжать обучение не стал, занялся самообразованием. В 1900-х много путешествовал, занимался в библиотеках Европы, слушал лекции в Сорбонне.

Вернувшись в начале 1903 года в Москву, Волошин с лёгкостью стал «своим» в среде русских символистов; начал активно публиковаться. С этого времени, живя попеременно то на родине, то в Париже, много делал для сближения русского и французского искусства.

23 марта 1905 года в Париже стал масоном, получив посвящение в масонской ложе «Груд и истинные верные друзья». В апреле того же года перешёл в ложу «Гора Синайская». В апреле 1906 года Волошин женился на художнице Маргарите Васильевне Сабашниковой и поселился с ней в Петербурге.

В 1907 году Волошин принял решение об отъезде в Коктебель.

22 ноября 1909 года между Волошиным и Н. Гумилёвым состоялась дуэль на Чёрной речке. Секундантом Гумилёва стал Евгений Зноско-Боровский. Се-

*Максимилиан Александрович
Волошин*

кундантом Волошина был граф Алексей Толстой. Причиной дуэли была поэтесса Елизавета Дмитриева, с которой Волошин сочинил весьма успешную литературную мистификацию - Черубину де Габриак. Её он просил о ходатайстве для вступления в антропософское общество, их переписка длилась всю жизнь, до смерти Дмитриевой в 1928 году.

Первый сборник «Стихотворения. 1900-1910» вышел в Москве в 1910 году, когда Волошин стал заметной фигурой в литературном процессе: влиятельным критиком и сложившимся поэтом с репутацией «строного парнасца». В 1914 году вышла книга избранных статей о культуре - «Лики творчества»; в 1915 - книга страстных стихотворений об ужасе войны - «Anno mundi ardentis 1915» («В год пылающего мира 1915»). В это время он всё больше внимания уделял занятиям живописью, писал акварельные пейзажи Крыма, выставлял свои работы на выставках «Мира искусства».

В 1914 году Волошин написал письмо военному министру России Сухомлинову с отказом от военной службы и участия «в кровавой бойне» Первой мировой войны.

После революции Максимилиан Волошин окончательно осел в Коктебеле - в доме, построенном в 1903-1913 годах его матерью Еленой Оттобальдовной Волошиной.

В годы революций и Гражданской войны поэт принципиально занял позицию «над схваткой», пытался умирить вражду, спасая в своём доме преследуемых: сперва красных от белых, затем, после перемены власти, - белых от красных. Письмо, направленное М. Волошиным в защиту арестованного белыми О.Э. Мандельштама, весьма вероятно, спасло того от расстрела.

В 1924 году с одобрения Наркомпроса Волошин превратил свой дом в Коктебеле в бесплатный дом творчества (впоследствии - Дом творчества Литфонда СССР).

9 марта 1927 года был зарегистрирован брак Максимилиана Волошина с Марией Степановной Заболодской (1887-1976), которая, став женой поэта, разделила с ним трудные годы (1922-1932) и была его опорой. После смерти поэта она сумела сохранить его творческое наследие и сам «Дом поэта».

Волошин скончался после второго инсульта 11 августа 1932 года в Коктебеле и был похоронен на горе Кучук-Яншар вблизи Коктебеля.

Свой дом Волошин завещал Союзу писателей.

¹¹ **Акмеизм** (от греч. *ἀκμῆ* - цветение, цветущая пора) - литературное течение, противостоящее символизму и возникшее в начале XX века в России. Акмеисты провозглашали материальность, предметность тематики и образов, точ-

ность слова. Акмеизм - это культ конкретности, «вещественности» образа, это «искусство точно вымеренных и взвешенных слов». 19 декабря 1912 года впервые публично оглашена программа акмеизма. Произошло это событие в кабаре «Бродячая собака» в Петербурге.

Становление акмеизма тесно связано с деятельностью «Цеха поэтов», оппозиционной «Академии стиха», центральными фигурами которого являлись основатели акмеизма Николай Гумилёв, Анна Ахматова (была секретарём «Цеха») и Сергей Городецкий.

Термин «акмеизм» был предложен в 1912 Николаем Гумилёвым и Сергеем Городецким: по их мнению, на смену переживающему кризис символизму идёт направление, обобщающее опыт предшественников и выводящее поэта к новым вершинам творческих достижений.

Название для литературного течения, по свидетельству Андрея Белого, было выбрано в пылу полемики и не являлось вполне обоснованным: об «акмеизме» и «адамеизме» в шутку заговорил Вячеслав Иванов, Николай Гумилёв подхватил случайно брошенные слова и окрестил акмеистами группу близких к себе поэтов.

Особенности акмеизма:

1. Самоценность отдельной вещи и каждого жизненного явления;
2. Предназначение искусства - в облагораживании человеческой природы;
3. Стремление к художественному преобразованию несовершенных жизненных явлений.

¹² **Амедео (Иедидия) Клементе Модильяни** (*итал. Amedeo Clemente Modigliani*) (1884-1920) - итальянский художник и скульптор, один из самых известных художников конца XIX - начала XX века, представитель экспрессионизма.

Модильяни вырос в Италии, где изучал античное искусство и творчество мастеров эпохи Возрождения, пока в 1906 году не переехал в Париж. В Париже он познакомился с такими художниками, как Пабло Пикассо и Константин Бринкуши, оказавшими большое влияние на его творчество. Модильяни имел слабое здоровье - он часто страдал от заболеваний лёгких и в возрасте 35 лет умер от туберкулёзного менингита.

Наследие Модильяни составляют главным образом картины и эскизы, однако с 1909 по 1914 годы он занимался в основном скульптурами. Как на полотнах, так и в скульптуре основным мотивом Модильяни являлся человек. Помимо этого, сохранились несколько пейзажей; натюрморты и картины жанрового характера не интересовали художника. Часто Модильяни обращался к

произведениям представителей Ренессанса, а также к популярному в то время африканскому искусству. В то же время творчество Модильяни нельзя отнести ни к одному из современных направлений того времени, как, например, кубизм или фовизм. Из-за этого искусствоведы рассматривают творчество Модильяни отдельно от основных течений того времени. При жизни работы Модильяни не имели успеха и стали популярными лишь после смерти художника.

¹³ **Верлен Поль Мари** (фр. *Paul Marie Verlaine*) (1844-1896) - французский поэт-символист, один из основоположников литературного импрессионизма и символизма.

¹⁴ **Малларме Стефан** (фр. *Stéphane Mallarmé*) (1842-1898) - французский поэт, один из вождей символистов.

¹⁵ **Бодлер Шарль Пьер** (фр. *Charles Pierre Baudelaire*) (1821-1867) - французский поэт, критик, эссеист и переводчик; основоположник эстетики декаданса и символизма.

Николай Николаевич Пунин

¹⁶ **Пунин Николай Николаевич** (1888-1953) - российский и советский историк искусства, художественный критик.

Родился в Гельсингфорсе (Хельсинки) в 1888 году. Выпускник царскосельской гимназии 1907 года, учился у Иннокентия Анненского. Окончил Петербургский университет в 1914 году.

С 1913 по 1916 - сотрудник журнала «Аполлон».

В 1913-1934 годах работал в Русском музее, после революции - комиссар при Русском музее и Государственном Эрмитаже.

В 1918-1919 годах заведовал Петроградским ИЗО Наркомпроса.

Вместе с В. Маяковским, О. Бриком и Э. Шталбергом входит в редакционный совет газеты «Искусство коммуны» (октябрь 1918 года).

В 1927 году возглавил отделение и создал экспозицию новейших течений в искусстве Русского музея.

В 1934 году уволен из Русского музея.

Автор книг «Японская гравюра» (1915), «Андрей Рублёв» (1916), «Татлин» (1921).

Первый раз арестовывался в 1921 году по делу «Петроградской боевой организации».

После второго ареста (1930-е годы) Ахматова немедленно выехала в Москву и с помощью Бориса Пастернака сумела передать прошение в Кремль, после чего Пунин был отпущен.

Репрессирован в 1949-1953 годах. Погиб в заключении. Посмертно реабилитирован в 1957 году.

¹⁷ **Семашко Николай Александрович** (1874-1949) - советский партийный и государственный деятель, врач, один из организаторов системы здравоохранения в СССР.

Солнечная весна

Осип Эмильевич
Мандельштам

Мандельштам Осип Эмильевич (имя при рождении - Иосиф) (1891-1938) - поэт, прозаик и переводчик, эссеист, критик, литературовед.

Родился 2 (14) января 1891 года в Варшаве в еврейской семье.

Получил образование в Тенишевском училище (закончил в 1907 году), российской кузнице «культурных кадров» начала XX века. В августе 1907 г. подал прошение о приёме вольнослушателем на естественное отделение физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета, но, забрав документы из канцелярии, в октябре уехал в Париж.

В 1908-1910 годы Мандельштам учится в Сорбонне и в Гейдельбергском университете. Здесь знакомится с Николаем Гумилёвым, увлекается французской поэзией: старофранцузским эпосом, Франсуа Вийоном, Бодлером и Верленом.

Бывает в Петербурге, где посещает лекции по стихосложению на «башне» у Вячеслава Иванова.

К 1911 году семья начала разоряться, и обучение в Европе сделалось невозможным. Для того, чтобы обойти квоту на иудеев при поступлении в Петербургский университет, Мандельштам крестится у методистского пастора в Выборге.

В 1911 году он зачислен на романо-германское отделение историко-филологического факультета Петербургского университета, где обучается с перерывами до 1917 года. Учитя безалаберно, курс не оканчивает.

В 1911 году знакомится с Анной Ахматовой, бывает в гостях у четы Гумилёвых.

Первая публикация - журнал «Аполлон», 1910 г.

С ноября 1911 г. регулярно участвует в собраниях Цеха поэтов. В 1912 году знакомится с А. Блоком. В конце того же года входит в группу акмеистов.

Поэтические поиски этого периода отразила дебютная книга стихов «Камень». Находится в центре поэтической жизни, регулярно публично читает стихи, бывает в «Бродячей собаке», знакомится с футуризмом.

В 1915 году знакомится с Анастасией и Мариной Цветаевыми.

После Октябрьской революции работает в газетах, в Наркомпросе, ездит по стране, публикуется в газетах, выступает со стихами, обретает успех.

В 1919 году в Киеве знакомится с будущей женой, Надеждой Яковлевной Хазиной. В Гражданскую войну скитается с женой по России, Украине, Грузии; был арестован белогвардейцами в Крыму. Имел возможность бежать с белыми в Турцию из Крыма, но предпочёл остаться в Советской России. Переезжает в Петроград, поселяется в Доме искусств.

В 1922 году регистрирует брак с Надеждой Яковлевной Хазиной. Знакомится с Борисом Пастернаком.

Стихи времени Первой мировой войны и революции (1916-1920) составили вторую книгу «Tristia» («Скорбные элегии», заглавие восходит к Овидию), вышедшую в 1922 году в Берлине.

В 1923 году выходит «Вторая книга» с общим посвящением «Н.Х.» - жене. В 1922 году в Харькове вышла отдельной брошюрой статья «О природе слова».

В 1928 году печатается последний прижизненный поэтический сборник «Стихотворения», а также книга его избранных статей «О поэзии».

В 1930 году заканчивает работу над «Четвёртой прозой». Н. Бухарин хлопочет о командировке Мандельштама в Армению. В Эривани поэт знакомится с учёным, биологом-теоретиком Борисом Кузиным, между ними завязывается тесная дружба. Встреча описана Мандельштамом в «Путешествии в Армению».

После путешествия на Кавказ (Армения, Сухум, Тифлис) Осип Мандельштам возвращается к написанию стихов.

Поэтический дар Мандельштама достигает расцвета, однако он почти нигде не печатается. Заступничество Б. Пастернака и Н. Бухарина дарит поэту небольшие житейские передышки.

Самостоятельно изучает итальянский язык, читает в подлиннике «Божественную комедию». Программное поэтологическое эссе «Разговор о Данте» пишется в 1933 году.

В «Литературной газете», «Правде», «Звезде» выходят разгромные статьи в связи с публикацией мандельштамовского «Путешествия в Армению».

В ноябре 1933 года Осип Мандельштам пишет антисталинскую эпиграмму «Мы живём, под собою не чуя страны», которую читает полутора десяткам человек.

Борис Пастернак называл этот поступок самоубийством.

Кто-то из слушателей донёс на Мандельштама.

В ночь с 16 на 17 мая 1934 года Мандельштама арестовывают и отправляют в ссылку в Чердынь (Пермский край). Осипа Мандельштама сопровождает жена, Надежда Яковлевна. В Чердыни Осип Мандельштам совершает попытку самоубийства (выбрасывается из окна). Надежда Яковлевна Мандельштам пишет во все советские инстанции и ко всем знакомым. При содействии Николая Бухарина в результате вмешательства в дело Сталина Мандельштаму разрешают самостоятельно выбрать место для поселения. Мандельштамы выбирают Воронеж. Живут в нищете, изредка им помогают деньгами немногие не отступившиеся друзья. Время от времени О.Э. Мандельштам подрабатывает в местной газете, в театре. В гостях у них бывают близкие люди, мать Надежды Яковлевны, артист В.Н. Яхонтов, Анна Ахматова. Здесь он пишет знаменитый цикл стихотворений (т. н. «Воронежские тетради»).

В мае 1937 года заканчивается срок ссылки, и поэт неожиданно получает разрешение выехать из Воронежа. Они с женой возвращаются ненадолго в Москву. В заявлении секретаря Союза писателей СССР Владимира Ставского 1938 года на имя наркома внутренних дел Н.И. Ежова предлагалось «решить вопрос о Мандельштаме», его стихи названы «похабными и клеветническими».

В ночь с 1 на 2 мая 1938 года Мандельштам был арестован. Приговорен к пяти годам заключения. 27 декабря 1938 года скончался в пересыльном лагере во Владивостоке от сыпного тифа. Реабилитирован посмертно. Местонахождение могилы неизвестно.

¹ **Троцкий Лев Давидович** (партийные псевдонимы: *Перо, Антид Ото, Л. Седов, Старик*, имя при рождении - *Лейба Давидович Бронштейн*) (1879-1940) - революционный деятель XX века, идеолог троцкизма - одного из течений марксизма. Дважды ссыльный при монархическом строе, лишённый всех гражданских прав в 1905 году. Один из организаторов Октябрьской революции 1917 года, один из создателей Красной армии. Один из основателей и идеологов Коминтерна, член его Исполкома. В первом советском правительстве - нарком по иностранным делам, затем в 1918-1925 - нарком по военным и морским делам и председатель Реввоенсовета РСФСР, затем СССР. С 1923 года - лидер внутрипартийной левой оппозиции («Новый курс»). Член Политбюро ВКП(б) в 1919-1926 годах. В 1927 году был снят со всех постов и отправлен в ссылку; в 1929 году - выслан за пределы СССР. В 1932 году лишён советского гражданства, а позже был заочно приговорён к смертной казни в связи с предательской деятельностью.

После высылки из СССР - создатель и главный теоретик Четвёртого интернационала (1938). Автор работ по истории революционного движения в России («Наша революция», «Преданная революция»), создатель капитальных исторических трудов по революции 1917 года («История русской революции»), литературно-критических статей («Литература и революция») и автобиографии «Моя жизнь» (1930). 20 августа 1940 года был смертельно ранен агентом НКВД Р. Меркадером в Мехико (Мексика) и умер на следующий день.

² **Воронский Александр Константинович** (1884-1937, расстрелян) - российский революционер-большевик, писатель, литературный критик и теоретик искусства.

Родился в семье православного священника. Когда ему было пять лет, умер отец, и мать с двумя детьми переехала в село Чуевка Усманского уезда Тамбовской губернии, где жили её отец, тоже священник, братья и сёстры.

После окончания бursы поступил в духовную семинарию. Учился в тамбовской семинарии, откуда был исключён из 5 класса ввиду «политической неблагонадёжности».

В начале 20-х становится одним из ведущих марксистских теоретиков в области литературы. С 1921 по 1927 год редактировал журнал «Красная новь», а с 1922 по 1927 - «Прожектор». Организатор и идеолог группы «Перевал».

Посвящение Воронскому предваряет поэму Сергея Есенина «Анна Снегина».

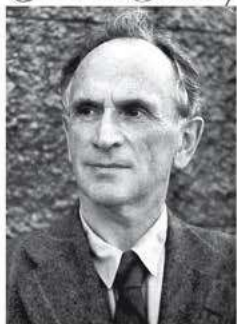
В 1923 году примкнул к Лево́й оппозиции в ВКП(б), подписал «Заявление 46-ти». В 1927 году был исключён из рядов ВКП(б) и отправлен в ссылку вместе с тысячами других оппозиционеров. В период ссылки в Липецке писал автобиографическую прозу о годах своей юности и начале подпольной деятельности. В 1929 году заявил об отходе от оппозиции и в 1930 году получил разрешение вернуться в Москву, где был назначен редактором отдела классической литературы в Гослитиздате.

В 1935 арестован. Повторно арестован 1 февраля 1937 года. Расстрелян 13 августа 1937 года в Москве; прах захоронен на Донском кладбище. Реабилитирован 7 февраля 1957 года.

³ **Лидин Владимир Германович** (настоящая фамилия Гомберг) (1894-1979) - русский советский писатель, библиофил.

Родился в купеческой семье. Учился в Лазаревском институте восточных языков. В 1915 году окончил юридический факультет Московского университета. Ещё в студенческие годы (с 1908) начал публиковать рассказы, первый сборник вышел в 1916. Во время Гражданской войны воевал в Красной Армии, был на

*Владимир Германович
Лидин*

разных фронтах, в том числе в Сибири. В первые послевоенные годы совершил несколько поездок по Западной Европе и Ближнему Востоку. Не принадлежал ни к какой из литературных группировок, был хорошо знаком со многими писателями, далёкими от литературного официоза, и написал о них в своей книге воспоминаний «Люди и встречи» (1957, переиздавалась с дополнениями в 1961, 1965). Жил в Москве, более 30-ти лет преподавал в Литературном институте.

Лучшие произведения Лидина написаны в жанре небольшого рассказа.

⁴ **Замятин Евгений Иванович** (см. примечание к новелле «Поиски созвучности»).

⁵ **Акмензм** (см. примечание к новелле «Поиски созвучности»).

*Илья Григорьевич
Эренбург*

⁶ **Эренбург Илья Григорьевич** (1891-1967) - русский писатель, поэт, публицист, журналист, переводчик с французского и испанского языков, общественный деятель, фотограф. В 1908-1917 и 1921-1940 годах находился в эмиграции, с 1940 года жил в СССР.

Илья Эренбург родился в Киеве в зажиточной еврейской семье, в которой он был четвёртым ребёнком и единственным сыном.

С 1901 года вместе с Н.И. Бухариным учился в 1-й Московской гимназии, был исключён из шестого класса в 1907 году.

После событий 1905 года принимал участие в работе революционной организации социал-демократов, но в саму РСДРП не вступал.

В январе 1908 года был арестован, полгода провёл в тюрьмах и освобождён до суда, но в декабре эмигрировал во Францию, жил там более 8 лет.

В Париже занимался литературной деятельностью, вращался в кругу художников-модернистов.

В 1914-1917 годах был корреспондентом русских газет «Утро России» и «Биржевые ведомости» на Западном фронте.

В августе 1919 года женился на племяннице доктора Лурье (своей двоюродной племяннице по матери) Любови Козинцевой.

С декабря 1919 года по сентябрь 1920 года вместе с женой жил в Коктебеле у Максимилиана Волошина, затем из Феодосии баржей переправился в Грузию, затем поехал в Тифлис, где выхлопотал для себя, жены и братьев Мандельштам советские паспорта, с которыми в октябре 1920 года они вместе в качестве дипкурьеров отправились поездом из Владикавказа в Москву.

В конце октября 1920 года Эренбург был арестован ВЧК и освобождён благодаря вмешательству Н.И. Бухарина.

Отрицательно восприняв победу большевиков, в марте 1921 года Эренбург снова уехал за границу.

В 1921-1924 годах жил в Берлине, где выпустил около двух десятков книг, сотрудничал в «Новой русской книге», вместе с Л.М. Лисицким издавал конструктивистский журнал «Вещь».

В 1922 году опубликовал философско-сатирический роман «Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников», в котором дана интересная мозаичная картина жизни Европы и России времён Первой мировой войны и революции, но главное - приведён свод удивительных по своей точности пророчеств.

В 1922 году вышел его последний сборник стихов «Опустошающая любовь».

В 1923 году написал сборник рассказов «Тринадцать трубок» и роман «Трест Д.Е.».

Эренбург был близок к левым кругам французского общества, активно сотрудничал с советской печатью - с 1923 года работал корреспондентом «Известий».

Летом и осенью 1932 года совершил поездку по СССР, был на строительстве магистрали Москва-Донбасс, в Кузнецке, Свердловске, Новосибирске, Томске, результатом чего стал роман «День второй» (1934), осуждённый критиками; в 1934 году выступил на Первом съезде советских писателей.

С 1931 года тон его публицистических и художественных произведений становится всё более просоветским, с верой в «светлое будущее нового человека».

В 1933 году в издательстве «Изогиз» вышел фотоальбом Эренбурга «Мой Париж» в выполненном Элем Лисицким картонаже и суперобложке.

После прихода Гитлера к власти становится крупнейшим мастером антинацистской пропаганды.

Во время гражданской войны в Испании 1936-1939 годов Эренбург был военным корреспондентом «Известий»; выступал как эссеист, прозаик, поэт.

После поражения республиканцев вернулся в Париж. После немецкой оккупации Франции укрылся в Советском посольстве.

В 1940 году вернулся в СССР, где написал и опубликовал роман «Падение Парижа» (1941) о политических, нравственных и исторических причинах разгрома Франции Германией во Второй мировой войне.

После войны выпустил диологи - романы «Буря» (1946-1947) и «Девятый вал» (1950). Один из лидеров Движения борцов за мир.

Положение Эренбурга среди советских писателей было своеобразным: с одной стороны, он получал материальные блага, часто ездил за границу, с другой - был под контролем спецслужб и часто даже получал выговоры. Таким же двойственным было отношение властей к Эренбургу в эпоху Н.С. Хрущёва и Л.И. Брежнева.

После смерти Сталина написал повесть «Оттепель» (1954), которая была напечатана в майском номере журнала «Знамя» и дала название целой эпохе советской истории. В 1958 году вышли «Французские тетради» - эссе о французской литературе, живописи и переводах из Ж. Дю Белле. Автор мемуаров «Люди, годы, жизнь», пользовавшихся в 1960-е - 1970-е годы большой популярностью в среде советской интеллигенции. Эренбург познакомил молодое поколение со множеством «забытых» имен, способствовал публикациям как забытых (М.И. Цветаева, О.Э. Мандельштам, И.Э. Бабель), так и молодых авторов (Б.А. Слуцкий, С.П. Гудзенко). Пропагандировал новое западное искусство (П. Сезанн, О. Ренуар, Э. Мане, П. Пикассо).

В марте 1966 года подписал письмо тринадцати деятелей советской науки, литературы и искусства в президиум ЦК КПСС против реабилитации И.В. Сталина.

Скончался в 1967 году.

⁷ **Бухарин Николай Иванович** (1888-1938) - российский революционер, советский политический, государственный и партийный деятель. Член ЦК партии (1917-1934), кандидат в члены ЦК ВКП(б) (1934-1937). Лидер так называемой правой оппозиции в ВКП(б), последовательный противник политики коллективизации. Академик АН СССР (1929). Расстрелян в 1938 году.

⁸ **Хлебников Велимир** (см. примечание к новелле «Футуристический вояж»).

⁹ **Блок Александр Александрович** (1880-1921) - величайший русский поэт и драматург, один из наиболее ярких представителей русского символизма - литературного направления, оказавшего глубокое влияние на всю последующую русскую и мировую литературу. А. Блок родился в семье профессора права и дочери ректора университета Санкт-Петербурга. Поскольку родители разошлись,

с трех лет Блок жил и воспитывался у родителей отца, которые принадлежали к «сливкам» петербургской интеллигенции. Постоянное вращение в богемной среде сформировало особенное мировосприятие Блока, проявившееся в будущем в его литературе. В 1903 году Блок женился на Любови Менделеевой, дочери великого русского химика Д.И. Менделеева. Первый сборник поэм Блока «Стихи о прекрасной даме» (1904) представлял собой платонический идеализм поэта, реализацию божественной мудрости в образе мировой души в женском облике. В следующих поэтических сборниках «Город» (1908) и «Снежная маска» (1907) автор сконцентрировался на религиозной теме, а его муза из мистической дамы превратилась в незнакомую куртизанку.

Александр Александрович Блок

Поздние поэмы Блока представляют собой смесь надежд и отчаяния автора относительно будущего России. В незавершенном «Возмездии» (1910-1921) проявилось крушение иллюзий автора по поводу нового большевистского режима. Блок с оптимизмом воспринял Октябрьскую революцию 1917 года, возлагая большие надежды на новую власть. Однако последующие действия большевиков настолько шли вразрез с тем, что предполагал Блок и что они сами обещали, что поэт не мог не прийти в отчаяние от собственного самообмана. Тем не менее, он продолжал верить в исключительную роль России в истории человечества. Подтверждением этого мнения стали работы «Родина» и «Скифы». Последним произведением Блока стала его самая противоречивая и загадочная поэма «Двенадцать» (1920).

¹⁰ **Футуризм** (лат. *futurum* - будущее) - общее название художественных авангардистских движений 1910-х - начала 1920-х годов, прежде всего в Италии и России. В литературе футуристов интересовало не столько содержание, сколько форма стихосложения. Они придумывали новые слова, использовали вульгарную лексику, профессиональный жаргон, язык документа, плаката и афиш.

¹¹ **Символизм** (фр. *Symbolisme*) - одно из крупнейших направлений в искусстве (литературе, музыке и живописи), характеризующееся экспериментаторством, стремлением к новаторству, использованием символики, недосказанности, намеков, таинственности и загадочности. Возник во Франции в 1870-1880-х годах и достиг наибольшего развития на рубеже XIX и XX веков, прежде всего в самой Франции, Бельгии и России. Символисты радикально изменили не только различные виды искусства, но и само отношение к нему.

Несостоявшаяся дуэль

Борис Андреевич
Пильняк

Пильняк Борис Андреевич (*настоящая фамилия Вогау*) (1894-1938, расстрельный полигон «Коммунарка») - русский советский писатель, прозаик.

Родился в Можайске, в семье ветеринарного врача Андрея Ивановича Вогау, происходившего из немецко-колонистов Поволжья и родившегося в Екатериненштадте. Мать - Ольга Ивановна Савинова, родилась в семье саратовского купца.

Детство и юность Пильняка прошли в окружении земской интеллигенции в провинциальных городах России - Можайске, Саратове, Богородске (современном Ногинске), Нижнем Новгороде, Коломне. В 1913 окончил реальное училище в Нижнем Новгороде. В 1920 окончил Московский институт народного хозяйства имени Карла Маркса. С 1924 года жил в Москве.

Пробовать писать начал в 9 лет. В марте 1909 года было опубликовано его первое сочинение. Профессиональная карьера началась в 1915 году, когда в журналах и альманахах «Русская мысль», «Жатва», «Сполохи», «Млечный путь» напечатали ряд его рассказов - уже под псевдонимом Бор. Пильняк (от украинского «Пильняк» - место лесных разработок; в харьковской деревне под таким названием, где он бывал у дяди Александра Ивановича Савинова, жители назывались «пильняками»).

В 1918 году выходит первая книга Пильняка - «С последним пароходом».

Председатель Всероссийского союза писателей. Автор романов «Гольый год» (1922), «Машины и волки» (1925), «Волга впадает в Каспийское море» (1930), «О'кей! Американский роман» (1931), «Соляной амбар» (1937) и др.

Литературные и политические позиции Пильняка неоднократно приводили к организации широких критических кампаний в отношении него. Его постоянно критиковали за идеологические ошибки, формализм, эротику, мистику и пр. Вместе с тем имелись и более сдержанные точки зрения. Так, в 1924 году Пильняка был упомянут И.В. Сталиным в цикле лекций «Об основах ленинизма».

В 1929 году отстранён от руководства Всероссийским Союзом писателей за публикацию за границей повести «Красное дерево».

Несмотря на критику, вплоть до 1937 года оставался одним из самых издаваемых писателей.

28 октября 1937 года был арестован. 21 апреля 1938 года осуждён Военной коллегией Верховного Суда СССР по сфабрикованному обвинению в государственном преступлении - шпионаже в пользу Японии (он был в Японии и написал об этом в своей книге «Корни японского солнца») - и приговорён к смертной казни. Расстрелян в тот же день в Москве.

Реабилитирован в 1956 году.

В СССР с 1938 по 1975 годы книги Пильняка не издавались. В 1964 году журнал «Москва» опубликовал главы из романа «Соляной амбар».

¹ **Воронский Александр Константинович** (см. примечание к новелле «Солнечная весна»).

² **Лермонтов Михаил Юрьевич** (см. примечание к новелле «Долгое лето»).

³ **Сталин Иосиф Виссарионович** (настоящая фамилия - *Джугашвили*) (1878-1953) - российский революционер, советский политический, государственный, военный и партийный деятель. С 21 января 1924 по 5 марта 1953 - руководитель Советского государства. Маршал Советского Союза (1943). Генералиссимус Советского Союза (1945).

*Иосиф Виссарионович
Сталин*

⁴ **Мартынов Николай Соломонович** (см. примечание к новелле «Придуманное приключение»).

Однажды осенью в Кисловодске...

Корней Иванович Чуковский

Чуковский Корней Иванович (имя при рождении - Николай Корнейчуков) (1882-1969) - русский советский поэт, публицист, литературный критик, переводчик и литературовед, детский писатель, журналист. Самый издаваемый в России автор детской литературы.

Николай Корнейчуков, позже взявший себе литературный псевдоним Корней Чуковский, родился в Санкт-Петербурге у крестьянки Екатерины Осиповны Корнейчуковой; его отцом был потомственный почётный гражданин Одессы Эммануил Соломонович Левенсон, в семье которого жила прислугой мать Корнея Чуковского. Брак между христианкой

и иудеем законами Российской империи не разрешался, тем не менее, они прожили вместе несколько лет. Через несколько лет после рождения сына Левенсон оставил свою незаконную семью и переехал в Баку, где открыл «Первое типографское товарищество»; мать Чуковского была вынуждена вернуться в Одессу.

Детство Николай Корнейчуков провёл в Одессе и Николаеве.

Какое-то время учился во второй одесской гимназии. Одноклассником его в ту пору был Борис Житков (в будущем писатель и путешественник), с которым у юного Николая Корнейчукова завязались дружеские отношения. Окончить гимназию Чуковскому так и не удалось: из пятого класса его отчислили, по его собственным утверждениям, из-за низкого происхождения.

С начала литературной деятельности Корнейчуков использовал псевдоним Корней Чуковский, к которому позже присоединилось фиктивное отчество - Иванович. После революции сочетание «Корней Иванович Чуковский» стало его настоящим именем, отчеством и фамилией.

С 1901 года Чуковский начал писать статьи в «Одесских новостях».

Затем в 1903 году Чуковский, как единственный корреспондент газеты, знающий английский язык (которому обучился самостоятельно), отправился кор-

респондентом «Одесских новостей» в Лондон, куда выехал с молодой женой. Кроме «Одесских новостей» английские статьи Чуковского публиковались в «Южном обозрении» и в некоторых киевских газетах. Но гонорары из России поступали нерегулярно, а затем и вовсе прекратились. Беременную жену пришлось отправить обратно в Одессу.

В Петербурге начал издавать сатирический журнал «Сигнал». Среди авторов журнала были такие известные писатели как Куприн, Фёдор Сологуб и Тэффи. После четвёртого номера его арестовали за «оскорбление величества». Чуковский находился под арестом 9 дней.

В 1906 году Корней Иванович приехал в финское местечко Куоккала (ныне Репино, Курортный район Санкт-Петербурга), где свёл близкое знакомство с художником Ильёй Репиным и писателем Короленко. В Куоккале Чуковский прожил около 10 лет. От сочетания слов Чуковский и Куоккала образовано «Чукоккала» (придумано Репиным) - название рукописного юмористического альманаха, который Корней Иванович вёл до последних дней своей жизни.

В 1907 году Чуковский опубликовал переводы Уолта Уитмена. Книга стала популярной, что увеличило известность Чуковского в литературной среде.

После революции Чуковский продолжал заниматься критикой, издав две наиболее знаменитые свои книги о творчестве современников - «Книга об Александре Блоке» («Александр Блок как человек и поэт») и «Ахматова и Маяковский».

С 1917 года Чуковский принялся за многолетний труд о Некрасове, его любимом поэте. Его стараниями вышло первое советское собрание стихотворений Некрасова. Монография «Мастерство Некрасова», вышедшая в 1952 году, много раз переиздавалась, а в 1962 году Чуковский был удостоен за неё Ленинской премии.

Увлечение детской словесностью, прославившее Чуковского, началось сравнительно поздно, когда он был уже критиком. В 1916 году Чуковский составил сборник «Ёлка» и написал свою первую сказку «Крокодил». В 1923 году вышли его знаменитые сказки «Мойдодыр» и «Тараканище», а через год - «Бармалей».

Несмотря на то, что сказки были напечатаны большим тиражом и выдержали множество изданий, они не вполне отвечали задачам советской педагогики.

Вскоре в среде партийных критиков и редакторов возникает термин - «чуковщина». Восприняв критику, Чуковский в декабре 1929 года в «Литературной газете» опубликует письмо, в котором «отречётся» от старых сказок и заявит о намерениях изменить направление своего творчества, написав сборник стихов «Весёлая колхозия», однако обещания своего не сдержит. Сборник так и не выйдет из-под его пера, а следующая сказка будет написана только через 13 лет.

В жизни Чуковского к началу 1930-х годов появилось ещё одно увлечение - изучение психики детей и того, как они овладевают речью. Он записал свои наблюдения за детьми, за их словесным творчеством в книге «От двух до пяти» (1933).

В годы войны эвакуирован в Ташкент. Младший сын Борис погиб на фронте.

В 1960-е годы К. Чуковский задумал пересказ Библии для детей. К этому проекту он привлек писателей и литераторов и тщательно редактировал их работу. Сам проект был очень трудным в связи с антирелигиозной позицией советской власти. В частности, от Чуковского потребовали, чтобы слова «Бог» и «евреи» не упоминались в книге; силами литераторов для Бога был придуман псевдоним «Волшебник Яхве». Книга под названием «Вавилонская башня и другие древние легенды» была издана в издательстве «Детская литература» в 1968 году. Однако весь тираж был уничтожен. Обстоятельства запрета издания позже описывал Валентин Берестов, один из авторов книги: «Был самый разгар великой культурной революции в Китае. Хунвейбины, заметив публикацию, громогласно потребовали размокнуть голову старому ревизионисту Чуковскому, засоряющему сознание советских детей религиозными бреднями. Запад откликнулся заголовком „Новое открытие хунвейбинов“, а наши инстанции отреагировали привычным образом». Книга была опубликована в 1990 году.

В последние годы Чуковский - всенародный любимец, лауреат ряда государственных премий и кавалер орденов, вместе с тем поддерживал контакты с диссидентами (Александр Солженицын, Литвиновы).

В 1966 году подписал письмо 25 деятелей культуры и науки генеральному секретарю ЦК КПСС Л.И. Брежневу против реабилитации Сталина.

Умер Корней Иванович 28 октября 1969 года от вирусного гепатита. На даче в Переделкине, где писатель прожил большую часть жизни, ныне действует его музей.

¹ **Полонский Вячеслав Павлович** (*настоящая фамилия Гусин*) (1886-1932) - российский, советский критик, редактор, журналист, историк.

Был редактором журналов «Красная нива», «Красный архив» и «Прожектор», главным редактором журналов «Новый мир» (1926-1931), «Печать и революция» (1921-1929).

В 1918-1920 годах руководил Литературно-издательским отделом Политуправления Красной Армии и был лично знаком с Троцким.

Некоторое время до его закрытия в 1925 г. был директором Высшего литературно-художественного института.

В феврале 1927 года поместил в газете «Известия» статью «Заметки журналиста. ЛЕФ или блеф?», в которой выступил с жёсткой критикой ЛЕФов-

цев, считавших себя единственными настоящими представителями революционного искусства и конкурировавших на этом поле с пролетарскими группами «Октябрь» и ВАПП. Poleмика между Маяковским и Полонским продолжалась и далее.

Работая главным редактором «Нового мира», Полонский печатал много крупных и острых произведений русской литературы.

В 26-м году им была опубликована «Повесть непогашенной луны» Бориса Пильняка, и это создало большой скандал.

«Новый мир» тогда достиг наибольшего тиража среди всех литературных журналов СССР.

Умер в поезде, возвращаясь из Магнитогорска в Москву. Похоронен в Москве.

² **Пильняк Борис Андреевич** (см. примечание к новелле «Несостоявшаяся дуэль»).

³ **ЛЕФ («Левый фронт искусств»)** - творческое объединение, существовавшее в 1922-1929 годах в Москве, Одессе и других городах СССР.

Ядро ЛЕФа - бывшие футуристы В.В. Маяковский (лидер объединения), Н.Н. Асеев, О.М. Брик, С.М. Третьяков, Б.А. Купшнер, Б.И. Арватов, Н.Ф. Чужак.

ЛЕФ считал себя единственным настоящим представителем революционного искусства и конкурировал на этом поле с пролетарскими группами «Октябрь» и ВАПП. На позициях ЛЕФа стоял ряд литературных групп в Одессе, Иваново-Вознесенске, Тифлисе, Новосибирске.

Основные принципы деятельности ЛЕФа - литература факта (пропаганда отмены вымысла в пользу документальности), производственное искусство, социальный заказ.

⁴ **Гроссман Леонид Петрович (1888-1965)** - русский советский литературовед, писатель, доктор филологических наук, профессор.

Родился в семье врача.

С 1921 преподавал в Московском Литературно-художественном институте им. Брюсова; позднее работал учёным секретарём литературной секции ГАХН, в литературно-художественном отделе Госиздата, затем снова преподавал в различных педагогических институтах Москвы. В 1940 году защитил кандидатскую диссертацию по теме «Бальзак в России» (по итогам защиты присвоена степень доктора наук).

В 1948 попал в число учёных, которых обвиняли в космополитизме.

Для серии «Жизнь замечательных людей» написал биографии Пушкина и Достоевского.

⁵ **Бакунин Михаил Александрович** (см. примечание к новелле «Долгое лето»).

⁶ **Достоевский Фёдор Михайлович** (см. примечание к новелле «Философия окраины»).

⁷ **Стоппнер Борис Григорьевич** (имя при рождении: *Борух Бенцион Эмдин Стоппнер*) (1871-1937) - российский революционер, каббалист, переводчик философской литературы, марксист. В годы советской власти: доктор философских наук *honoris causa* (1935), профессор (1920), член АН СССР (1935). Впервые перевёл на русский язык большинство сочинений Гегеля (10 из 16 т.).

⁸ **Марке Карл Генрих** (см. примечание к новелле «Ночной сторож»).

⁹ **Гегель Георг Вильгельм Фридрих** (см. примечание к новелле «Долгое лето»).

¹⁰ **Станиславский (Алексеев) Константин Сергеевич** (см. примечание к новелле «Неожиданная встреча»).

¹¹ **Качалов Василий Иванович** (см. примечание к новелле «Поиски созвучности»).

¹² **Ахматова Анна Андреевна** (см. примечание к новелле «Поиски созвучности»).

¹³ **Толстой Алексей Николаевич** (см. примечание к новелле «Поиски созвучности»).

¹⁴ **Тальников Давид Лазаревич** (литературный псевдоним *Дельта*, настоящая фамилия *Шпитальников*) (1882-1961) - российский и советский

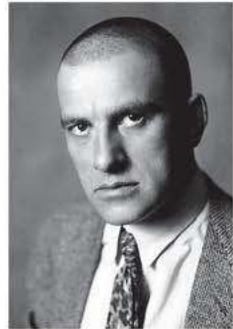
театральный критик, литературный критик, историк театра, литературовед, журналист.

Литературную деятельность начал в 1904 году в Одессе, где в это время работал врачом. Был дружен и состоял в переписке с И.А. Бунинным и В.В. Воронским, с которыми познакомился будучи редактором «Одесского обозрения» (1906-1917).

Публиковал статьи на театральные темы и о современных русских писателях в журналах и газетах.

¹⁵ **Маяковский Владимир Владимирович** (1893-1930) - поэт, публицист, драматург. Родился в Грузии в селе Багдади, в семье лесничего. Он любил стихи, хорошо рисовал, любил дальние поездки.

События первой русской революции (1905) оставили заметный след в биографии будущего поэта. Маяковский участвовал в революционных выступлениях молодежи. После смерти отца семья переехала в Москву. Будущий поэт занимался революционной деятельностью, работал пропагандистом среди рабочих, вступил в социал-демократическую рабочую партию, трижды был арестован. В 1910 году Маяковский был освобожден из Бутырской тюрьмы, где провел 11 месяцев. В 1911 году он поступает в Московское училище живописи.

*Владимир Владимирович
Маяковский*

Вершиной дореволюционного творчества поэта стала поэма «Облако в штанах» (1915). В предреволюционные годы крепнет мастерство Маяковского-сатирика («Гимн судьбе», «Гимн здоровью», «Гимн обеду», «Гимн взятке», «Гимн критику»).

Маяковский восторженно приветствовал Октябрьскую революцию, и это определило характер его творчества в послеоктябрьский период. Он пишет стихи, славящие строительство коммунизма, советского человека, социалистическую Родину. В 20-е годы много ездит по стране, часто бывает за рубежом. В 1918 году поэт пишет «Мистерию-буфф», в 1921 - «150 000 000», в 1923 - 1924 гг. - «IV Интернационал». В личности В. И. Ленина Маяковский увидел воплощение идеального образа человека будущего и посвятил ему поэму «Владимир Ильич Ленин» (1924). Поэт был непримиримым врагом мещанства, и это отражено в его пьесах «Клоп» (1928) и «Баня» (1929), персонажи которых вошли в галерею лучших сатирических образов советского театра.

В 1927 году к десятилетию Октябрьской революции поэт создал поэму «Хорошо».

Особое место занимает стихотворение «Что такое хорошо и что такое плохо» (1925). Поэт не успел завершить задуманную поэму о пятилетке «Во весь голос» (1930). Было написано лишь вступление.

14 апреля 1930 года Маяковский застрелился.

¹⁶ **Сельвинский Илья Львович** (в 1920-е годы пользовался псевдонимом Элли-Карл Сельвинский) (1899-1968) - русский советский поэт крымчакского происхождения. Также выступал как прозаик и драматург. Основатель и председатель Литературного центра конструктивистов.

¹⁷ **Екатерина I** (*Марта Самуиловна Скавронская, в браке Крузе; после принятия православия Екатерина Алексеевна Михайлова*) (1684-1727) - российская императрица с 1721 года как супруга царствующего императора, с 1725 года как правящая государыня; вторая жена Петра I, мать императрицы Елизаветы Петровны.

В её честь Петром I учреждён орден Святой Екатерины (1713) и назван город Екатеринбург на Урале (1723). Имя Екатерины I носит также Екатерининский дворец в Царском Селе (построенный при её дочери Елизавете Петровне).

¹⁸ **Пушкин Александр Сергеевич** (см. примечание к новелле «Я ждал беспечно лучших дней»).

¹⁹ **Шаляпин Фёдор Иванович** (см. примечание к новелле «Мимолетности»).

²⁰ **Репин Илья Ефимович** (1844-1930) - русский живописец, педагог, профессор, действительный член Императорской Академии художеств.

Уже с самого начала своего творческого пути, с 1870-х годов, Репин стал одной из ключевых фигур русского реализма. Художнику удалось решить задачу отражения в живописном произведении всего разнообразия окружающей жизни, в своём творчестве он сумел охватить все стороны современности, затронуть темы, волнующие общественность, живо реагировал на злобу дня. Репинскому художественному языку была свойственна пластичность, он воспринимал различные стилистические направления от испанцев и голландцев XVII века до Александра Иванова и современных французских импрессионистов.

Расцвет творчества Репина пришёлся на 1880-е годы. Он создаёт галерею портретов современников, работает как исторический художник и мастер бытовых сцен. В области исторической живописи его привлекала возможность раскрыть эмоциональную выразительность предложенной ситуации. Стихией художника была современность, и, даже создавая картины на темы легендарного прошлого, он оставался мастером животрепещущего настоящего, сокращая дистанцию между зрителем и героями своих произведений. По мнению искусствоведа В.В. Стасова, творчество Репина - «энциклопедия пореформенной России». Последние 30 лет жизни Репин провёл в Финляндии. Он продолжал работать, хотя уже не так интенсивно, как прежде. В последние годы он обратился к библейским сюжетам. В Куоккале Репин написал мемуары, ряд его очерков вошёл в книгу воспоминаний «Далёкое близкое».

Как педагог воспитал целую плеяду прославленных художников.

²¹ **Максим Горький** (см. примечание к новелле «Неожиданная встреча»).

²² **Тихонов Александр Николаевич** (псевдоним - *Серебров*) (1880-1956) - русский советский литературный деятель, писатель, критик. Окончил Петербургский горный институт (1908). Печатался с 1905 года (рассказы, статьи, рецензии). Вместе с М. Горьким организовал кружок пролетарских писателей при газете «Правда», журнал «Летопись» (1915-1917) и газету «Новая жизнь» (1917-1918), редактировал сборники произведений. После Октябрьской революции 1917 года заведовал издательством «Всемирная литература». В 1930-1936 гг. возглавлял издательство «Academia», редактировал журналы «Современный Запад», «Восток», «Русский современник». В книге «Время и люди. Воспоминания 1898-1905» описал встречи с А.М. Горьким, А.П. Чеховым, Л.Н. Толстым, Ф.И. Шаляпиным, К.С. Станиславским.

²³ **Крючков Пётр Петрович** (1889-1938) - юрист, издательский работник, личный секретарь и поверенный писателя А.М. Горького, директор Музея А.М. Горького. Репрессирован (расстрелян).

²⁴ **Андреева Мария Фёдоровна** (урождённая Юрковская, в первом браке Желябужская) (1868-1953) - русская актриса, общественный и политический деятель, гражданская жена Максима Горького (с 1904 по 1921 год). Дружеские отношения между Андреевой и Горьким сохранялись до конца жизни писателя.

²⁵ **Ягода Генрих Григорьевич** (имя при рождении - Енох Гершеневич Ягода) (1891-1938) - российский революционер, советский государственный и политический деятель, один из главных руководителей советских органов государственной безопасности, нарком внутренних дел СССР (1934-1936), первый в истории «генеральный комиссар государственной безопасности».

Расстрелян.

²⁶ **Ленин** (см. примечание к новелле «Ночной сторож»).

²⁷ **Сталин Иосиф Виссарионович** (см. примечание к новелле «Несостоявшаяся дуэль»).

²⁸ **Луначарский Анатолий Васильевич** (1875-1933) - русский советский политический деятель, критик, публицист, литературовед, искусствовед, драматург, переводчик. Член Коммунистической партии с 1895 года. Академик (с 1930). Родился в семье радикально настроенного чиновника. Увлечение политикой сочеталось у него с огромным интересом к искусству. В 1897 году вернулся в Россию, работал как революционер, подвергался тюремным заключениям и ссылкам, сотрудничал в периодических изданиях: «Образование», «Киевские отклики», «Правда», «Курьер». Активно участвовал в первой русской революции. С 1906 года постоянно находился в эмиграции (Франция, Италия и Швейцария). В 1904 - 1907 годах стал видным деятелем большевистской партии, входил в состав редакций газет «Вперед» и «Пролетарий», где работал непосредственно с В.И. Лениным. В 1933 году Луначарский был назначен послом в Испанию, но по пути в Мадрид скончался. Похоронен в Москве на Красной площади.

²⁹ **Михаил Ефимович Кольцов** (при рождении - Моисей Хаимович Фридлянд, Мойсей Ефимович Фридлянд, псевдоним в Испании - Мигель Мартинес) (1898-1940) - советский писатель, публицист и общественный деятель, журналист, заведующий Иностранным отделом Союза писателей СССР. Член-корреспондент АН СССР (1938).

³⁰ **Зозуля Ефим Давидович** (1891-1941) - русский советский писатель, прозаик и журналист, военный корреспондент.

Сын мелкого служащего. Детство прошло в Лодзи и Одессе. С 1911 года работал журналистом в Одессе, а в 1914-1918 годах - в Петрограде.

В 1919 году переехал в Москву; в 1923 году вместе с М. Кольцовым основал журнал «Огонёк».

В 1927-1929 годах было издано его собрание сочинений в трёх томах.

С началом войны пошёл в ополчение рядовым, два месяца служил в артиллерии, затем получил назначение во фронтovou газету. Военный корреспондент газеты 31-й армии «Иду на врага» Ефим Зозуля умер от ран 3 ноября 1941 года.

³¹ **Асеев Николай Николаевич** (1889-1963) - русский советский поэт, переводчик и сценарист, деятель русского футуризма. Лауреат Сталинской премии первой степени (1941).

³² **Брюсов Валерий Яковлевич** (см. примечание к новелле «Ангел бледный»).

³³ **Брик Лиля Юрьевна** (урождённая *Лиля (Лили) Уриевна Каган*) (1891-1978) - «муза русского авангарда», хозяйка одного из самых известных в XX веке литературно-художественных салонов. Автор мемуаров, адресат произведений Владимира Маяковского, сыгравшая большую роль в жизни поэта. Ей, в частности, были посвящены поэмы «Про это», «Флейта-позвоночник», стихотворения «Ко всему», «Лилычка!» и многие другие произведения.

Родная сестра Эльзы Триоле. Была замужем за Осипом Бриком, Виталием Примаковым, Василием Катаняном. Биография Лили Брик переплетена с судьбами многих деятелей искусства и литературы разных стран, в том числе Сергея Наровчатова, Павла Когана, Михаила Кульчицкого, Майи Плисецкой, Родиона Щедрина, Сергея Параджанова, Андрея Вознесенского, Мартироса Сарьяна, Марка Шагала, Пабло Пикассо и других. Получив половину прав на творческое наследие Маяковского, Лиля Юрьевна участвовала в выпуске полного собрания сочинений поэта. Создала первый в Москве музей Маяковского (впоследствии ликвидированный). Лиля Юрьевна Брик покончила жизнь самоубийством в 1978 году в возрасте 86 лет.

³⁴ **Пушкин Александр Сергеевич** (см. примечание к новелле «Я ждал беспечно лучших дней»).

³⁵ **Бабель Исаак Эммануилович** (1894-1940) - русский советский писатель, мастер короткого рассказа, сценарист. Родился в Одессе в семье торговца-еврея. Первые рассказы опубликовал в журнале «Летопись». Затем, по совету М. Горького, «ушел в люди» и переменял несколько профессий.

В 1920 году был бойцом и политработником Конной армии. В 1924 году опубликовал ряд рассказов. В 1926 году - циклы сборников «Конармия». В 1928 году

Бабель опубликовал пьесу «Закат». В 1931 году - «Одесские рассказы». В 1935 году - пьесу «Мария».

15-го мая 1939 года его арестовали, а девять месяцев спустя, в январе со рокового, расстреляли как «врага народа».

³⁶ **Буденный Семен Михайлович** (1883-1973) - герой Гражданской войны, Маршал Советского Союза (1935), трижды Герой Советского Союза. Родился в крестьянской семье. С 1903 года - в армии, участвовал в русско-японской войне 1904 - 1905 гг. Участвовал в 1-й мировой войне ст. унтер-офицером 18-го Северского драгунского полка на германском, австрийском и кавказском фронтах, был награжден четырьмя Георгиевскими крестами за храбрость. Летом 1917 года вместе с Кавказской дивизией прибыл в Минск, где был избран председателем полкового комитета и зам. председателя дивизионного комитета.

В 1918 году сформировал конный отряд для борьбы с белогвардейцами, который вырос в полк, бригаду, а затем в кавалерийскую дивизию, успешно действовавшую под Царицыном в 1918 - начале 1919 года. В июне 1919 года был создан конный корпус под командованием Буденного, сыгравший решающую роль в разгроме белогвардейского войска в Воронежско-Касторненской операции 1919 года. Провел большую работу по организации и руководству конными заводами, которые в результате многолетней работы вывели новые породы лошадей - буденновскую и терскую. С 1923 года Буденный - пом. главкома Красной армии по кавалерии и член РВС СССР. В 1924 - 1937 гг. - инспектор кавалерии РККА. Окончил Военную академию им. Фрунзе (1932). С 1937 года - командующий войсками Московского военного округа и член Главного военного совета Наркомата обороны СССР, а в 1939 - 1940 гг. одновременно - зам. наркома обороны. С августа 1940 года - 1-й зам. наркома обороны. Во время Великой Отечественной войны находился в составе Ставки Верховного Главнокомандования, был командующим группой войск армий резерва Ставки (июнь - июль 1941 г.), главнокомандующим войсками Юго-Западного направления (июль - сентябрь 1941 г.), командовал Резервным фронтом (сентябрь - октябрь 1941 г.), главнокомандующий войсками Северо-Кавказского направления (апрель - май 1942 г.), командующий Северо-Кавказским фронтом (май - сентябрь 1942 г.). С января 1943 года - командующий кавалерией Советской армии и член Высшего военного совета Министерства Вооруженных сил СССР.

³⁷ **Троцкий** (см. примечание к новелле «Солнечная весна»).

³⁸ **Бальмонт Константин Дмитриевич** (см. примечание к новелле «Мимолётности»).

Вспомнить юность

Зоценко Михаил Михайлович (1894-1958) - русский писатель, сатирик и драматург. Родился 28 июля (10 августа) 1894 года в Петербурге (по другим сведениям - в 1895 году, на Полтаве) в небогатой интеллигентной семье. Отец - художник-передвижник. Мать - писательница. Обремененная семьей, где было восемь детей, она иногда печатала свои рассказы в газете «Копейка». После окончания гимназии в Петербурге Зоценко в 1913 году поступил на юридический факультет Петербургского университета.

*Михаил Михайлович
Зоценко*

Начавшаяся мировая война прервала обучение. В 1915 году, в возрасте 20 лет, закончив ускоренные военные курсы, Зоценко ушел на фронт, где был прапорщиком, командиром взвода, командиром батальона. За личную храбрость был награжден пятью орденами, среди которых редчайший - солдатский Георгиевский крест. Тогда же был ранен, отравлен газами.

В 1915-1917 гг. занимал разные военные должности.

После Февральской революции, при Временном правительстве работал начальником почты и телеграфа, комендантом Главного почтамта в Петрограде, секретарем полкового суда в Архангельске.

После Октябрьской революции Михаил Зоценко служил пограничником в Стрельне и Кронштадте, потом добровольцем ушел в Красную армию, где был командиром пулеметной команды и адъютантом под Нарвой и Ямбургом. В апреле 1919 года был демобилизован по болезни сердца и начал службу следователем в Уголовном надзоре. В 1920 году поступил в Петроградский военный порт делопроизводителем, с этого времени стал заниматься литературной деятельностью.

Первые опыты - литературно-критические статьи (книга «На переломе», не завершена). В 1921 году в «Петербургском альманахе» опубликовал свой первый рассказ. В 1922 году вышла первая книга рассказов М. Зоценко «Рассказы Назара Ильича, господина Синебрюхова», затем следует целый ряд сборников: «Сентиментальные повести» (1923 - 1936), «Голубая книга» (1935), повести «Мишель Сияягин» (1930), «Возвращенная молодость» (1933) и другие книги. Всего с 1922 до 1946 года насчитывается 91 издание и переиздание его книг.

Значительное место в творчестве занимают фельетоны, представляющие собой прямые отклики на «сообщения с мест» и письма читателей. Работал в ленинградских газетах, на радио и в журнале «Крокодил».

С начала Великой Отечественной войны был в эвакуации в Алма-Ате (работал в сценарной студии «Мосфильма»). Весной 1943 года вернулся в Москву, был членом редколлегии журнала «Крокодил». В этом же году закончил повесть «Перед восходом солнца», которая подверглась резкой критике. В 1944-1946 гг. много работал для театров. Две его комедии были поставлены в Ленинградском драматическом театре, одна из которых - «Парусиновый портфель» - выдержала 200 представлений за год. Произведения Михаила Зощенко подверглись уничтожающей критике в постановлении ЦК Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). После этого, в августе 1946 года, он был исключен из Союза писателей. Поводом для нападок стал рассказ для детей «Приключения обезьяны» (1945). В период 1946-1953 гг. писатель главным образом занимался переводческой деятельностью. В июле 1953 года Михаил Зощенко был вновь принят в Союз писателей. В последние годы жизни печатался в журналах «Крокодил» и «Огонек».

Умер М. Зощенко в Ленинграде 22 июля 1958 года.

¹ **Лавут Павел Ильич** (1898-1979) - литератор, организатор выступлений В.В. Маяковского в 1926-1930 гг. Автор книги «Маяковский едет по Союзу».

² **Маяковский Владимир Владимирович** (см. примечание к новелле «Однажды осенью в Кисловодске...»).

³ **Гоголь Николай Васильевич** (см. примечание к новелле «Философия окраины»).

⁴ **Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович** (1826-1889) (настоящая фамилия Салтыков, псевдоним Николай Щедрин) - русский писатель. Родился в семье потомственного дворянина и коллежского советника. В 1844 году окончил курс лицея по второму разряду. В эти годы его стихотворения печатаются в «Библиотеке для чтения». В этом же году зачислен в канцелярию военного министра. В наказание за вольнодумие в 1848 году выслан в Вятку. Был канцелярским чиновником, старшим чиновником особых поручений, правителем губернской канцелярии, советником губернского правления. В ноябре 1855 года ему разрешено покинуть Вятку. По возвращении из ссылки возобновилась его

литературная деятельность. Вышли «Губернские очерки». В 1858 году назначен рязанским вице-губернатором, в 1860 году переведен на ту же должность в Тверь. 1868 году покинул службу и стал одним из руководителей журнала «Отечественные записки», редактором которого стал десять лет спустя, после смерти Некрасова. Основные произведения: «История одного города», «Помпадур и помпадурши», «Господа Головлевы», «Пошехонские рассказы». Погребен согласно его желанию рядом с И.С. Тургеневым на Волковском кладбище.

⁵ **Каверин Вениамин Александрович** (*настоящая фамилия Зильбер*) (1902-1989) - русский советский писатель, драматург и сценарист. Член литературной группы «Серапионовы братья».

Наиболее известное произведение - приключенческий роман «Два капитана».

*Михаил Александрович
Шолохов*

Безоблачный январь

Шолохов Михаил Александрович (1905-1984) - русский советский писатель и киносценарист, журналист. Военный корреспондент (1941-1945). Полковник (1943). Лауреат Нобелевской премии по литературе (1965 год - «За художественную силу и цельность эпоса о донском казачестве в переломное для России время»), Сталинской премии (1941), Ленинской премии (1960). Действительный член АН СССР (1939). Дважды Герой Социалистического Труда (1967, 1980).

М.А. Шолохов родился на хуторе Кружилин станицы Вёшенской (ныне хутор Кружилинский Шолоховского района Ростовской области). При рождении получил фамилию - Кузнецов, которую сменил в 1912 году на фамилию Шолохов.

Отец, Александр Михайлович, родился в 1865 году в Рязанской губернии, к казачеству не принадлежал, был «шибаем» (скупщиком скота), сеял хлеб на покупной казачьей земле, служил приказчиком в коммерческом предприятии хуторского масштаба, управляющим на паровой мельнице и т. д.

Мать, Анастасия Даниловна, родилась в 1871 году, казачка по матери, дочь крестьянина-переселенца на Дон, бывшего крепостного Черниговской губернии. Сирота была насильно выдана замуж помещицей Поповой, у которой служила, за сына станичного атамана Кузнецова. Но впоследствии она покинула своего супруга и ушла к Александру Шолохову.

С 1915 по 1918 год Михаил Шолохов жил в семье законоучителя Д. Тишанского. В это время десятилетний Михаил начал сочинять свои первые рассказы, записывал их в тетрадку. Его сочинения в классе хвалила учительница Ольга Павловна Страхова, некоторые зачитывала вслух. Перед приходом в город оккупационных немецких войск он бросил учёбу и уехал на хутор домой.

В 1920 году семья переехала снова в станицу Каргинскую (после прихода Советской власти), где Александр Михайлович получил должность заведующего заготконтролей Донпродкома, а его сын Михаил стал учителем по ликвидации

неграмотности среди взрослого населения в хуторе Латышове, затем - делопроизводителем Каргинского станичного ревкома.

В 1920-1921 годах Михаил Шолохов жил с семьёй в станице Каргинской. После окончания ростовских налоговых курсов получил назначение на должность продовольственного инспектора в станицу Букановскую, затем вступил в продотряд, участвовал в продразвёрстке. В 1920 году продотряд во главе с 15-летним Шолоховым попал в плен к Махно. Тогда он думал, что его расстреляют, но его отпустили.

31 августа 1922 года, во время работы станичным налогоинспектором, М.А. Шолохов был арестован и находился в районном центре под следствием. Он был приговорён к расстрелу. «Я вёл крутую линию, да и время было крутое; шибко я комиссарил, был судим ревтрибуналом за превышение власти... - рассказывал позже писатель. - Два дня ждал смерти... А потом пришли и выпустили...» До 19 сентября 1922 года Шолохов находился под стражей. Отец дал за него крупный денежный залог и взял на поруки до суда домой. Ему дали один год исправительных работ в колонии для несовершеннолетних и отправили в Болшево (под Москвой).

В Москве Шолохов пытался продолжить образование, а также пробовал свои силы в писательском труде. Занимался самообразованием, принимал участие в работе литературной группы «Молодая гвардия», посещал учебные занятия, которые вели В.Б. Шкловский, О.М. Брик, Н.Н. Асеев.

В сентябре 1923 года за подписью «Мих. Шолох» в комсомольской газете «Юношеская правда» («Молодой ленинец») (сейчас - «Московский комсомолец») был напечатан фельетон - «Испытание», через месяц появился второй фельетон - «Три», а затем и третий - «Ревизор». В декабре 1923 года М.А. Шолохов вернулся в Каргинскую, а затем - в станицу Букановскую, где и посватался к Лидии Громославской. 11 января 1924 года М.А. Шолохов женился на старшей дочери - Марии Петровне Громославской (1901-1992), которая работала учительницей начальной школы.

Первый рассказ «Звери» (впоследствии «Продкомиссар»), отправленный М.А. Шолоховым в альманах «Молодогвардеец», не был принят редакцией. 14 декабря 1924 года в газете «Молодой ленинец» вышел рассказ «Родинка», открывший цикл донских рассказов. Они были опубликованы в комсомольской периодике, а затем составили три сборника, вышедшие один за другим: «Донские рассказы», «Лазоревая степь» (оба в издательстве «Новая Москва» - 1926) и «О Колчаке, крапиве и прочем» (1927).

В 1938 году Шолохов был под угрозой попасть в тюрьму, потому что чекист Евдокимов ходатайствовал об аресте у Сталина.

Российскую и мировую известность Шолохову принёс роман «Тихий Дон» (опубликован в 1940 г.) о донском казачестве в Первой мировой и Гражданской

войнах; это произведение, объединяющее несколько сюжетных линий, называют эпопеей.

Роман «Поднятая целина» посвящён коллективизации на Дону и движению «25-тысячников».

Впоследствии М.А. Шолохов опубликовал несколько отрывков из недописанного романа «Они сражались за Родину», рассказ «Судьба человека» (1956). В 1941-1945 гг., работая военным корреспондентом, опубликовал несколько очерков («На Дону», «На юге», «Казачи» и др.) и рассказ «Наука ненависти» (1942), а в первые послевоенные годы - несколько публицистических текстов патриотической направленности («Слово о Родине», «Борьба продолжается» (1948), «Свет и мрак» (1949), «Не уйти палачам от суда народов!» (1950) и др.).

Иван Дмитриевич Папанин

¹ **Папанин Иван Дмитриевич** (1894-

1986) - советский исследователь Арктики, доктор географических наук (1938), контр-адмирал (1943), дважды Герой Советского Союза (1937, 1940).

Иван Папанин родился в Севастополе в семье матроса Военно-Морского флота.

В 1909 году окончил земскую начальную школу, в 1929 году - специальные курсы Осоавиахима, в 1931 году - Высшие курсы связи Наркомата почт и телеграфов, в 1932 году - первый курс факультета связи Плановой академии.

Ученик токаря механических мастерских лоцманской Черноморской флотилии (октябрь 1909 - июнь 1912), токарь мастерских Севастополя военного порта (июнь 1912 - декабрь 1913), судостроительного завода в Ревеле (ныне - Таллин) (декабрь 1913 - декабрь 1914). В 1914 году был призван на военную службу (попал на флот).

В 1918-1920 годах участвовал в Гражданской войне на Украине и в Крыму.

В 1937-1938 годах возглавлял первую в мире дрейфующую станцию «Северный полюс». Научные результаты, полученные в уникальном дрейфе, были представлены Общему собранию АН СССР 6 марта 1938 года и получили высокую оценку специалистов. И.Д. Папанин и остальные участники дрейфа получили степени докторов географических наук.

В 1939-1946 годах работал начальником Главсевморпути.

С 1949 до 1951 год был заместителем директора Института океанологии АН СССР по экспедициям, с 1951 года и до конца жизни возглавлял СКИ

ОМЭР АН СССР - Служба космических исследований Отдела морских экспедиционных работ АН СССР, подразделение, подчинённое АН СССР (формально). С 1956 года - одновременно директор Института биологии внутренних вод АН СССР в посёлке Борок. Председатель Московского филиала Географического общества СССР.

Умер 30 января 1986 года. Похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище.

² **Збарский Борис Ильич** (*Бер Элиевич Збарский*) (1885-1954) - советский биохимик, директор Лаборатории при мавзолее Ленина. Герой Социалистического Труда (1945). Репрессирован (1952), реабилитирован (1953).

³ **Сталин Иосиф Виссарионович** (см. примечание к новелле «Несостоявшаяся дуэль»).

⁴ **Максим Горький** (см. примечание к новелле «Неожиданная встреча»).

⁵ **Молотов Вячеслав Михайлович** (*настоящая фамилия Скрыбин*) (1890-1986) - русский революционер, советский политический и государственный деятель. Председатель Совета народных комиссаров СССР в 1930-1941 годах, народный комиссар, министр иностранных дел СССР в 1939-1949, 1953-1956 годах.

⁶ **Берия Лаврентий Павлович** (*Лавренти Павлес дзе Бериа*) (1899-1953) - российский революционер, советский государственный и партийный деятель, генеральный комиссар госбезопасности (1941), Маршал Советского Союза (1945), Герой Социалистического Труда (1943), лишённый этих званий в 1953 году.

Входил в ближайшее окружение И.В. Сталина. Курировал ряд важнейших отраслей оборонной промышленности и ПВО, в том числе все разработки, касавшиеся создания ядерного оружия и ракетной техники. С 20 августа 1945 года руководил реализацией ядерной программы СССР.

26 июня 1953 года Л.П. Берия был арестован по обвинению в измене Родине в форме шпионажа и заговоре с целью захвата власти. 23 декабря 1953 года расстрелян по приговору Специального судебного присутствия Верховного суда СССР.

⁷ **Чуковский Корней Иванович** (см. примечание к новелле «Однажды осенью в Кисловодске...»). 3,5 мм

⁸ **Ворошиловский стрелок** - нагрудный значок Осоавиахима и РККА для награждения граждан СССР, овладевших стрелковым делом и успешно сдавших соответствующие нормы, включающие стрельбу из стрелкового оружия.

⁹ **Семьинин Пётр Андреевич** (1909-1983), поэт, переводчик, член Союза писателей СССР (1940).

В детстве переехал с родителями в Сибирь, воспитывался в детском доме (город Новониколаевск). Занимался журналистской работой в Новосибирске, Архангельске, Москве, куда переехал в конце 1932 года. Публиковался в журнале «Октябрь», «Новый мир», «Молодая гвардия» и других изданиях.

Автор многих изданных в Москве книг, в том числе «Земная колыбель» (1959), «Близость неба» (1962), «В сложном и простом» (1968), «Избранное» (1983), «Человек человеку - песнь» (1990). Цикл автобиографических поэм вошёл в сборник Семьинина «Происхождение» (1970).

*Александр Александрович
Фадеев*

¹⁰ **Фадеев Александр Александрович** (партийный псевдоним - *Булыга*) (1901-1956) - русский советский писатель и общественный деятель, журналист, военный корреспондент. Лауреат Сталинской премии первой степени (1946).

Александр Фадеев родился в селе Кимры (ныне город Тверской области). Ему было около четырёх лет, когда он самостоятельно овладел грамотой - наблюдал со стороны, как учили сестру Таню, и выучил всю азбуку. С четырёх лет он начал читать книжки, поражая взрослых неуёмной фантазией, сочиняя самые необычайные истории и сказки.

С 1912 по 1918 год Фадеев учился во Владивостокском Коммерческом училище, однако обучение не закончил, решив посвятить себя революционной деятельности.

В 1918 году вступил в РКП(б) и принял партийный псевдоним Булыга. Стал партийным агитатором.

В 1919 году вступил в Особый Коммунистический отряд красных партизан.

В 1921-1922 годах учился в Московской горной академии.

В 1921 году, будучи делегатом X съезда РКП(б), принимал участие в подавлении Кронштадтского восстания, при этом получил второе ранение. После лечения и демобилизации Фадеев остался в Москве.

Свое первое серьёзное произведение - повесть «Разлив» Александр Фадеев написал в 1922-1923 годах. В 1925-1926 годах в ходе работы над романом «Разгром» принял решение стать профессиональным писателем. «Разгром» принёс молодому писателю славу и признание, но после этой работы он уже не мог уделять внимание одной литературе, став видным литературным руководителем и общественным деятелем. Один из лидеров РАППа.

Также Фадеев известен по ряду очерков и статей, посвящённых вопросам развития литературы в условиях социалистического реализма.

«Писательский министр», как называли Фадеева, в течение почти двух десятилетий фактически руководил литературой в СССР. Для творчества у него почти не оставалось времени и сил. Последний роман «Чёрная металлургия» остался незавершённым. Писатель планировал создать фундаментальное произведение на 50-60 авторских листов.

Идею романа «Молодая гвардия» Фадеев взял из книги В.Г. Ляскового и М. Котова «Сердца смелых», изданной в 1944 году.

В 1945 году, сразу после окончания Великой Отечественной войны Фадеев садится за написание романа о Краснодонской подпольной организации «Молодая гвардия», действовавшей на оккупированной нацистской Германией территории, многие члены которой были уничтожены нацистами.

Впервые книга вышла в свет в 1946 году. Фадеев был подвергнут резкой критике за то, что в романе недостаточно ярко выражена «руководящая и направляющая» роль Коммунистической партии и получил суровые критические замечания в газете «Правда», органе ЦК ВКП(б), фактически от самого Сталина.

Тем не менее, писатель пожелания учёл, и в 1951 году свет увидела вторая редакция романа «Молодая гвардия». В ней Фадеев, серьёзно переработав книгу, уделил в сюжете больше внимания руководству подпольной организацией со стороны ВКП(б).

¹¹ РАПП - Российская ассоциация пролетарских писателей, советская литературная организация. Оформилась в январе 1925 как основной отряд Всесоюзной ассоциации пролетарских писателей (ВАПП), которая существовала с 1924 и теоретическим органом которой был журнал «На посту». РАПП была наиболее массовой из литературных организаций 2-й половины 20-х гг., включавшей рабкоров и литкружковцев.

Активную роль в руководстве и формировании идейно-эстетических позиций РАПП играли Д.А. Фурманов, Ю.Н. Либединский, В.М. Киришон, А.А. Фадеев, В.П. Ставский, критики Л.Л. Авербах, В.В. Ермилов, А.П. Селивановский и др.

Партия поддерживала пролетарские литературные организации, видя в них одно из орудий культурной революции, но уже в первые годы существования ВАПП критиковала их за сектантство, «комчанство», пережитки идей Пролеткульта, нетерпимость к советским писателям из среды интеллигенции, стремление добиться гегемонии пролетарской литературы административным путём.

¹² **Ульянов Владимир Ильич (основной псевдоним Ленин)** (см. примечание к новелле «Однажды осенью в Кисловодске...»).

¹³ **Ягода Генрих Григорьевич** (см. примечание к новелле «Однажды осенью в Кисловодске...»).

¹⁴ **Сэр Артур Игнейшус Конан Дойл (Дойль)** (англ. *Sir Arthur Ignatius Conan Doyle*) (1859 - 1930) - английский писатель (по образованию врач) ирландского происхождения, автор многочисленных приключенческих, исторических, публицистических, фантастических и юмористических произведений. Создатель классических персонажей детективной, научно-фантастической и историко-приключенческой литературы: гениального сыщика Шерлока Холмса, эксцентричного профессора Челленджера, храброго кавалерийского офицера Жерара. Со второй половины 1910-х годов и до конца жизни - активный сторонник и пропагандист идей спиритуализма.

¹⁵ **Отто Юльевич Шмидт** (1891-1956) - советский математик, географ, геофизик, астроном. Исследователь Памира (1928), исследователь Севера.

*Анатолий Васильевич
Ляпидевский*

¹⁶ **Ляпидевский Анатолий Васильевич** (1908-1983) - советский лётчик, генерал-майор авиации (1946), первый Герой Советского Союза (1934).

Родился 10 (23) марта 1908 года в селе Белая Глина Ставропольской губернии (ныне Краснодарский край) в семье священника. Работал подручным в кузнице, учеником слесаря, мотористом косилки, помощником шофёра на маслобойном заводе.

В Красной Армии с 1926 года. В 1927 году окончил Ленинградскую военно-теоретическую школу ВВС, в 1928 году - Севастопольскую школу морских лётчиков. Служил в строевой части ВВС Краснознамённого Балтийского флота, затем - лётчиком-инструктором в Ейской школе морских лёт-

чиков. С 1933 года - в запасе. Работал пилотом в Дальневосточном управлении Гражданского Воздушного флота (ГВФ).

В 1934 году А.В. Ляпидевский принимал участие в спасении челюскинцев. Совершил 29 поисковых полётов в пургу и в ненастье, прежде чем 5 марта 1934 года, обнаружив их лагерь, совершил посадку на льдину и вывез оттуда 12 человек - 10 женщин и двоих детей.

За мужество и героизм, проявленные при спасении челюскинцев, Ляпидевскому Анатолию Васильевичу 20 апреля 1934 года присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина (№ 515). 4 ноября 1939 года, при вручении медалей «Золотая Звезда», ему была вручена медаль № 1.

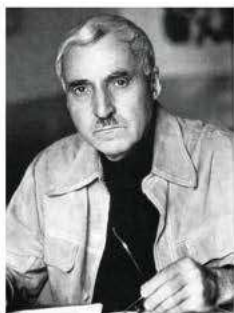
С 1935 года вновь в рядах армии. В 1939 году окончил инженерный факультет Военно-воздушной академии имени Н.Е. Жуковского. С 1939 года - заместитель начальника Главной инспекции Народного комиссариата авиационной промышленности, директор авиационного завода № 156 (г. Москва, с октября 1941 года - г. Омск).

Участник Великой Отечественной войны: с мая по сентябрь 1942 года - начальник 4 отдела НИИ ВВС, с сентября 1942 по сентябрь 1943 - заместитель командующего ВВС 19-й армии, начальник полевого ремонта 7-й воздушной армии (Карельский фронт).

После окончания войны работал главным контролёром Госконтроля СССР, заместителем министра авиационной промышленности. В 1962-1983 гг. работал ведущим конструктором, заместителем главного инженера ОКБ А. И. Микояна. С 1961 года генерал-майор авиации А.В. Ляпидевский - в запасе.

Умер 29 апреля 1983 года. Похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище.

«Остаюсь журналистом»

Константин Михайлович
Симонов

Симонов Константин (Кирилл) Михайлович (1915-1979) - русский советский прозаик, поэт, драматург и киносценарист. Общественный деятель, журналист, военный корреспондент. Герой Социалистического Труда (1974). Лауреат Ленинской (1974) и шести Сталинских премий. Участник боёв на Халхин-Голе (1939), Великой Отечественной войны 1941-1945 годов. Полковник Советской Армии. Заместитель генерального секретаря Союза писателей СССР.

Родился 15 (28) ноября 1915 года в Петрограде в семье генерал-майора Михаила Симонова и княжны Александры Оболенской.

Своего отца так и не увидел: тот пропал без вести на фронте в Первую мировую войну. В 1919 мать с сыном переехала в Рязань, где вышла замуж за военспеца, преподавателя военного дела, бывшего полковника Русской императорской армии А.Г. Иванисева. Мальчика воспитал отчим, который преподавал тактику в военных училищах, а потом стал командиром РККА.

Детство Кирилла прошло в военных городках и командирских общежитиях. После окончания семи классов он, пошёл получать рабочую специальность и поступил в фабрично-заводское училище (ФЗУ). Работал токарем по металлу сначала в Саратове, а потом в Москве, куда семья переехала в 1931 году. Переезду предшествовал четырёхмесячный арест отчима, его увольнение с работы и выселение семьи с занимаемой жилплощади.

Зарабатывая стаж, Симонов продолжал работать и после того, как поступил учиться в Литературный институт имени А.М. Горького.

В 1938 году Кирилл Симонов окончил Литературный институт имени А.М. Горького. К этому времени он уже опубликовал несколько произведений - в 1936 году в журналах «Молодая гвардия» и «Октябрь» были напечатаны первые стихи Симонова.

В том же году Симонов был принят в СП СССР, поступил в аспирантуру ИФЛИ, опубликовал поэму «Павел Чёрный».

В 1939 году направлен в качестве военного корреспондента на Халхин-Гол, в аспирантуру не вернулся.

В 1940 году написал свою первую пьесу «История одной любви», поставленную на сцене Театра им. Ленинского комсомола; в 1941 году - вторую - «Парень из нашего города».

С началом войны призван в РККА в качестве корреспондента из Действующей армии публиковался в «Известиях», работал во фронтовой газете «Боевое знамя».

В 1942 году ему было присвоено звание старшего батальонного комиссара, в 1943 году - звание подполковника, а после войны - полковника. В годы войны написал пьесы «Русские люди», «Жди меня», «Так и будет», повесть «Дни и ночи», две книги стихов «С тобой и без тебя» и «Война».

Большая часть его военных корреспонденций публиковалась в «Красной звезде».

После войны появились его сборники очерков «Письма из Чехословакии», «Славянская дружба», «Югославская тетрадь», «От Чёрного до Баренцева моря. Записки военного корреспондента».

После войны в течение трёх лет пробыл в многочисленных зарубежных командировках (Япония, США, Китай), работал главным редактором журнала «Новый мир».

Первый роман «Товарищи по оружию» увидел свет в 1952 году, затем большая книга - «Живые и мёртвые» (1959). В 1961 году театр «Современник» поставил пьесу Симонова «Четвёртый». В 1963-1964 годах пишет роман «Солдатами не рождаются», в 1970-1971 - «Последнее лето». По сценариям Симонова были поставлены фильмы «Парень из нашего города» (1942), «Жди меня» (1943), «Дни и ночи» (1943-1944), «Бессмертный гарнизон» (1956), «Нормандия-Неман» (1960, совместно с Ш. Спааком и Э. Триоле), «Живые и мёртвые» (1964), «Возмездие» (1967), «Двадцать дней без войны» (1976).

В 1946-1950 и 1954-1958 годах Симонов был главным редактором журнала «Новый мир»; в 1950-1953 - главным редактором «Литературной газеты». В 1946-1959 и 1967-1979 годах Симонов - секретарь СП СССР.

Константин Симонов скончался от рака лёгкого 28 августа 1979 года в Москве. Согласно завещанию, прах Симонова был развеян над Буйничским полем под Могилёвом.

Симонов писал: «Я не был солдатом, был всего только корреспондентом, однако у меня есть кусочек земли, который мне век не забыть, - поле под Могилёвом, где я впервые в июле 1941 года видел, как наши в течение одного дня подбили и сожгли 39 немецких танков...»

¹ **Кармен Роман Лазаревич** (настоящая фамилия - Корнман) (1906-1978) - советский российский кинорежиссёр, кинооператор, кинодокументалист, фронтовой кинооператор, сценарист, педагог, публицист. Народный артист СССР (1966). Герой Социалистического Труда (1976). Лауреат Ленинской премии (1960), трёх Сталинских премий (1942, 1947, 1952) и Государственной премии СССР (1975).

Роман Кармен родился в Одессе в семье писателя Л.О. Кармена.

После смерти отца учился, подрабатывал продавцом газет, подручным в гараже. В 1922 году с матерью переехал в Москву. С детских лет занимался фотографией. В 1923-1930 годах работал фотокорреспондентом журналов «Огонёк», «Прожектор», «Советское фото».

В 1932 году окончил операторский факультет Государственного института кинематографии (ныне ВГИК имени С.А. Герасимова).

С 1930 года начал работать на киностудии «Союзкинохроника».

Много снимал документальных фильмов о войне. Известность к нему пришла после того, как он снимал в Испании во время гражданской войны (1936-1939 годы).

В 1938 году работал в Арктике, на острове Рудольфа, затем в Китае, где снимал боевые действия.

Снимал на фронтах войны во время сражений под Москвой и под Ленинградом. Руководил фронтовыми киногруппами Центрального, Западного и 2-го Украинского фронтов. В феврале 1943 года снимал сдачу фельдмаршала Ф. Паулюса под Сталинградом, а 9 мая 1945-го в Берлине - подписание акта о безоговорочной капитуляции Германии.

В 1950-1970-е годы снимал во Вьетнаме (он стал первым советским человеком, побывавшим в джунглях Вьетнама и встретившимся там с Хо Ши Мином), в Китае, Бирме, Индии, Индонезии. Много снимал в Южной Америке.

С 1960 года преподавал во ВГИКе. Был заведующим кафедрой режиссуры документального кино ВГИКа. Профессор (с 1970).

Роман Кармен умер 28 апреля 1978 года в Москве. Похоронен на Новодевичьем кладбище.